Анатолій Кралицькый

Князь Лаборець

«895. год писали по Христі, коли я прошу своїх читателей, чтоб сопровождали мене в Ужгородский замок князя Лаборця.
Земля, на которой мы теперь живем и боремся за свої права и народность, называлась в тоє время ще Панонія, бо была вольна. Обыватель горделиво показовал и казал на своєго сообывателя: Пан - он - і - я, всі мы панове! Нашими рускими предками володіл старенький Лаборець; по крутый Ваг давал словенам росказы великий Святополк. Межі Вагом, Дунаєм и Тисою повелівал Болгарам Золан; од Мароша по Тису также Болгарам – Глад. А Бог знає, колько єще дробных володарей было на нашой земли. Всі они назывались Панами, а свою богатую землю – Панонія. Все минулося! – прийшли
Гунны-Маджаре, та стали єй прозывати – Гуннія,
а теперь – Венгрія».

(«Князь Лаборець»)

Анатолій Кралицькый

Князь Лаборець

Гей,
кому мила
єсть отчина,
кто рад,
абы єго жена,
сестра иль доня
не впала
в поруганіє
бісурманов,
той най ступає
за мною!

А. К.

«Вижу, что владієте
пером як рідко кто
из под-карпатской братії.
Ваш слог легко читається
и галицькою публикою…
Не имія щастя лично
з Вами знатися,
я только из самого письма
и діла Вашого заключаю,
что Вы – один
из тіх благонаміреных
Мужей-Русинов, до которых
по ділу, к Руси относящемуся,
можно сміло и без
многоглаголанія говорити…
Может дасть Бог,
что войдем со временем
в ближайшиї соотношенія и
тіснійше совокупим
наши силы к достижению
высокой ціли, якою єсть
образованіє руского народа».

Б. Дідицькый, 1860,
из письма А. Кралицькому

«Отець Кралицкий подал
свидітельство , что уже
готовым літератором русским
[єсть – В. П.], и од него весьма
много ожидать можем».

Б. Дідицькый, 1865

«… иеромонах Мукачевского
монастыря…
Анатолий Кралицкий
обещал прислать
фотографическую группу
венгерских русинов.
На него можно положиться,
он знаток делу – он сам
занимается фотографией».

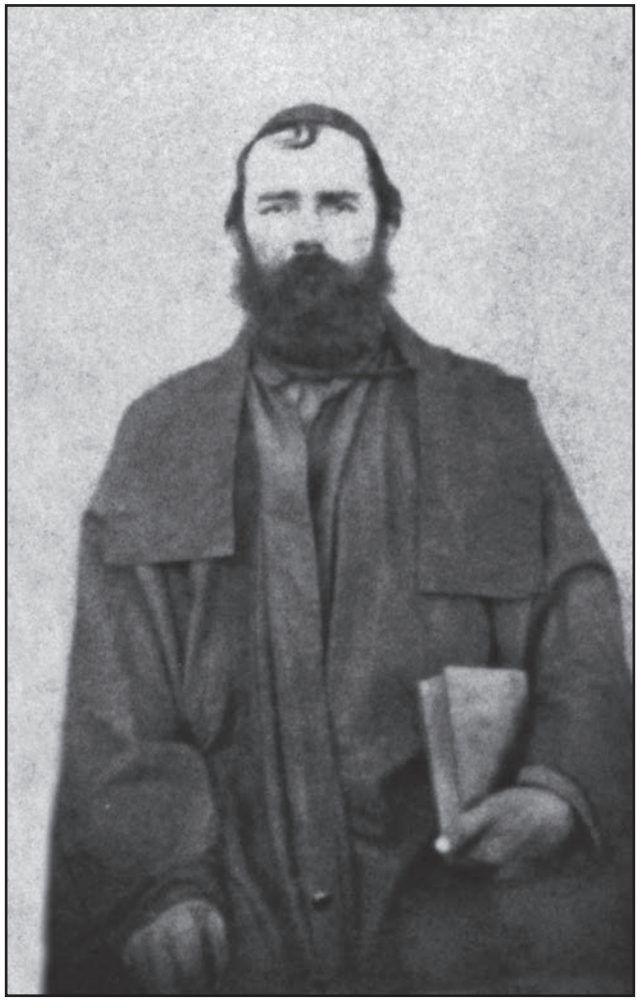
Я. Головацькый, 1866,
из письма М. Ф. Раєвському

«В глазах правомыслящих
мир не может умалить
заслуг о. Анатолия,
который был и будет
образцом
монашествующих».

Є. Фенцик, 1885

Чрезвычайно трудолюбивым
сотрудником «Свѣта»
был самоучка
иеромонах Кралицкий,
обнародовавшиій много
памятников, относящихся
к угорско-русской
истории…»

П. Феєрчак, 1888



12.02.1835—11.02.1894

Архимандрит Кронидъ
Игуменъ.

АНАТОЛІЙ КРАЛИЦЬКЫЙ

КНЯЗЬ ЛАБОРЕЦЬ

ВЫБРАНІ ТВОРЫ

Вшорителі:

Валерій Падяк

Міхал Павліч

Пряшів

Выдавательство Пряшівського універзітета

2020

Увазі читаючой публікы ся вручає книга творів о. Анатолія Кралицького (1835–1894) – унікатной особности русинськой літературы добы будительства. Василіанськый монах, овін провказав себе тыж як талантованый писатель-романтик и публіціста, товмач и історик Чина св. Василія Великого. Лишив по собі поверьх 400 творів.

Выданя репрезентує творы писателя національно-патріотичного прямованя и выходит в память 185-ой рочниці од дня, коли він прийшов на сесь світ.

Вшорителі:

доц. **Валерій Падяк**, к. н.

Мґр. **Міхал Павліч**, ПгД.

Спередслово, коментарі и зазначкы, текстові позначкы
и языкова управа (транслітерація)

доц. **Валерій Падяк**, к. н.

Рецензенты:

доц. **Володимир Фенич**, к. н. (Ужгородськый університет)

Мґр. **Зденка Цітрякова**, ПгД. (Пряшівськый університет)

Realizované s finančnou podporou Fondu na podporu kultúry národnostných menšín.

© Вшореня текстів, В. Падяк, М. Павліч, 2020

© Спередслово, В. Падяк, 2020

© Коментарі и зазначкы, В. Падяк, 2020

ISBN 978-80-555-2657-7

ОБСЯГ

Анатолій Кралицькый: довгой вертаня ся домів. *В. Падяк* 9

ТВОРЫ

ПРОЗА

Пастырь в полонинах 44
Не ходи, Грицю, на вечерниці! 56
Свято-Юрский монастырь в Лівадії 70
Федор Петрюк 120
Князь Лаборець 140
Мойсей 153
Прометей 158
Пиявиця 170
Распятие пред судом 192
Экзекутор 201
Житейския дрязги
I. Возня с запрещенным табаком 206
II. На мукачевской ярмарке 209
III. На берегсаской ярмарке 211

ПЕРЕКЛАД И АДАПТАЦІЯ

Андрей Себеріні. Маріна Груз 222
Желізной волі человік (Повість из народной жизни, написанная послі Цшокке) 238

ИЗ ІСТОРІЇ ЧИНА св. ВАСИЛІЯ ВЕЛИКОГО

Исторические отрывки, касающиеся Угорской Руси 258
Состояніє монастырей Боронявскаго и Кричовскаго в 1756 году 262

Акт основанія бібліотеки Краснобродско-монастырской бл. п. Александром Духновичем 266
О давной панщині 268
Рефлексії на вступную статью «Карпата» № 13. 272
Матфей Микита, протоигумен (1802–1885.) 293
Іоанникій Базилович, протоигумен 295
Монастырь святаго отця нашего Николая на горі Чернецкой, возлі Мукачева 296
Монастырь Марія-Повчанский 299
Монастырь Березницкий 301
Монастырь Краснобродский 302

ПУБЛИЦІСТИКА

Русскоє зрілище в Ужгороді 308
О современном положении русских в Угрии 312
О современном положении русских в Венгрии (*факсіміле рукописа*) 321
II. Моя інкрімінованная статья в юбілейном № «Слова», в нетронутом ея составі 338
Нечто про нас самых 342
Письмо из Будапешта 344
Письмо в редакцию 347
Село Выдренувка 349

ДОДАТКЫ

[Ніколай Ю. Гомічков]. Унгвар, 7-го марта 355
[Ніколай Ю. Гомічков]. Ювіларныя статьї 359
[Александр Ю. Гомічков]. Унгвар, 27-го марта 362

Коментарі и зазначкы 367
Прінціпы транслітерації творів А. Кралицького 386
Указовач имен и прозвищ 393

Анатолій Кралицькый: довгой вертаня ся домів

1. Kultminor и перспектива

Током двох послідных років выходить уж друга книга творів познатого зачинателя карпаторусинськой прозы о. Анатолія Кралицького (12.02.1835–11.02.1894). Факт – дотеперь небывалый, але радостный и оптімістичный. Первый раз, а то тісно на межи 2019 и 2020 років на памнять двох важных юбілеїв А. Кралицького (125-ой рочниці од дня смерти и 185-ой рочниці од дня, коли ся писатель родив) у Пряшеві увиділа світло світа книга ёго умелецькой прозы, але тыж было там кус перекладів, мемоарів, публіцістикы, історичных и етноґрафічных изглядовань. Книга выйшла під назвов «Творы»[1] и была на тот час майповнійшов изберьков популарной прозы писателя; вна числилт 28 творів.

У 2020 році Фонд про народностні меншины – Kultminor – підпорив выданя далшой книгы творів А. Кралицького. Нова изберька выходит під назвов «Князь Лаборець: Выбрані творы» и репрезентує творы писателя главно національно-патріотичного прямованя. Помежи знакові творы, як то «Князь Лаборець», «Федор Петрюк» ци «Не ходи, Грицю, на вечерниці!» и др., нове выданя репрезентує ряд доста інтересных, але забытых прозовых творів писателя. Многі из них, опубликовані ищи за житя писателя, веце ся не перевыдавали и суть своєроднов «terra incognita» писателёвого творчого наслідства. Иде за повість «Свято-Юрский монастырь в Лівадії», «Желізной волі человік», «Распятие пред судом», «Село Выдренувка», «Прометей» и др. Изберька «Князь Лаборець» числит 32 творы писателя.

1 КРАЛИЦЬКЫЙ, А. Творы / вшорителі В. Падяк, М. Павліч. – Пряшів, 2019, 440 с.

Наконець, сістемна робота над обома книжныма проєктами позволила вшорителям призберати в архівах омного веце творів, чим бы ся могло помістили до двох названых новых выдань А. Кралицького. Тота архівна робота приблизила ид розуменю выдати у недалекій перспективі давно уже обчековану у русинськім світі якмай повну изберьку творів А. Кралицького – холем у 4-ёх томах. И быв бы то достойный вінець на могылу призабытого, айбо славного будителя карпаторусинського народа.

Бібліоґрафія А. Кралицького[2], вшорена нами (сполу из Л. Ільченко) у 1994 році в Ужгороді, наблюдає скоро 400 ёго творів. Суть то оріґіналні повісті и оповіданя, переклады умелецькых творів російськых, словацькых, чеськых, мадярськых, австрійськых, швайцарськонімецькых и др. писателів, публіцістичні статі, історичні и літературні начеркы, мемоары, етноґрафічні изглядованя, тексты карпаторусинського фолклора, изглядованя історії церьквы и історії монашого ґрекокатолицького Чина св. Василія Великого, палеоґрафічні матеріалы, статістичні изгорненя, житійна література, нравоучительні приповідкы, літурґічні выясненя, церковні проповіді и многі иншакі публикації. Ушиткі тоты творы, кидь будут выдані у будучности у якмай повнім книжнім форматі, у веце томах, можуть представити Анатолія Кралицького читателю як унікактну особность русинськой культуры, літературы и історії добы будительства. И буде то ёго сімволічне вертаня ся домів.

2. Ab ovo

А. Кралицькый автобіоґрафії по собі не лишив и метрика ся не всокотила. Перву біоґрафію А. Кралицького, и то доста курту, подав Євґеній Фенцик у 1893 році у свому великому історично-літературному изглядованю «Очерк Угро-русской письменности»[3]. Подав ї ищи за житя писателя Кралицького (котрого він добрі знав, из ним цімборовав!) – фактично, за 11 місяців до ёго необчекованой смерти. Туй, ниже, подаєме без даякых покуртань тоты пар шориків Фенцикового

2 ПАДЯК, В., ІЛЬЧЕНКО, Л. О. Анатолій Кралицький: Бібліографічний покажчик. – Ужгород, 1994, 112 с.

3 Сесь очерк автор Євґеній Фенцик публиковав на продовженя в ужгородськім часописі «Листокъ» у 1892–1894 и 1896 роках.

текста, обы зримо мож было видіти, што цілой житя А. Кралицького ся умістило у даякі 7-8 шориків журналной статі:

> «Отецъ Анатолій родился въ Чебинномъ въ Земплинскомъ комитатѣ 12-го февраля 1835 года, рукоположенъ въ іеромонахи 1858-го года 25-го марта епископомъ Іосифомъ Гаганцемъ въ Пряшевѣ, черезъ полгода опредѣленъ въ Марія Повчанскій монастырь, гдѣ состоялъ профессоромъ церк. исторіи и каноническаго права. 1863-го года избранъ модераторомъ новичковъ, а 1869-го года игуменомъ Мукачевскаго монастыря, въ которой должности и днесь труждается для блага нашей церкви, монашества и нашего народа»[4].

Як мож видіти из текста Є. Фенцика, біоґраф мало што міг повісти за діточі и паробоцькі рокы А. Кралицького. Зато у нашів статі ся убернеме на темні міста дітвацтва и паробоцтва Кралицького: коли и де ся родив, ко были ёго отець и мати, кілько дітей вони мали, де ся учив А. Кралицькый – и аж до вопросів: яку здобыв освіту, коли и де став ся монахом? Иде за рокы од 1835-го и до 1858-го. Иншак повісти, были то рокы становеня ёго характера, інтелектуалного роста особности, формованя інтересів а тыж національных и языковых оріентацій.

У 2006 році мали сьме серенчу однайти копію крестного свідітельства. Однайшли ї там, де и мала бы быти, – в архіві Земплинськой жупы у вароші Шаторальяуйгей (днесь жупанія Боршод-Абауй-Земплин у Мадярщині). Земплинськый архів (Zemplén Levéltára) має копії метрик и иншакі адміністративні документы XVIII–XIX столітій цілой Земплинськой жупы, котра днесь є частёв Словакії, хотяй варош Шаторальяуйгей (южна часть той жупы) по Первій світовій войні обстав у складі Мадярщины.

У «Книзі архівных копій конфесійных записів Земплинського комітата за 1821–1895 рокы» є тыж розділ за Чабинську парохію. Помеже метричні записы туй акурат за 1835 рік находиме відомости за крещеня у церкви с. Чабины[5]. 13 фебруара 1835 рока у церкви с. Чабины (Csebiny) чабинськый парох Михаил Якович покрестив дітвака на имня Александер (Alexander). Отець дітвака – кантор чабинськой церкви Федор Кралицькый (Theod. Kralicky, kantor Csebenie);

---

4 ФЕНЦИКЪ, Е. Очеркъ Угро-русской письменности. *In:* Листокъ. – Унгваръ, 1893, ч. 5, с. 55.

5 Zemplén Levéltára: Zemplén vármegyei felekezeti anyakönyvi másodpéldányok levéltári gyűjteménye. 1821–1895.– Fond 4, 1420, old. 73.

мати – Анна Конч (Anna Koncs). Тримали дітвака у церкви нанашко – містный житель Иван Маркович и нанашка – Анна Якович, дочка чабинського пароха.

Архівна інформація Земплинського архіва потвержує відомости первого біоґрафа Є. Фенцика и не лишає ани цяткы про даякой сомніваня – Александер Кралицькый ся родив 12 фебруара 1835 рока, а на другый день (!) уж го покрестили!

Копія родного листа (крестного свидітельства), котра ся однайшла в Земплинському архіві, уміщує далші важні відомости, як то: имня новокрещеного – Alexander (імня Анатолій він возьме собі аж у день рукоположеня у монахы 25 марця 1858 рока), містобываня родины Кралицькых – офіційна назва села (Csebiny), соціалный статус вітця – kantor Csebenie, то значит кантор, авадь дяк чабинській ґрекокатолицькой церьквы.

Далші відомости за родину Кралицькых доста курті и майже нияк ся не потвержувут архівныма документами. Начеряли їх научникы из пригадовань отця Мефодія Кралицького, братанича А. Кралицького[6], из котрым бесідовав Євґеній Перфецькый. Славіста и історик из Росії Є. Перфецькый завів їх до своєй статі «Обзор Угрорусской историографіи»[7], котру він написав ищи як аспірант у 1913 році у Відню. У пригадованях отця Мефодія иде за рік, коли ся стрыйко родив (1834! – як видиме, є то явна хыба!), а тыж за родичів А. Кралицького и дітство їх сына Александра. Чеськый изглядователь Франтішек Тіхі, котрый ищи на зачатку 1930-х років зачав выучовати літературне наслідство А. Кралицького, убернув увагу на тоты слова о. Мефодія (він поважує їх за правдиві):

> «Подля приказованя, предкове походили из Галичины, од Стрыя; Анатолій здобыв освіту у Галичині. Єднак неодовга, як выпозірує, він вступив до монастыря у Красному Броді у рідному реґіоні»[8].

---

6 о. Мефодій Кралицькый (1863–1945), братанич А. Кралицького, тыж став монахом; умер и похороненый на цвынтарю Мукачевського монастыря на Чернечів горі. Ёго гробовый памятник и днесь є у добрім ставі.

7 ПЕРФЕЦКІЙ, Е. Ю. Обзоръ Угрорусской историографіи. *In:* Извѣстія отдѣленія русскаго языка и словесности императорской Академіи наукъ. – Т. XIX, Книга 1-я. – Сп-б, 1914, с. 313.

8 TICHÝ, Fr. Anatolij Kralickij (Příspěvky k studiu jeho života i díla). *In:* Carpatika: Sbor pro výzkum Slovenska a Podkarpatské Rusi při Slovanském Ústavu v Praze / řídi K. Chotek. – Praha, 1936, s. 355. *Подаєме* тот текст тыж в чеськім оріґіналі: «Podle sdělení pocházeli předkové z Haliče, z okolí Strije; Anatolij nabyl prý

Коли кажут за галицьке (то значит, бойковське) коріня, видав, иде лем за предків по вітцівській лінії. Бо мати Анна Кралицька (у дівоцтві Анна Конч) походит из ближнёго до Чабин села Світлиці, авадь, подля старой назвы – Вілаґы (тыж округ Міджілабірці). Годно быти, же Федор Кралицькый усе ищи мав (близьку ци далеку) родину помеже бойків, але тяжко віровати, жебы чабинськый дяк, ґазда 11-членной родины, мав можность дати свому старшому сыну ошколованя десь инде – не на рідному селі, але аж у Галичині. Межи тым, отець як церковный дяк міг го сам выучити, а дале – мотивовати сына ити ся ошколовати до сосідного села Красный Брод, де при монастырю была добра школа.

Направду, родина Кралицькых была многодітна, у котрів ся выховало аж девять діточок: Юля, Терка, Александер, Антон, Маня, Мішко, Зузка, Стефан, Анна. Александер родив ся як третій дітвак у родині и быв то старшый сын.

Тоты відомости изглядователі начеряли из рукописного исшитка, котрый даколи належав родині Кралицькых, але котрый пак одідичив професор Пряшівськой ґрекокатолицькой учительськой семінарії Михаїл Кізак, коли писав (під веденём проф. О. Колессы) дісертацію. (За сесе пригадовав Ф. Тіхі[9]).

Франтішек Тіхі подав у своїв статі (из позволіня М. Кізака) даякі курті фраґменты из того рукописного исшитка. Выдтак, дякувучи ческому изглядователю, днесь маєме хотьяку представу за діточі и юнацькі рокы А. Кралицького.

Єдным из текстів у чабинськім исшитку є стих під назвов «На памятку». Текст подля содержаня є автобіоґрафіёв и несе інформації за дітство Александра. Стих не має скоро ниякой умілецькой годноты – иде лем за даякый ритмізованый текст. Тот стих тыж не містит датованя. Ниже подаєме сесь текст:

На памятку

Мой отецъ рускій дякъ
и матиръ мнї мили
Въ Вишнихъ Чабинахъ
Хрестити велѣли.

---

vzdělání v Haliči. Avšak zdá se, že záhy vstoupil do kláštera v Krásném Brodě v svém rodném kraji».

9 TICHÝ, Fr. Anatolij Kralickij (Příspěvky k studiu jeho života i díla). *In:* Carpatika..., s. 369-371.

Там бо суть ті чесни люде
Рускы-українци,
Котри въ той чесности мене
На дальше учили.

Доставъ мено Александеръ
Третій емъ бывъ въ рядѣ.
Не забуду ани теперь
Шість дѣвчат, три хлапци.

Перша Юля, друга Терка
Третій ємъ бывъ я самъ,
Антін, Маня, Мишо, Зузка
Стефанъ аѣ Анна.

О, е девять – вельке число
Въ худобной родинѣ
Ой, вера, насъ только было
Въ нашей фамеліи.[10]

Родина Кралицькых, як за вто пригадовав сам писатель, усе была «худобнов». Видав, добру освіту дітвакам родичі дати не мали можность. Межи тым, из Александра ся став єден из майискравых інтелектуалів добы русинського будительства. Важным позітивным обстояням туй стали два факторы. Первый – отець быв дяком (учителём) чабинськой церьквы. Другый – близкость Красноброд-ського монастыря.

Набізувно, любов до просвіты малому Александру прискіпив отець. Быв то вошколованый чоловік. Видав, у Чабинах при вітцёви сын Александер (и далші діти) ся научали читати и писати. Примарной ошколованя А. Кралицького поязаной из Чабинами. Сам Кралицькый у мемоарах підчеркнув, што до 1850 року «порядочныи сельскіи школы» у лабірських русинів не еґзістовали. Він писав:

> «Од года 1850 только стали заводитися здісь порядочныї сельскиї школы: пред сим учились сім-там од дяка читати из букваря и псалтыри и немного церковного пінія. Теперь єсть почти в каждом селі своя школа, но жаль, что про скудость одповідных учебников елементарноє обученіє не может успівати так, як бы того пожадати можно. Учащейся молодежи обоєго пола на

10 Аналіз того стиха позирай: ПАДЯК, В. Анатолій Кралицькый: житя – література – народ. *In:* Кралицькый А. Творы / вшорителі В. Падяк, М. Павліч. – Пряшів, 2019, с. 16-22.

> Лаборці считается всего около 800 душ. Большиї села иміют для сей цілі особые домы; но в меньших учатся діти в собственном домі дяка. Но ученіє, по большей части, бывает только в зимноє время, зачім літом діти помогают родичам в господарстві и пасут скотину»[11].

И кидь до 1850-х років не было школ, а быв на селі дяк, то и Александр Кралицькый міг ся ошколовати лем так, як за вто писав-пригадовав він у свому етноґрафічно-історичному изглядованю «Русины Лаборскіи въ Угорщинѣ» – «сімъ-тамъ отъ дяка читати изъ букваря и псалтыри и немного церковного пѣнія». И кидь отець му быв чабинськый дяк, то и житя селського дяка-учителя А. Кралицькый видів на свої очі, знав добрі за повинности свого вітця. Зато, коли він пише за соціалный и матеріалный став дяка на лабірському селі, він тоты відомости черяє из памняти; и пише:

> «Стан учителя споєн вмісті з званієм дяка, за что побирает он од народа приходского певноє количество збожа, ґді-там гроши, владієт ґрунтом и получает за служеніє при строєнії обрядов соотвітную надгороду, так званную «штолу». Кромі сего, за ученіє получает особную надгороду в грошах – на больших містах только по 40 крайцаров од головы и топливо достатком»[12].

Отець А. Кралицького прожив 52 роки, умер у Чабинах[13].

У поблизкому од Чабин селі Красный Брод из давніх давен быв монастырь. Краснобродськый монастырь – єден из майстаршых русинськых духовных центрів; при монастырю была и школа. Изглядователі приставут на вто, что по Чабинах далшов школов, де ся учив А. Кралицькый, была школа при Краснобродськім монастырю[14]. Ищи даяка часть научників за сю промежку у ёго біоґрафії волівут нич не

---

11 КРАЛИЦКІЙ, А. Русины Лаборскіи въ Угорщинѣ. *In:* Науковый сборникъ / издаваемый литературнымъ обществом Галицко-русской Матицы. Выпуск II. – Львовъ, 1865, с. 106-107.

12 Там же, с. 107.

13 Сесю інформацію виділи сьме в Земплинському архіві (Zemplén Levéltára). Ненароком не изробили сьме копію, зато не можеме теперь повісти, якого року ипен то ся стало. Тоту інформацію подаме у далшых нашых публикаціях.

14 *Позирай*: ПЕКАР, А. Анатолій Кралицький, ЧСВВ, як історик. *In:* Analecta OSBM. Sectio II. Vol. IX (XV). – Rim, 1974, s. 276-277; ШЛЕПЕЦЬКИЙ, А. Наші будителі О. Павлович, Ю. Ставровський, А. Кралицький. II часть. – Пряшів: ЦК КСУТ, 1968, с. 40-41; ГОЛЕНДА, Й. Анатолій Кралицький: Розвідка і вибрані твори. – Пряшів, 1984, с. 13.

писати, бо не суть архівні документы, на котрі мож бы ся было супокійно одкликати[15].

Угадує ся, же у році 1850 (ци тісно при тій даті) А. Кралицькый полишив домашнёй гніздо у Чабинах, обы потримати далшой навчаня.

3. Кошице — Унґвар — Красный Брод — Марія Повч

Обы наступити на богословські студії в Унґварі (Ужгороді), мусай раз скончити десь «філозофію». Сесь період житёписа А. Кралицького (два рокы студентського житя) про изглядователів докус незнатый. Спробуєме туй хоть штось прояснити. По року 1858 изглядователі легко ся оріентувут у біоґрафії А. Кралицького – є доста фактів, котрі позволявут пописати ёго життя, и то у детайлах: у 1858–1863 рр. служив у Маріяповчанськім монастырю; од рока 1863 перебывав у Мукачевськім монастырю – раз як «модератор новіціатів» (наставник кандидатів у монахы), пак як «ігуменськый тайник» (секретарь игумена), а из рока 1869 (и до смерти) як игумен атсёго монастыря.

Але до 1858 року у ёго житёпису доста темных міст. П. Феєрчак, напримір, твердив, же А. Кралицькый быв «самоук»[16]; Ф. Тіхі – же ся учив у Галичині[17]. Автор первого моноґрафічного изглядованя за А. Кралицького Ёлана Голенда пише, же він ся учив у Пряшеві (!?) и в Ужгородськів духовнів семінарії[18]. Як писав о. Атанасій Пекарь – авторітетный історик ЧСВВ на Підкарпатю, Кралицькый наступив

15 Позирай хоть бы: МИКИТАСЬ, В. Анатолій Федорович Кралицький (1835–1894). *In:* Хрестоматія нової закарпатської української літератури (Друга половина XIX сторіччя) / упорядк. Ю. А. Бача, О. М. Рудловчак. – Bratislava: Slovenské pedagogické nakladateľstvo, 1964, с. 99; БАБОТА, Л. Закарпатоукраїнська проза другої половини XIX століття. – Братислава – Пряшів: Словацьке педагогічне видавництво в Братиславі; Відділ української літератури в Пряшеві, 1994, с. 102.

16 ФЕЕРЧАК, П. Очеркъ литературнаго движенія Угорскихъ Русскихъ. – Одесса, 1888, 42 с.

17 TICHÝ, Fr. Anatolij Kralickij (Příspěvky k studiu jeho života i díla). In: *Carpatika*..., s. 360.

18 ГОЛЕНДА, Й. Анатолій Кралицький: Розвідка і вибрані твори. – Пряшів, 1984, с. 13.

на богословські студії Ужгородськой єпархіалной семінарії, котру успішно скончив[19].

Межи тым, слова научників нияк ся не потвержувут архівныма документами. Єдиный документ на котрый, правдоподобно, мож ся одкликати, то шематизм монахів Чина св. Василія Великого (ЧСВВ). Сесь «Шематизм русскаго иночествующаго духовенства въ Угріи на 1873 годъ» вказує на дві даты у житю А. Кралицького: «Годъ облеченія: 1852» и «Годъ профессіи: 1856»[20]. Иншак уповісти, в Ужгородськів духовнів семінарії А. Кралицькый пребывав у 1852–1856 роках и успішно скончив семінарію.

Але де пребывав А. Кралицькый ищи до того, як переступив поріг Ужгородськой семінарії? Ци міг двохрочный курз філозофії, то значит 7. и 8. класы ґімназії (1850/51 и 1851/52 шк. рр.) выходити в Ужгороді? Ніт, не міг, бо в Ужгороді (Унґварі) на тот час ґімназія мала лем шість класів. До семого класа Ужгородська ґімназія была підвышена лем у році 1856[21]. До того часу ошколаші-русины філозофію выхожовали хто де – у Кошицях, Сатмарі, Яґері и Великому Варадині.

А. Кралицькый у єднів своїв публикації (написав ї сполу из Иваном Сілваєм), зазначив, же ся учив… у Кошицькій ґімназії! До днесь нихто из научників-істориків не убернув увагу на сесь факт! Иде за статю «Словаки и Русскіе в статистике Венгріи», котру він загнав до С.-Петербурґа и котра там была опубликована у 1875 році під псевдонімом «N. N.»[22]; и веце ниґда ся не публиковала. У примітках до статі опротив статістичных відомостей, што подавут число ошколашів Кошицькой ґімназії у 1860-х роках (главно, ошколашів мадярськой

19 о. ПЕКАР А., КАВ Ґлен. Духнович і Василіяни. *In:* Олександр Духнович і наша сучасність: Міжнародна наук. конф., присячена 200-літтю від дня народження О. Духновича, 20-21 черв. 2003 р.: Тези доповідей / Упоряд. М. Мушинка.– Пряшів: Додаток до газ. «Нове життя», 2003, с.13.

20 Шематизм русскаго иночествующаго духовенства въ Угріи на 1873 годъ. – Унгваръ, Типографія вдовы Карла Іегера, 1872, с. 5.

21 ЯНОВИЧЪ, П. И. Корреспонденція, Унгваръ 6. (18.) декабря. *In:* Церковная газета, *въ пользу Восточно-ка*ѳолической церкви… – Будинъ. – 1856. – № 39, 20. декабря (1. генваря 1857), с. 310-311.

22 Не так давно нам ся подарило потвердити авторство А. Кралицького. *Позирай*: ПАДЯК, В. Анатолій Кралицькый: житя – література – народ. *In:* Кралицькый А. Творы / вшорителі В. Падяк, М. Павліч. – Пряшів, 2019, с. 26-31.

народности), из котрых дає ся видіти, же у Кошицях не є ани єдного ошколаша-русина, він додав сяке:

> «Пишущій эти строки учился въ 50-хъ годахъ въ Кошицкой гимназіи; тогда было Русскихъ 70 чел. и они пѣли хоромъ въ Русской церкви»[23].

Кралицькый пригадує на число студентів-русинів, котрі на зачатку 1850-х років выхожовали ґімназіалный курс на Кошицькій ґімназії – 70 ошколашів. А тыж – же вни мали свій хор при церькви.

Тоту інформацію потвержує автор мемоарів «Изъ моихъ записокъ» Александр Гомічков. У сесь час він як урядник быв в епіцентрі событій. Се быв час, коли по ревізії мартовой констітуції 1849 рока была зрушена автономія русинів – Руськый дістрікт. Гомічков вєдно из братами Адолфом и Віктором Добрянськыми и Александром Негребецькым на зачатку 1850 рока были «отстранены из Унгвара, переселены в Кошици». Дале А. Гомічков пише:

> «При конци 1850-го года и начатку 1851-го перевѣсъ нашей народной жизни былъ перенесенъ въ Кошици и въ Пряшевъ. <…> Въ Кошицахъ русская академическая молодежъ составила церковный хоръ, съ гармоничнымъ (унгварскимъ) пѣніемъ. Прямо [против – В. П.] каѳедралного храма была опредѣлена невеликая церковца для богослуженій нашего обряда, и неподалеку была и ресиденція епископа Кунста. Но что случилось? Кошицкіе люди всѣхъ сословій, начавъ отъ магнатовъ до простаго народа толпилися въ церковцу св. Михаила – присутствовати нашему богослуженію; пеніе нашихъ академиковъ, философовъ привлекало ихъ. То не было по вкусу латинниковъ»[24].

Кошицька королівська академія (Academia regia Cassoviensis), котра ищи у 1777 році ся зорґанізовала из двох факултетів – права и філозофії, од 1850 рока стала уж лем цісарсько-королівськов Академіёв права (Caesareo-regia iuris academia). Выдтак, зачинавучи од 1850/51 школського рока, предметы філозофського факултета посунули на Кошицьку ґімназію. Видав, нараз по реорґанізації універзі-

23 N. N. [КРАЛИЦКІЙ А., СІЛВАЙ И.] Словаки и Русскіе в статистике Венгріи. *In:* Славянскій сборникъ. Том первый. – С.-Петербургъ: Издание Петербургскаго отдѣла Славянскаго комитета, 1875, с. 625. *Позирай* наше перевыданя той публикації: КРАЛИЦЬКЫЙ А. Творы / вшорителі В. Падяк, М. Павліч. – Пряшів, 2019, с. 353-357.

24 ГОМИЧКОВЪ Александръ. Изъ моихъ записокъ. Эпизоды изъ исторіи нашей угро-русской народной жизни: VI. Система Баха. *In:* Карпатъ. – Унгваръ. – 1885, 8. Число, (22-го) 10-го февраля, с. 2.

тета акурат на Кошицькій ґімназії ся учив «філозоф» А. Кралицькый; на Академії права обстали ся учити «академікы».

По «філозофії» отворили ся А. Кралицькому двері Ужгородськой духовной семінарії, де він ся учив 4 рокы. А у 1856 році як абсолвент семінарії дочасно быв направленый до Краснобродського монастыря[25]. Выдтак, промежка межи 1850 и 1856 роками у житю А. Кралицького была выповнена смыслом покореня інтелектуалных высот.

У Краснобродському монастырю А. Кралицькому належало ся приправити до будущого служіня. На ярь 1858 рока (25 марта) Кралицькый быв рукоположеный у монахы ЧСВВ; він взяв собі монашоє имня – Анатолій. Обряд рукоположеня провів у Пряшеві пряшівськый єпископ Ёсиф Ґаґанець. О тім ся постарав наставник Кралицького А. Духнович як довіреный помощник и секретарь єпископа. У тім самім році (на осінь 1858 р.) молодый монах дістає призначеня до Маріяповчанського монастыря, де стає учителём (професором) церковной історії и канонічного права. У 1863 році іноческый собор опридїлив о. Анатолія Кралицького модератором новіціату. Він сам пригадує:

> «Новиціат этот по соборному опредѣленію 1863. года из Краснобродскаго монастыря перенесен в монастырь горы Чернецкія, как на болѣє удобное мѣсто»[26].

Слідами новіціату до Мукачевського монастыря на Чернечій горі рушив и сам монах отець Анатолій. Было ёму 28 років. Туй, на краю Мукачева, він проведе останок свого житя – тридцять єден рік.

4. Обок Александра Духновича

Маріяповчанськый період житя о. А. Кралицького – то лем скоро пять років ёго молодости. Час тот у біоґрафії монаха позначеный світлыма фарбами романтізма. Туй муза Калліопа не полишала ёго келію. Туй

25 TIMKOVIČ, J. Letopis Krásnobrodského monastiera, alebo kúsok zo slávnych dejín grékokatolíkov na Slovensku.– Presov, 1995, s. 121.

26 Актъ основанія Библіотеки Краснобродско-Монастырьской бл. п. Александромъ Духновичемъ, имъ самымъ 1859. года написанъ и сберегаемый въ архивѣ монастыря Горы Чернецкія. *In:* Свѣтъ: Литературная газета, издаваемая Обществом св. Василія Великаго / Отвѣтств. ред.: Викторъ Федоровъ Кимакъ. – Унгваръ: Печатня вдовы Карла Іегера. – Годъ IV., 1870, Ч. 31, 13. (25.) августа, с. 252.

ся му добрі писало! Туй він сотворив скоро вшиткі оповіданя и повісті народностно-патріотичного прямованя. Тоты романтичні творы искладавут днесь золотый фонд ёго умелецькой прозы: «Пастырь в полонинах», «Братоубійця» (сесь твір ся стратив у редакції «Галичанина», до днесь ся не однайшов), «Федор Петрюк», «Не ходи, Грицю, на вечерниці!», «Князь Лаборець», «Казнь неба», «Свято-Юрский монастырь в Ліваді», «Мойсей» (обстала у рукописі).

Заганяв творы до Відня и Львова зато, бо на Підкарпатській Руси у ті часы своєй пресы ищи не было. Перва новинка – ужгородськый «Свѣтъ» – зачне выходити лем у 1867 році як орґан Общества св. Василія Великого, до котрого ся записала скоро вшитка активна інтеліґенція Мукачевськой и Пряшівськой єпархій. Од того часу о. Анатолій стане майпродуктивным дописователём до містных выдань. Туй ся вкажут читателю далші ёго прозові творы, як то: «Прометей», «Пиявиця», «Сельский учитель», «Распятие пред судом», «Иван», «Желізной волі человік» и другі.

Отець А. Кралицькый сягнув высот не лем майплодного русинського прозаика, але тыж історика ЧСВВ, етноґрафа, публіциста. До днись не стратили свою актуалность ёго статі за історію монастырів ЧСВВ історичной Мукаческой єпархії, приміром: «Марія Повч» (1862), «Дата к історії Угорских Русинов (По жерелам Базиловича и Балудянского)» (1863), «З Марія-Повч» (1863), «О второй чудотворной иконѣ Пресвятой Богородицы Марія-Повчанской» (1863), «Короткій опис монастыря Марія-Повчанского чина св. Василія Вел. в Угріи» (1863), «О чинѣ св. Василія вообще» (1864), «Историческое описаніе монастырей Чина св. Василія Великого в Угорщинѣ: Марія-Повчанскій и Краснобродскій монастырі» (1864), «Историческое описаніе монастырей Чина св. Василія Великого в Угорщинѣ: Монастырь Мукачевскій на горѣ Чернецкой (1865), «Список монастырей чина св. Василія Великого, существовавших иногда в Мараморошѣ (в Угорщинѣ) и стертых императором Иосифом II. 1788 г.» (1865), «Монастырь Марія-Повчанскій» (1866), «Описаніе чудотворной иконы Пресвятой Дѣвы Марія-Повчанской» (1866), «Из Мстичева» (1867), «Состояніе монастырей Боронявского и Кричовского в 1756 году» (1869), «Взгляд на прошедшее церковной уніи» (1870), Русскіе монастыри на Угорской Руси: «Монастырь св. Николая на горѣ Чернецкой близ Мукачева» (1871), «Монастырь св. Архистратига Михаила в Марія-Повчѣ» (1871), «Монастырь св. Арх. Михаила в Мстичевѣ» (1871), «Монастырь св. Николая Мало-Берез-

ницкій» (1871), «Монастырь Благовѣщенія Пресвятой Богородицы в Боронявѣ» (1871), «Монастырь Сошествія св. Духа Краснобродскій» (1871), «Монастырь Воздвиженія Честного креста на горѣ Буковской» (1871), «Монастырь сс. Петра и Павла Биксадскій» (1871); «Нѣчто о старинной архимандріи Бохорской чина св. Василія Великого в горах Щитницких в Угріи» (1872) и др.

Окрем істрії монастырів ЧСВВ, А. Кралицькый лишив по собі історії житя вызначных постав русинської ґрекокатолицькой церквы, як то єпископ Ёсиф Декамеліс («Іосиф де Камелис, єпископ Мукачевскій», 1890), єпископ Василій Попович («Память покойного епископа Мукачевского Василія Поповича», 1868), протоигумен Іоанникій Базилович («Иоанникий Базилович, протоигумен», 1890), протоигумен Матфей Микита («Матфей Микита, угро-русскій протоигумен Чина св. Василія В. (1802–1885)», а тыж лишив серію публикацій за памятккы церковнославянської и русинської писемной культуры, як то «О древних евангелиях» (1866), «Письмо протоигумена Макарія Шугайды к земледѣлцам угорским» (1870), «Акт основанія бібліотеки Краснобродско-монастырской бл. п. Александром Духновичем, им самим 1859 г. писан и сберегаемый в архивѣ монастыря Горы Чернецкія» (1870). Много ся писало у тогочасній пресі за ёго одкрытя у монастырськів бібліотеці псалтырі XV столітя («Харатейная псалтырь XV. вѣка», 1876).

Сочасна етноґрафія и фолклорістика усе ся можут одкликати на етноґрафічні, топоґрафо-етноґрафічні и фолклорні изглядованя А. Кралицького, котрого поважувут закладателём карпаторусинської етноґрафії и фолклорістикы. Туй яло бы означити хоть лем главні ёго научні статі: «Русины Лаборскіи в Угорщинѣ» (1865), «Свадєбныі обряды у Лаборских Русинов» (1865), «Сіверо-восточная Угорщина (топоґрафическо-ґеоґрафическоє описаніє)» (1866), «Дѣло русского мужика зимой» (1867), «Угорскіи Шокацы» (1867), «Свадебныї звычаї у Шаришских Словаков», «Этнографическыи мелочи из быта Угорских Словаков» (1871), «Народная этнографія» (1888), «Народные пѣсни из околицы Имстичевской в Угріи» (1866), «Из Угорских народных пѣсней» (1871), «Об народных сказках» (1876), «Бобовищанская колядка в праздник Рождества Христова («Орал плужок по-под садочок…» (1883), «Происхожденіе Карпатов» (1892) и др.

Усе націленый на роботу, А. Кралицькый устигнув изробити гет много хосенного про русинське культурно-національне двиганя. И было сесе – «чудне пожертвованя ся за добро и вольность отчины».

Чеськый изглядователь Франтішек Тіхі ищи у 1936 році высоко оцінив ёго вклад у культуру и літературу. Він писав:

> «Цалком справедливо буде повісти, же Анатолій Кралицькый є то тіп національного будителя. В історії підкарпаторуської літературной культуры він ся заслужив стояти обок Александра Духновича и Александра Павловича»[27].

5. «Готтентоты мы, ци хто?»

Монах Анатолій Кралицькый – искрава особность літературы и, у ширшім контексті, культуры у підкарпатськых русинів добы будительства. Быв то про свій час (друга половка XIX столітя) писатель и будитель натілко продуктивный, плодный, што уже сочасникы предрікали му высоку повагу и світлу память в анналах вдячных потомків. Талантливый самородок из глубокого русинського закута в Бескидах, простый селськый паробок, котрый из молоком матери одідичив любов до свого народа и потребу быти му хосенным, из широко отвореныма очима ступив у новый про нёго світ европейськой цівілізації и культуры акурат у часы Французькой революції. Были то в Европі часы важных політичных, соціалных и національных трансформацій. Выдтак атмосфера революцій и народностных двиганьв Австрійській державі доста легко затіговала ровесників А. Кралицького (ёго самого тыж!) у выр подій. Молоді люде были одказані скоро мужати и извладовати верьхы ошколованя, наберати ся сил и розуменя діалектикы тых процесів и змін, што выкликали Ярь славянськых народів у Централній Европі. Карпатські русины туй тыж не запоздили. А ідейный вдухновитель А. Кралицького, ёго учитель, славный поет и первый будитель Александер Духнович (1803–1865) пророк у сесь час словами своєй співанкы «Вручаніе» національне кредо русинського народа. Пак тот текст ліг в основу народного гімна підкарпатськых (а днесь уж вшиткых) русинів:

Я Русинъ былъ, єсмь и буду,
Я родился Русиномъ,
Честный мой родъ не забуду,
Останусь его сыномъ.

27 TICHÝ, Fr. Anatolij Kralickij (Příspěvky k studiu jeho života i díla). In: Carpatika..., s. 368. *Подаєме* тот текст тыж в чеськім оріґіналі: «Lze s plným právem říci, že Anatolij Kralickij je typ národního buditele. V dějinách podkarpatoruské kultury literární patří mu misto hned vedle Aleksandra Duchnoviče a Aleksandra Pavloviče».

Русинъ былъ мой отець, мати,
Русская вся родина,
Русины сестры, и браты
И широка дружина.

Національна ідея русинського народа стала домінантов творчого житя А. Кралицького на далші сорок років. Він провказав себе як талантованый автор умелецькой прозы, товмач из европейськых, зокрема славянськых літератур, публиціста, избератель містного фолклора, етноґраф, літописець історії ґрекокатолицькой церьквы и монастырів Чина св. Василія Великого. Ёго безмірну енерґію высоко цінили так ідейні противникы, як єднодумникы, так домашні русины, як інтеліґенція другых славянськых народів, так сочасникы, як наступникы. Єден из добре познатых русинськых будителів, писатель, поет, докінця редактор ужгородського часописа «Листокъ» Євґеній Фенцик (1844–1903) писав за А. Кралицького атсяк:

> «Анатолій Кралицькый безмірно надав ся, обы досягнути предначертану ціль. Ніт алманаха, ніт місяцослова, майже и єдного числа новинкы – ани єдного выданя у нас, де бы сьме ся не стрітили из имням отця Анатолія Кралицького… Кобы нам веце сякых Анатоліїв Кралицькых, угроруська література стояла бы не там, де вна ся днесь находит»[28].

Из числа монахів рідко хто розвивав у собі талант до краснописаня. Самый статус монаха настроёвав на аскетичный способ живота и пустынство. Чин св. Василія Великого Угорськой провінції може ся пышити хыбаль вызначнов особностёв на полі історії – Іоанникієм Базиловичем (1742–1821), автором двох великых томів історії карпатськых русинів (у шість частях) під назвов «Brevis notatia fundationis Theodori Koriathovics, olim ducis de Munkacs...» (1799, 1804). Другым такым василіаном, котрым днесь ся пышит русинськый світ, став акурат о. Анатолій Кралицькый, ЧСВВ. Є то доста сімволічне, што обає прославлені монахы довгі рокы свого аскетичного житя провели за мурами Мукачевського монастыря на Чернечій горі: первый скоро 38 років – як протоигумен Чина св. Василія Великого Угорськой провінції, а другый скоро 31 рік – як монах, а дале игумен Мукачевського монастыря. Обає як настоятелі были строгой натуры. Обає туй завершили своє земне житя, выдтак мощі

28 ФЕНЦИКЪ, Е. Очеркъ Угро-русской письменности. *In:* Листокъ. – Унгваръ, 1893, ч. 5, с. 55.

обох покояться у крипті монастырськой церьквы. Доступа до могыл славных василіан, як тыж до поховань далшых достойників ЧСВВ, што суть туй поховані, ніт. Вступ до крипты церквы Мукачевського монастыря на Чернечій горі дали замуровати десь при кінци XIX століття (на вымогу архітектурной комісії), обы исперти иссуваня ся церковной будовы из горба.

Хотяй як быв славный о. Кралицькый на літературнім поприщу, ёго независимый характер, ідейні пересвідченя, русофілські назоры, ёго активность на полі публицістикы были важнов причинов того, што писателя-василіана влада недолюблёвала. На сторонах мадярськой пресы видимі и скрыті врагы ся туй-там старали піддюґнути го. Ай так автор горделиво тримав мірку свободы слова и печати, достойно одбивав напады опонентів, од часу до часу апеловав ид тым, хто тримав Австро-Угорську монархію за ідеал «констітуційной страны». Приміром, у 1885 році, коли А. Кралицького обвинили у колаборації из заказанов в Угорськім корольстві лівівськов русофільськов новинков «Слово»[29], автор, рішительно одмітувучи підозреня у сепаратізмі, публично ответив своїм ідейным неприятелям:

> «Готтентоты мы, ци хто? И ци не живеме у констітуційной Австро-Угрії, де в преділах законів свобода слова и пресы єсть дана каждому граждану законом?»[30].

Обы ся уваровати мадярськой поліції, котра слідила за сімпа-

29 Позирай: [ГОМИЧКОВЪ, Николай Ю.]. Унгваръ, 7-го марта. *In:* Карпатъ : Общественная, церковная и литературная газета / Отвѣтственный редакторъ: Николай Ю. Гомичковъ. – Унгваръ : Книгопечатня ст. Іосифа Фейшевша. – XIII. годъ, 1885, 10. число, 8-го марта (24-го февраля), с. 1; [ГОМИЧКОВЪ, Николай Ю.]. A „Szlovo" jubileuma. *In:* Карпатъ : Общественная, церковная и литературная газета / Отвѣтственный редакторъ: Николай Ю. Гомичковъ. – Унгваръ : Книгопечатня ст. Іосифа Фейшевша. – XIII. годъ, 1885, 11. число, 15-го марта (3-го марта), с. 2-3; [ГОМИЧКОВЪ, Николай Ю.]. Ювиларныя статьи. *In:* Карпатъ : Общественная, церковная и литературная газета / Отвѣтственный редакторъ: Николай Ю. Гомичковъ. – Унгваръ : Книгопечатня ст. Іосифа Фейшевша. – XIII. годъ, 1885, 14. число, 5-го априля (24-го марта), с. 1-2.

30 КРАЛИЦКІЙ, А. II. Моя инкриминованная статья въ юбилейномъ № «Слова», въ нетронутомъ ея составѣ. *In:* Карпатъ : Общественная, церковная и литературная газета / Отвѣтственный редакторъ: Николай Ю. Гомичковъ. – Унгваръ : Книгопечатня ст. Іосифа Фейшевша. – XIII. годъ, 1885, 14. число, 5-го априля (24-го марта), с. 2. *Подаєме* в орігіналі: «Но в заключеніє вопрошаю: готтентоты мы, что ли? И неужели не живем в констітуційной Австро-Угрії, гді в преділах законов свобода слова и пресы каждому гражданину єсть дана законом?».

тізантами русофілства, А. Кралицькый не все клав під статёв своє имня и прозвище. Веце раз він підписовав свої тексты неузнаваным псевдонімом. Далші ёго тексты суть опубликовані анонімно. Даякі из них изглядователям творчости писателя (подля текстовых, лексико-стілістичных характерістик письма) дає ся атрібутовати. Але не все! Видав, нам ниґда ся не подарит искласти повный спис ёго публикацій. Сам літератор за тото ся не постарав. Тому є дакілько пояснень. А. Кралицькый умер односно молодым – на верьху творческой моци, окрыленый многыма літературныма и научныма планами. До 59 років він ся не дожив лем єден день. До послідных днів свого живота доста плодно робив. Кралицькому тыж ся не подарило выдати холем часть своїх майважных літературных творів одділнов книжков. На тото у монаха не было грошей; на державу ся бізовати ёму не приходило, а общественна орґанізація «угро-русских» в Ужгороді – Общество св. Василія Великого, окрем выданя раз на рік каждорочного календаря-місяцослова, ниякой активности не выказовало. По смерти писателя ёго унікалный архів, што усе ищи ся находив у Мукачевському монастырі на Чернечій горі, поступно быв роспорошеный.

5. «Забыта література»

Лем по Первій світовій войні, уже у Чехословацькій державі, ся провказали перві можности популарізованя творчого наслідства А. Кралицького. Русинська інтеліґенція, поділена подля ідеёво-языковых оріентацій на автохтонів-русинофілів, русофілів и украинофілів, не єднако восприяла творчу дідовизну писателя-русофіла.

Главно про русофілів наверненя Кралицького из забутя потверджовало їх главну ідею «руськости» карпаторусинськой літературы; выдтак наверненя ся стало ділом чести істориків-русофілів. Про украинофілів особый інтерес являли контакты Кралицького из Галичинов и ёго ранішня творчость патріотичного направеня, образчикы котрої він заганяв до Львова.

Важнов стала бібліоґрафічна робота російського карпатознателя Федора Арістова (1888–1932), котрый у 1930 році подав спис публикацій писателя[31]. Межи тым, у зазначках до той публикації

31 АРИСТОВЪ, Ѳ. Ѳ. Хронологическій перечень печатныхъ сочиненій А. Ѳ. Кралицкого. 1850–1893. *In:* Карпаторусскій сборник: Подкарпатская

изглядователь застачив, же не мав можности завести до бібліоґрафії творы А. Кралицького, напечатані у містній пресі – у новинках «Свѣтъ» (1867–1871) и «Новый свѣтъ» (1871–1872). Як ся провказало дале, у бібліоґрафії тыж хыблят многі другі публикації послідного періода творчости А. Кралицького, коли він доста активно дописовав до львівського русофілського часописа «Бесѣда» (выходив під редакціёв Осипа Мончаловського). Сесь пролишок заповнив галицькый літературознатель и фолклорист русофілськой оріентації Юліан Яворськый (1873–1937), котрый у 1930 році опубликовав доповненя до статі Арістова[32].

У часы межвойня активно ся розвивало літературознательство и доста скоро ся появило дакілько сінтез історії карпаторусинськой літературы од многых авторів, котрі репрезентовали кажду ідеёво-язикову оріентацію. Туй мож назвати моноґрафічні изглядованя, написані русофілами Павлом Федором[33] (1929), Євґенієм Недзельськым[34] (1932) и Георгієм Ґеровськым[35], украинофілом Володимиром Бірчаком[36] (1921, друге выданя – 1937), русофілами Шандором Бонкало[37] (1935), Ёсифом Ганулею[38] (1941), Степаном Добошем[39] (1942). Нейтралну позіцію выдержовав чеськый літературознатель

Русь въ честь Президента Т. Г. Масарика. 1850–1930. / Изданіе Подкарпаторусскаго Народопросвѣтительнаго Союза – Ужгород, 1930, с. 70-78. На обкладинці атсёго выданя зазначеный иншакый рік выданя – 1931.

32 ЯВОРСКІЙ, Ю. А. Къ изученію А. Ѳ. Кралицкаго. Библіографическія справки. *In:* Карпатскій свѣтъ. – Ужгородъ. – Годъ III, 1930, № 3-4, с. 1094-1096; *позирай тыж* окреме выданя: ЯВОРСКІЙ, Ю. А. Къ изученію А. Ѳ. Кралицкаго. Библіографическія справки / Изданіе Культурно-просвѣтительнаго общества имени А. Духновича в Ужгородѣ. – Ужгородъ, 1930.

33 ФЕДОРЪ, П. Очерки карпаторусской литературы: Со второй половины XIX столѣтія. – Ужгородъ, 1929, 76 с.

34 НЕДЗѢЛЬСКІЙ, Е. Очеркъ карпаторусской литературы. – Ужгородъ, 1932, 289 с.

35 ГЕРОВСКІЙ, Г. Исторія угро-русской литературы въ изображеніи Володимира Бирчака. – Ужгородъ, 1943, 64 с.

36 БИРЧАК, В. Литературнѣ стремлѣня Подкарпатськоѣ Руси. – Ужгород, 1921, 96 с.; БІРЧАК, В. Літературні стремління Підкарпатської Руси, Друге доповнене видання. – Ужгород, 1937, 190 с.

37 BONKÁLO, Sándor. A kárpátalji ruten irodalom és művelődes. – Pécs, 1935.

38 HANULYA, Joseph P. Rusin Literature. – Cleveland, Ohio. 1941, 83 с.

39 [ДОБОШ, С.?]. Історія подкарпаторуськой литературы. – Унгваръ, 1942, 64 с.

Антонін Гартл[40] (1930). Так ци иншак, літературознателі завели до своїх сінтез відомости за період будительства як інтеґралну часть історії літературы у карпатськых русинів.

Русофілство о. А. Кралицького и другых будителів дакому из научників украинського напряма дерло очі. Володимир Бірчак[41] (1881–1952), галицькый політичный еміґрант на Підкарпатській Русі, приміром, у своїй моноґрафії 1921 рока завів писателів-будителів (А. Кралицькый, А. Павлович, И. Сілвай, Є. Фенцик, Ю. Ставровськый (Попрадов), А. Гомічков, В. Матяцков и др.) до так называной «забытой літературы». Він писав (подаєме в оріґіналі):

> «Авторы, яких творы тепер переглянемо, належать в бôльшôй части до «забутих». Выступали они не так давно, та мимо сего их забуто. Нинѣ остали тôлько их имена, але их творы мало хто читав, коли их печатано, нѣхто не читае нынѣ й нѣхто не одчувае потребы их читати. Причина сего та, що тѣ авторы не йшли з народом, а од народа одстали своею тяжкою мовою… та мотивами».[42]

Ціле, творы будителів на зачатку ХХ століття мало хто читав. Але причина ся крыє не у тому, же тоты писателі «не йшли з народом», але у нерозвитости печатно-выдавательськой індустрії и, главно, бідности реґіона, а ищи – у вшиткоєдности недавной централной влады у Будапешті. Скоро вшитко, што до теперь было написано и напечатано, обстало у старых містных новинках и журналах авадь, як ся то стало из творами А. Кралицького, великый фалат ёго публикацій обстав у львівськых ци віденськых журналах и ґазетах. Мало хто из містной інтеліґенції міг ся доступити до своїх архівів, а што уже говорити за чужі.

И сам В. Бірчак, видав, мало што читав из творчости А. Кралицького, бо у другому выданю своєй моноґрафії тыж, окрем як гет курто передати сужет творів «Князь Лаборець», «Піявиця» и «Иван», мало што може уповісти за ідейно-естетичні гляданя писателя, имня котрого він переоначив собі на французськый манір – «Анатоль». А гляданя В. Бірчаком у тексті оповіданя «Князь Лаборець» потвержень тому, што «україноφільський рух, розбуджений з початком шісдесяти

40 HARTL, A. Literární obrození podkarpatských Rusínů v letech 1920–1930. – Praha, 1930, 69 s.

41 У своїх публикаціях научник своє прозвище писав неєднако: на зачатку 1920-х років як «В. Бирчак», а дале уж як «В. Бірчак».

42 БИРЧАК, В. Литературнѣ стремлѣня Подкарпатськоѣ Руси. – Ужгород, 1921, с. 74.

[шістдесятих – В. П.] років в Галичині, не був чужий і в Підкарпатській Русі…»[43], выкликовало крітику так из боку сочасных изглядовательв-русофілів, приміром внука Адолфа Добрянського лінґвіста и педаґоґа Г. Ґеровського[44], як из боку совєтськых літературознателів у далшу епоху, напримір, украинського карпатознателя Василя Микитася[45].

Про анґажованых у русофілстві істориків літературы творчость ґенерації русинськых писателів из когорты Адолфа Добрянського и Александра Духновича, котрі, подля выраза Євґенія Недзельського, взяли на себе ролі – єден гейбы условного міністра вонкашных діл у русинів, а другый – гейбы условного міністра просвіщеня[46], стала важным свідітельством тяглости «руськой» ідеї в «угро-русской» літературі Підкарпатськой Руси, своєродным духовным мостиком межи XVIII и XX столітями. Епоху будительства вни (на противвагу В. Бірчаку) называли не иншак як «епохов зачатку росцвіта карпаторусинськой літературы»[47]; выдтак творче наслідство А. Кралицького русофіли ся брали изучити чим скорі. Направду, подля інформаційного наповненя літературный начерк історії підкарпаторусинськой літературы під назвов «Очеркъ карпаторусской литературы» од російсько-украинського еміґранта, русофіла Євґенія Недзельського (1894–1961) є ліпшов сінтезов, написанов у часы межывойня. Кидь говорити за творчость А. Кралицького у сёму выданю, треба зазначити, же є то на тоты часы солідна и ґрунтовна характерістика творів русинського інтелектуалця, котрого він характерізує скорі як історика и етноґрафа и лем пак як писателя, у творчости котрого «умелецька проза занимає односно скромной місто»[48].

Сінтеза Недзельського (1932), написана первый раз в історії карпаторусинськой літературы професіоналным літературознателем, як и многі далші ёго публикації, справили значущый вплыв на

43 БІРЧАК, В. Літературні стремління Підкарпатської Руси, Друге доповнене видання. – Ужгород, 1937, с. 124.

44 ГЕРОВСКІЙ, Г. Исторія угро-русской литературы въ изображеніи Володимира Бирчака. – Ужгородъ, 1943, с. 36-38.

45 МИКИТАСЬ, В. Галузка могутнього дерева: Літературний нарис. – Ужгород, 1971, с.139.

46 НЕДЗЂЛЬСКІЙ, Е. Очеркъ карпаторусской литературы. – Ужгородъ, 1932, с. 145.

47 Там же, с. 166-167.

48 Там же, с. 200.

поступной розвиваня літературной крітикы під Карпатами. Сесь вплыв (у тому числі ёго візія творчости А. Кралицького) очевидно ся позначив, в первім ряді, на сочасниках росіянина-карпатознателя. Нич нового (сопротив Недзельському) в изученя творчости А. Кралицького вони не додали; авторы Антонін Гартл[49] у 1933 році у Празі, Степан Добош[50] у 1942 році в Ужгороді, а тыж Ёсиф Гануля[51] у первій англоязычній історії літературы русинів, выданій у США у 1941 році, скорше лем повторёвали и інтерпретовали матеріал из моноґрафії «Очеркъ карпаторусской литературы», чим додали дашто новой. Межи тым, вшиткі вєдно літературознателі часу межывойня изробили важной діло: писатель А. Кралицькый быв заведеный до пантеона історії карпаторусинськой літературы; выдтак без аналіза хоть лем пар ёго творів выучовати літературный процес другой половкы XIX столітя ставало задумом – збыточным и немыслимым.

Мусай тыж констатовати, же акурат у 1930-х роках ся появили тоты неточности и одверті хыбы за творы А. Кралицького, котрі доднеська кочувут од выданя до выданя. Приміром, на сторонках віденського часописа «Золотая грамота» Анатолій Кралицькый дебютовав як перекладач. Він потовмачив повість мадярського прозаика Мора Ёкаї, котру опубліковав у 1865 році; вона мала назву «Пугачев» и підназву «Повѣсть; на русскій языкъ переведена А. Кралицкимъ»[52]. У тексті сёй публикації ани товмач (А. Кралицькый), ани редактор «Страхопуда» и «Золотой грамоты» (Ёсиф Ливчак) не лишили інформації за автора оповіданя. Выдтак изглядователі не знали, як дати собі раду из тым текстом. Є. Недзельськый приставав на то, же А. Кралицькый потовмачив и переробив російські «пуґачовські» тексты А. Пушкіна – повість «Капитанская дочка» и «История

49 HARTL, A. Písemnictví podkarpatských Rusínů. In: Československá vlastivěda. Díl VII: Písemnictví. – Praha: «Sfinx» Bohumil Janda, 1933, s. 273-290. *Позирай главно* с. 284.

50 [ДОБОШ, С.?]. Історія подкарпаторуськой литературы. – Унгваръ, 1942. *Позирай главно* розділ «Анатолій Кралицький» на с. 45-47.

51 HANULYA, Joseph P. Rusin Literature. – Cleveland, Ohio. 1941. *Позирай главно* розділ «Kralicky, rev. Anatol Th.» на с. 55-56.

52 [Ёкаї Мор]. Пугачевъ: Повѣсть; на русскій языкъ переведена А. Кралицкимъ *In:* Залотая Грамота : Иллюстрованое письмо для поученія и забавы: Прилога до «Страхопуда» / Издаватель и отвѣчательный редакторъ Іосифъ Ливчакъ. – Вѣдень: Типомъ Л. Соммера, 1865, Ч. 9 (Прилога до Ч. 19. «Страхопуда»), с. 69-70; Ч. 10 (Прилога до Ч. 21. И 22. «Страхопуда»), с. 77-79.

пугачёвского бунта»[53]. (Тоту хыбу тыж повторив Антонін Гартл[54]). Веце півстолітя другі научникы тыж ся соглашали из тов верзіёв.

Нам ся подарило вырішити тоту загадку и показати, же оповіданя «Пугачев» є перекладом из мадярськой літературы. Иде за товмаченя повісті «A vakmerő» («Дерзостный») Мора Ёкаї[55]. Оріґінал той повісті зачала публіковати на продовженя столична пештянська новинка «Vasárnopi Ujság» («Неділні новины») 11 сектембра 1864 рока[56]. Анатолій Кралицькый, котрый усе читав много мадярськой пресы, у бібліотеці котрого было много мадярськых книжок и котрый слідив за новинками мадярськой літературы и політикы, правдоподобно, выписав собі новинку «Vasárnopi Ujság», а російська історична тематика у творчости мадярського прозаика заінтріґовала го як перекладача. Порівнаня оріґінала и переклада дає можность робити даякі изгорненя односно концепції Кралицького-перекладача. Кралицькый знав не лем покуртати твір, полишавучи даякі другорядні образы ци епізоды, што веце раз робило авторськый сужет майдінамичным. Овін знав кус переробити розъязку твора ци й цалком поміняти фінал оповіданя, як то ся стало из оповіданям «Пугачев».

Далшов таков загадков стало оповіданя «Козачка» из підназвов «Повѣсть, написанная послѣ В. Д.», котре А. Кралицькый опубликовав під кріптонімом «А. К.». Попри коментарії В. Бірчака (1921, с. 77; 1937, с. 122), же оповіданя было опублікованой в ужгородській новинці «Свѣтъ» (1868), вно было опублікованой не там, але в ужгородському рочнику «Мѣсяцословъ» у 1867 році[57]. Є. Недзельський

53 НЕДЗѢЛЬСКІЙ, Е. Очеркъ карпаторусской литературы. – Ужгородъ, 1932, с. 201.

54 HARTL, A. Písemnictví podkarpatských Rusínů. *In:* Československá vlastivěda. Díl VII: Písemnictví. – Praha: «Sfinx» Bohumil Janda, 1933, s. 284.

55 Позирай: ШТЕРНБЕРГ, Я., ПАДЯК, В., Пушкін або Йокаї? (з приводу «Пугачова» А. Кралицького). *In:* Дукля. – 1985, № 5, с. 53-56; VÁRADI-STERNBERG, J., PADJÁK, V. Egy ismeretlen 162. fordítás margójára. *In:* Kárpáti Igaz Szó. – 1985, Febr. 19.

56 JÓKAI, Mór. A vakmerő. In: Vasárnopi Ujság. – Pest. – 1864. – 37-ik szam. (szeptember 11-én), o. 378; 38-ik szam. (szeptember 18-án), o. 390-391; 39-ik szam. (szeptember 25-én), o. 402-403; 40-ik szam. (oktober 2-án), o. 414; 41-ik szam. (oktober 9-én), o. 426-427; 42-ik szam. (oktober 16-án), o. 438-439; 43-ik szam. (oktober 23-án), o. 450-451; 44-ik szam. (oktober 30-án), o. 462-463.

57 А. К. Козачка (Повѣсть, написанная послѣ В. Д.). *In:* Мѣсяцословъ на 1868 високосный годъ / издан Обществомъ св. Василія Великаго. Вторый годъ. – Унгваръ: Въ типографіи Карла Іегера, 1867, с. 56-63.

твердив (1932, с. 201), же іде за «переложеніе повѣсти русскаго писателя» Владиміра Даля, але не вказав, за котре оповіданя иде бесіда. Нам ся подарило дознати – иде за оповіданя російського писателя В. Даля «Осколок льда», котре А. Кралицькый покуртав и приспособив про русинського читателя. До того, він преднамірено приховав під криптонімом «В. Д.» прозвище російського писателя (як неугодного цензорам) и під криптонімом «А. К.» – своє (як популярізатора російськой літературы), то значит – «москвофіла».

Хотяй як ся снажили изглядователі добы межвойня популярізовати творчость А. Кралицького, майже нич из ёго творів перевыдати ся не подарило. Двычи окремов тоненьков брошурков выйшло оповіданя «Князь Лаборець»[58], котре Авґустину Волошину як редактору выдань акційного общества «Уніо» понукнув для рочника «Мѣсяцословъ» чеськый изглядователь и новинарь Франтішек Тіхі (1886–1968), котрый однайшов го у львівськім часописі «Галичанинъ» – у фондах бібліотекы Пражського національного музея[59]. Пак Ф. Тіхі у товмаченю на чеськый язык сполу из Кржіштянов Грушковов (оддата як Младова; Křišťana Hrušková (Mladová)) то оповіданя двычи опубликовав – у 1922 роцї у Празі[60] и 1930 роцї у Кошицях[61].

Видав, лем тілько из творів А. Кралицького было перевыдано у часы межвойня[62]. Кидь наслідовати высловлёваня галицького

58 КРАЛИЦКІЙ, А. Князь Лаборець: Историческая повѣсть изъ IX. вѣка. *In:* Мѣсяцословъ на 1921. годъ / Акційне товариство «Уніо». – Ужгородъ, 1921, 13-27 с.; КРАЛИЦКІЙ, А. Князь Лаборець: Исторична повѣсть из IX. вѣка / Выдавництво Товариства «Просвѣта» в Ужгородѣ. – Ужгород, 1925, 20 с. Ищи раз тото оповіданя перевыдала русинська діаспора у США. *Позирай*: o. KRALICKIJ. Kňazj Laborec. Istoričeska povisť iz IX-ho stoľitja. In: Kalendar' Organizacii Svobody na hod 1935. / Sostavil... Joann E. Petach, redaktor «Vostoka». Hod izdanija IX. s. 56-69.

59 ТІХИЙ, Фр. Ужгород 1923 : [Спогади] / переклад з чеської Л. Мольнар. – Перечин, 1992, с. 15-16.

60 KRALICKIJ, Anatol. Kníže Laborec / Přel. Kř. H.-Ml. a F. T. *In:* Čas: Příl. Besedy Času. – Praha. – 1922. – č. 170 (23.07.), s. 5-6; č. 176 (30.07), s. 5-6.

61 KRALICKIJ, Anatol. Kníže Laborec / Přel. Tychý F. *In:* Pověsti z Podkarpatské Rusi. – Košice, 1930. s. 7-31.

62 Дакілько твірів А. Кралицького, потовмачені уж на русинськый язык, были опубликовані на сторонках печатного орґана ґрекокатолицького монашого Чина св. Василія Великого «Календарь Благовѣстника». Приміром, оповіданя «Екзекуторъ» («Календарь Благовѣстника на переступный рокъ 1928»).

украинофіла В. Бірчака, А. Кралицькый усе ищи обставав у розряді «забыта література». А чеськый научник-карпатознатель Ф. Тіхі, котрый, вера, ліпше другых розумів цінность творчого наслідства А. Кралицького, убертав увагу сочасників из числа карпатськых русинів чимскорі опубликовати творы свого вызначного предходника. Він писав:

> «Май неодкладнов є потреба опубликовати умелецькі творы Кралицького окремов книжков, а тыж опубликовати изберьку ёго історичных творів, у первім ряді – етноґрафічных»[63].

Тота ёго публична вызва обставала голосом вопіючого у пустыни.

6. Тоталітарізм и перва плахтарька Ёланы Голенды

Ідеолоґічні реалії по Другій світовій войні не лишили творчому наслідству А. Кралицького (як и вшиткых будителів), ани майменшой шансы прийти у печатній подобі ид читателю Закарпатськой области совєтськой Украины. Уповісти, же влада никус не публикувала творы славного будителя, ищи не значило уповісти правду. Природа іґнорації совєтськов тоталітарнов сістемов старой демократії на «новоздобытых» (анексованых) теріторіях крыла ся у тому, што державна цензура заказала вшитко из того, што спомагало наверненю ліберално-демократичных ціннот; зато скоро вшиткі політикы, священикы, писателі, учителі, активна моложава, тверді селяне мали підпасти під означеня «буржоазный націоналізм», «клерикална інтеліґенція», «реакційне москвофілство», «уніатське духовенство», «русинськый сепаратізм» и т. д.

Дашто ліпшов была сітуація у Пряшівському реґіоні соціалістичной Чехословакії. Підсовєтська чехословацька влада проголосила (як то ся стало и в Совєтському Союзі!) містне русинське

Печатали ся туй тыж розділы из цікла «Житейскія дрязги» («На Мукачевской ярмаркѣ», «Клопоты зъ заказанымъ тютюномъ») и, годно быти, другі творы писателя. Сесь вопрос фахманы до днесь не изглядовали.

63 TICHÝ, Fr. Anatolij Kralickij (Příspěvky k studiu jeho života i díla). In: *Carpatika…*, s. 369. *Подаєме текст тыж* у чеськім оріґіналі: «Stejně naléhavá jest potřeba vydati beletristické spisy Kralického v souboru, jakož i vydati výběr jeho historických a především národopisných».

населеня подля націоналности «закарпатськыма украинцями», але ідеологічный прес туй быв омного слабшый. Выдтак, конець 1950-х років на «новых украинськых землях» у ЧССР было позволеной изглядовати свою реґіоналну, иншак – «нову закарпатську украинську літературу» як составну часть общеукраинськой літературы и културы. (Ищи ліпшов стала сітуація по рокові 1968, коли была леґалізована ґрекокатолицька церьква). Выдтак творы «закарпатськой украинськой» літературы пережых епох стали ся появляти в изберьках, хрестоматіях, учебниках и другых выданях.

Первов таков публикаціёв, де ся стрічаєме из творами А. Кралицького, стала хрестоматія літературы другой половкы XIX століття, котру у Пряшові (накладом 390 фалатків) вшорили про студентів Олена Рудловчак и Юрій Бача[64] у 1964 році. Придали ся до той хрестоматії тыж радянські ужгородські изглядователі Василь Микитась и Петро Лінтур, котрі нелем же застачили часть текстів, але написали літературно-крітичні начеркы за творчость дакілько писателів-будителів. (Приміром, В. Микитась написав статю за А. Кралицького під назвов «Анатолій Федорович Кралицький»).

Творчость А. Кралицького была представлена у тій хрестоматії шість образчиками – ранішнёв романтичнов прозов («Пастир в полонинах», «Князь Лаборець»), реалістичным оповіданям («Житеские дрязги: На мукачевской ярмарке»), фолклорныма записами («Добра баба і чорт», «Видки взялася жаба», «Происхождение Карпатов»). Штоправда, вшорителі часть текстів, котрі суть написані из приближеням до народной бесіды, подали у сочасній украинській орфоґрафічній нормі, приміром, «пастир» наміcто «пастырь»; «сини» наміcто «сыны»; «бити» наміcто «быти»; «високим» наміcто «высоким» и т. д.) (Російськоязычні тексты вни не кывали).

Од того дня, коли ся родив А. Кралицькый, мало пройти півдруга століття, мали ся до того часу роспасти четыри імперії, взяти свою людську дань дві світові войны, перестала быти реаліёв так Угорська корона, як Австро-Угорська імперія, уж доживав свої послідні рокы тоталітарный Совєтськый Союз, а демократичні переміны уж дуркали у двері централно-европейськых народів – аж наконець ся

64 Хрестоматія нової закарпатської української літератури (Друга половина XIX сторіччя): Посіб. для студентів вищих учб. закладів, учнів старших класів середніх шкіл, учителів та працівників культурно-освітніх установ / Упоряд.: Ю. А. Бача, О. М. Рудловчак. – Bratislava: Slovenské pedagogické nakladatel'stvo, 1964, 282 с. Творы А. Кралицького *позирай* на с. 104-127.

появила перва (1984 рік!) книжка выбраных творів о. Анатолія Кралицького! Книжка выйшла у Пряшеві накладом 300 фалатків; на неї уж чекала пряшівська інтеліґенція, але не лем там, бо и в Ужгороді книжку стріли из одушевенём; автор сих шориків, приміром, написав куртый одклик на нове выданя[65].

Книжку «Анатолій Кралицький: Розвідка і вибрані твори» вшорила ужгородсько-пряшівська изглядователька Ёлана Голенда[66], котра на тот час скоро 20 років изглядовала літературне наслідство А. Кралицького[67]. Выдтак, майже третю часть книгы (поверьх 90 стор.) займає вступна статя вшорителькы, котра подля обсяга пригадує скорше міні-моноґрафію и котру авторка раніше публиковала у свидницькому научному зборнику[68].

Далша часть книжкы уміщує 10 літературных творів, 4 курті фолклорні записы, 6 куртых публицістичных статей. Быв то правильный выбор вшорителькы – репрезентовати читателю, главным образом, А. Кралицького як писателя, автора романтичных оповідань «Пастир в полонинах», «Федор Петрюк», «Князь Лаборець», «Не ходи, Грицю, на вечерниці!», оповіданя у жанрі бурлеск «Прометей» (у зборнику не знати чом неповна верзія!), оповіданя на соціалну тематику «Піявиця», фабліо «Фон Минкач» и др. Конець книжкы Ё. Голенда умістила бібліоґрафію публикацій Кралицького, котра, єднак, мало в чім є повнійшов за бібліоґрафію Арістова од року 1930.

Книжка, што одповідала новым віяням у поліґрафії (у твердій обкладинці; мала и суперобкладинку), фасціновала читателя новым дізайном и мала інспіровати інтерес до читаня, выученя творчости забытого, але славного будителя. (И сесь благотворный вплыв зазнав на собі тыж автор сих шориків).

---

65 ПАДЯК, В. “Анатолій Кралицький”. *In:* Закарпатська правда. – Ужгород. – 1985. – 4 груд., с.4.

66 ГОЛЕНДА, Й. Анатолій Кралицький: Розвідка і вибрані твори. – Братіслава; Пряшів: Словац. пед. вид-во в Братіславі, Від. укр. літ. в Пряшеві, 1984, 256 с.

67 Позирай її, видав, перву публикацію: ГОЛЕНДА, Й. Повість А. Кралицького «Князь Лаборець». *In:* Тези доповідей та повідомлень до XVIII наукової студентської конференції. Серія філологічна. Травень 1965 / Ужгородський університет. – Ужгород, 1965, с. 57-60.

68 ГОЛЕНДА, Й. Анатолій Кралицький у закарпатоукраїнському культурному житті минулого сторіччя. *In:* Науковий збірник Музею української культури у Свиднику. Т. 9. Кн. перша / за редакцією І. Русинка. – Братіслава; Пряшів : Словац. пед. вид-во в Братіславі, Від. укр. літ. в Пряшеві, 1980, с. 135-202.

Кедьбы книжка выйшла о пятдесят років скорше, заслужила бы вшорителька самі ґратулації. Але середина 1980-х років про пряшівську «украиністику» была добов высокых резултатів – было у тій царині на што и на кого ся оріентовати. Выйшли уж на тот час поетичні и прозові творы А. Духновича, А. Павловича, И. Сілвая, Ю. Ставровського (Попрадова), моноґрафічні изглядованя за А. Павловича, А. Добрянського, Ю. Ставровського (Попрадова) и многі другі, за котрі туй лем нагодов припоминаєме. До кінця, хотяй фраґментарно, але творчость А. Кралицького у тім часі активно изглядовала у Пряшові Олена Рудловчак[69], а в Ужгороді, ищи скорше, из літературно-крітичным аналізом ёго умелецькых творів солідно выступив Василь Микитась[70].

Моноґрафія Ё. Голенды «Анатолій Кралицький: Розвідка і вибрані твори» ся наразила на крітику. У розуменю усвідоменого рецензента, котрым провказав ся пряшівськый изглядователь Микола Мушинка, тота книжка не одповідає крітеріям научности. За главну проблему вшорителькы Ё. Голенды рецензент тримле бессістематичность транслітерації текстів А. Кралицького. Він пише (подаєме в українському оріґіналі):

> «Передруковуючи твори А. Кралицького, вона вирішила «строго дотримуватись першоджерел, щоб подати і картину тогочасного мовного питання» (с. 100). Зміни вона зробила лише в області фонетики: тексти, писані «народною» мовою, вона пристосувала до норм українського правопису, а тексти, писані «язичієм», – до норм російського правопису, причому і з перших, і з других вона викинула такі характерні фонеми, як “ы”, замінивши його на “и”; “э” – на “е”, при чому це “е” виступає і в позиції “є”; “Ъ” без розбору змінює то на “і”, то на “е”, то на “ї”; на “ї” змінила й “и”, зокрема на початку слів, “ъ” вилучила, зате буквально «насіяла» до текстів Кралицького „ь” у потрібних і зовсім непотрібних позиціях. Але найголовніше,

69 Репертуарний збірник. Вип. 4: Анатолій Федорович Кралицький: 150 років з дня народження / уклала О. Рудловчак. – Пряшів, 1984, 64 с. Вшорителька не лем же подала дакілко куртых (в українському товмаченю) творів літератора, вна приправила (подля етноґрафічного матеріала Кралицького) інсценізацію «Весілля на Лабірщині», тыж зукраинізовану. А тыж додала на зачатку репертуарного збірника свій куртый начерк житя и творчости А. Кралицького.

70 МИКИТАСЬ, В. Анатолій Кралицький. *In:* Микитась, В. Галузка могутнього дерева: Літературний нарис. – Ужгород, 1971, с. 131-147. *Позирай тыж*: МИКИТАСЬ, В. Л. А. Ф. Кралицький (1835–1895). *In:* Микитась, В. Л. Літературний рух на Закарпатті другої половини XIX ст.: Конспект лекцій з курсу історії української літератури XIX ст. – Ужгород, 1965, с.63-72.

що в усьому цьому немає жодної послідовності. Виникає враження, що кожен текст піддано іншій транслітерації за ключем, відомим тільки авторці, в результаті всього цього у неї виник новий тип штучного «язичія», яке в порівнянні з «язичіем» Кралицького не є ніяким прогресом. Створена нею мова наперекір її запевненню про «строге наслідування першоджерел» є віддаленою від оригіналу і, по суті, є пародією мови Кралицького. В транслітерації Й. Голенди подані твори виглядають штучно і комічно»[71].

Изгорненя рецензента М. Мушинкы выпозірує як вердікт капітану даякой плахтарькы часів Крістофа Колумбуса. Не мож бо ся пущати у далекой плаваня, в ищи не зглядані світы без доброго компаса! Бо мож наразити – себе и команду – на неприятность. М. Мушинка резюмовав:

«Першу монографію про А. Кралицького з добіркою його літературних творів аж ніяк не можна назвати успішною... Отже А. Кралицький і надалі чекає на свого дослідника та упорядника своїх творів»[72].

7. «На Украині творы писателя...» не «...выходят по первый раз»

Конець 1980-х років быв позначеный у Европі крахом тоталітарізма. Державні выдавательства за шором вымітовали из своїх редакційных планів рукописы комуністичной автуры и глядали нові темы. Про мене была то добра нагода понукнути даякому выдавательству творы А. Кралицького. Так я и вчинив (1989). За даякый час мнов вшорену книжку творів Кралицького (на 280 стор.) из назвов «Князь Лаборець» уж ладили (на лінотіпных машинах) в печать. В ужгородському державному выдавательстві «Карпаты» у книжній серії «Народна бібліотека» зачали выходити творы: Ю. Станинця (1991, тіраж 6500 фал.), Марка Бараболі (1991, тіраж 5000 фал.), А. Духновича (1993); шор прийшов и на А. Кралицького.

Ищи до того, як зачала выходити серія, редакційна колеґія вызначила прінціпы транслітерації текстів «закарпатськых» авторів

71 МУШИНКА, М. Перша монографічна праця про А. Кралицького з добіркою його творів. *In:* Нова думка. – Вуковар (Югославія), № 67. – 1988, с. 38.

72 Там же, с. 39.

в Украині. Кидь суть писані народнов бесідов, мусай їх буде сістемно наближовати ид украинському літературному стандарду. То значит, приміром, заміняти характерну фонему «ы» на «и» (быти – бути; пастырь – пастир, сыны – сини), але робити и другі зміны. Вцілови, тоты «прінціпы» мали хаотичный характер.

В анотації до книгы из пафосом ся писало: «*На Україні твори письменника окремою книгою виходять вперше*». Але крах Совєтського Союза (1991) гет неґативно ся позначив на економіці; «Карпаты» обстали без державной підпоры, а печатня нияк не зачинала робити тіраж А. Кралицького без платы.

Так то ся тягло аж до середины 1990-х років; аж наконець печатню пріватізовали, «желізо» (алуміній) продали, «Князь Лаборець» не выйшов. Шкода, бо на тот час была то найповнійша верзія творчого наслідства літератора – 24 творы! Дав им до зборника майліпші романтичні творы («Пастырь в полонинах», Князь Лаборець», «Федор Петрюк», «Не ходи, Грицю, на вечерниці!», «Мойсей»), оповіданя Мора Ёкаї «Пуґачов», ёго творы послідных років, писані про російськоязычні львівські выданя («Экзекутор», «Житейския дрязги»), етноґрафічні изглядованя, фолклорні записы, ёго письма.

…Таков была несеренчлива доля первого «Князя Лаборця».

На щастя, доста скоро по тому у нашой житя прийшли нові технолоґії – компютер. Сім текстів из книжкы «Князь Лаборець», главно національно-патріотичного прямованя, набрав им на компютері; дав им напечатати книжку на свої гроші[73]. Холем тоненьку! Анотацію застачив им написом: «*Окремою книгою твори письменника в Україні виходять вперше*».

Выходят!

Будут выходити!

Бо сьме не готтентоты!

доц. ***Валерій Падяк****,*
кандідат філолоґічных наук

73 КРАЛИЦЬКИЙ А. «Кому мила єсть отчина…»: Оповідання / упорядник текстів, автор вступної статті та приміток В. Падяк. – Ужгород, 1998, 112 с.

ТВОРЫ

ПРОЗА

ПАСТЫРЬ ВЪ ПОЛОНИНАХЪ.

(Повѣстка изъ сторонъ подъ-Карпатскихъ.)

Сближитесь сыны славной Рꙋси, и станьте вкрꙋгъ мене! И радъ бы снѧти гꙋстꙋю заслонꙋ мовь хмарꙋ изъ небосклона древности, радъ бы очамъ вашимъ представити любезныхъ предковъ нашихъ, которыхъ возродили плодоносныи степы Подольѧ, погребла землѧ Оугріи! . . . Величественное ꙗвленіе открывается очамъ тꙋземца, когда свѧтымъ обнѧтъ восторгомъ внꙋритъ очи свои въ темное нѣдро минꙋвшости, въ древность своего рода.

А древность наша то свѣтъ богатый: изъобилꙋетъ она то пріꙗтными, то сꙋмными событьѧми, — а всегда важною есть и любопытною длѧ каждого народолюбца. Древность вразъ оучитъ и грозитъ . . .

Въ давное счастлившое времѧ Оугріи, коли подъ Людовикомъ Великимъ предѣлы царства того оперались о береги Балтійского, Адріатского и Черного морѧ, — отбылось найзнакомитшое вразъ и послѣднее переселеніе Рꙋсиновъ въ Оугрію. Новое населеніе розстелилось по широкимъ полѧмъ подъ-Карпата, и смѣшалось съ родимцѧми, которыи оуже съ первыми Оуграми, послѣ и подъ Царѧми Арпадского племени сюда вселились, и засѣли восточныи предѣлы нового царства.

Гей! Рꙋсинъ былъ тогда еще Рꙋсиномъ въ полномъ смыслѣ имени того: — онъ горливо зналъ почитати народность свою, былъ вѣрный любитель свѧтого своего обрѧда! — Древніи благіи часы промчались . . . . .

Дѣеписаніѧ оутверждаютъ: что все перемѣнное есть подъ солнцемъ.

ПАСТЫРЬ В ПОЛОНИНАХ

Повістка из сторон под-Карпатских

Зближитесь, сыны славной Руси, и станьте вкруг мене! Я рад бы зняти густую заслону, мов хмару, из небосклона древности, рад бы очам вашим представити любезных предков наших, которых возродили плодоносныї степы Подолья, погребла земля Угрії! Величественноє явленіє одкрывається очам туземця, когда, святым обнят восторгом, внурит очі свої в темноє нідро минувшости, в древность своєго рода.

А древность наша – то світ богатый; изобилует она то приятными, то сумными событіями – а всегда важною єсть и любопытною для каждого народолюбця. Древность враз учит и грозит...

В давноє щастливше время Угрії, коли под Людовиком Великим[1] преділы царства того опирались о береги Балтійского, Адріатского и Чорного моря, одбылось найзнакомитшоє, враз и послідніє переселеніє Русинов в Угрію. Новоє населеніє росстелилось по широким полям под-Карпата и змішалось з родимцями, которыї уже з первыми Уграми, послі и под царями Арпадского племени, сюда вселились и засіли восточныї преділы нового царства.

Гей! Русин был тогда єще Русином в полном смыслі имени того; он горделиво знал почитати народность свою, был вірный любитель святого своєго обряда! Древнії благії часы промчались...

Дієписанія утверждают, что все перемінноє єсть под сонцем.

I

Чорный сумрак поздной осені застеляєт видокруг; уже и вечер збліжился, бо сонце западает за лысыї горы; часом и зимный вітерок подувает от сівера; густо валится жолтоє листя дерев на землю, и соучастно укрываются ним корчі столітного дуба.

Но тихо! – ото голос чути: ачей то пісня лебедя? или прелестный голос горских чудовищ у бездонной пропасти? Не лебедь то, ни горская

1 **Людовик Великый** (1326–1382; *мадяр.* I. (Nagy) Lajos; *польск.* Ludwik Węgierski) – король Угорського корольства (из 1342 р.) и Польщі (из 1370 р.). Воёвав из Неаполітанськым корольством, Венеціёв, Литвов (*зазначка вшорителя* – В. П.).

діва, но пастырь з полонин играєт на сопілці. Он як природный игрок искусно вылудит ти найчуствительнійшу нуту од сухого дерева.

Зближімся к нему. На мохнатом камени сидит молодый верховинець; вышесяговая постава показывает в нем силу медвідя; высокоє чело, долгії чорныї волосы єще лучше одбивают черты єго лиця. Так он, сидя каждого вечера на том же камени, выгравает собі на сопілці.

Вниз под горою з разсілин скалы вырывается кристально чистый источник и течет крывулями вздолж подгорья, будьто серебряна поволока, а над водою стоит руска красавиця з двома збанками в руках и пламенными очима поглядает на юношу.

Пастырь однял од уст сопілку.

– Подобаєт ли ся тобі пісня, моя любезна Єлено?

– Ах, и дуже, а только теперь она кажется быти якось тоскливійшою, як перед часом, сумнійшою, яку ты ніколи єще не игрывал. Да по чому тая тужба, солодкий Владиміре[2]?

– Га! Ты дивуєшся? Сопілка пастыря и нехотячи вылієт внутреннії чуства, выведет думку, а сын природы, коли весною луги зазеленіются, сперва любит з соловієм весело играти, а як наступят дни пекущаго літа, сопілка єго розрывныї, тупыї голосы розносит. Дивно ли, если о поздной осени затоскует над матерью-природою? Приближаєтся и моя осень, ба ачей и зима!

– Наступит вновь другая весна, – отвічала Єлена.

– Дай Боже! Только мені, як показуєтся, не принесет больше моєго соловія.

– Ты весьма занят печалію, тобі чогось тоскно стало; я тебе николи не видала так сумным! Вчера мати пытала: почему Владимір так рідко до нас ходит? Я не знала отвічати, як и теперь не єсьм в стані поняти причину твоєї туги.

– Не остановляйся, любезна, над моєю невдякою, – одразил уже якось лагоднійше Владимір, – жителя дебр находят розныї хвилі духа... но сего вечера у вас буду.

– Тяжко дойдеш тамо! – зашептал якийсь глухий голос в поблизькому

2 У первопечатному тексті (1860 р.) и далшых перевыданях сёго оповіданя, не знати чом, автор хоснує неєднакой написаня чоловічих имен, друга часть котрых має у собі корінь «міръ». Мож порівнати: «Владиміръ», але «Тихомиръ». Годно быти, же иде за стілістичну штуку. Подля тогочасной нормы російськой орфоґрафії слово «міръ» (як выняток из правидла) усе ся мало писати через буквy «і». То значит, «міръ» – правилной написаня слова (Владиміръ – позітивный герой), а «миръ» – неправилной написаня (Тихомиръ – фалшивый чоловік) (*зазначка вшорителя* – В. П.).

корчі так тихенько, что Владимір мыслил, будьто слишит шум вітерка вечірного.

– Прийди, любый, прийди, мы раді тобі, – запросила з усмішком внутреннёго удовольствія Єлена и, начеривши збанки водою, поспішила скорым кроком через луг зеленый к хаті.

Цариця небес высоко плавала в товаристві ярких звізд на синём поднебесью, коли Владимір похватился з задумчивости, стис сопілку под паху и пустился узкою стежкою по-под гай зеленый. Думки єго были тяженькії, розум боролся з сердцем, любовныї чуства влекли єго до вірной, постоянной Єлены, а розум, як холодный мыслитель, проводил єму на память лукавоє корыстолюбіє старого Романа, в которого власти была прекрасная Єлена. Чуства тії и мысли произвели в души Владиміра болізненный росстрой и роздирали рану сердця, котору любов єму задала. З таким печальным настроєнієм духа зближался он к хаті, в которой находился предмет тужливых єго думок, но враз и усміхающойся єму надії.

В боку у хаты, серединою прилежащого огорода, протікал горский глубокий поток, через который вела до хаты узкая кладка. Владимір сміло ступил на кладку и з одвагою проходил вздолж ней; но коли дойшол середины, кладка проломилась – и он той же хвилі нурялся в волнах глубокого потока. Говорят, что утопающий и острой бритвы хватаєтся – з пастыря пловець стался. Владимір сильно робил руками и щастливо доплил до берега. При березі човно было припятоє, а на човні пильник и невеликая торбинка.

Пастырь скрыл найденыї речі под сірак и, выдряпавшись з потока, начал выкручовати наводненную одеж. Собака голосно защекала з-под засипа хаты.

Хата показовала вкус тогдашних времен: росширноє будовиско, низкії выгляды з шестьугольными стеклами, якії показывают єще гдекуда святыї храмы верховины. Из окон одбивался слабый блиск каганця.

Дубовыї тяжкії двері заскрипіли, Владимір рішительно вкрочил высоким порогом.

– Помагай Бог вам! – заголосил он громко.

– Дай боже здоровья, – одповіла звенящим голосом Єлена. Зачим старый Роман поднял очі, змірял ними од пят до головы прибывшого гостя, Єлена уже посадила Владиміра на широкую лавку.

– Вітай, Владиміре! – озвался Роман по хвилі и продолжал бесіду з прежнім хладнокровієм.

Вбок него сиділ мужчина, числячий літ около тридесят и пять, помраченыї очі єго сверкали угасающим огнем ужывших грішных пристрастій и потупно носились по стороні, где Владимір усіл з любезною своєю.

Старый беспрерывно провадил бесіду свою, он росказовал Тихомирові – бо так назывался незнакомець наш – о походах воинских в Неаполь, о храбрости полка своєго, в котором перед осми літами служил; прославлял Людовика и проклинал Іоанну Неаполитанску, из которой согласія коварным способом замордован был Андрей, муж єї, родный брат Людовика. Все то было для гостя весьма занимательно. И Тихомир слухал, а старый провадил своє.

Но Владимір наш цілком одлучился од них; он забавлялся з Єленою. Разговор старого Романа нічим єго не занимал; он по чуствах груді своєй забавлялся; аж коли уже обачил, что ноч позна, когут пієт, стиснул за руку Єлену и, попрощавшись наперед з старою Макриною, попрощал всіх словами «Добра ноч!».

Острыї стрілы з очей Тихомира провадили єго. Но он внутренні успокоєн одойшол.

II

Урвім нитку повісті, лишім на час скромных верховинців наших.

1378 літа, трєма годами вперед приключенія того, блідыї лучі ночного світила одбивалися од выгляда одного дома в Букарешті. Город Валахії покойно дрімав под чорным покрывалом ночі, и гробную тишину шумных днем улиць лиш часом возмущав клопотный ступай ночного сторожа. В спальні помянутого дома молода женщина лежала на одрі и боролась з смертію... Ангел смерті прервал єй страданія – она скончалась... А в прибочной комнаті жартовныї усмішки давалися чути.

Молодый боярин пристрасно стискал сніжно-білую руку красной ромунки и сладосно предкладал єй взаимную щастливость, наступаючоє блаженство.

– Благодарю, Флора! Ты мене позбавила тяжкого бремені, под которым я за три літа так тяжко угнітался. О, ты освободила мене от моєй неволі! Як щастлив буду я в твоїх объятіях!

– Ха-ха-ха! – засміялась сміхом відьмы лесная ромунка, – ты щастливым хочеш быти, Думитріу? Будеш щастлив, только щастя твоє не буде ли возмущаємо поминанієм грішной минувшости?

– Перестань, любезна! О, ты так плоха, любиш зо мною задиратися! Что мені до минувшости? Я наслаждаюся настоящим, уживати хочу роскош будучности, а минувшость най пропадет в бездну вічности.

– Но нещадная совість, діти ада, замедлят ли должность свою?

– Что мені? Мене ничто не тронет, я спокойно пити буду любов из чаші уст твоїх.

– Не будет ли в чаші той топсана, Думитріу? Топсана, яку испила пред годиною молода жена твоя, а перед тыжднем родноє дитя твоє?..

– О, ты страшенна! Ты творишся невинною, не твоя ли рука донесла смертоносной топсаны? Ты помоч подала погубити моїх; я только для любви твоєй стался убийцею и послал жену и дитя на другий світ!

– Ты – жестокосердный, Думитріу! Прирекаєш мені непрерванну вічну любов; можеш ли ты вірно любити мене, коли ты так бесчеловічно убил своїх? То правда: я помагала тобі, но помагала про то, абы искусила, будеш ли в стані одважитися и на найгоршоє про любов для мене; а что ты человік без сердця, свідчат діла твої. О, ты дуже, дуже прегрішил, Думитріу! Ты подобный к оному ловцю, о котором я тобі истинно случившуюся сказку роскажу. Слухай!

«Там, где вічная зелень по-над лысую голову престарілой Магуры росстелила свой синій плащ, стоит єще и по днешній день на берегу чистого потока малый домик; єсть то місто чародійного положенья. Господарь дома того єсть – казати хочу «был» – званієм рыбарь, он постарілся при неприязненном ремеслі, ловил рыбки и так пропитовал своїх. Женка померла в цвіті молодости и лишила убогому рыбарю полвторалітную доньку. Марія росла, будь тополя посреді гущі ліса, невинно, мов біла лелія в цвітнику. Людей изблизі никого не знала, бо рідко кто навіщал старого рыбаря. О, як щастлива, як задоволенна была тогда єще Марія! А як красна была она – образець найвысших красот, в якиї лиш рідко изобилуєт мати-природа! То утверждал цілый Букарешт, в который она єженедільно заміняти дробныї рыбки на потребы до поварні приходити обвыкла была.

Одного пекущого пополудня, коли од чорных хмар заблысла молнія, небо загреміло, густый дождь ліяти почал, вкрочил до хаты рыбаря молодый ловець з стрільбою на плечах, прося на час притулку. Сердечно прияли єго домашнії и почестовали по обычаю хлібом и печеною рыбою. Ловець одойшол и приобіцялся на другий день.

Марія, дотеперь так веселая, задумалася, почала тужити. Ловець прийшол знова и стался каждодневным гостем. Солодкиї слова промовлял он до Марії, Марія радо єго слухала; межи ними тіснійший союз почался... Ах, и Марія дуже щастлива была тогда! Ловець обіцял єй в жену пояти – Марія росла од радости. Но з одного часа ловець рідко приходити почал, аж послі цілком забыл за Марію – Марія сталася матерью... Старый отець, занедужавши, помер; кажут, что од жалю... Ловця нигде видати не мож было. Марія осталася сама на себе... Бідная! Не єдна слеза полялась вниз білого лиця, но уже поздно оплакивати вдовство...».

Думитріу потрясся по всем тілі. Флора продолжала:

«Марія лишила домик, в котором народилась, чтоб нещастною

сталась. Пойшла в город, сама сирота опущенная, блукалась по улицях, звідывала за ловця, но, по имени не знавши єго, вопрошала надармо. Аж єдного вечера обачила єго выходящого з одного дома, вопросила людей, кто то? Єй одповіли: "Богатый боярин Думитріу, а в домі сем жиєт єго обручниця". "Обручниця?" – промовила до себе Марія и удалася к оному же дому. В світлиці, украшенной богатыми снарядами, сиділа молодая обручниця; Марія упала до ног и ціловала руку єй, показывала малоє дитя, которое так солодко почивало на лоні – но выслышанна не была...

Одного утра послі приключенія того світлая толпа бояр удавалась к святому храму, а Марія тряслась з дітиною от зимы. Лукавый ловець женился. Марія пребігла свадебных и приклякла перед ловцем. Он копнул в ню ногою – Марія упала... Долго лежала она без чуств и занедужала тяжко. Дітина померла. Марія пустилась в світ... Долго она блукалась, но теперь –двояко одмстилась! Познаєш ли мене, Думитріу?! Я – Марія!»

– Ах, что слышу? Ты – Марія?

– Марія, а не Флора! А ты, лукавый ловець, ты уловил душу, совість и покой мой, верзи на мя камень! Ты мене нещастною зділал, я одмстилась над женою твоєю за то, бо коли я просила, абы тебе мені одпустила, она мене изгнала... Подай руки, Думитріу, я звяжу их и оддам тя суду!

Думитріу вызирал, будьто бесчуственный истукан; глубоко впял он очі в землю и молчал – молчал, не оправдовался, не противился: суровый боярин под хвилькою агнцем стался! Зложил руки, а Флора – или, праведнійше, Марія – зорвала з груди драгоцінный ланцух золотый, у которого висіл маленький крестик, звязала ним руки боярина и вела єго за собою долу ступаями.

Надворі была темная ноч. Марія на саму площадь города спровадила боярина, там оддала єго до рук сторожей, исповіла вину єго и пропала.

Думитріу в сырой темниці очутился.

III

О, веселая верховино, ты высокий Олімп Руси! Ты исключительный предмет радостей и забав Русина. Он літом, безодлучный житель твой, лазит по скалам полонин твоїх, пасет скотину іли обділывает землю. А зимою на верховині ачей скучно? Русин, и коли спит природа, маєт средства, єсть способен забавно провести долгиї зимовыї вечеры. Может быти, что пышного гражданина, привыкшого к искуственным зрілищам, роскошным, вынужденным забавам, убила бы в горах скука, унініє, но и не тронется селянина. Селянин ледва дождаєтся вечера, чтоб пойти на вечерниці, на прядки, где так солодкії пісні, чуствительныї сказки, приповідки и веселыї жарты можно чути!... О веселая верховино!

Такиї забавныї вечерниці бывали и у богатого Романа. У него была обширная світлиця, а Єлена иміла много подружок. Весело промчалась Филиповка, наступили свята, приближились и так давно ожиданныї мясниці. У мясниці Русин плынет в радостях, в роскошах: он лиш в мясниці любит свадьбовати, тогда танцює, веселится до пересыту.

***

Ктось затовкал в двері низкой хаты старого Игната.

– Вольно, – скричал он из внутрь. И войшол Владимір.

А Игнат был то муж, як рідко кто в околиці: любимый и почитаємый од родимцев своїх, которыї єго заєдно лиш «Батьком» звали. Батько бо был он цілому селу, частью про свою глубокую старость, про літа, частью же про оный союз, который межи ним а селянством существовал, по которому он кождого сельского торжества первый и неминаємый заводчик был и руководитель; без него не одбылися крестины, не вязалися и не кончалися слюбы. Єго неисчерпаємоє краснорічіє упросило діву; он услуги своєй и умершим не одказал, бо єго ділом было Псалтырю над умершим тілом читати. Не женился николи, молодость в полонинах стравил, был долго гробарем, послі – звонником. А иміл он и тот похвальный обычай, что завсе одну сиротку воспитывал, котора у него, доколь замуж не пойшла, должность господыні кончити обыкла. Дом єго был убіжищем, притулком для всіх странных – и теперь зимовалась у него єдна убога женщина, котора неизвістно з яких сторон приблукалась и, занедужавши, человіколюбным Игнатом в дом прията была. Она, казалось, походила из Валахії и научилась дачто уже и по руськи.

В мясниці молодці найчастійше посіщали батька Игната, предкладали єму замыслы свої и наміренія свої, просили о пораду и, что было найважнійшоє, даколи просили и о послугу.

Свої наміренія иміл также и Владимір, вступивший перед хвилею в Игнатову хату. Он глубоко уклонился; Батько приял єго ласкаво и посадил близь себе. Владимір россмілился и начал предкладати ціль свого прибытія, котора в том состояла, что он рад был женитися з Єленою и просит умильно о посредничество Батька.

Батько потерся по голові и промовил до молодця охрыплым голосом:

– Добрі, сыне! Лиш, як чувати, Єлена уже иному пообіщанна.

– А кому, Батеньку?

– Знаєш богатого Тихомира?

– Тихомирові? А то неправда, Батьку; Єлена не станется віроломною.

– Гм, Єлена – добра, только Роман мені не подобається; он человік користолюбный. О, єжели бы лиш только добра Макрина не была померла и доньку свою Єлену не лишила на так подлыї руки...

– Роман не єсть родный отець Єлены, а Єлена єсть в своєм праві свободна.

– Гаразд, сыне, єще днесь вечер покусимося о щастьє! Но изготовил ли ты який подарок для твоєй Єлены?

– Тут єсть, Батьку! – скричал так громогласно увеселеный жених, что и недужная жебрачка пробудилась из просоня; зачим вынял з-под сірака малую торбинку, розвязал, и вот золотый ланцух зазвеніл на столі.

– Красный подарок, о, дуже красный! – промовлял Батько.

Жебрачка очі, як пясти, выкотила и вновь затворила.

– Слышали вы, Батьку, о моєй пригоді минувшой осені, коли я в поток упал и мало что не потонул? – поднял слово Владимір и продолжал, – Я кладкою больше раз перейшол, но нигда не уломилась подо мною. Гей, Батьку, кладка из споду подрізана была, лиш к верху мало держалась, а кто подрізал, тот лишил мені в нагороду невольного купаня пильник и торбинку з ланцухом сим.

– Враг той, як видится, был богатый!

– Богатый он и нині, Батьку, и не что иноє, только богатство єго сушит мою голову.

– Кого розумієш, Владиміре?

– Кого бы иного, як не лукавого Тихомира.

З тым приближился вечер, смерклося; Игнат встал, покрутил сребряно-білыї усы и, взявши в руки палицю, промовил:

– Ходім, сыне; Боже помагай!

Владимір дрожал, сердце сильно билось в груди, так яко тому воину, который на перву идет битву.

IV

Хата Романа стояла на малом холмику, з которого свободный прогляд был на всі стороны околиць. Єлена задумчиво стояла на порозі сінных дверей и позирала вниз росстеляющуюся замрачену долину, по которой поодинокиї домики, будьто гнізда муравлей, рострясено чорнілись. Скоро обачила Єлена зближающихся мужей и вбігла в хату. Она добрі познала приходящих, як и відала про їх наміреніє.

Старый Роман, опершись на локоть, сиділ собі за столом и проспівовал тихонько «Ангелский собор удивися», бо то єму признати должно, что он, при всіх своїх, як казати звыкли, недостатках любил пісні святого обряда.

Двері скрипом ростворились, и Игнат, закашлявшись, як то старый, вступил з Владиміром у світлицю и солодко поздоровил домашніх.

Єлена скочила и, постиравши припаскою столець, просила сісти. Но Батько, собравши в морщины подолгую старую тварь, котора тым поважнійшою выдалась, ударил палицею о землю и начал повольным голосом: «В густом лісику, на зеленом яворі дві горлиці гуркали...»

Єлена чим скорше закрыла очі припаскою, як то звыкли ділати наші верховинскиї красавиці, коли из пословичной бесіды не иноє что порозуміют, як что їх замуж просят. И Роман догадался – колько часов было...

Батько продолжал: «Горлички взаимно любилися и предприняли собі, забеспечивши неизвістну будучность, гніздочко уплести, чтобы як себе, так и маленьких иміти где скрыти од бурі и всяких непогод. И уже предложенноє діло начати хотіли – нараз пропала самичка и больше не показовалася. Самчик тужливо щебетал по гаю зеленом, глядал улюбленницю, доколь єй не найшол под вітками старого дерева; просил дерево: «Оддай мені, дубе сильный, оддай мою супружку! Мы получимся, гніздо уплетем и жити собі будем в любви“. Так и вас, любый господарю, сердечно просит вот юноша сесь, чтобы єсте изволили сердечну вашу Єлену єму дати в супругу, чтобы жили, як Творець приказал праотцям нашим!»

Батько, исповівши своє, занял місто.

– Брате Игнате! – озвался наскоро Роман. – Єлена єще и недоросла, она єще слаба, замуж сего літа не пойдет, ми свадьбовати и не мыслимо єше. – И з тым страшенныї очі верг на Єлену.

Єлена сумно внурила свої в землю.

– Батьку Романе, я люблю Єлену, она мене; мы уже давно пообіщались одно другому; будьте ласкавы, благословіте союз наш, – просил умильно Владимір.

– Ніт..., сего літа ніт.

– Ба ачей и николи?!

Роман молчал.

– Стрыю! Я Владимірові пообіщалася, я єго супруга буду, или ничия; я Тихомира выстати не могу, он человік суровый, я щастлива з ним не буду – и радше смерти, нежели ему обручуся, – просила з плачем Єлена.

И Игнат вмішался, всі просили, но даремно: Роман остал непоколебимым.

– Так, сыне, одходім! Оставайтесь з Богом!

– Ніт, Батьку! – закричал з немалым огорченієм Владимір. – Єлена єсть моя обручниця, она казала: умрет, а не будет иного, як моя; и зачим только огидна мамона препятствует нашой ціли? И єсли мы не в

стані доспіти оной на сей земли, будемо свої на другом світі – там, где ніт позору на марноє богатство, только на чистоє сердце. Про то, любезная, я прощаюсь з тобою навсегда. Нашу колыбель нещастная рука судьбы колысала; ты, я знаю, не станешся віроломною. Пращай и прийми в залог моєй вірной любви памятник сей! – сказал и повісил золотый ланцух на шию Єлены, котора слезами обливалась. – Аж теперь идім, Батьку! – воскликнул єще Владимір, и оба одойшли.

Дарьмо покушал бы ся кто изобразити жаль сердця бідной Єлены. Аж теперь начались страданія єй, єї одчаяніє... Потерянна надія.., сумный голос сопілки.., присутствіє и подлестныї слова Тихомира.., суровыї укоры Романа – все то явилось теперь єй тривожному воображенію, поразило невинну дівочую душу, ударило в грудь... – и из той груди, з самой глубины добылись горенькиї слезы, потекли рясною струєю по лицю и измыли свіжую рожу из чудно-прекрасной твари. И рожа начала увядати...

***

Настала весна, приятныї голосы сопілки росходились по дубровах, горы и лісы оджили свіжою зеленью, роскошною вонію. Все повеселіло, а только Єлена была смутна...

Одного приятного вечера, коли она, сидячи на приспі у хаты, оплакивала свою печальную долю и послі горких слез наконець твердо заснула, явилась вблизи одна женщина в обдертой одежи, з побуреным долгим волосом, тулялася за углом хаты и, обачивши Єлену спящу, прикралась до ней тихонько – и в миг пропала...

Пробудившись по хвильці, Єлена желала по обычаю поціловати крестик, но ланцух пропал уже из шиї...

V

Весна в полноті росцвілась. Настал прекрасный місяць май. Землиця Божа приоділась світлым зеленым одіньєм, вся нарядилась цвітами. Куда глянеш оком, всюда прекрасно, приятно, весело! На небі, в воздуху, по горам, по долинам – всюда завладіла чудная княжна-весна.

Всі наслаждались нею... а только одно сердце было, для которого весна казалась зимою; то было сердце Єлены...

Одного дня приятным поранком, коли пламенныї лучи сонця, поднесшись из-за гор, позолотили остроконечныї верхи Карпата, удавалась веселая толпа свадебных людей к святому храму. Издалека, од высоких полонин, розносился тоскливый голос сопілки... Толпа войшла в церковь. Думитріу женился з Єленою.

Сиво-бородатый священик вопросил Єлену, вольно ли она присягает? Єлена, подтронута из-заду рукою Романа, отвітила тихим голосом: «вольно».

– Не пообіщалась ли дакому уже?

Отвіта не было. Священик повторил вопрос. Єлена не отвічала. Казалось, будьто она недужна. Священик одпретил благословенія своєго и весельныї сватове уныло розойшлись.

Но ввечер созвал Роман всіх гостей на малую закуску и просил всіх поєдиноко, чтобы наклонили Єлену до исполненія волі єго.

Єлена лежала на ложі недужа.

Дом дрожал од звука музики и веселых співок, всі забавлялись по вкусу своєму: молодці плясали, старыї сиділи вкруг стола и гостились.

Звук утихнул – что-то дивного сталось. Одна ряндава женщина быстротою молнії вбігла в хату з блыстящимся золотым ланцухом в руках и, остановившись пред Тихомиром, закричала из всей силы:

– Зложи руки єще раз, Думитріу!

– Ах, мати моя! Ты нещастного сына породила! – заревіл з плачем Тихомир. – Маріє, Маріє, ты жено ада, отруйнице жизни моєй!

– Ха-ха-ха! – засміялась голосом зъумасшедших Марія. – Подай руки, ты, як вижу, познаєш ланцух сей?

– Пропадь, исчезни! Люди, спасайте мене!

– Думитріу, или по-твоєму, Тихомире! О, як тішусь, что ты познал и по так многих літах нещастную Марію, безумную Марію, як люди кажут... Тобі пощастилось избігнути из темниці и подержати ланцух сей для своєй конечной пагубы – подай но руки!

Всі гості, мов бесчуственныї истуканы, призирались дивному зрілищу. Лже-Тихомир скочил и, ухвативши ланцух, будьто изпуженый лев, пробился через задивлену толпу – и исчез...

***

Жолтоє листьє дерев уже валитись почало на землю. Марія давно уже лежала в гробі. Она не могла одмститись на лукавом боярині.

Голос сопілки жалостныї тоны розносил по верхам полонин – аж одного часа нараз умолкнул...

На общом кладбищі одна могила зеленым мохом окладена стояла. Под могилою спочивала Єлена в объятіях смертного сна.

Один муж сиділ над могилою и з дитинячим удовольствієм бавился якимсь-то ланцухом... Был то Тихомир.

НЕ ХОДИ ГРИЦЮ НА ВЕЧЕРНИЦѢ!

Подкарпатская повесть

Анатолія Кралицкого.

I.

Уже погасъ жаръ пекучого лѣта, утихли и громы чорныхъ облакъ съ своими тучами; не колышется бо́льше золото-цвѣтный колосъ на широкомъ поли, ни благовонный цвѣтокъ на зеленой роци. — Все, все чудно измѣнилось; бо спекла украшеніе плѣняючой природы пламенна лучь, зварила и изсушила все на жалобну суху стерню. Пернаты пѣвцы, одни скрылись подъ теплую стрѣху селянина, а другіи полетѣли воздушнымъ путемъ въ чужину..... И прекрасная природа вздремалась глубокимъ сномъ въ скучную дождевую осѣнь, и начала цѣвками ліяти горенькіи слезы!....

На широкомъ свѣтѣ нема лучшой доли, якъ овчареви лѣтомъ; якъ скоро зарумянится холодный поранокъ и багряныи полосы сверкнутъ на небѣ, схопится овчарь зъ выгодного ложа: сырой землицѣ у узкихъ воротъ кошары, и сей часъ берется за дѣло; подоивши на самъ передъ стадо, отчиняе потому плетеныи ворота и выпущае его на зеленыи луги. — О, кто покусилъ бы ся описати восторгъ души, внутренное удовольствіе его!.... Сонце правѣ тогда высувается зъ-заду горъ, обліетъ моремъ золотыхъ лучей стадо, и онъ въ чародѣйномъ порывѣ души сягае по свою горскую трубу, приложитъ до устъ, и записка̀етъ на

НЕ ХОДИ, ГРИЦЮ, НА ВЕЧЕРНИЦІ!

Подкарпатская повість

I

Уже погас жар пекучого літа, утихли и громы чорных облак з своїми тучами; не колышется больше золотоцвітный колос на широком полі, ни благовонный цвіток на зеленой рощи. Все-все чудно змінилось, бо спекла украшеніє плінительной природы пламенна луч, зварила и иссушила все на жалобну суху стернь. Пернатыї півці – одни скрылись под теплую стріху селянина, а другиї полетіли воздушным путем в чужину... И прекрасная природа вздремалась глубоким сном в скучную дождевую осень, и начала цівками ліяти горенькії слезы…

На широком світі скоро нема лучшой долі, як овчареві літом: як скоро зарумянится холодный поранок и багряныї полосы сверкнут на небі, схопится овчарь з выгодного ложа – сырой землиці у узких ворот кошары – и сей час берется за діло: подоивши насамперед стадо, одчиняєт потом плетенії ворота и выпущаєт єго на зеленыї луги. О, кто покусил бы ся описати восторг души, внутренноє удовольствіє єго..! Сонце праві тогда высувається з-заду гор, облієт морем золотых лучей стадо; и он в чародійном порыві души сягає по свою горскую трубу, приложит до уст и запискає на ней столь солодко, столь приятно, что повеселіє мати-природа од прехороших тонов!.. Так минают дны овчаря літом.

Але тым суровше одплачуєся ужита роскош. Загостит скучная зима з своїми метелицями, и буйному природолюбцеві паде жребій в унынії проводити дни свої на скучному зимовиску, а особливо єсли – як по нікоторым містам верховины в обычаї єсть – стадо зимуєтся не дома, но в полонині на салашах и зимовых хуторах; тогда веселый дух овчаря впаде в мертвоє росстройство и овладіє ним пасмурный характер…

В подобном состоянії находился и Гриць, овчарь, проведший уже змала не половину зимы на одном из оддільных полонинских хуторов.

А теперь, коли он опрятавшися около своєго стада, накормил єго и напоил, был уже вечер ясный, но морозный одного недільного дня; и овчарь наш, укончивши должность свою, запер стайню и вступил в свою избу. На самом вступі поздравкала єго прибывша уже преждє в хатину

стара Олена из села, котрой необыкновенноє доси посіщеніє, а паче теперь, коли аж дерева тріщат од студені, мало задивовало нашого овчаря. «Но ничого, коли уже тут є, та тут», – подумал он собі и привитал красненько Олену словами: «Здрастуйте, Олено!».

– Дякую, Гриценьку, за красне слово, – одповіла Олена, вставши од догорівшого огня, при котором руки загрівала.

– Кому же вдячен єм за рідкоє щастя?

– Не мені, Гриценьку, не мені, – одразила она наскоро, – но той благой души, котора ти через мене засылаєт вот се!

И тут представила єму оден кошик, полный колачами и розными приправками на закуску.

– Ага, то, віроятно, Ольга посылає сіє, – начал догадоватися Гриць.

– А, Ольга… Ци снит ти ся, Гриценьку? Бідна Ольга, убога, мов пятниця, ачей єй стати бы на то?

– Та кто ж инный?

– Одна блага душа, Гриценьку! Больше нич, имя не скажу, бо невольно.

– Блага душа, блага душа, а почто же засылає мені се, ци она мене знає?

– Лиш раз тя виділа, гдесь недавно, як казала; и ты запал у сердце єй, она одтогда не має спочинку.

Бідного овчаря в немалоє замішательство привел случай сей; стал догадоватися, кто бы мог так приклонным єму быти, если не любезная єго Ольга. Но миленька Ольга при всей доброті сердця єсть бідною... И чим опамятался, Олены уже не было; она быстротою молнії выбігла на двор, и наколи Гриць стал до окна поглядати за нею, она уже мчалась долу горою – тісным шляхом помеж сніжныї стіны.

– Вернитесь, вернитесь, Олено, лиш на одно словечко! – кричал он за нею, но она и не оглянулась.

Долго-долго стоял овчарь у окна и роздумовал, поки аж цілком не смерклось. На ватрі печи угля спопеліло и од простуженого воздуха окна замерзати почали, но Гриць таки не лишал окна. Вдруг выкотилась з-заду ряндавого облака полна луна; и од блідых лучей єй запалилось міліон искр на снігом покрытом полі. На то скоро показалась якась человіча постава, поступаючая узким пішником горі к салащу, и у самого порога роздался знаємый овчареви голос:

Вже журавлі одлетіли,
Где ся мої літа діли?

– Не співай, Василько, не співай, бо ми то не мило, но вступи вдну и скажи что нового, почто сь прийшол?

Двері одчинились, и вкрочил ними высокого росту мужчина, числячий више сорока літ, в долгой сорочці, мов дітина, наверху которой сверкал блестящими ґузиками зеленый гусарский доломан, з подобным клобуком на голові, которого и видно не было од множества пер и барвінку. Он належал к тым бідным створеніям, которых провидініє своїм премудрым совітом лишило ума; и звычайно называли єго селяне «шаленым Васильком». Женился заєдно; не было дівки в селі, котру не был бы просил собі в жену, а ущасливлена сим діва зо всяким правдоподобієм и хладнокровностью дала єму руку и пообіщалась быти супругою, из чого потому были сміхи немалыї – скоро дівка оддалась за иного. А Василько, хоть познал себе быти ошуканым, прото не впадал в одчаяніє; заспівал собі на волю «Вже журавлі одлетіли...» – и забыл на все.

– А что, Васильку, чогось прийшол? – запросил єго теперь Гриць, коли он розложился около ватры и стал зогрівати свої наполбосыї ноги.

– Е, та нич, прийшол єм та прийшол; хочу свадьбовати, и тебе любил бы м мати за свата.

– Не жартуй, не жартуй, но скажи правду, на что сь прийшол, кто тя послал? Ци не Ольга?

– Ба Ольга.

– Что казала?

– Казала, абы сь прийшол, бо стара дуже захворіла – до рана ачей и помре, и хотіла бы з тобою побесідовати напослідок.

– Так идем, Васильку, сей час.

Была вже глубока ноч, коли овчарь наш замкнул на колодку двері салаша, прищункал пару великанских собак под засып и пустился з Васильком долу узким пішником в село. На небі прекрасно світил місячок и озарял своїми лучами всі близькиї и оддаленыї предметы. Чудна то ноч была – холодна, но хороша. Красный погляд выдавался одтуду на все село, на маленьку церковицю з червоною вежою и золотым крестиком. Высокиї полонинскиї утесы з ледовыми верхами стояли, мов даякиї заклятыї чудовища-исполины. А оддалеку выносился пресловутый своїми неслыхаными оповіданіями чудных событій замок роспустной владітельниці Борбалы; обветшалыї муры замка выносились теперь посеред ночной мглы в чародійно-романтическом положеній. Розныї вісти носились по околиці про Борбалу[1]; росповідали, что уже трех мужей она отравила, что в замку лиш сама жиє з одною старою бабою, что переобле-

1 **Борбала** (*мадяр.* Borbála) – Барбара, авадь у славянськых народів – Варвара. Видав, атсёму имню А. Кралицькый придавав містичной значеня (*зазначка вшорителя* – В. П.).

кається то в воина, то в жебрака, то жида – и так обходит околиці на білом коні: кто ся єй полюбит, того похитит в замок, а наскучивши ним, сама убиває єго. Говорили о ней много всяких выдумок и небылиць.

Наши путники спустились уже до села и бродили вниз тісной улички, часто-густо прорізаємой горским потоком. Уже давно выгасло и світло в хатах, мілкиї оконці ночным мраком укрывались, бо селяне, по большой части, уже спали. Аж тут зближились к одной обширной хаті, з которой шумно выносился звук музики и плясок, из трех окон єй выбухала зоря внутренного світила, из чого догадатися можно было, что там весело собі вечеркують. Тут жила извістна нам Олена-вдова, а в домі єй держала сельска молодеж через мясниці свої забавы. Василько тут одкровенно сказал Грицеви, что уже най он иде собі сам з Богом, а он останеся тут, где честныї люде веселятся.

О пару минут овчарь наш застучал под дверьми низкой хатки, которыї борзо отворились и показалася на сінном порозі молода дівочка з слезами в очах:

– Мати умирає, солодкий мой Грицю! И желає тя єще раз напослідок видіти.

Вступил овчарь внутрь, в теплу комнатку. На столі в деревяном подсвічнику горіла воскова свічка, розливался благовонный запах фиміама. Все то пригадало єму, что недавно был тут отець духовный снабдіти тайнами умирающих одходящую од суєтного сего мира. Стал у кроваті конаючой Євдокії и имил єй за дряхлую руку.

– Ненько! Погляньте на мене, ци познаєте мя? Вот я прийшол одобрати благословенія вашого!

Умирающа з напруженієм всіх сил отворила очі.

– Ци то ты, Гриценьку? – промовила она ослабілым голосом. – Най тебе тройця свята и Пресвята Діва благословит! Будь щаслив, зділай щасливою и Ольгу мою – видиш, она остаєтся сиротою, но знай, же сиротам отець-мати и всё – єсть Бог на небі, и он... – не успіла договорити, что хотіла, бо погас світильник жизни и звязало язык вічноє молчаніє. Она умерла.

Ольга в роспуці духа сиділа у стола в куті, потопила заплаканыї очиці в одкрытыї стороны молитвенника; она не учула послідных слов мамки и не замітила даже и преставленія єї.

В зріниці Гриця одна слеза покрутилась и спала на сырую землицю.

– Вічная єй память! Добра душа была… – проговорил тихонько и приступил до Ольги.

Погружена в святоє богоговініє, Ольга подняла свої глубоко запавшиї чорныї очі на Гриця, вычитала из твари єго неомильный выраз

благородного сердця, выслідила всі ніжненьки чуства, которьї споилися теперь в одно найщиршоє соболізнованіє.

– Так, солодкий мой, видиш, я остаюсь сиротою – бідною, опущеною од всіх сиротою…

Значеніє слов сих повергло овчаря нашого в глубокоє роздуміє. Уже теперь не роскошная, веселая Ольга говорила до него, но говорила сирота, котора отця, матерь маєе на небі, як высловилась умирающа, але часом тым черты сироты переоблеклися в полнійшоє чуство, порывали смуглотою своєю всю страсть юношеского сердця, взволновали кров и всю внутренность овчаря… Необсохшая слеза сироты стала проникати в самоє ядро души. Словом, сирота во всей поставі змінилась в нетуземноє[2] существо! Гриць стал, мов очарованным – нигде єще не бачил он на твари сей то, что теперь; аж теперь познал он, что то єсть Ольга.

– Ніт, ты не останеш сиротою, – сказал он рішительно.

– Но я бідна, Гриценьку!

– Сам Бог єсть богат, всі єсьмо убоги, а я сам такий – бідный овчарь.

– Не будеш ли ся цуряти мною, коли в селі суть и богатьї и красшиї?

– Моє богатство и краса – ты одна!

– Но на світі сем много єсть подлых, завистливых людей – суть лестньї Олены и роспустньї вечерниці.

– Хоть что єсть и хоть что буде, а все-таки мы поберемся на зеленьї свята.

– А все я боюся за тебе, любезный, докля не заречешся ходити на вечерниці.

– Я и так зрідка ходил на них.

– Не пойдеш ли больше?

– Ніт, єсли того желаєш, клянусь, что не пойду больше на вечерниці.

В залог искренной обітниці молодьї улюбленники подали собі дружескую руку, заповіли день найбольшого на світі щастя, посновали на воздуху замки досмертного блаженства и обрученіє чистых сердець освятили первым благовонным поцілуєм.

О! Бідньї молодята, не то єсть в книзі судьбы написано!..

– Прощай, любезна, я одхожу. Матери уже ніт, позаботимся[3] о честный похорон.

Учувши столь печальну вість, Ольга горько зарыдала. А на третій день стара Євдокія вже в сырой землиці почивала вічным сном.

---

2 В оріґіналі было напечатаной так: «измінилась не въ туземноє существо». Видав, туй проскочила хыба, котру сьме выправили (*зазначка вшорителя* – В. П.).

3 В оріґіналі напечатаной слово «заботимся». Видав, туй проскочила хыба, котру сьме выправили (*зазначка вшорителя* – В. П.).

II

Многиї кажут, что любов не инноє єсть як горящая лампада, которой питательность теченієм времені все больше а больше меншится: світлость рідится, меркне и послі цілком угасає, єсли ревнованіє не вліє в ню часом-часом свіжого єлея. Хотя вопреки, суть многиї сердця, похожиї подлым дверям, легко ростворяющимся, но тяжко запирающимся.

На скучном зимовиску Олена частійше стала навіщати Гриця; и, правду сказавши, сей не чуждался приносимых нею разнородных подарков. И як то по уплыві часу и мыслі человіка якийсь перемінчивый оборот берут и наконець цілком кидаются в непамять, єсли не єсть односталого чуства в сердці або єсли до него прикрадеся и другоє подобноє, первоє, як обветшалоє, стає холодніти, а другоє, зачим новоє, тым жарчайше почне заниматися.

При том однакож не можем посуждати овчаря нашого, будьто бы он любовноє чуство к Ользі цілком из сердця вытиснул, а дал приступ иному. Ніт, он не измінил сироті. Но таинственный поступ незнакомой, як Олена любится высловляти, благой души, єй коштовныї подарки, здобныї сирохману-овчарю, добровольна приязнь Олены тым больше овладіли мыслью єго, чим рідше видался з Ольгою.

А Олена была весьма практична жена: уміла не лиш приманити, но и одчудити, роздор искусно вывести. Бо, як опытна баба, добрї знала то, же кто хоче ціль осягнути, должен прежде всего препятія устранити. Тому ж пустила поголоску в селі, что Гриць єще сих мясниць хоче женитися з одною дуже богатою дівкою з околиці, что обручена єго посилає єму розмаитыї приборы, золотыї перстені и все, что душа бажає.

И направді, Гриць стал роскошнійше прибиратися, а хотя он собі-таки лише овчарь был, однако вынесся убранством своїм высоко над инных богацких сынов; то здалося потвержати поголоску. Таким виділа єго и Ольга в церкви, в том самом приборі посітил и єй колько разы. Но все добродушна Ольга не давала віры людским клеветам; она не хотіла вірувати ни зрадливой Олені, ни подобным єй.

Студеный вечер был Сырной неділі – вечер сей был послідным тогдашных мясниць. Товариші Гриця од часу-рана не переставали докучати єму, абы брал участь и он в їх забаві, абы прийшол под вечер до села на вечерницю.

– Таже то мы, друже, – представляли они єму, – печемся через цілоє літо на сонці, зимою мерзнем, унываєм на зимовисках, не маєм коли взяти собі способность хоть лиш часочок погуляти з побратимами. А теперь, коли нароком вымовили сьмо собі под час найму троха и погуляти в нарочный сей день, то не вспользовати бы ся добрым случаєм?

Даремныї были слова щирой дружины: Гриць рішительно одповіл, что лише най они собі здоровы гуляют, он останеся дома. Добрыї побратимы засумовалися немало, же недостає їм веселого, забавного товариша, и уныло одойшли.

Ледва заперлися двері за ними, уже щеканіє собаки з-под засыпа обвіщало прибытіє нового гостя. Двері одчинилися, Гриць обернулся од окна, а перед ним стояла Олена.

Судорожноє трепетаніє и якась-то скрыта боязнь прошибла втнутренность овчаря: «Не єсть ли то Єва з яблоком?» – помыслил он собі.

А Олена як яла сыпати медоточнії слова, як яла леститися Грицеви, что годі поставитися краснорічивой Чіцероні[4].

– Лише одно возмездіє за оказану приклонность жадає од тебе добрая душа. Лише одно – видіти тя єще раз, Гриценьку, на остатній раз.

– То най одкрыє себе, най сповість, где жиє, а хоть бы то як далеко было, я потружуся одблагодарити доброту єй, – одповіл овчарь.

– Не треба, Гриценьку, полсвіта збродити, ніт, лише зыйди днесь вечер в село, у мене буде забава, зойдеся множество молодцев та красавиць, як золотый цвіт на весні.

– Ци буде там Ольга?

– Ольги, Гриценьку, и дома ніт, она єще перед вечером пошла на третьє село посітити родину.

– Не могу, не могу, Олено честна, пойти на вечерниці.

– Та ци така вдячность, Гриценьку? Так одплачуєшся доброй той души? Погоди-но, прийшол бы ты єще…

Засумовался овчарь наш и не знал, что одповісти Олені на то. И Олена стала выбератися домов.

– Пойду, єй богу, Олено, но лише на хвильку, але то буде послідный раз.

– Так, сыну мой, так, – и з радостью одойшла.

III

Красна то была ноч, коли на сводах небесных рожевыї крыла роспростре холодный досвіт. Чудесна то ноч, коли на синём поднебесьї леґіон ярких звізд запалится. Коли в ряндаву хмару скрыє твар свою блідый місячок. Ох, як величественна, як прелестна єсть тогда ноч!

– Ех, не гадаю уже хоть, что буде, а таки мушу єй видіти, – то сказавши, Гриць наш выскочил из хатки, мов испужаный звір, и стал ниспус-

4 Видав, автор мав на гадці Ціцерона – римлянського філозофа и оратора (*зазначка вшорителя* – В. П.).

катися горским пішником к селу; мимовольно верг очима к стороні, где стоял пресловутый замок Борбалы; пак впала єму на мысль ніжна Ольга – як то она красненько молила, чтоб не ходил на вечерниці, як то он клялся єй, что не пойде... а теперь – топче под ноги клятву-слово и все. Что буде казати Ольга, єсли ся дознає?

– Ніт, годі мені ити, я вернуся, – сказал он и хотіл было уже вертатися, аж тут искуситель замінял добру гадку лихою: «Иди, дурню, бо побануєш». И Гриць пустился далій ити.

Уже спустился в село, уже подходил к хаті Олены и клал уже ногу на высокий порог, коли внутренній судія накинул єму знову вернутися. Но запозно было уже все, бо Олена тотчас отворила двері, спознала єго на первый погляд и з побідоносным кликом завела єго в круг веселящихся.

Так пропал ты навіки, бідный овчарю, не видіти вже тобі скучных хуторов, ни больше твоєй Ольги – ніт щастя и радости!

Веселящаяся дружина шумно заплескала в долоні над прибытієм нового гостя, обступила єго кругом и посадила за стол. А стара Олена аж покрасніла од радости – почуствіє побіды заровнало єй глубокиї морщины лиця; теперь она несомнінно осягнула ціль свою.

– Їж, пій и веселися, Гриценьку мой, доволи! От тобі аж шкода марнити молодый вік в скучности; тобі треба дружины, забав и пляски з красными дівчатами.

– Так, так, мамко Олено! – потвердила розъигравшаяся дружина.

Овчарь наш, выхиливши уже нісколько чарок доброго вина и роспалившися од него, як рожа, стал уже и сам признавати, что правду каже Олена.

В том двері широко ростворилися и вкрочила в избу якась чужа красавиця. Гук замолк, музика утихла – и всіх очі остановились на хорошой чужениці. Розъигравшиїся товариші оден другого вопрошал: «Одки та діва, як єй зовут?».

Але одгадати того ни оден не был в стані. И дійсно, была она всім незнаєма, сама лише Олена, зорвавшися робко з міста, приступила до ней з солодким привітом и посадила єй на своє місто у боку Гриця.

У хаті хоть мак сій – всё тихо, всё дивуєся на красавицю. И волнуются чуства, бьєт сердце не в одной груди. А чужениця бавит свою ролю чудесно-хитро. Мимо єй найискуснійшой ловкости в уподобаньюся, владіє она неоприділимою силою красы, котору подносит єще и простонародна руска одіж: была коротка сподниця з червоною припаскою, тонка льняна сорочка з широкими у локтя перевязаными почервено вышитыми рукавами; лебедина шея укрыта густыми рядами коралей и поздіваных монет,

чорноє долгоє, в дві косы сплетеноє волосьє и дробненьки червоны чоботы; а єсли пригадаєм єще и медоточныї слова, усмішки и розліяніє любовных чуств, то нимало не зачудуємся над росчарованієм неопытного овчаря.

– Заграй но мені, Фецьку, – заголосила Олена до Цигана, – мою давну нуту:

Загучали горы,
Загучали лісы,
Де сьте ся поділи
Мої давны часы!

Фецько притис до лиця скрипку, урвал смыком по струні и загуділа нута Олены – шумно и голосно; на то Олена приступила до Гриця и яко господиня дому запросила єго на танець.

Гриць не одтягался, знал добрі, что проворна Олена наміряє, и зо всею готовостью пойшол в пляску. Не обернулись больше як пару разы, коли Олена вызвала, вмісто себе, прибывшую чуженицю з Грицем плясати; Гриць же як людный молодець сам подойшол к красавиці и хорошенько попросил ю на танець.

Теперь всі одступилися їм и стали дивоватися искусному плясанію добраной пары. Умолкла гудьба, начался другий танець, смільшиї леґіня-та одважились запросити чуженицю, но чуженіця лише з Грицём и все з Грицём – аж до білого рана.

Розвиднілося. Чуженіця одбираєтся, Гриць выпроважає аж за сад. Товариші ждут на Гриця, ждут чверть часа, три, ждут больше, но Гриць не вертаєтся, он цілком остає. Аж по часови надходит Василько и сміється до розпуки, говоря: «Гриць пропал!».

– Та скажи нам одкровенно, як пропал? – озвалися всі нараз.

– А так, же повезла єго Борбала.

– Борбала? – изумілися всі.

– Васильку, молчи, не броди у світ! – загрозила на него Олена з гнівом.

– Молчи ци не молчи, – стал Василько глумитися єй, – я не варил кашу и їсти єй не буду, поїсте ю, солодка Олено, сама!

По твари Олены розлялся румянець сорому, и очі стали сверкати огненными искрами гніву на безумного, который и не творился на россерджену Олену, но далей провадил своє:

– Так, так, Олено, Гриць пропал, и Ольга моя, бо Гриць больше не вернеся, єго отрят и загребут до чорной землиці!

IV

Минул оден год – долгий, унылый для Гриця. Не тішило вже єго нич, ни сама даже зеленая весна. Єму живот наскучил страшенно, бо он был невольником. А неволя єго была пожалованія годна!

Світлиця, в которой знаходился, была тісна и темна, о одном маленьком выгляді, которым вникали под вечер западаючого сонця угасаючиї лучи. Сам же он сперся на локті, потопил тварь в жиластыї долоні и сновал далей мысли про судьбу свою, про минувшость. Вздохнул наконець и сказал:

– Га, так тобі треба, Грицю, не ходи ж ты на вечерниці, бо там суть самы чаровниці!

Якийсь-то чудесный звонкий голос вдарил єму о слухи; и той голос, здавалося, з-под земли выходит, абы сон невольника во все забывающоє чуство вколысати, абы позабыти з ним незносную нинішность и занести єго назад в лоно давной щастливости.

Вспрянул, протер очі и стал внимати. Веселый спів в сопроводі краснозвучных струн голосно выносился горі од противуположного холмика. Невольник забыл на все, притяг тяжелый стол к стіні, высунул на верх єго простарілоє крісло и, ступивши на него, стал поглядати через оконце.

«Животе души моєй! Вот, думка моя, врізана любовью до сердця мого, сквозь уста вырываєтся к тобі до горных покоєв, до пышных світлиць. Познаєш ли ты любов? Любов єсть цвітный огород в житья пустыни; она єсть вічно-ясноє сонце, од которого лучей житья ссе дух! Знаєш ли свойства любви? Суть: єдинство, постоянность и догробна непоколебима вірность! Из щита небес лиш одно сонце світит, весна лише одна єсть в природі літа; так лиш одною любовью владієт сердце!».

Молодый лірник, сидя на камені у противоположного холма, выспівавши чуств полную сію думку, вдарил о струны и поднес очі к темным выглядам.

«То тычится, віроятно, Борбалы; шкода, же она не чує», – сказал Гриць про себе. И на мысль сію роспалился в нем дух, розжалился над видимою погибелью молодця – и грозно стал кричати на молодця:

– Проч біжи от погибельного сего міста! Біжи скверной Содомы, спасайся, чим скорше, єще в невинности, утікай и не позри больше в сію сторону, бо ты єще молодчик, а мені жаль тебе!

Юный півець стал з міста, склонился к стороні, одки голос надходил – и борзо исчез. Борбала не была дома.

V

Глубока ноч была и темна. Невольник храпіл тяжелым сном на голой соломі, росстеленой у одному куті; аж тут нараз, почувши острый скрип ключа, зорвался. А перед ним стоял молодый півець, держа в руці ліру, а в другой – якусь кроваву голову.

Кров в нем ледом застыла, хотіл скричати, но молодець веліл молчати.

– Теперь ступай за мною, но скоро, бо кожда минута єсть дорога, – то сказавши, молодый півчик имил Гриця за руку и тащил єго за собою через обширныї, но вже запустілыї комнаты, долгиї проходы, освічаючи путь перед собою догорающою вже факлею.

В цілом же забудованью мертва тишина владіла. Аж наконець остановилися на подворьї у великанских замкненых ворот. Молодець вынял ключ з-за пазухи и отворил ворота.

– Біжім что силы, бо мы єще не спаслися, – сказал молодый смільчак и пустились оба в бігство.

– Кинь прочь од себе кроваву сію голову, бо я боюся єй! – озвался Гриць до товариша.

– Не бойся нечестивой головы, ціна єй єсть – свобода твоя! – одповіл молодець, встромивши разом быстрыї очі з якимсь-то подозрінієм на Гриця и запросивши:

– Спас ли я тебе цілого, друг мой?!

Гриця тронул вопрос сей, и он з немалым негодованієм одразил:

– Я невинный, бо иначе не был бы я терпіл неволю. А для чого ты так смішный, но мені неприємный вопрос кладеш?

– Прото, бо иначе не сміл бы я представити тебе перед чекающу на тебе Ольгу.

– Ах, Ольга! Не забыла ли она єще на зрадливого, єй так немилосердного Гриця?

– Ніт, она соболізнує над зблудившим, но никогда не буде погорджати ним.

– А все-таки, хоть знаю доброту єй, но стыжуся показати єй.

Тут молодець сіпнул за руку Гриця, и оба повалились до поблизкого сухого рова. И в минуту задудніли конскиї копыта по дорозі над ровом. Як поднялися вгору, обачили двох їздцов на вороных конях, далеко вже погоняющих. Молодець запросил Гриця:

– Ци знаєш, кто то?

– Ніт, – одповіл Гриць.

– То Борбала з подружницею своєю повертают домов, але союзницю свою Олену не увидят вже больше!

– А, что ты наробил! – скричал Гриць, перепудившись. – То голова Олены? Ты убил єй?! – и одринул од себе молодця, грозя єму. – Проч од мене, ты – нечистый дух, ты – убийця!

– Ха-ха-ха! – россміялся молодець и вмиг зорвал з себе мужеску одеж, кинул шапку – и росстелились долгиї жолтыї кучері по плечах єго.

И перед ним стояла Ольга...

– Ах, то ты, Ольго? – скричал урадованый и немало задивовавшийся овчарь.

– Я, любезный мой!

– Насамперед, скажи мені, як удалось тобі спасти мене?

– Вот так: я, переоблечена в лірника, досталася до замку Борбалы, там прияла мене Олена. Я, пригрававши єй, обачила, что всі ключи лежат перед нею на столі, и тогда рішительно востребовала од ней, абы завела мене к тобі, но она одтаїла мені того. Что было діяти?! Я одним замахом сего ножа позбавила єй головы, взяла ключи и тебе спасла… Голова сія завтра рано буде встромлена на воротах замка Борбалы! Теперь же, – додала она, – заспіваю тобі на вічну памятку:

Не ходи, Грицю, на вечерниці,
Бо там дівчата всі чаровниці...

СВЯТО-ЮРСКІЙ МОНАСТЫРЬ

ВЪ ЛИВАДІИ.

(Повѣсть изъ временъ войны за свободу Греціи)

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Одно изрядное сочиненіе, пространно описующее подвиги Грековъ за свободу своей отчины, вышло передъ нѣсколько годами за границею, за-подъ пера В. Вальтера. Въ то время, коли народъ греческій вновь сталъ отъигрывати значную ролю на театрѣ свѣта, хотя не конче въ той самой чистой цѣли, я застановляючися надъ протекшими того народа событіями, удивлялъ емь ся рѣдко-твердымъ характерамъ, неслыханнымъ геройствамъ и чудному самоотверженію и пожертвованіюся за добро и вольность отчины. Предстоящая повѣсть имѣетъ цѣлію также нѣкоторыи изъ сихъ похвальныхъ добродѣтелей представити любителямъ повѣствовательной литературы.

Красота и великолѣпіе цвѣтки сей побудила мя пересадити ею и на родиму руску ниву, котора правѣ что лише стала зеленѣтися подъ працуючими руками нашихъ неутомимыхъ огородниковъ.

Пріймѣтъ ею любезныи родимцѣ съ тою самою любовію, съ якою и занимался нимъ самъ я въ свободное время!

Анатолій Кралицкій.

I.

ОСАДА МОНАСТЫРЯ.

Въ оное время, коли за свободу Греціи дорога кровь проливалась, посередъ Ливадскихъ горъ стоялъ одинъ Монастырь въ далекой старинѣ пямяти св. великомученника Ге-

СВЯТО-ЮРСКИЙ МОНАСТЫРЬ В ЛІВАДІЇ

(Повість из времен войны за свободу Ґреції)

ПРЕДІСЛОВІЄ

Одно изрядноє сочиненіє, пространно описующоє подвиги Ґреков за свободу своєй отчины, выйшло перед нісколько годами за границею – з-под пера В. Вальтера[1]. В то время, коли народ ґреческий вновь[2] стал одъигрывати значную ролю на театрі світа, хотя не конче в той самой чистой ціли, я, застановляючися над протекшими того народа событіями, удивил єм ся рідко-твердым характерам, неслыханным геройствам и чудному самоотверженію и пожертвованіюся за добро и вольность отчины. Предстоящая повість имієт цілію также нікоторыї из сіх похвальных добродітелей представити любителям повіствовательной літературы.

Красота и великоліпіє цвітки сей побудила мя пересадити ю и на родиму руску ниву, котора, праві што, лише стала зеленітися под працюючими руками наших неутомимых огородников.

Прийміт ю, любезныї родимці, з тою самою любовію, з якою и занимался нив[3] сам я в свободноє время!

Анатолій Кралицкий

I.

ОСАДА МОНАСТЫРЯ

В оноє время, коли за свободу Ґреції дорога кров проливалась, посеред Лівадских гор[4] стоял один монастырь, в далекой старині памяти

1 **В. Вальтер** – не знати за котрого писателя иде бесіда (*зазначка вшорителя* – В. П.).

2 **Вновь** (*російськ.* «вновь») – знова, изась, наново (*зазначка вшорителя* – В. П.).

3 В орігіналі было напечатаной так: «ним». Видав, туй проскочила хыба, котру сьме выправили (*зазначка вшорителя* – В. П.).

4 **Лівадскиї горы** – сякого пасма гор у Ґреції не є. Є то выдумка автора. Годно быти, же у розуменю автора тоты горы суть близько вароша Лівадія (*ґрец.* Λιβαδειά) у Централній Ґреції (днесь ном Беотія) (*зазначка вшорителя* – В. П.).

св. великомученика Ґеорґія посвящен[5], но вже од больших столітій запущен – доистно про войны, опустошающиї прекрасну сію околицю. Окружен лісами, он стоял на таком містці[6], куда лише з великим можно было достатися трудом, од чого монастырь сей получал нікоє-то господство над ровниною и сусідным морем; и воистину чудоватися можно было, что ни Ґрекам, ни Туркам не впало в мысль избрати єго собі за убіжище и малую кріпость. Впрочем же, не бывал он без жителей; знали то обі сражающиї стороны, что в нем од початку войны в содружестві ґрекокатолических монахов находится больше французских и італійских попов, которыї розныї услуги подают пораненым, зачим нерідко бывали на околици сей сраженія. Где-будь явились сії попы, всюды показали любов и домагалися для прав человічества (столь многократно в лютой войні покривдженых) повагу и ціну приобрісти.

Одного красного осінного дня около полудня невеликий отряд воинства переберался помеж тісныї Лівадскиї горы. Из блеску одежі, вида шапок и черт лиця, выражаючих пыху и жестокость, в жолнірях[7] сих на первый погляд познал всякий прибочную страж султана[8] – диких янычарей[9]. Начальник їх, здавалося, больше вплывал на них оным твердость характеру и неприклонность показуючим держаньєм, неж чиновством, которое посідал. Нагрудник и верхня одежа єго дорого вышиті были, турбан же и пояс были из найкрасшой персійской ткани.

У пояса иміл он острый кінжал, зацяпканый хоть кровью, но

---

5 Зачим нияку інформацію за тоту обытель (ци даякый ї прототіп) однайти у Ґреції ся не подарило, годно быти, же сесь монастырь – авторська выдумка. У тексті повісті автор хоснує назву «св. Юрьскій монастырь» авадь «монастырь св. Юря». Межи тым, у назві повісті автор выхосновав третый варіант – «Свято-Юрскій монастырь» (*зазначка вшорителя* – В. П.).

6 **Містце** (*застаріле*) – місто (*зазначка вшорителя* – В. П.).

7 **Жолнірь**, авадь «жовнір» (*застаріле*) – вояк (*зазначка вшорителя* – В. П.).

8 **Султан** – монарх (верховный правитель) в Османській імперії и другых музулманськых державах (*зазначка вшорителя* – В. П.).

9 **Яныча́ры** (*єдн.*: янычарь) (*турецьк. yeniçeri* [єнічері], *мадяр.* janicsárok), *німецьк.* Janitscharen; потовмачує ся як «новой войско») – регулярна піхота у войську Османській імперії у XIV–XIX ст. Тото войско ся искладало из вояків-христіан.

А. Кралицькый хосновав тото слово у формі «янічары», подобно тому, як то ся выговорёвало у языках Централной Европы – німецькому, мадярському и др. У сёму тексті даєме тото слово подля сочасной орфоепічной и орфоґрафічной норм, то значит: «янычары». Окрем того, А. Кралицькый тото слово писав из великой буквы; туй даєме го подля сочасной нормы – из малой буквы (*зазначка вшорителя* – В. П.).

однако ж дорогу роботу дамаскову показучий, з рукоятью, обложеною дорогоцінними каменями. Сиділ на дужом чорном коні, которого оборотно[10] знал управлити. Он ступал в самой середині, обнят подвластными собі офіцерами.

Спершися на передню часть сідла, здавалось, был погружен в глубокоє роздуміє и на дикую окрестность ни мало не внимал. Коли уже больше як годину в глубоком молчанії ступали дорогою, один сотник, з нікою то непокойностью поглядаючий вкруг себе, склонился до уха начальника и пару слов шептом промовил єму. Паша[11] на то скоро очунял, кынул головою и острый взрок[12] верг на оного человіка, который наперед ступал и здавался быти предводителем[13].

Два янычары порозуміли взор сей, прискочили к оному человіку и представили єго Паші.

– Знаєш ли, кто я? – сказал сей суровым голосом, вергши на мужика страшенный погляд.

– Знаю, – одповіл бідняк з трепетом.

– А предці о изміні думаєш...

– О ніт, пане мой, не вірь сему, – сказал предводитель, упавши на коліна, – на св. Михаїла, патрона моєго, кажу: тамо заведу ваше высочество, куда єсьте приказали. Се не мыльна путь до монастыря св. Юря!

– Ты дерзаєш утвержати[14] так вчера, як и днесь, что путь сія єсть всяко безопасна; что больше, ты побожился, что Амірантій, воєвода палікаров[15], в монастырі притримуєтся без всякого сопроводу.

– Я милости Вашой правду мовил: Амірантія, пораненого, занесли тамо; а что касаєтся дорогі, она єсть вовсє[16] певна и беспрепятна. Ґреки

---

10 **Оборотно** (*авторськ. неологізм*) – ловко, шіковно, майстерськы (*зазначка вшорителя* – В. П.).

11 **Паша** (*турецьк.* Paşa) – высока тітула у політичній сістемі Османьской імперії (*зазначка вшорителя* – В. П.).

12 **Взрок** – взор, зирк, позирк (*зазначка вшорителя* – В. П.).

13 **Предводитель** – у сёму контексті «проводник», «проводырь» (*зазначка вшорителя* – В. П.).

14 **Утвержати** – утвержовати (*зазначка вшорителя* – В. П.).

15 Так назывались восстанці Ґреков (***зазначка А. Кралицького***).
Палікарь у товмаченю из ґрецького языка значит «леґінь», «бетярь» (*зазначка вшорителя* – В. П.).

16 **Вовсє** (из *російськ.* «вовсе») – цалком, в ушиткому (*зазначка вшорителя* – В. П.).

найбольше почитуют попов своїх, чим сміли б узброєно вступити до них; что и Турки...

– Умолчи, невірный собако! – скричал паша на него угрожаючим взором. – Я кленусь на бороду пророка, что єсли солґаєш[17], одним замахом меча одрубаю ти голову од шиї.

На даный пашою знак предводитель на чело отряда пойшол и продолжал путь свой. Но путь чим далей был тіснійший. З одного боку провадил понад глубоку пропасть, чим з другого высокиї утесы стояли, на верху которых росли зеленьї липы, а в тіни їх узкий путь тым страшнійший и дичайший вид приберал. Сонце скрылось вже за ліс и лиш змалу освіщало оддаленнійшиї части дороги. Наконець по тягостном и опасном путешествії, тривавшом больше двох часов, одстранились угрожаючиї опасности, ліс стал быти виднійшим и скалы не показовалися больше непребродимыми стінами.

Отряд стал быстрійше ступати вперед. Необав стал на горской ровнині, обнятой од трех боков єще густійшим лісом, но з четвертого столь величественный погляд указался, что паша з восхищенієм и удивительством стал смотріти на оддаленньї картины буйной природы. Под ногами стелилися дремучиї лісы тым больше красою, чим ближе были ровнины; пак далій сверкали ріками прорізаньї плодородньї долины, єлейными[18], цитроновыми и помаранчевыми деревами обсадженьї поля, зеленьї корчі, которых вічно перемінчива зелень красніла солнечными лучами, угасающими теперь в волнах озера Лепакто[19]. В дали бесчисленньї городы и кріпости были видимі, которых остроконечньї вежі в багряном світлі плыли, як и численных мінарет и мошей[20] полумісяцем приодітьї рожні. Превосходно хороший вид был сей!

Весь отряд враз з пашею в осмотр околици сей внурился; но на данный рукою знак далій пустился. Неодолга дойшли середины ліса и о малый час знову по таком же тісном пути ступали, як преждє. На перед їздивший янычары мечами розрубовали галузі, препятствующиї погляд, и паші своєму, на колько можно было в пору сію, путь выгодным ділали.

---

17 **Солґати** (из *російськ.*) – збрехати (*зазначка вшорителя* – В. П.).

18 **Єлейный** (*церковнослав.*) – оливовый (*зазначка вшорителя* – В. П.).

19 **Лепакто** – на другому місті у повісті на означеня озера находиме назву «Лепанто». Тото озеро автор выдумав. Межи тым, Лепанто – то італіанська назва ґрецького вароша Нафпактос на березі Корінфськой затокы. Нафпактос (Навпакт) быв єдным из центрів войны за независимость Ґреції (*зазначка вшорителя* – В. П.).

20 **Моша** (*арабськ.* masjid; *німецьк.* moschee; *словацьк.* mešita; *російськ.* мечеть) – мечет (*зазначка вшорителя* – В. П.).

Заким тако помеж корчі уперед ступали, вечерного блеску и послідній луч угас, а ноч чорну заслону роспостерла понад ліс. Неодолга цілком смерклося; предводитель ни на хвильку не остановлялся, но певными кроками ступал далій. О годину выйшол місяць и блідым світлом своїм освітил недалеко од путников лежащий св. Юрский монастырь, которого наполопустошенныї башні єще темнійшу тінь кидали на и так досыть темный ліс. Путь стал быти ширшим и з краю ліса в полукружном виді ростворился широкий погляд, одки, здавалось, видный был вход в монастырь у споду обветшало-чорной башні. Од незапамятного часу не было вже ворот на входной стороні. Місяць розвалины сії блідою лучью освіщал и тым пасмурнійший вид додавал їм. Казалось, что тут все вымерло, и, оглянувши зблизька розвалины сії, ледва и подумати мож было, абы тут люде жили.

Діравый мост, понад безводну глубину збудованый, провадил к склепленому входу. Паша зліз з коня и оддал єго слузі; то зділали и всі офіцеры. Послі весь янычарский полк на обширном, розвалинами обнятом дворі найшолся. Двор был зарослеными буйною травою и терніем. З-заду же розвалин была церков и, на сколько при блідом блеску місяця видіти мож было, в окнах хыбило сткло[21]. Увидівши монастырь сей в ночную пору, паша мимовольно стрясся. Нихто не выйшол навстріч и здавалось невозможным, абы дахто рішился жити на пустом сем містці. Знову стал мыслити паша, что єсть прельщен[22]; не меніє страшнійший взор верг он на предводителя и схватил за оружиє; но в ту пору блысло світло лампады под высокими сводами опустошеной обытелі.

Од одной боязни, что чей нападет їх неприятель, паша поставил войско в ряд и, взявши предводителя межи двох воинов, провадил єго вперед; за ним же весь отряд удавался к обитаємой части монастыря. Тихо зближались; но шелест слідов їх замітили внутрь жиющиї. Нараз одчиняются двері и выступаєт вперед оден чорно одітый монах, держа горящий факель[23] в руках; спокойно и поважно позираєт на войско, будьто єму ніт чего боятися.

Паша росказ дал, бы єго имити; по сему верглися нікоторыї из них до оной избы, на которой порозі стоял помянутый монах, но сей вскорі загасил факель и пропал так, что весь отряд остался в найгустійшой темноті.

---

21 **Стклo** (*застаріле*; из *церковнослав.* «стькло») – скло (*зазначка вшорителя* – В. П.).

22 **Прельстити** (из *російськ.* «прельстить») – приманити, обманути (*зазначка вшорителя* – В. П.).

23 **Факель** (*застаріле*) – факля (*зазначка вшорителя* – В. П.).

– На бороду Магомеда, лихий дух творит з нас играшку собі, – вскричал паша громогласно. – Єще Селім предметом таких обманов нигде не служил. Где єсть предводитель?

Бідный предводитель в руках пяти воинов трясся. Селім страшенно грозил, что в монастырі всякого христіанина зовсім истребит, когда на пару ступаєв од него борзо ростворились двері и один старець в сопроводі двох юных чернцев, зажженныї факлі держащих, явился. Был то отець Євстахій, за свої добродітелі избранный братією в игумены. Первіє явившийся инок увідомил єго, что оден музульманский полк зажелал їх приюту[24], и бодай чи не з вражим побужденієм. На то дораз роспамятался игумен на храброго Амірантія, пораненого перед нісколько днями в оной битві, на которого голову Турки велику ціну наложили. Коли занесли єго до св. Юрского монастыря, всі то думали, же тут для него єсть найбеспечнійше убіжище, где он спокойно может гоитися, досі бо и Турки почитали єще здішных попов про їх добродітелі и пожертвованьєся.

Но Селім-паша єще лиш нісколько дней перебыл в Ліваді; праві и не познавал оного чуства сердечного, которое мимовольно к пожалованію побуждает. Будучи по єстєству гордым и свіріпым, диких и суровых нравов, глубоко потуплял всякоє мягкосердіє и пошанованіє. И хотя иміл на него нікий-то вплыв самый слух гостеприимства и добросердія попов сіх, но на мысль, что Амірантій єму вже в руках, лукавый усміх просунулся по устам єго, бо уже певно о том увідомлен был через предводителя. Охота угодити ненасытимости своєй, зачим вызначену ціну всяко выграти хотіл, так як и природна свіріпость додавала єму духа к выпроваженію предпринятія, про которое притрудился до св. Юрского монастыря.

Коли также игумен довідался о прибытії янычаров, зараз думал, что начальник їх не иный буде, як Селім, котрого дикота и жестокость уже общезнаны были и которому султан на границях пашовску посаду даровал. Ненарушеноє досі убіжище монастыря – пригадовал собі игумен – легко может нарушити той, кто ничего не почитає, сміло вдарит на нас, абы Амірантія схватити и, праві, не про иноє приходит к нам ночью. Вслідствіє сей гадки росказ дал Євстахій: Амірантія скрыти на извістноє лише самым чернцям місто; сам же рішился пожертвовати себе в избавленіє єго – и так спокойно выложился гніву паши.

Отець Євстахій во всіх, которыї єго раз виділи, почитаніє возбужал. Тварь єго, в котору время и терпінія, труды и невыгоды глубоко врізалися, ясно одражала подлинный одпечаток чудесного самоотверженія и

24 **Приют** (*російськ.* «приют») – притулок (*зазначка вшорителя* – В. П.).

небесной кротости. Часто наполнились чистыї єго очі слезами, коли вздыхал к небу и внутренні молил, абы чим скорше совокупитися з небесным своїм Учителем, которого слідам подражал. Сідый волос, долгая чорна одеж, факельный блеск, в червоном морі плывучий, єще больше повагу причиняли єму, и самых даже янычаров на почитаніє возбужали. Сам паша мимовольно почуствовал в собі почесть к мужу сему и росказ, абы єго имили, заумер в устах єго. Бессомнінно од больше літ аж теперь принужден был повздержатися од суровых выразов, к которым вже так давно привык.

– Кто ты, – сказал грозным голосом, – дерзнувший восстанцев-рабов скрывати и помагати, на которых голову великодушный и державный Магмуд-султан[25], намістник пророка, ціну наложил?

– Я всемилостивого Бога ничемный[26] слуга, – одповіл старець кротким голосом, который потряс сердцем паши, – и помоч, котру з братіями моїми уділяю, зажелати может кто-будь гонимый, без всякого розличія сана и віры. Бог, єму же служим, єсть всіх Богом, так христіан, як и Турков, жидов и поган – у него ніт лицезрінія, лише погляд на сердце.

– Мені ли дерзаєш так говорити? – отвітил паша, которого дикость не могла стерпіти ніжности слов сіх. – Понимаєш ли, што я в стані дораз убити тя?

– Душа моя в Божих руках! – одразил на то Євстахій небесным спокоєм. – А что живота тычится, готов єсмь пожертвовати єго, єсли Богу угодно.

– Вскорі[27] повіж мені, где єсть Амірантій? На голову єго велика ціна єсть вызначена. Не мысли, что прельстиш мя, бо на вельблюда пророка[28] кажу: я хитрійший од тебе!

– Я ще никого не окламал.

– Добре, оддай та же ми Амірантія, того ребелянта Ґрека, котрого посля вчерашной битвы – пораненого – приял єси.

---

25 **Магмуд-султан** – Махму́д II; османськый султан у 1808–1839 рр. (*зазначка вшорителя* – В. П.).

26 **Ничемный** (*російськ.* «никчёмный») – ничомный (*зазначка вшорителя* – В. П.).

27 **Вскорі** (*застаріле*) – нараз (*зазначка вшорителя* – В. П.).

28 **«На вельблюда пророка!»** – Выраз сей рідко употребляют Турки, но тым частійше Арабы. Подля Корану, вельблюд Магомеда быстротою своєю всіх скотов перевышал, на котором Магомед за короткий час (як кажут, под пару годинами) седм небес проїздил. В такиї небылиці и по днесь єще віруют музульмане (***зазначка А. Кралицького***).
Вельблюд (*церковнослав.* вельблюдъ; *чеськ.* velbloud; *словацьк.* veľblúd; *польск.* wielbłąd); *російськ.* верблюд) – коміла (*зазначка вшорителя* – В. П.).

– Селім, я – Француз и слуга Іисусов; по сему суди, могу ли быти измінник и невірный?

Здавалося, что сії поважно и проникаючим голосом вырeченныї слова глубоко встрясли пашою. Оден тайный одзыв из глубины сердця повторял єму послідныї слова старця, и уста єго з чуством страху и гніва бормотали: «О, измінник, о невірный…». То тихцем казал, но не удалось єму то, что во внутрі сердця чуствовал, перед отцем Євстахієм скрыти, который, як здавалось, в найглубшиї тайны єго вникнул.

– Измінник, невірник! – скричал наконець з їдом. – Нещастный, ты бесчестиш мене! – продолжал и сильно вдарил саблею о подлогу – Поймите єго и старанно вартуйте в сей избі; а горе тому, который выпустит з рук собаку!

То сказавши, удался до другой комнаты, а два янычары выняли факлі з рук двох иноков и світили єму под ноги.

– Божа воля най будет! – сказал отець Євстахій, здавшися на волю жолнірям. – А что вас касаєтся, братья мої, – обернувшися к чернцям, – молю вас, отворіт людєм сим гостеприимні келії, най выпочнутся. Все, чего зажелают, дайте їм.

Больше янычаров осталось при боку игумена, доки Селім з нісколько мужами удался до трапезной салі[29]. Тут собранныї чернці по приказу игумена погостили їх овощами, мясом и черствою[30] водою. По обычном Туркам умовенії рук сіли к столу и смачно кушали, не мало дивуючися оной любовной ревности, которою чернці їм выслуговали. По кушанью росказали чернцям удалитися, а тії безупорно повиновалися. Тогда Селім росказ дал одному офіцерови, абы остался при оных янычарах, которыї стерегли игумена; сам же, поставивши єще при дверях трапезі[31] двох сторожей, звернулся на постеленый плащ спати. Всі послідовали приміру єго и небавом голосно захрапіли.

II.

ХРАМ

Около полночи пробудился Селім, дуже розпален окремішными думками и тайным якимсь трепетом, которого причину не годен был истолковати собі: «Больше як перед двадцять пяти літами, – так сувались

29 **Саля** (*галіцізм*) – зала (*зазначка вшорителя* – В. П.).

30 **Черствый** (*словакізм*) – свіжый (*зазначка вшорителя* – В. П.).

31 **Трапеза** (*російськ. застаріле*), авадь «трапезная» – їдална зала (*зазначка вшорителя* – В. П.)

єму гадки, – покинул я для выполненія пристрастій моїх отчину и віру, и понынї принужден єще терпіти угрызенія совісти. Повнегда выконал єм больше злочинств, собрал я неисчисленныї добра таким способом, якиї посуждают в отчині моєй, и все то мене не тронуло; теперь же присутствіє и бесіда оного человіка могли бы вспинити мя на середині дороги!... Могу ли покарати єго за то, что скрывает предо мною Амірантія? Могу ли то сотворити?.. Завтра... о, завтра наисті сильнійший буду... Проч з дітскими мыслями! Або выдает Амірантія, або помрет з дружиною!»

По той розвазі ренеґат опять хотіл заснути, но сила воображенія єго дуже роспалилась. Розныї чудесныї видінія представлялись єму, и казалось, будьто долгий ряд гнусных потвор мелькает єму поперед очі. То были гріхи єго!... Ачей поважный священик представил їх, або сам Селім выгляділ їх з икон, висящих на стіні, может быти, з образа роспятого Бого-человіка над креслом игумена или з образа Богоматери, которой болестну грудь седмь мечей прошибает? Палящий огонь, похожий на горячку, мучил внутріє єго. Кипуча кров не дала єму спочинку.

Праві в таком горячковом неспокойствії был он, коли тонкоє бреньканьє звончика – нібы гдесь далеко – вдарило єму о слухи. Двойным вниманієм стал он слухати; бреньканьє все єще чути, и то сильнійше, як пред минутою. Селім упримился, одчинил двері и тихонько выступил из трапезной комнаты. Одзыв клопотных ступаєв єго тупо звучит по мраморных плытях на долгом амбіті. Чтось стискает єго за сердце, что аж трясется, бо здается єму, якбы кождый стук ходу єго оден давно вже забытый гріх єго приводил єму на память.

Ясный блеск місяця приводит єго наконець попод высоко сводный переход к одной світлиці, з-заді которой замічает высокиї запертыї двері, обветшалыї и погрызеныї червами, и помеж скарубины мелькает в очі слабый якийсь блеск.

Цікаво отворил он двері и вступил вдну; тут войшол он в оден из притворов храма, который обачил вже при довході монастыря. Одна часть храма лежала в розвалинах, и лише горный хор свідчил о давной красоті храма. Понад непокровенныї корінфскиї столпы блещалися яркиї звізды, но часть столпов около головного престола была єще покрыта, и тут в певном времені звыкли монахи одспівовати псалмы и правити бескровную жертву. На деревяных подсвічниках, розложеных по престолі, горіло больше свічок, бо праві починалась всенощна одправа; а громкий брязк звонка, созывающий чернцев, все єще звучал.

Селім, якбы закопаный, стоял на одном містці. Теперь вспомнул он на літа дітинячи, на любезну родину – и трепет овладіл ним, который не мог он ніяк перемогчи и тым больше, як стал прировнати теперішный

свой стан з прежным. Но грішна минувшость обняла вже ледом сердце єго, под которою угасла искра роскаянія, розогнавша лиш на хвильку мрак духа. В ту пору звонок умолк. На хорі роздалося пініє, и из одных дверей увиділ он выходящую толпу чернцев, которы заняли місто близь головного престола.

Один из прибывших чернцев, сідый як голуб, ступил на подвышеноє місто у головного престола и воспіл якуюсь пісню. Кротка повага, котора розливалася в голосі воспівшого, будьто знакомом ренеґату, чуйно доткнула єго и застановила єго тым больше внимати. Побожный спів хору зачаровал єго; но он лише воспівшого в первый раз старця рад бы точнійше оглянути – кто єсть тот, которого голос столь сильно возбудил єго? Но завистливый каптур, скрывший черты старця, не дал єму подивитися на смуглу тварь. Нараз же здаєтся єму, что найшол якесь подобіє межи чернцем сим и особою в неволю поставленого игумена. «Но то не может быти он, – роздумовал Селім, – бо певно могу спуститися на вірность и чуйность янычаров моїх, которым так твердо наложил єм, абы не спускали єго з очей».

«Но се голос игумена», – мыслил знов далій Селім, старательно ожидаючи удобного времені, чтобы оглянути зблизка тварь черця.

Наконець спів умолк, монах скидає на плечі каптур и подходит к престолу: «Так єсть, то воистину поморщена, но всегда спокой и самоотвержденіє выражающа тварь отця Євстахія».

Удивленіє и гнів вылудили з уст Селіма негодованіє и малую угрозу, коли увиділ вольным того, которого як преступника стеречи приказал; теперь догадался, як мало спускатися может на чуйность тых, которых за сторожей вызначил. Но к гніву сему якоєсь-то чудноє чуство примішалося и неволило єго, ніяко[32], радоватися над бігством плінника.

Але все-таки гнів – в виду обольщенія и обавы перед изміною – борзо вынудил єго из храму; властными очима хочет он пересвідчитися, не избіг ли игумен из призначеной для него темници-келії? И понеже з росположенієм монастыря не єсть свідом, больше од полчасу принужден блудити помеж розвалины, доки не надыбаєт оный переход, который провадит в комнату янычаров. Уже не єсть он подвлащен оным чуствам, которыї єго переже в якоєсь горячковоє состояніє вергли; он знову вже давный Селім, и гнів єго противу сторожей все больше ростет, чим ближе приходит к оной келії, в которой минувшого вечера увязнил Євстахія.

32 **Ніяко** (*авторськ. неологізм*) – «хотьяк чудно», нарубы; *російськ.* «как ни странно» (*зазначка вшорителя* – В. П.).

К большому удивленію паши двері были заперты. Хотіл он їх заломити, но тут же и познал, что з другой стороны єсть затарасовано. Теперь стал он греміти – звідуются од него слово знаменія; он сповіл – и сей час отворились двері. Два янычары вооруженно стояли на стражі. Селім ужасный взор кинул на них и кругом стал смотріти, где находится игумен; но не найшол єго.

– Где єсть плінник? – спросил грозным голосом подчиненого аґиофіцера, который праві представился єму.

Аґа указал на одно прорубаноє у стіні місто, где игумену стягнутися дозволено было.

– Ты подлець! – скричал Селім. – Допустил єсь єму избігнути; он вже не єсть тут.

– То не возможно, – отвітил аґа, побліднувши од перестраху, – бо не єсть из комнаты иного выходу, як которым вступил єсь.

Сказавши се, взял в руки факель и приступил к оному місту. Селім за ним ступал и немало зачудовался, обачивши тамо отця Євстахія, спокойно спящого, подложившого под голову великий камень.

– Воистину, то он! – бормотал про себе ренеґат, и з удивленієм споглядал на поважныї и спокойныї черты старця. – Вот он теперь тут спит, но пред полгодиною я єго и в храмі виділ.

То сказавши, вынял факель з рук аґи и пильно обозріл містце, но на двері или иноє-что, могучоє єму ростолковати появленіє старця в церкви, не мог натрафити.

И все то природно сталося, бо на подлозі были тайныї двері, игумену лише и прочим чернцям свідомы, которым то тайным проходом мог он без всякого шуму пойти до храму и послі вспять возвратитися, кромі того, абы одшествіє єго кто-будь замітил, зачим и так темно было в комнаті.

Паша, та же не надыбавши дверей сіх, неисповідимо чудовался. А что воины игумена и на хвильку не одступили, то тым больше увірен был, бо преждє найбольшим укаранієм грозил за недостаточне стереженіє. Впрочем же, познавал он добрі людей своїх. Таковыї и подобныї мыслі занимали єго; наконець остановился на том, что зрана пильноє исслідованіє учинит и все зділаєт, абы Амірантія одглядати, єсли б єго чернці и надалій скрывати сміли. Знову уложился он спати на ростеленый плащ. Наконець, утраплен душею и тілом, борзо заснул и спочивал больше часов.

Коли пробудился, уже ясный день был и солнечныї лучи полным світлом освітили зачаднутыї голыї стіны монастыря. На даный знак весь отряд схватил за оружиє и воины готовились кождый кут благородного сего убіжища христіанской щедроты проискати. Опоравшись обычным

умовенієм, чернці предложили їм кушаніє. Селім кинул презрительный взор на них и росказ дал нісколько янычарам, абы представили єму старця Євстахія.

Євстахій межи двома воинами ступил вдну, заким больше чернцев молчаливо послідовали єму. Из глубины сердця молилися тії к источнику милодердія, абы кріпость достал старець к тяжкому подвигу; они – єсли бы то была воля провидінія – з радостію пожертвовали бы живот за старця-настоятеля. Сам же благородный старець – як завсе бывало – покойный был и оддался Божой волі. Он готов пожертвовати живот свой, бо вже досыть натрудился в плачевной сей юдолі и прото горячо бажаєт дойти неисповідимого блаженства – зрінія лиця Божого, но при том и узнаєт он, что завсе Божа воля єсть первою, которой он зо всяким одверженієм подвергаєт себе.

Селім злости полными очима споглянул на него. Ненавистью и жаждою крові побуждаєм, горіл похотію схватити живцем хороброго воєводу палікаров[33] и голову єго послати великому везирю оттоманской порты[34].

– Одважил ли єсь ся наконець исполнити волю мою? – сказал гордо к старцю. – И что я вчера мовил, россудил ли єсь? Добрі помысли, что хочеш одповісти; голова зависит од того; бо вже больше не допущу себе таким подлецем, як ты, играшкою держати.

– Пашо! – ответил Євстахій спокойным и рішительным голосом. – Ты невозможного жадаєш од мене, такого сиреч[35], что противуположноє єсть моєй должности и предубіжденію. Амірантій, ранами обложен, порученый єсть опіці нашой; и єсли бы и умерти припадало мені, не выдал бы м єго врагу. Собратія мої також готовы смерть подняти скорше, неж одкрыти місто, где бідный воєначальник придержуєтся. Дом наш призначен єсть молитві и убіжищу, где всякий человік – будет ли он христіанин иль музульман – з ровною же старанностію, тою же любовію и приятельством восприймаєтся. И місто сіє, яко такоє, уже од початку войны обі стороны почитали. Что больше, єсли бы ты сам яко біглець и бездомовный прийшол к нам, хотя не єси христіанин, так само щиро и приязно услуговали бы сьмо тобі, як кому-будь нашой віры. Позволь нам в покої потішати конаючих, гоити раненых, заким ты преслідуєш врагов, во всяком виду годнійших од тебе.

---

33 Тым именем называно в тую пору ґреческих восстанців (***зазначка А. Кралицького***).

34 **Великий везирь оттоманской порты** – стояв у чолі правительства (Порта) и державной рады (Діван) в Османській імперії (*зазначка вшорителя* – В. П.).

35 **Сиреч** («сирѣчь», *церковнослав.*) – «то значит», «то єст» (*зазначка вшорителя* – В. П.).

По той справедливой мові Євстахій праві такий прошибающий взор кинул на измінника, як минувшого вечера. Дрожа од їду, надармо усиловался он выключити из сердця оноє впечатліє, которое причинил єму взор сей. Не мал силы отвітовати. Сердце єму всколебалось, но лише на хвильку; бо необав обтисли єго ненависть и гордость; и так в гніві и лютости дрожащим голосом выповіл смерть на Євстахія – в той надії, что на вид крові пробудится в нем знову давна дикость. И то гадал, что явленіє сіє страхом наполнит и иных чернцев и что они, увидівши кроваву голову игумена, одважатся одкрыти місто придерживанія Амірантія.

– Да помрет собака![36] – повторил Селім сильнійшим голосом. – Смерть єму, бо я так хочу!

Всі чернці пали на коліна. Євстахій вже межи катами стоял, за короткоє время побожно молился и послі кротким к умирающому лебедю подобным голосом промовил тако:

– Пашо Селім! Ты – музульман єси и жадаєш смерти моєй; но я в небі Спасителеви буду молитися за тебе.

Розъярен єще больше словами сими, нечестивый полк бісурманов[37], и саблі хвативши, ревіл:

– Смерть джауру!.. Дораз най умрет!.. Он смерть заслужил!..

– Погодите! – озвался в том мгновенії якийсь голос, а за тым другий. Первый голос был паши, который теперь по первый раз, ніяко, устрашился, выповівши кровавый приговор, по первый раз якоюсь невидимою силою принужден выступити на борьбу з свиріпостью своєю. Вторый голос был одного мужа, который праві сей час ступил в комнату; облечен был в одеж начальника палікаров, в поставі же изражал благородность; но смугла и худощава тварь, в котору врізалась глубока черта болізні, явно доказовала, что герой много єсть ослаблен на силі.

– Стойте! – кричал сей єще раз сильно, – и пождите вы, нещастны створы; не оскверняйте себе новым злочинством, кров проливаючи преподобного сего мужа, который ваших опікует и гоит! Я сам – Амірантій, и сам оддаю вам голову мою!

То сказавши, Амірантій одважно поставился. В бок него стоял молодый палікарь, послідовавший єму в монастырь. Сей сообщил Амірантію прибытіє Селіма, на что Амірантій, боявшийся о живот отця Євстахія,

36 По турецкому выраженію «собака» – «джаур». Такъ прозывают розгніванныї истинныї музульманы христіан. Но высшого сословія Турки, подражающиї обычаям воспитаннійших європейцев, сіє негодноє выраженіє рідко уживают (***зазначка А. Кралицького***).

37 **Бісурман** (*застаріле*) – бусурман, то значит: іновірник, кривовірник (*зазначка вшорителя* – В. П.).

принудил молодця ввести єго в прибочну комнату, где он, никим не замічен, свідком был великой одваги отця Євстахія, выслухал смертный приговор и рішился властный живот пожертвовати за великодушного старця.

Янычаре, обачивши Амірантія, на хвильку остолпіли. Селім радовался сам в собі, что способность пригодилася – пощадити живот старця-монаха. Но насколько трепотіло єще сердце єго в почуствії того, что опасный полководець, на которого голову великий везирь так высокую ціну поставил, теперь вже в єго власти єсть. Насколько тішился тым слабомощный, но жестокий Селім!

Поманул он рукою и янычары борзо схватили Амірантія з слугою. Євстахій кроткі упреки ділал єму, почему тако здал себе, а єму, старику, возбранил пожертвовати свой уже и так не много вартый живот.

– Твой живот не много вартый, кажеш, отче?! – сказал живо Амірантій. – О, не говори тако! Бо многиї житья од моєго дорожшиї спас єси! Колько разы сталося, что вже из рук наших выхватил єсь нікоторых из оных музульманов, которых друзья прийшли тебе за твоє великодушіє и искренноє гостеприимство послі немилосердно огорчевати и поношати! Но горе їм! Ґреки одомстят вождa[38] своєго. Мореа[39] єсть вольною, и неодовга христіанскі[40] наши друзья в Лівадії и Акарнанії[41], на островах, так як и в горах, высвободятся. Необав вся Ґреція розорвет оковы, выженет поганцев из Європы и по нісколько годах знову заблещит крест Іисуса Христа на храмі Софійском, на сем домі Божом, который посквернили Турки. Іисус Христос и св. Софія![42] – то єсть вольности нашей воззыв, се послідне слово из уст ґреческого воєводы, когда падет под мечем плюгавого бісурмана!

Сії, з внутренным убіжденієм и огнем віры высказаныї слова, молнією

38 **Вождь** (*застаріле*) – вождь (*зазначка вшорителя* – В. П.).

39 **Мореа** – стара назва півострова Пелепоннес у Ґреції (*зазначка вшорителя* – В. П.).

40 У тексті ся наблюдає троякой написаня слів из тым корінём *(христьянский, христіянский, христіанский*). Уніфіковали сьме написаня подля сочасной нормы русинського языка – «христіанский» (*зазначка вшорителя* – В. П.).

41 **Акарнанія** (*ґрецьк.* Ακαρνανία) – історичный реґіон на западному побережу центральной части Ґреції. Главный варош реґіона – Месолонґі (*ґрецьк.* Μεσολόγγιον; Месолонґіон) быв єдным из важных центрів войны за независимость Ґреції. А. Кралицькый у тексті повісті хоснує назву «Миссолунґі» (*зазначка вшорителя* – В. П.).

42 Софія, сиреч небесна премудрость; не єсть то даяка свята угодниця имені сего, но Церков. Сей премудрости небесной посвятил Константин послі Юстініаном убольшену и больше украшену Церков, котора под именем «Церков Софії» єсть всемирной славы (***зазначка А. Кралицького***).

прошибли янычаров и вожда їх; нерухомо, мов болваны, стояли они и подивляли смілого Ґрека. Но необав очунявши, стали зубами скрежетати и найтяжшиї клятвы на вязня кидати. Каждый меч поднялся, абы герой смертью гинул. Но паша, живцем желал єго передати великому везирю – и оден прошибаючий взор хмуравых очей довольный был усмирити їдь янычарску; кривыї саблі знову пустили в пошву – и утихомирилися.

Євстахій, на коліна впавши, молил о спасенії Амірантія; но домаганіє єго єще больше умножало гнів музульманов. Селім повеліл збиратися, сам же Євстахій припомнул вязню, чтоб смертью правдивых христіан умирал, Амірантій вже приготовился, впал на коліна пред игуменом и просил гріхов прощенія. Тронуты случаєм сим янычаре не сміли єму препятствовати; заким Селім похмурно понесся духом в минувшость и стрясся над нею, обачивши теперь знову христіанскоє тайнодійствіє… Євстахій, глубоко доткнен, очі и руки к небу поднес, за тым зложил їх на голову Амірантія и в имени Спасителя простил єго и поблагословил словами: «Жий щастливо, хоробрый воине! Полным упованієм в Бога и неустрашимо иди на смерть мученическу!»

Янычаре не ждали дальше, верглися на Амірантія и порвали єго. Селім и офіцеры сіли на коней, которыї досі в стайнях монастырских увязаны стояли. Отряд пустился и просмыком горским, мов великанская змія, к ровнинам стал спускатися.

III.

СЕМЬЯ АМІРАНТІЯ

Минуло больше як дві седмиці и все спокойно было в св. Юрском монастырі; чернці ялись вновь діла свого. Но од теперь почти каждоденно приходили ґреческиї рыцарі вожда и друга своєго благородного Амірантія посітити и утішити. Сумно їм пало[43], довідавшись о насильном унесенії єго; и даже нікоторыї из них по народному звычаю покрыли головы плащами и глубоку жалобу держали. Но в короткоє время вновь воспрянули духом, воспламенились желанієм зачепити з Турком – оным тіраном, который бідноє їх отечество так жестоко угнетал.

– Проч з покоєм! – кричали многиї. – Не держім єго больше з поганцями, доки стопы їх оскверняют ровнины наши! Не мы ли единственні в просвіщеной Європі рабы? Не мы ли из христіан на сей часті світа самі, з которыми так поступуют, якбы мы вні преділов законов христіанских и обывательских стояли; будьто бы мы лише батога боя-

43 **Пало** (*авторськ. неологізм*) – стало (*зазначка вшорителя* – В. П.).

щиїся скоты были? Як скоро Магмуд-султан на голову всіх в державі находящихся христіан гибельный приговор выповіл, в том мґновеніїї[44] связь межи ним и народом нашим сам розорвал; так одселі ніт межи нами иного сообщенія, як двом рубаючим саблям.

– Сопротивленіє ваше, несомнінно, єсть правдивоє, – ответил отець Євстахій, – лише на то завсе памятайте, что и Турки – люде. Прото ниґде не поступайте з ними лихо, плінных не озлобляйте и посеред найлютійшой борьбы, завсе памятайте на кротость христіанску. Так ділали и святыї герої в далекой старині, которыї, противо поганых воєвавши, красный примір оставили христіанским воинам. Учиненыї Турками взглядом женщин, дітей, старцев и прочих плінников свіріпства вас на подобныї да не приводят; тако бо поступающе, вред нанесли бы сьте и святой своєй справі. Истинный вітязь всегда єсть человіколюбивый и тою же рукою, которою праві убил в бою ворога, добродіянія уділяєт утисненной єго родині.

Любовныї слова Євстахія зділали великоє втеченіє[45] на палікаров, которыї и дійствительно приобіцяли єму, яко одселі з никим больше не будут поступовати по нелюдски. И воистину, од той хвилі дуже рідко сталося, абы в странї сей свіріпства на неприятеля учиненыї были. Так великую вагу иміли слова сего побожного и далеко вникающого священика!

У подножия оной горы, на которой св. Юрский монастырь стоит, посеред густого ліса в низенькой, соломою покрытой хатині одна женщина в кругу четырёх дробненьких дітят, внутренні страдая, тоскуєт. Тварь єй бліда; запавшиї чорныї очі не слезят вже больше, но часом-часом то на дітоньки, то на небо споглядают, як бы давно ожиданну помощ одси выглядали. Глубокиї лише вздохи, плач и сітованіє поперемінно были бесідою и ответом на солодкиї слова и обниманія дробных ребят, непокоящихся тугою неньки. То была жена Амірантія! Дом єй опустошили Турки; зато глядала приюта з дітьми и вірным слугою в великом лісі. В надії, что Амірантія, о котором добрі знала, что в монастырі находится, необав увидит, близ самого монастыря остановилася. Оден убогий пастырь одступил єй соломяну свою хату и заботился о найпотребнійшом к подержанью житья. Но ледва прибыла тут, вскорі дозналась Теодора – то было имя єй, – яко мужа єй имленого Селім-паша повлек до Яніны. Ту єму належало – о чем Теодора не мало сомнівалася – ужасно наказаніє, которое ґреческим полководцям, попавшимся до рук музульманских, приходилось вытерпіти.

---

44 **Мґновеніє** (*російськ.*) – кліп (ока), момент (*зазначка вшорителя* – В. П.).

45 **Втеченіє** (*авторськ. неологізм*) – вплыв, упечаток (*зазначка вшорителя* – В. П.).

Єсли бы была дозналася, что Амірантій за свободу Ґреції в войні убит и так вітязьскою смертію скончался, то хоть бы сердце сокрушалося, но и наконець потішила б ю оная гадка, яко муж завистною смертію скончался и на ню и дітей ея славу лишил. Но знати, что он в руках жестокого паши находится – се был горестный боль! Стала воображати собі овыї жестокиї кары, которыми тіранство турецкоє неприятелей медленными руками умерщвляєт; и самоє сіє воображеніє большую болізнь причиняло єй, неж всі добранныї мученія ката.

Вірный слуга, понявши великий жаль Теодоры, усиловался розличными, з большой части пустыми догадками и надіями заспокояти ю, но надармо. Бідная женщина з каждым днем тоскливша была. Тогда одважился слуга до св. Юрского монастыря к игумену пойти, прося єго, чтоб бідной Теодоры благочестія истинами изволил потішати.

Отець Євстахій, всегда готов будучи иных тугу по возможности оными средствами утоляти, которых віра свята подаєт, ни на хвильку не промедлил, но сей час з слугою покинул св. Юрский монастырь. Зближился к хаті. Теодора сердце роздираючим воплем оплакивала судьбу Амірантія. Євстахій мало остановился и поднес очі горі к всякого утішенія подателю и Пресвятой Єго Матери, абы Она великим своїм предстательством испросила Теодорі полеготу. Теперь слуга одчинил дверці и Євстахій вступил в хижину. На вид старця Теодора єще больший жаль почула, упала на землю и цілювала ноги єму. Теперь якось и слезы из так давно засхнутых очей стали ронитись.

– Любезна доч моя! – поднял голос Євстахій. – Усмиряй скорб твой и од ныні лиш на Бога уповай. Пресвятую Діву зови на помощ, котора так многі и розличны болізні терпіла из любви к Сыну, одкупителю нашому. И єсли уста не суть в стані бесідовати к нему, о, тогда най говорит сердце и одкрыєт тайну болізнь, угнетающу тя. Она, бідных утішительниця, колись-то болестна, но теперь найблаженнійша Матерь, подасть тобі одраду.

– Ах, отче честный! – одповіла бідна, – досі не чуствовала м в собі только силы; но пресвята Діва простит ми тоє...

Послі слов сіх, больше раз плачем прорванных, Теодора подняла руки на небо. Вскорі чудовну полеготу почуствовала в сердці, и так виділося єй, будьто бы покинула єй огидна мысль одчаянія.

Євстахій обачил переміну єй и од сердця воздал хвалу Богу за подану Теодорі ласку.

– Теперь просім Господа, – сказал он, указавши на небо, – просім єго, доч моя, чтоб взял под охрану мужа, тебе и дітей ваших и чтоб верг ласкавый взор на благородну справу, про которую всі терпите в сіє время.

– Ах, отче, – одповіла она жалостно, – як мені молитися? Покушуся, но уста одказують услугу; мені нельзя лиш о терпінії моєм говорити.

– Гаразд, донько, та говори, сообщай тугу з Богом! И сам Спаситель терпіл, а то много больше, як ты и прочиї люди. Понизился к нам, когда подобіє человіка восприял; он знаєт немощ нашу и соболізнуєт нам. Он услышит просьбу твою, бо з Ним о немощах наших бесідовати значит только, як єму довіріє показовати и божественну помощ испрошивати.

– Преподобный мужу, позри лише на бідныї сії діточки! Могу ли поглядати на них не подумавши, что о короткоє время останутся они отця немилосердно лишенныї сироты? Турки… о, єсли розгадаю, який жаль! Но выслыш мя, честный отче! Я одну сестру иміла, которую про єй норовственность и кротость любили всі жителі ровнины сей и почитали; а за красу называли єй рожою Колурскою. Одного разу, коли Исмаїл, оный азійский варвар, з полудня їздя селом нашим на коні, обачил сестру, котора в тіні пальмы стояла и плела вінець на украсу иконы пречистой, паша прискочил до ней и звідал єй про имя. Ада – то было имя сестрі – исповіла єму, о чём вопрошался, по чем бісурман удался до хаты к отцеві. «Доч твоя пойдет зо мною», – сказал горделиво к отцу и, не ожидая ответа, поскакал на коні. Потом дал слузі знак, бо забыла м сказати, что больше їздцев проводили єго. Слуга обключил Аду, высадил на коня и быстротою блыскавици погнал за пашою. Ах, як жаловали сьмо и рыдали про нещастную! Молили сьмо и обіцовали сьмо всякиї подарки, абы бідну сестрицю вымінити, но надармо! О три місяці позднійше под замком од саблі и погрызенія псов испорченныї останки сестры найшли сьмо. То тіло Ады подобне было єще недавно цвітущой Колурской рожі! Од зубов песьїх свободили сьмо ю, положили до гробу, который до половины насыпали єсьме китицями. Но отцу из жалю упала на груди сіда голова и о короткий час и он украсился оными же цвітами, которых смертною незабудкою называют. О, вірь, ніт милосердія в сердці оных тіранов, которыї владіют нами. И скорше возрушиш скалу, чим тых очі, которыї народа нашого – карающа палиця и бич.

– Просім Бога, доню, абы прервал страданія народа. Муж твой єще не умер; может быти, єще навернет го небо вам.

– Что кажеш, отче! – одповіла Теодора, трепеща од болізни, радости и надіі.

– Просім, Теодоро, Отця небесного, чтоб выслухал просьбы наши и подал нам духа кротости, терпінія и милосердія.

В словах сіх старця, єго чертах и поставі выражалось что-то почтенія возбужающого; а коли утішительныї слова говорил, здавалось, будьто

луч небесна озаряє єго. Он пал на коліна. Теодора, єй діти и слуга то само – упали на коліна и задивовані очі устремили на него. Но замітивши Євстахія, побожно молящогося, яли подражати прикладу єго и самі поднесли моленіє к Тому, который смутных потішитель.

О пару минут встал Євстахій, роспростер руки над Теодорою и єя дітьми и поблагословил, рєкше[46]:

– Будьте благонадежны, любезныї мої, молитесь за Амірантія, но молитесь и за мене, да Господь поможет мені в ділі, предпринятом мною на высвобоженіє єго.

– Господь най благословит вас, отче честный, – одповіла урадована Теодора. – Бог вас поставил бідным за благодітеля, раненым – за врача и засмученым – за потішителя. Іисус Христос най провадит вас и Пресвята Діва най будет з вами.

Євстахій приступил до дверей и, вынявши папірь з кишені, написал на нем пару слов и дал слузі, мовя:

– Дай письмо сіє отцю Авґустину в св. Юрском монастирі и скажи єму словом, чтоб госпожі каждоденно засылал їдло.

На то хатину з посохом в правой руці и псалтырью под пахою оставил. Дораз спустился на узкую стежку, ведущую серединою густого ліса, и о нісколько часов надыбал маленькоє село, де охочо пожичили єму коня. Теперь стал идти просто к Яніні, бо туда одвлек паша вязня свого, о чем старушок добрі знал. Не было єму и то неизвістно, яко в Яніні очекуют великого везиря, желающого притомным быти при казненії плініеных воєвод ґреческих.

IV.

ЯНІНА

Четыре часов было з полудня, коли Євстахій доліз одного холма, з котрого велеліпный город Яніну[47] и прелестноє єй поморьє[48], озареноє солнечными лучами, по пяти годах знову узріти мог. И хотя город не был вже столь славный, як за времен жестокого Алія[49], однако ж досыть

46 **Рекше** (*церковнослав.* **рєкъшє**) – уповівши (*зазначка вшорителя* – В. П.).

47 **Яніна** – варош на сіверо-западі Ґреції на березі озера Яніна (*зазначка вшорителя* – В. П.).

48 Варош Яніна стоит на березі озера Яніна и не має выхода до моря. «Поморьє» – є то выгадка автора повісті (*зазначка вшорителя* – В. П.).

49 **За времен жестокого Алія** – видав, иде за Алі-пашу Тепеленського (Алі-пашу Янінського, бл. 1740–1822) – фактичного правителя Албанії и части Ґреції. Ва-

свідчили свіжиї сліды о красной єго колись-то минувшости. Поодинокиї куполы[50] мошей и утонченых мінаретов вершки стремили з гущи платанов[51] и кіпровых[52] дерев. А посеред моря, покрытого численными лодьми, выносилось величавоє будовиско з грубыми стінами. То было даколи домовство Алія и світы єго, теперь же склад збройный, призначеный на вооруженіє новых рекрутских отрядов. Перед трёма годами тысячи Ґреков струченыї были з сіх стін до моря; и рідко минул день, абы волны не вывергли на берег трупа, предоставленого тым чином на жир голодных псов.

Недалеко од города Євстахій надыбал одного Турка, которого перед часами из ран вылічил. Тот росповіл єму, что великий везирь праві теперь покинул город, но, як чувати, о три дні вернется, желая притомным быти при казненії перехваченых Ґреков.

– А ци знаєш ты имена Ґреков, которых изгубити хотят? – запросил Євстахій молчком и жалостный стон вырвался єму из груди.

– Мене не турбуєт доля зрадников, – одповіл Турок, погласкавши долгу бороду. – Однак сказати могу, что из них найбольшого измінника, Амірантія названого, пред самым везирём, которого Аллаг най осыплет изобилієм всяких благ, на костур натягнут[53]. Аллаг з тобою, чернче, пращай!

То сповівши, Турок продолжал путь свой. Сердце же Євстахія на вість сію трепетало з радости, бо надіялся видіти славного Ґрека и ачей и спасти. Прискорил кроки и о короткий час въїздил высокими воротами в город. При вступі напоткал[54] он нісколько янычаров, з подозрінієм споглядающих на него, и попросил їх, чтоб завели єго перед пашу.

Паша Яніны был сам той же Селім.

Без сомнінія, боязнь Євстахія не была безосновна взглядом Амірантія, но, возложивши на Бога упованіє своє, успокоился. О успіху – у Селіма

рош Яніна од р. 1788 став ёго резіденціёв. Туй він поставив кріпость. Номінально Алі-паша быв васалом Османськой імперії, айбо выношовав сепаратістичні планы и подпоровав ідею независимой ґрецькой державы, за што султан Махмуд II у 1820 році го як зрадника казнив (*зазначка вшорителя* – В. П.).

50 В оріґіналі было напечатаной так: «копулы». Видав, туй проскочила хыба, котру сьме выправили (*зазначка вшорителя* – В. П.).

51 **Плятан** (*застаріле*) – платан (*зазначка вшорителя* – В. П.).

52 **Кіпровый** – кіпарісовый (*зазначка вшорителя* – В. П.).

53 В оріґіналі было напечатаной так: «натягнуто». Видав, туй проскочила хыба, котру сьме выправили (*зазначка вшорителя* – В. П.).

54 **Напоткати** – стрітити (*зазначка вшорителя* – В. П.).

выробити свободу на часть Амірантія – и не снилося єму; но єсли б хоть лише дозволил єму навіщати вязня – роздумовал в собі – тогда найдет он способ выпровадити свой план. И хоть не много уповал на человіческу помоч, но был увірен, что Бог, которому жывот и всю діятельность свою посвятил, не оставит єго.

Так мыслит и ділає истинный человіколюбець, вірный подражатель науки Іисуса, всегда готов иным помочи, не жалує труду и напряженія сил, не позирає на небеспечности, єсли діло христіанской любви треба єму усовершити; что больше, ни тогда [не][55] выступит из пути добротворенія, когда и здається єму, же з житьєм играється.

Нісколько янычаров вже на первый погляд познали Євстахія и, єще доки достался в палату паши, там вже знали о єго пришествії и наміренія предметі, состоящом в том, чтоб навидіти Селіма. Не вспиняли про то єго, и без всяких затрудненій перейшол он мимо головной стражи и щастливо достался до покоєв паши, сопровождаєм єдным только янычаром.

Наконець вступил он в избу паши.

Изба была пространна, з куполом на покрытью, сквозь пестрыї сткла которой спускалась темряна світлость. По стінам богато позолеченыї блескотки сверкали и помеж червеных аксамитных[56] заслон необычайной величины зеркала, обнятыї золотыми рамами, миготалися. Прямо од дверей у стіны были росстеленыї дорогиї сідалища и софы, и в больше алабастровых чарках, поставленых на черномарморовыї столики, рідкой красы цвіты выпускали благовоніє.

Паша з розложеными в крест ногами сиділ на выгодном дівані. Перед ним тліла дымом пахнюча амбра; сам же он из дорогой, сребром окутой люльки пускал густыї туманы дыму, которыї обвивались воколо головы єго синіма кучерами. Як скоро замітил игумена, дораз накрылось чело єго морщинами и дал знак рукою ніскольким принадлежащим в свиті єго, чтоб удалились на час из комнаты. Недалеко од дівана остановился Євстахій и покорно, подля восточного звычая, уклонился паші. Селім хмураво поглянул на него и таким голосом промовил до него, из которого сурова бездячность ревала:

– Чернце, чому приходиш до мене?

На вопрос сей Євстахій напростил голову, котору досі похылену носил, и верг каптур – покрывало головы – на плечі, руки же на персах

55 У квадратных скобках додали сьме слово, котре там хыбит подля смысла (*зазначка вшорителя* – В. П.).

56 **Аксамитный** (*старорускьк.* «аксамитъ») – *русин.* баршоновый; *німецьк.* Barchent; *російськ.* бархатный, *україн.* оксамитовий (*зазначка вшорителя* – В. П.).

крестообразно зложил и стал на пашу боязливо позирати. Напослідок же прорек поважным голосом:

– Пашо, слух тіранства твоєго рознесеся повсюду...

Ренеґат тут з напряженієм всіх сил порушался. Нахмурил тварь и искравыма очима зміривал старця.

– А ци знаєш ты, – озвался суровым голосом, – кто є тот, з ким ты так бесстыдно говориш?

– Знаю, – одповіл Євстахій, – что з таким мужем говорю, которого общоє мніниє страшенными злочинствами обвиняєт. Я говорю з христіанином, который змінил Богу и отчині...

– И як ты то знаєш?

– Пашо, – одповіл старик спокойным, но печальным голосом, – я много людей познаваю, бо живот мой богатый в искустві. Бог мене такою силою одарил, которою я в стані испытати внутренность иных, як скоро лиш способ получу сообщитися з ними; так и внутренность твою познал я на первой встрічі – в монастырі.

– Молчи! – скричал Селім, побліднувши од переполоху. – Сей час росповіж мені, для чего прийшол ты до мене, иначе бо повелю выверечи тя вон.

– Повинуюся. Тебе дуже лукавым и жестоким описуют, но гріхи, которыми обвиняют тебе, воистину суть огромныї. Скажи же мені, для чого стался ты музульманом?

На то Євстахій умолчал и овый прошибаючий взор верг на ренеґата, который лиш єму властный был. И сей взор привел пашу в замішательство. Казалось, будьто поважныї слова старця взрушили єго, и, ніяко, ожидал продолженія їх.

– Я думаю, – продолжал старець, – что муж, который познавал колись-то инакоє чуство, который Іисуса Христа, Бога и Спасителя свого од пеленок познавати и любити учился, и я таки думаю, что той муж не одкинет просьбу бідного чернця, про которую в имени учителя свого поднимаєт мольбу.

– Яко и что хочеш сим сказати?

– Пашо, одну хатину виділ я, до которой из всіх сторон валится вітер и дождь. И в сей хатині виділ я женщину, окружену четырьми ребёнками, которыї вздыхали и плакали над тугою неньки. Женщина оплакуєт мужа, которого ждет найужаснійша смерть; діти же оплакуют одсутствіє нещастного отця!

Євстахій загиковался[57] и очі єго залялись слезами, когда поглядал на апостата, которого чело стало облекатись в морщины.

57 **Загиковатися** – захековатися (*зазначка вшорителя* – В. П.).

– Селім, – продолжал трясущимся голосом Євстахій, – одно слово уст твоїх, о, только одно возвратит неутішной жені мужа и сироты достанут отця. Я про житья Амірантія молю тебе.

Селім, почувши имя Амірантія, вскочил и очі єго заискрилися.

– Бесстыдный черньче! – вскричал на Євстахія, – ци знаєш ты, чего просиш? Ци знаєш, что на одно моє слово и твоя голова так легко спадет на землю, як оного человіка, которому милости жебраєш? О, ты злоупотребил долготерпініє моє... Ци ты не знаєш, же Амірантій убил сына моєго... чадо моє многонадійне... на полю Ліваді, где он у боку моєго воєвал и пал од невірного вашого оружия? О, сыну любезный мой Селім, ты – радосте житья мого! – продолжал ренеґат, роня слезы од жалю и гніва. – Селім мой, сыне мой, где ты теперь! Мені требало покинути твого трупа и біжати од того, который позбавил мя любви твоєй!...

Так рыдая, ренеґат з одчаянієм рвал собі волося, и в том сітованії забыл на стоящого перед ним старця, который німо стоял перед ним и молился в духу за нещастного – спокойно ожидал, доки утішится гнів и боль єго. Єсли уже раз предпринял собі Селім не пощадити живот Амірантія, то уже не оставалось иноє старцю, як позволенія просити, чтоб героя перед смертію єго навістити мог.

– Черньче! – возразил Селім необав, – ты не знаєш, что то утратити сына в цвіті юности єго, єго видіти, когда повалится у боку отця, когда склонит голову, побліднет и зувянет!... Чути послідный стон єго без того, чтоб и часу было сказати єму: пращай! Без того, чтоб єго єще раз обняти!... И покинути трупа єго на ростерзаніє хищных птиць... Ох, сыну мой, сыну!... но я тебе одомщу! Кров Амірантія будет возмездіє невинной твоєй крови!

Євстахій єще за хвильку молчал, но як обачил, же паша склонил голову на перси и понурился в смутноє роздуміє, тогда приступил ближе, имил за руку Селіма и промовил до него чуствительным голосом:

– Селім, выслухай мя, прошу тя в имени так любезного сына твоєго, над которого смертью столь тоскуєш; послухай мя, Селім, прошу тя!

Но сей німым и нерушимым остал; и внутренноє волнєніє глубоко врізалося єму на твари, и неожиданыї слова старця встрясли душу єго, хотя он того на-вні одкрыти и не хотіл. Рука єго дрожала в руці старця – и он нияк не мог собі истолковати, одки походит сей вплыв на него?

– Послухай мя, Селім, – продолжал мягким голосом Євстахій, – уже не желаю пощады Амірантія; только позволь ми єго видіти прежде, неж умрет, абы послідныї слова єго мог я однести жені и дітям єго. В имени незабвенного ти сына прошу: допусти мені только раз поговорити з палікарем.

Паша не дал ответа, но молчаніє єго показовало сумноє росстройство духа єго. Наконець, поднялся из софы, но уже теперь не гнівным видом, а стиха и майже кротким голосом сказал:

– Ты побідил мя. Я не знаю, что за чудесна и привлекательна сила в твоєй то ласкавой, то твердой бесіді скрывається; ты в стані был утихомирити гнів мой. Но при всем том не моли о житьє Амірантія, на то ниґда не соглашуся, хоть як просити будеш. Чародійна власть твоя надо мною ниґда не успієт привести мене на изміну предпринятія моєго. Но однако ж, якоє-то тайноє побужденіє припоминаєт ми исполнити твою жадость. Не знаю запевно, коли повернет великий везирь; тому ж я до єго прибытія даю тобі свободу – палікаря лиш оден раз на день навіщати. Знай, что долше од одного часа забавитися у него не єсть вольно. Понимаєш ли? Вскорі же я накажу янычарам, чтоб тебе впустили, когда сам схочеш.

Тако Євстахій вымолил одну часть того, чего просил; Амірантія бо увидіти была послідня луч надії єго, на которой будовал он своє приреченіє, даноє жені палікаря. По короткой внутренной молитві сердечно благодарил паші за оказаную ласку, но, чтоб не возбудити подозрінія, змагался скрыти радость, котору з поводу сего чуствовал.

Селім попляскал в долоні и вскорі на то войшол в комнату один аґа и одобрал мандат, который належало сообщити сторожам темници. Старець з аґою, оставивши палату Селіма, выйшли наконець на велику площадь и ту обачили ужасную живую сцену оной смерти, которою карались обычайно ґрецкиї восстанці. То было натягненіє на заостреный кол! Нещастныї, встремленыї на долгиї остроконечныї дерева, закопаныї в землю, которыї, сквозь цілоє тіло пропханыї, наконець вылізли помеж двоє плечей чрез шию. То страшноє было зрілище! А к тому был то род смерти медленной. Часто за больше дней мучимыї жили, терпя ужасныї муки и пар солнечный; не хыбили и пакостныї мухи да овады[58], глядая корму на кровавых ранах, и хищныї птиці много разы на-полы обшарпали тіла їх.

Когда о. Євстахій пройшол мимо них, обачил в помянутом состоянії трёх Ґреков – поднял руки на небо и молился за пожертвовавших себе тако отечеству. И коли рішился покинути сіє ужасноє містце, чул имя своє проглашенноє, но слабым и май конающим голосом.

Оден из нещастных знал єго, который старця в св. Юрском монастырі больше разы виділ. Євстахій подойшол к нему и запросил єго трясущимся голосом: в чем может єму помочи?

– Горящую жажду чуствую, – воздыхал бідняк и молча стогнал, – о, єсли б мало воды дали мні!...

58 **Овад** – овод, ґедзь (*зазначка вшорителя* – В. П.).

– О, бідный ты мой страдалець! – ответил Євстахій и боязливо обозріл, глядая кругом нікой утолительной отрады.

Аґа за весь той час стоял недвижим, будьто милосердноє чуство старця и єго сердця коснулося. Вскорі удался до поблизького домика и, вынесши одтуду невеликий сосуд, начерял в него з поблизкой керниці студеной воды и дал в руки старцю. Євстахій принял сосуд и поднес єго к жаждущим губам конающого.

– Бог заплати тобі, честный отче! – ответил Ґрек, нічто покріпившись. – Дякую ти за милосердный учинок! Благослови теперь мене и я покойнійше умру.

Струйная слеза покотилася з ока игумена и промовил над головою єго таинственноє розрішеніє. Неодолга на то оддал бідняк духа в руки Бога, которого любов подкріпляла єго к так ужасным мученіям.

Недалеко од казнительного містця была темниця. На велініє аґи отворили ю и одным разом одобрали сторожи єй од аґи роспоряженіє Селіма. Сурового вида сторож уклонился низенько и завел старця к оной темници, в которой Амірантій ожидал смерти.

О. Євстахій зо сторожем подойшли к темници Амірантія.

Обвєтшалыї[59] и згнилыї ступаї вели в темный и мокрый проход. Воздух вонил одразительною гнилою вонью, котора тым сильнійше дійствовала, чим ближе туда подходилося. Наконець, дойшли наши к желізным дверям. Сторож передал факлю до рук игумена, сам же стал отвирати дверный замок. И так вступили в само внутріє темници. Амірантій у одном куті лежал на полузгнилой соломі и, вергши взоры на приходящих, стрясся, бо мыслил, что вже поведут єго на смерть. Но вскорі на то сторож удалился и шепнул старцю в ухо, чтоб, повертая, затолкал сильно о двері и что на знак той отворят єму.

Амірантій над посіщенієм сим мало изумился, одвыкши бо вже од довольного часу од факельного світла, зразу не познал старця, но, присмотрівшись ближе, сей час познал старую, каптуром до полы закрытую тварь Євстахія, который одважился и житьє жертвовати за свободу єго.

– Ци ты то, честный отче? – сказал палікарь и кинулся к ногам єго. – Ах, и ты дерзнул посітити нещастного, что-хвилі ждающого смерти?!

– Сыне! – одвіщал Євстахій, поднявши єго к себі, – обязаность любви к ближнему побудила мене прийти к тобі и тебе потішати. Я, зная, что ты в темници и о ранах, полученых в посліднем сраженії, про то спішил єм к паші и испросил од него дозволеніє тебе каждоденно посітити.

59 **Обвєтшалый** (из *російськ.*: «обветшалый») – зветешнілый (*зазначка вшорителя* – В. П.).

Розговор їх держал почти за годину. Євстахій ревно старался возбудити в вязню полноє упованіє в Бозі и живо описовал єму великую заслугу терпінія, єсли оно спокойно и в любви Бога изношаєтся. Амірантій чуствовал из поводу бесіды старця немалоє утішеніє. Он стал спокойнійшим, и туга, пригнетнувша єго досі, стала росходитись и перемінилася на полноє и сильноє упованіє в Божу премудрость и ласку. Послі старець обозріл раны єго, обвязал їх старательно и з тым увіреніем лишил вязня, что сей – як єму кажется – во всем готов жадость єго исполнити.

Од сего часу стал Євстахій каждоденно навіщати вязня и з радостью примітил, что стан плінника – так душевный, як тілесный значно получшился. Паша часто призывал к собі игумена и, казалось, рад был товаришеству єго. Євстахій воскорыстался доброю способностью, чтоб чим большоє довіріє у ренеґата выробити и в него кротчайшиї чуства защепити.

Так сталося, что игумен свободу достал познакомитись ближе з внутренностью города. Без всякого препятія мог он куда-будь ходити. То щастливоє обстоятельство было, ибо Євстахій теперь положеніє и окрестность темниці лучше мог выпознати. Мыслил бо, что єсли єму удастся Амірантія из темници высвободити, к сему найнужнійше єсть точноє знаніє містця, и надіялся, что єще больше дознаєт к выпровадженію уложеного пляну[60].

V.

НОЧНЫЇ ПЛОВЦІ

Палата Селіма недалеко лежала од Янінского поморья, которого воды на нісколько миль розлялися, и од полудня заставало їх предолгоє горосвязьє. Од оного містця, на котором збудованы были палата паши и темниця Амірантія, два или три тісныї шляхи[61] вели к берегу. Порядочно ходили ними только самі рыбарі и чайкаші[62], которыї заносили свої продажныї рыбки в город. Часто и убитых Ґреков трупы таскались путём сим до воды. Под вечер больше разы ходил стежкою сею и сам о. Євстахій до поблизького берега заживати свіжого вечерного воздуха и в тоє время

60 **Плян** (*галіцізм*) – план (*зазначка вшорителя* – В. П.).

61 В орігіналі было напечатаной так: «шляк». Видав, туй проскочила хыба, котру сьме выправили. Шлях – путь, дорога (*зазначка вшорителя* – В. П.).

62 **Чайкаш** (*застаріле*) – чайкарь (*зазначка вшорителя* – В. П.).

обык[63] был возитись на чолні самого паши. Стража, привыкша вже к нему, не боронила єму пловати и повертати, коли сам желал. И плавбу сію он ниґда не залишил, як скоро только выйшол од Амірантія.

Уже осмь день мешкал он в Яніні. Вість рознеслася о повороті великого везиря, в которого присутствії мали изгубити нісколько знаменитых Ґреков; тоє изгубленіє нароком одложено было до сего времені. Под тым часом Євстахій все к высвобожденію Амірантія нужноє приготовил. Но сіє объявити єму не мал волі, только аж в саму минуту вывода. Оден жид чернецку одеж доставил єму, к изготовленію которой, впрочем, не много времені требовало, так что она под четырма іли пятьма часами цілком была готова. Євстахій понес єй в хатину, в которой придержовался, наділ под спод теперішной и тако удался до темници.

Шесть часов одбило на вежі. Сонце готовилось закотитися за гору и темно-червоною краскою обвило вершину палаты, когда Євстахій к желізным, вышню и нижню города часть одділяющей башні воротам подойшол. Ту заступил єму дорогу оден янычарь и, пожавши руку єму, сказал:

– Паша велит ти вскорі представитися єму.

Євстахій задрожал, бо ачей может паші одкрыли наміреніє єго; и тогда на него з Амірантієм ужасна смерть чекаєт. Сія мысль дуже єго устрашила, но, оддавшись Божой волі, знову осмілился и так спокойно и одважно зближался к покоям паші.

Вступивши в передню комнату, здыбал там одного Араба – слугу, который кивнул на него, абы ступал за ним. Євстахій прийшол в замішательство, перейшол чрез больше світлиць а наконець остановился в той, в которой паша вже чекал на него. Червоный, золотом вышитый шолковый обрус застелял дверный проход, ведущий до сусідной избы, з которой теперь выносился якийсь необычайный галас и стук, что здавался быти то стоном, то наполпритлумленым плачем.

Слуга заплескал в долоні, завісу одчинили и Євстахій вступил вдну. Посеред комнаты, сверкающей золотою приоздобою, лежало у колысці дітя, которого блідоє лице и судорожныї пароксизмы явно предвіщали приближающуюся смерть. Больше женщин стояли кругом колыски и прозырались на конающого ребёнка, сам же паша сиділ в одном куті, глубоко задумавшися и оперши голову на локоть.

Ребёнок был сыном єго. Праві теперь страдал одную из тых хворот, которыї так часто бывают у дітей и нерідко наносят и смерть. Пред нісколько часами єще нич не было дітяти, а теперь окружали вже єго

63 **Обыкнути** – обвыкнути (*зазначка вшорителя* – В. П.).

беспощадной смерти признаки. Селім ни мало не уповая в біглость турецких лікарей, бывших, по большой части, неуками, лишен зостал всей надії и журился немало; и в таком росположеній роспамятался на Євстахія. Припомнул собі способность и заботливость єго, которою пильновал недужных и раненых, требовавших щирого приюта монастырьского, и, удостовірившись о науці єго, вскорі[64] повеліл, чтоб Євстахія позвано в палату.

На вступі старця ренеґат поднял голову, зближился к нему и, явши єго за руку, привел к колисці. Сердце єго так было взволновано, что ни слова не мог выречи, а только указал перстом на колыску.

Євстахій борзо понял, чего призвали єго, и прежноє неспокойство єго исчезло. Взял дітя на руки, чтоб большим вниманієм обозріти недуг, и вскорі познал причину и стан хоробы. О коє-то время рек он спокойным голосом:

– Пошли вон притомных и сам уважай, что я буду ділати.

Паша дал знак и удалилися всі.

– Ты любиш дітя сіє, – додал Євстахій умильным голосом. – Живот єго єсть тобі дорог. Тому я Бога просити буду, чтоб навернул єму здоровьє, сли воля єго. Но нужда, чтоб з здоровьєм тіла приобріл и здоровьє души. Донеси воды, Селім, а я под тым часом приуготовлю мої орудія к усіченью жилы.

Ренеґат порозуміл слова старця.

– Ділай, Євстахіє, что сам хочеш, – одповіл он дрожащим голосом. – Сли намістиш здоровья єго, тогда ділай, что сам схочеш.

То сказавши, перекинчик притащил полноє сребряноє блюдо воды. Євстахій вынял з-под одежи мішок, содержащий в собі нікоторыї лічебныї инструмента, взял в руку маленькоє кольє и проколол ним рамя дітяти; кров бризгла в гору. З старательною цікавостью провадил Селім всякий рух старця и сосуд дрожал в руках єго.

Тогда Євстахій начерял воды в жменю и, наліявши на голову дітины, произнес торжественным голосом:

– Крещаєтся раб Божий Іосиф! Во імя Отця и Сына и св. Духа, амінь!

Теперь уже Селім не мог притлумити роспуку сердця, скричал на весь рот и, пустивши на землю блюдо, сам повалился на діван.

– Іосиф! О, дорогоє имя! – шепотал он и смертельно поблідла тварь єго.

Под тым часом дітя прийшло к собі и спокойно, май весело споглядало до твари старця. А сей остановил ток крови, завязал рамя ребёнка и, поціловавши чело єго, тихонько положил до колыски.

---

64 **Вскорі** (*застаріле*) – нараз (*зазначка вшорителя* – В. П.).

– Теперь вже не бойся ничего, – примітил Євстахій, – дітя спасено, но требует покоя.

Когда Євстахій сіє исповіл, Селім имил руку єго и притиснул до сердця. На то заплескал в долоні, и вскорі явилися женщины и обступили знову колыбель. Больше разы покусился паша изліяти чуства свої в словах, но внутренноє взрушеніє не давало єму. Єще раз кивнул на Євстахія и по сему дал єго спровадити одным янычарем на площадь. Случай чудовного сего исціленія скоро прослыпся межи аґами и янычарами и глубокоє впечатлініє зділал на них. Почтеніє, котороє показовали к старцю, од сего часу стало убольшатися, и сей тым больщу надію иміл к выпровадженью плана своєго.

Запавшу солнцу удался в темницю. Амірантій вже од давна ожидал єго и таки вже и мыслил, что не прийдет.

– Везирь, – поднял слово Євстахій, когда остали сами на себе, – завтра або найдалій позавтра надойдет.

– Добрі, честный отче! – одповіл палікарь спокойным и смілым голосом. – И ты будеш ласкав приготовити мене к смерті.

– Ніт, друже мой, – одразил игумен, – я теперь хочу додержати приреченіє, данноє твоєй жені; я хочу тебе спасти.

– Жені моєй!.. мене спасти!.. – сказал Амірантій печаливо. – О, бідна Теодоро! И ты виділ ю, отче! Та ци не умерла она ще од жалю?

– Я виділ ю; но теперь ніт часу о ней говорити. Досыть єсть знати тобі, что я прирек єй вся возможная зділати и тебе єй и дробным дітям оддати. Почему я и прийшол ту, и ты обіцял мені совіту моєму во всем наслідовати.

– Так єсть, честный отче!

– Прийми та же одежду сію, – одразил наскоро Євстахій и стал зоблекатися. – Выйди сей час одси и никому и слова не кажи, хоть бы кто он и был, абы тя не познали. Тварь прикрый каптуром и всегда мимо оных домов иди, которыї в одном ряді суть з темницею. На конець обернися направо к пішнику, ведущому до берега, где найдеш маленькоє челно. Ступи в него и, єсли о годину не буду у тебе, тогда уже не чекай на мене, но удаляйся проч.

Сіє сповівши, Євстахій передал єму платьє. Удивленіє палікаря было неисповідимоє, и так здавалося єму, будьто из тяжелого сну пробудился.

– А ты, честный отче, ци тут желаєш остати? Ци ты самохотно подвергаєш себе жестокости безлюдного поганця?

– Про мене не страхайся, а только думай о собі. Спіши, время єсть дорогоє и теряти го не можно. Борзо спасайся, Амірантій! Мені боятися не нужно и надіюся, что о годину у тебе буду.

– Ніт, я не иду, честный отче! Скоріє смерть, вселютійшиї мученія подойму, нежели тебе тут оставлю.

– Друже, ты мені повинованіє обіцял; я хочу – и ты иди.

А Євстахій так поважно, так рішительно говорил, чо палікарь противостати вовсі не мог. Ділал, правда, єще нісколько изъятій, но даром. Тогда схылил голову и повиновался.

– Благослови тогда мене, святый отче! – сказал, приклонивши коліна, – но перед всім старайся и о собі.

– Не журися, – отвітил старець, поблагословивши єго. – Мені ніт чего боятися паши. Но од тебе пожадаю, абы ты, єсли я не повернуся к тобі, житьє твоє од гніву Турков забеспечити собі усиловался.

Амірантій склонил голову в знак повиноваиіяся и, внутренно взрушен, пожал руку честного старця, который стал толкати в двері. Уже смерклося и сторожи положилися на одпочинок. На стук Євстахія оден из них встал и, негодуючи, отворил двері, мимо того, чтоб внимательный взор верг во внутріє темници. Переодітого спокойно выпустил з тым увіренієм, что то сам Євстахій.

Ноч была дуже темна; небо покрылось густыми облаками и ниґде не было світла. Амірантій точно выполнял наказ старця и необав стоял на морском берегу, з-одки крочил в чайку, но чекал ту и не пустился в путь.

Меж тым Євстахій в запертой был темници. Ревно молился к Богу за свободу друга и неомаль за годину оставал в благоговінії. Он уповал, что єсли темничника стуком своїм возбудит, сей як розоспаный будет сперву думати, яко старця єще не выпустил. Теперь два разы заковтал у двері, як и пред сим. Темничник встал из ложа, з сонными зріницями біг до дверей, отворил и стал обличати игумена, что не дает єму спати.

– Ты дуже ледаякий взглядом службы своєй, – отвітил Євстахій по дружески. – Пусти мя сей час, иначе бо обвіщу паші о твоєм обхожденіюся.

На сії слова игумена темничник замішался. Мыслил, что снится му, отворил двері и по одшествії Євстахія знову запер.

– Похопити не могу діло сіє, – дудрал, потрясая головою. – Прошу тя, не кажи о сем паші; но мені здається, якбы я уже раз выпустил тя.

Євстахій не сказал ни слова, поспішил – и о колька минут уже был у Амірантія. Єдва сей замітил єго, кинулся в объятія єму и плакал радостныї слезы. Теперь имили оба за кормила и швидко одчвалали од берега – прямо к оной горской околици, куда, по мнінію Амірантія, нікоторыї восстанці лежали табором. До сіх хотіл он достатися. Ноч сприяла бігству їх, и о пару часов вольны были од всякого бідствія. У одного корча на берегу выступили из чайки и одтрутили ю на ширину морску, чтоб и сліда єй не

остало. За нікий час лодь колебалась волнами, поки вітер не порвал[65] ю далеко од берега.

На то до поблизького ліса, одси же то помеж горскиї рассілины, то помеж тісныї просмыки, аж наконець на прекрасную долину достались. Амірантій хорошенько познавал околицю сію як свою отчину, про что и минуту не думал, в котору сторону направити кроки. Євстахій же к горской піхоті и так уже привык, неутомимо послідовал другу так, что восходящу сонцу беспрепятственно дойшли Лівадских преділов.

Перва луч досвіта одбилась на одной в візантійском стилю[66] будованого замка вежи. Замок стоял на хребті высокой горы, обнят гущею лісов и скалами, – и так служил беспечным убіжищем для вольнодумных Ґреков. Ту збиралися они часто и в теремах замка зложили множество зброї. Правда, больше разы покушалися Турки одобрати замок сей, но надармо; почему обернули очі на иныї, меньше важныї кріпости.

Як скоро обачили сторожи, росставленыї по вершинам поблизьких утесов, игумена и Амірантія приближающихся, вскорі дали знак и дораз на то оден отряд палікаров объял їх в ціли, чтобы оглянути їх зблизька, и хотя од двох монахов самотных боятися и не было чего, но они могли гадати, что то переоблеченыї турецкиї звідуны. Полковник малого отряда был друг Амірантія и осторожно приближался, но Амірантій зверг верхню чернецку одеж, познали оден другого и кинулись в объятія собі, зачим воколо них клик радости и удивленія роздался. Шум посяг аж во внутрь замка; всі выбігли вон, и не мож было что иного видіти, як лише дружескиї обниманія и слезы; и греміли гаї од радостного крику. Теперь всі бігли к старцю, стали ціловати руки, ноги и воскриліє одежды зо знаком найбольшой благодарности; и тако запровадили єго тріумфально в замок. Ту пришедши, Євстахій дораз поспішил в часовню и ялся правити св. літурґію, на которой всі обыватєлі замка притомныї были и ревно дяковали Богу за освобожденьє хороброго и любимого Амірантія. Єще того же дня высланый был малый отряд войска привезти жену и діти Амірантія в замок, бо тут беспечнійше могли быти хоть лише дотолі, доки конець будет войні.

Под тым часом Євстахій писал лист к паші, абы усмирити гнів єго, а надовсе намірял склонити пашу, абы про избіженіє Амірантія не карал

65 **Порвал** – погнал (*зазначка вшорителя* – В. П.).

66 Візантійский (властиво же, восточный) будованья способ аж на конці осьмаго віка был знатнійший и так званый ґотическиї, іли ґерманский зодчий стиль предъупреджаєт. От сего богатыми цифрами да куполою различаєтся; ґотическиї же средоточится в просмыклой вершині (***зазначка А. Кралицького***).

темничника. «Я спас дітя твоє, – додал на конці листа, – прочто надгороду заслужил єм, но не будучи певным в полученіє той, воскорыстал єм доброю способностью, котору подарило ми провидініє, чтоб Амірантія спасти и тебе од нового злочинства одторгнути. Ты христіанин был, Селіме! О, будь ним знову! Вернися назад на віру любви, на оную віру, котора дух и сердце человіка облагородняєт, ласкавшиї чуства вщепляєт в них и во всіх обстоятельствах жизни вызначаєт путь, ведущу к истинному блаженству. Ты богат и поважный, тысящами владієш, которыї безусловно повинуют ти ся, и добра земныї в изобилії приобрісти себі можеш. Но єси ли щастлив? Не угрызаєт ли сердце твоє оный непокоящий червь, которого втеченіє в саму глуб души ни роспустноє сластілюбіє, ни высокий твой сан, ни выполненіє тіранств не может притлумити, застановити? О, ты нещастный человік! И наісті, бідак, жебрущий у порога палаты твоєй, которого рубища нияк не можут од неприязни часа заступити, сесь сирохман щастливший од тебе. Позрино в конаючиї и уже померкшиї очі Ґрека, з росказу твого на кол натягнутого! Око сіє жажденно глядит к небесам и дух вырывающийся з него горливо[67] желаєт соєдинитися з тым, в славу которого страдаєт всі сії болізні. Осыпал бы был єсь го сокровищами, єсли бы был спроневірился вірі своєй и подвергся Магомеду; но он муки твої великодушно потупляєт и радніє волієт умерти найужаснійшою смертію, чим хоть только на волосок одступити од того, что в животі путеводительною ниткою восприял. Ты – живого мысленія человік и сердце твоє понятливоє к ласкавшим радостям семействennого житья; ты горячо любиш діти, Селім! О, воспользуйся чуством сим! Моли Бога, чтоб вліял в тя знову доброго чуства, и тогда познаєш, як щастлив оный человік, который цілію возьмет собі во всем исполняти волю творця. Я молюся за тебе и родину твою. О, Селім, кобы выполнил ты одну мою жадость, котора єсть, абы ты знову на пути добронравія и кротости успівал, который человіку найчистійшиї и сладчайшиї радости причиняєт!»

Одному молодому селянину вручили, абы передал лист паші, но заким дойшол Яніны, Селім вже дознался об избіженії палікаря. Гніву єго не было міры и преділов. Темничник в неволю положен, а вмісто него избран такий, который на стереженіє вязней способнійшим виділся. Уже одсужден темничник на смерть, коли Селім одобрал лист. Живоє и глубокоє впечатлініє зділал лист сей на него и первоє дійствіє єго было, что отряд, высланый на преслідованіє біглецов, навернен был; но

67 **Горливо** (*застаріле*) – щиро, щиросердно, усиловно, ревностно (*зазначка вшорителя* – В. П.).

темничника токмо по возвраті везиря хотіл Селім на свободу поставити и сему бігство Амірантія в свойстві обычайного избіженія предложити.

Неодолго по пересланію листа Євстахій повернул в монастырь свой, желая уклонитись знаков почитанія и благодарности, которыї урадованыї Ґреки взглядом него показовали.

VI.

ПОГИБШИЙ СЫН

Больше місяцей минуло вже од часу высвобожденія Амірантія, когда Ґреки, європейскими полками, именно же німецкими и французскими спомагаємыї, зразились больше разы з Турками щастливо. То было при конці 1824 года.

По всей Ліваді говорили за колька дней об одном знатном сраженії, случившомся на околиці, одділяюшой горами своїми св. Юрский монастырь од града Миссолунґі[68]. Втроє больша сила Турков вовсє поражена была; из пятьсот янычаров, которых Селім вел до бою, только оден остал, чтоб извістити нещастьє в Яніні. Одно турецкоє село, лежаще од Миссулунґі-града в оддаленью нісколько миль на плодоносной ровнині и где Исмаїл-паша сераскієр[69]держал своє головне становище, о короткоє время после сраженія напал неприятель и занял.

Ґреки сперву выробовали єго, послі запалили и, одходя, лише руины очерненыї поломінём оставили на заду.

Случай сей нову прилежитость споводовал св. Юрским чернцям к засвідітельствованью свого благосердія. Духовныї и мирскиї члены монастыря – всі удалися на погориско, абы обоєй стороны пораненых ратовати и конающих мученія потішати лікарствами віры святой. Значноє число пораненых занесли у монастырь, где Ґреков и Турков в особныї комнаты умістили. И знову одзывались обветшалыї комнатки св. Юрской обытелі стонами болящих, которыї в монастырі сем в найбольшой старанности лічилися. Задачею было монахов сіх все касающоєся страдающого человічества душевых и тілесных язв – гоити и з неутомимою заботою радостно выконовати хорошую должность любви христіанской.

Воистину за показану сію любов к неприятелю в не одного Турка

68 **Миссолунґі** – фактично, днесь Месолонґі (*грецьк.* Μεσολόγγιον; Месолонґіон) – главный варош історичного реґіона **Акарнанія** (*грецьк.* Ακαρνανία) на западному побережу Центральной части Ґреції. Быв єдным из важных центрів войны за независимость Ґреції (*зазначка вшорителя* – В. П.).

69 Сераскієр значит фельдмаршала; достоинством сим у Турков той паша означаєся, который знатным полком повелівает (***зазначка А. Кралицького***).

жарких очах мож было вычитати довольныї знаки подяки, хотя слабость претила чуства выліяти в словах.

Єще заєдно надходили утікающиї до монастыря, бо в который будь час дня озывался звонок на воротах монастыря и зажелавший гостеприимства то Турок, то Ґрек был; але з большой части Турки были ті, которыї, яко уганяємыї Ґреками, выбігли из ліса, только в святом убіжищи сем знайшли беспечный приют и спокой од пренаслідующого зброя.

Чернці любовным обхожденієм около раненых за короткоє время возможным зділали нікоторых раненых загоити и одпустити, абы на місто їх других можно прияти.

Всенощной отправі только что конець был и одной тужливой пісні послідній гомон розносился попод своды к запустінію склоняющогося храма. Чернці оден по другому удалилися до своїх келій до того часу, когда світ рана станет озаряти вершки великанских гор. И сам игумен одходил уже в свою келію, коли ктось сильно порвал за звончик. Он остановился, а бреньканьє завсе сильнійше и частійше бывало. На то взял в руки факель и з чернцем, которому ввірено было гостеприимство, удался на двор. Ледва дошол сюда, вскорі обачил мужа, ряндаво облеченого, з побуряною бородою. Из блідой и изможденной твари познал в нем Турка, а золота, дорогими каменями обложенна рукоять показовала, что пришлець сей, будьто и скудно одіян, єсть высшого сословія. Турчин держал на руках ледве дворочну дітину, котора, судя по внішному, терпіла голод и недостаток. Скоро обачил Турчин игумена, стал слабым голосом молити:

– Преподобный мужу! Єсли надо мною не розмилосердишся, то хоть пожалуй невинную сію дітину, да не на руках отця бідні помрет; бо зри, дітя моє з голоду и зимы умираєт! Я принужден был блукатися в густоті ліса, не сміючи зайти до кого-будь, аж теперь принудила мене конечна нужда просити вас приюта!

– Послідуй мені, – сказал игумен, – все достанеш, чего требуєш ты и дітя твоє.

Сіє сказавши, взял дітину од Турка, который боязливо оглядался доокола. Доспівши больниці, звернулся Турок на поблизькоє кресло, зачим чернець росклал огня и за хвильку зготовил снідь. Ребёнку дали козьёго молока и вложили до чистого ложа.

По двох часах знову озвался єще сильнійше монастырский звончик. Праві тогда покинули чернці свої келії и удались до церкви на утреню. Сонце, обліявшоє червеным морем опустілый монастырь, разом освітило численный отряд стоявших пред дверьми Ґреков. Вид сей привел в удивленіє чернцев, бо од часу напада Селімового не виділи только войска;

а приходило ще к тому и то, що сії казались быти палікарями, которыї в так великом числі и так узброєно єще николи не явились на сем містці.

Отряд ступал в добром порядку по амбітам обветшалой обытелі и дойшол на місто, где чернці жили; а на челі їх ступал молодый полководець. В ту пору зближился оден из чернцев к полководцю и вопросил, прочто приходит из так многим войском до обытелі?

– Одного біглеця глядаєм, – отвітил Ґрек, – которого вже од осми дней преслідуєм, но имити єго годі. Мы глядаєм одного пашу, и пастухи казали нам, что до монастыря зайшол.

На вість сію встрясся чернець, а то тым больше, же не бісурманы, але христіане нарушают беспечности монастырской – и біг до комнаты недужных, где найшол игумена, сидящого при боку ряндавого Турка, и коротко сповіл пригоду.

– Боже мой! Заступи мене, бо то я, которого они глядают...

– Ничего не бойся, – одповіл игумен, поставившися пред него. – Сії люде – христіане, нельзя кынути їм тебе.

Замішавшися немало, о. Євстахій не знал, что ділати. Что Ґреки, которыї всегда з найбольшим почитанієм одказовалися до него, сміли нарушити святый покой монастыря, абы похитити біглеця, хоть бы и Турка, то казалось єму непонятным. Але преждє, чим опамятался, Ґреки уже увалились до больниці.

– Ту єсть, ту єсть он! – кричали всі нараз и волчими очима зміривали пашу, который усиловался бліду тварь закрыти пред ними.

Кынулися на него. Турок хватает ребёнка и скрывает єго под кафтан.

– Погодите, нещастныї! – одзывается Євстахій и острый взор вергает на Ґреков и їх полководця. – Коли-то прийшли Ґреки, воины св. креста, на тую мысль, абы сіє вовсє святым держаноє и Богу порученоє убіщище оскверняли?

Очі запалились поломінем гніву, а можный и величавый голос єго в миг зачаровал палікаров.

На то выступил полководець и почтенным голосом поднимает слово:

– Честный отче! Мы містце сіє и особу твою всегда в почтенії іміли. Россуди, вот первый случай, коли мы осмілились з так великим числом и узброєно прийти сюда, а то прото, абы єсьме упросили вашей честности выдати одного біглеця. Вы задивовалися... да не познаєте ли человіка, которого колись-то осыпали сьте ласками Вашими?

– Перестань, человіче, – отвітил старець. – И єсли б Турок той был мені найбольший ворог, я таки скорше дал бы себе убити, неж выдати єго.

– Ні, честный отче! Он – убийця братії нашей; он сам той, который по первый раз ступил на місто сіє з войском.

– Всемогий Боже! – возгласил игумен и з удивленьєм погляд[70] на Турка. – Можно ли сіє, пашо Селім?

– Так єсть, я єсмь, – востхнул паша, – и дітя сіє єсть тоє, которе ты покрестил.

– Но вот, чуєш ли? – роздался голос Ґреков нараз. – Он місто сіє святоє посквернил! Теперь пойдет он з нами, и не обойдет праведного наказанія за оныї утисненія, которыми мучил народ наш.

Теперь Євстахій обернулся к воинам и сказал:

– Ци христіане вы иль варвары пустыней, что тіранство одного невірного Турка служит вам мірилом? Во имя Іисуса Христа, одкупителя нашего, идіт проч од мирного сего приюта, и жаден из вас да не дерзнет нарушити и оден волос человіку сему. Хотя як великий єсть гріх єго, он под защитою Бога и монастыря сего.

Замішательно одступили взад Ґреки и споглянули на воєводу своєго, якбы вопросити хотіли, кому повинуємся?

– Буде так, – отвітил начальник отряда, – я готов почитати святый сей приют; однак звірь сей не минет праведного наказанія.

– Памятайте друзья, же вы – христіане, – стал промовляти старець. – Покажіт себе достойными имени того. Побіжденый ворог, не могущий противитися на боєвищу, заслугует пощады. Месть пристоит только самому Богу. И так прийміт благословеніє моє, любезныї родимці, за невинно-угнетену бідну Ґрецію в святой борьбі живот свой жертвующиї. Божой опіці передаю вас, любезныї!

Слова сії глубокоє втеченіє зділали на суровую толпу; они упали на коліна, прияли благословеніє од старця и з найглубочайшими знаками почитанія удалилися в своясі.

Ренеґат остался сам-на-сам у о. Євстахія.

Пригода сія, казалось, живо тронула єго, бо черты лиця різко изражали взволнованную внутренность.

– Ты, – сказал тупым голосом до старця, – ты одпустил людям тым, которыї з тым наміреніем прийшли, абы мене месті своєй пожертвовати; ты їм простил. Ци простил бы ты и мені?

– Я не гніваюсь на тебе, бо Бог, которому я кланяюсь, научил мене прощати не лише ворогу, но єще єму добро творити, єго любити.

– Но мені простити ты не можеш, – одрек Турчин смутно.

– Віра, которую я исповідую, учит, что Божа ласка єсть больша, як всяка злоба человіческая.

---

70 Видав, туй проскочила печатна хыба. Мало бы быти: «погляділ» – поникав (*зазначка вшорителя* – В. П.).

– Но знаєш ли, кто стоит перед тобою?

– Ты – Селім-паша.

– Так єсть, я – Селім, я оный тіранский окрутник, на котором клятва краю сего лежит, я сам тот, который из всей силы змагался бідных жителей жесточайшими способами утискати. А однак не в сем состоит моя найбольша злоба; я, старик мой, родился в христіанстві и віру отця моєго самовольно покинул єм. Віруєш ли єще и теперь, что Бог той, которого я так бесстыдно одрекся и которого поклонников я огнём-мечём истреблял, простит ми сіє?

– На всякий случай гріх твой єсть великий, – возразил Євстахій. – Гріх єсть, єсли кто найбольшу благодать, которую человіку Бог дає́т, и якобы всіх благодатей подставу одтручає́т, когда средства, подаваємыї найбольшою любовью цілком потупляє́т, что больше – явным ворогом и гонителем станется всіх тых, которых Бог достойными зділал ласки сея. Перекинчик должен сими словами заговорити к покиненому: «Давно вже одвратил я од тебе сердце моє́, теперь народно, перед цілым світом обнародовляю: же я од тебе одступил; я тебе потупил, и ты уже мені ничим был. Мене то нигды не тронуло, же Ты за мене кров свою проливал и умер; я домагался богатств, достоинств, власти и сластолюбія, и все сіє приобріл, як скоро вырек, же о тобі ничего знати не хочу. Но теперь аж вижу я, же вся сія – суть суєтства; я познаю, же провинил єм, и прошу тя: забудь на все то, гріх юности и невидінія моєго не помяни; я познаю провину свою и каюся»… Все таки Бог не одринет од себе грішника, єсли он истинно покаєтся.

– Возможно ли сіє? – вопросил Селім урадован, стиснувши руку игумену. – Возможно ли, чтобы Бог не одтрутил мя од себе во вік и оросил любовью своєю унылоє сердце моє́?

– И найбольшому преступнику, – одразил старець, – отверты суть небеса, як скоро з покаяньєм, в смиренії сердця и кріпкой надії на Божоє милосердіє подоймет очі к Тому, который властиво из любви к человічеству проліял кров свою на кресті. Коли ты для бесполезных сластєй[71] Єго потупил, тогда Он руку свою однял од тебе, лишивши тебе на грішном пути, и допустил в калу скверны всегда глубше и глубше нурятися. Однако ж теперь, коли познаєш вину свою и, мов блудный сын, повертаєш до отця, тогда Он з ласкою выходит навстріч тобі и дає́т ти до рук средство, чрез которое за минувшая досыть учинити и прощенія удостоитись можеш. Дерзай, уповай и продолжай начатый труд покаянія, в котором я тебе з радостью спомагати буду. Відай: Спаситель казал, что

71 **Сласть** – сладость, удовольство (*зазначка вшорителя* – В. П.).

больша радость бывает на небі о одном грішнику кающемся, нежелі[72] о девятьдесяти праведных, не требующих покаянія.

– Я готов, – ответил Селім, – вся выконати, вся терпіти, єсли только надіятися могу, же Бог простит мені минувшая. Да як и можно было, же я сію віру любви и удивительного пожертвованья замінил за такиї начала, которыї научают закоренілой ненависти взглядом людей иного мнінія и возбуджают, умножают сластіугодіє и так склонной уже похоти. И ох, же я в юности не почитал христіанских начал, духовныї наставленія занедбал, и так не мог знати, же найдорожшую перлу попираю ногами.

– О, дуже бы всі молодці глубоко чуствовали, – мовил Євстахій, – что только віра єсть дух-хранитель человіку, что без ней истинного блаженства ніт и без ней будущность указует только образ одчаянія.

– Слухай, – сказал Селім, глубоко тронен, – історію молодости моєй: «Я у христіанском краю народился. Родичі мої, бывшиї в общем почитанії за свой примірный живот, іміли, кромі мене, єще трёх дітей; я был наймолодший и любимець матери. Сложеніє тіла, живость и веселость духа, котороыми свойствами я в большой мірі владіл од моїх братєй, здобыли у матери для мене особливишую склонность. Обачил я то ще завчасу, и єсли отець – будучи строжшим, но совістным мужем – хотіл мя за нікий-то юношеский выступок наказати, то я дораз біг до матери, пожаловался пред нею а на просьбу єй порядночно ласкавшу кару обсяг єм. На послідок мати побачила на мні уже великиї пороки, познала, что я брехун, лінивый, ледаякий в науці – только то желая, что удовольствіє приношало перемінчивому сластолюбію. Од теперь поважно стала напоминати и думала, же лагодным поступованієм задавит во мні злыї наклонності. Часто давала гроші, надіясь, любов єя буде мене возбужати сей или оный порок, который праві дозріла[73], покинути. Но єсли бы была знала небога-мати, на что я обертаю подарки, то, віроятно, страх обнял бы был ю, да горько оплакала бы была и оную минуту, в которую по первый раз вручила сыну так погубный дар! Слухай но, что ділал я з подарками! З такими молодцями стал єм товаришити, которыї опроч подобной мені легкомысленности были ще и нерелігійныї, над богобойностью высмівалися и за начала іміли, что человік лише прото єсть на світі, дабы уживал роскош. «Старанія наши, – казали они, – пред всім тамо стремлят, абы грошей надобыти, бо за гроші можно все приобрісти, что только роскош пораждает. И что стоит и найбольша обученость,

72 **Нежелі** (из *російськ.*: «нежели») – неж (*зазначка вшорителя* – В. П.).

73 **Дозріти** – вздрити, увидіти (*зазначка вшорителя* – В. П.).

єсли ніт грошей? Нич не варта! А однако ж при всем том легко можно грошей достарчити; єсли человік довольно умный и лукавый, треба знати обольстити простодушных и так званым розумным треба піском очі засыпати. Теперь старики наши повинны нам грошей дати, познійше же найдем мы способ, як насытити бажанія наши». Бесстыдныї сії начала мені дуже подобалися, и всегда грубше загрязал єм в глубині беззаконія. А мати, ох, не замітила страшенну мою легкомыслыность! Все єще гадала, что я гроші на добрую ціль обертаю, и не прийшло єй на ум, что могу замішатися в товаришество найподлійших вітрогонов, через которых нечестивый союз могу заведен быти в пропасть. В ту пору любил бы я кажду матерь напомнути: о, неньки, которыї любите дітям вашим похибы пересмотрувати, пригадайте собі опасныї слідствія, которыї одтуду родятся! И знайте, что несповідимоє нещастья ожидаєт вас, а особливо через властных ваших дітей, єсли пороки їх пристойно поправити залишите. Может быти, думали єсте, будьто на старыї дні подпорою вам будут – ніт, они одвернутся од вас и лишат вас в крайной нужді. Надіяли сьте ся, же будут вам потіхою, радостію, а теперь увиділи єсте, же они сталися вам мучителями, тіранами.

Ледва был єм шестьнадцятилітный, коли отець умер. Теперь вже нич не вспиняло мя в моїх диких и необузданных пристрастіях; я стал уже высмівати любезныї напомненія матери, великиї сумы грошей розмарновал єм и, наконець, аж на толико єм выйшол, что выступками своїми звернул єм бачность власти гражданской. Товариші мої больше крадежей и рабунков выконали, в которых я властні про цілком незатлумленоє єще чуство стыда не брал участі, а потому прото, бо всякими способами знал єм собі од матери грошей выкрутити. Але єднак, коли захватили моїх товаришей, я, боячися прослідованія, утек єм. Под притворным именем вступил я до французского войска, в больше сраженіях послави́л єм ся и остал офіцером. Но славолюбіє моє ще и тым задоволено не было, бо позад служебной остроты не все мог єм беспредільным своїм пристрастям жадаємоє кадило приносити. Тому неодолго покинул я войсковую службу и перенесся у Туреччину, бо надіял єм ся тут все осягнути, за чим я так горливо домагался, котора слабость во мні з дня на день сильнійше взростала. Воинскиї віжества[74] отворили мені путь до найповажнійших мужей Туреччины. Одрек єм ся – о ужас! – я одрекся віры и стал быти музульманом, стал быти лютым

74 **Віжество** (*російськ., застаріле* «вежество») – ученость; антонім до слова «невіжость». У сучасных російському и русинському языках корінь слова ся хоснує лем из частков *не-*: *російськ.* «невежество»; *русин.* «невіжость» (*зазначка вшорителя* – В. П.).

прослідователем когдашных моїх єдиновірцев-христіан, и так в полной мірі насытился сласти и сребролюбія».

Селім так продолжал свою повість:

«Віроятно, ты понимаєш, же тот, который покинул Бога свого и приял такую релігію, которая на столько угождає чуствительності и прочиїм пристрастям, недолго роздумовался над способами, якими поставити себе може на степень поваги и богатства. И так поднимал я ся заєдно у очей людских, заким пред Богом все глубше єм загрязал. Всіх моїх злоб исчисливанієм хочу тя пощадати, ласкавый старче! Теперь десять місяцей праві, як первый раз виділ єм тя в сем монастырі. Твой позор, слова в неописанноє замішательство привели мя. Не мог я собі ростолковати даже и тую склонность, котора так діятельно влекла мя к тобі; что больше, позор твой дійствовал на мене чудным втеченієм. Праві в пору Бог, которого я одрекся, збудил совість мою, віроятно, потому, абы вырвати мя з пропасти, до которой глубоко затряг єм. Теперь по первый раз обозріл я ся на свою минувшость, и не знаю, ци была то велика болесть над стратою найстаршого моєго сына и одси походящая болізненная скука и омерзініє всего лібо[75] слабая луч, освітившая всю величину моєго гріха, – досыть то, что при всем моєм упрямстві страхал єм ся Амірантія убити; при всем моєм упрямстві – кажу, ибо памятаєш єще, як жарко розгнівал єм ся, колись замітил о помилованью. Я з огорченієм ненавиділ человіка того, а однак, на смерть осудити єго – великого самого себе побіжденья треба бы было. И кажется, не мало урадовало мя, коли довідался я о избігу єго. Лист твой понудил мя єго далій не прослідовати, но вскорі знову розлютил єм ся над избігом єго, затім знову впал єм в яковую-то пасмурность, котора приводила внутренность мою в трепетаніє.

Для розгульки стал єм брати діятельную участь в войні и взял єм головноє становище на нісколько годин од монастыря сего. Ребёнок сей, которого ты окрестил, зо мною был, бо в минуту, коли повсюду нелад владієт, лише при собі думал єм для него найбольшу беспечность. Я надіялся побіды, но Бог в кару мою иноє определил: мене побідили, а войско высікли. Неприятель заєдно был мені у пят; ледво успіл єм спасти дітя из головного становища, на котором вже ни Исмаїл сераскієр-паша зо своїми [не][76] мог больше удержатися. Тако блукаясь по лісам, будучи непрестанно выглядаємый од стороны Ґреков, легко попал бы ся был я з дітятём до їх рук, єсли бы нагло не роспамятался на св. Юрского игумена.

---

75 **Лібо** (*російськ.* «либо») – або, авадь (*зазначка вшорителя* – В. П.).

76 У квадратных скобках додали сьме слово, котре там хыбит подля смысла (*зазначка вшорителя* – В. П.).

Даже вчера єще не знал єм, куда взяти путь. Уже за осмь дней блудил єм сюды-туды, тогда оден пастух направил мя на пішник, ведучий до св. Юрского монастыря. Нужда найвысшої степені дойшла: я изнурен, дітя в борьбі з голодом и выставлено на острый горский воздух. Бог охранил мя, бо, хотя з великим трудом, однак найшол я требуємого приюта. Од самого початку я певным был твоєй дружеской любви и благородного сердця – и не дармо! Но як обачил єм на собі, же жаль и нужда зробили мя непознаємым, не сміл єм одкрыти себе перед тобою, кто я, и знову як незнакомець одойшол бы был од вас, єсли бы Ґреки не познали и одкрыли мя».

Селім умолк на нісколько минут и по чему продолжал далій:

«Посеред всіх сіх столь наглых ударов судьбы я мушу упознати Божий перст – воинску славу и богатства утратил єм... Ох, отче, я твердо наказан! Но ачей дуже твердо? О ніт! Подлость моя єсть дуже великою. И я терпінія сії, которыї изношу, не давал ли чуствовати многим иным? Не был ли тіран многих невинных, кат без всякого милосердія и сострадання, полный гордости и зухвальства, сластолюбець, розбойник, скупець и безбожник? Так єсть, я всі сія терпінія заслужил, да и хочу оныї зо всяким покоєм и одверженієм терпіти, ибо они суть неисчисленных моїх гріхов праведныї наказанія, которыї...»

Тут остановился и болізненныї взоры верг на игумена. Да и сей в глубокоє розмышленіє понурился: «Божоє провидініє, – думал собі, – чудовні провадило сего человіка, так что наконець упознал грішный свой живот. Я окремішную привлекательность чуствую к нему, кромі того, абы мог знати причину».

О хвильку Євстахій пожал руку паші и сказал:

– Ты вовсє[77] нещастный человік, друже мой, но небо только за то карает тебе на земли так твердо, чтоб наконець од ужасного грызенья совісті и од вічной страты избавити тя. Но кары сії только тогда правдивую корысть принесут, єсли їх позираємо яко средства, уживаємыї Богом в ціли – привести нас к познанію вин наших и єсли по сему станем вовсє иншими, т. є. лучшими. Но скажи мені, что будеш теперь ділати? Ты одну битву напротив Ґреков утратил; ци не можеш повернути назад до Салоніки[78], которой ты недавно пашою наречен? Знать, ты все єще паша того города?

---

77 **Вовсє** (из *російськ.* «вовсе») – цалком, в ушиткому (*зазначка вшорителя* – В. П.).

78 **Салоніка** (ж. р.) – днесь топонім хоснує ся у множині – Салонікы (*зазначка вшорителя* – В. П.).

– Прельщаєшся, – мовил Селім, – султан сердится на мене, бо єсть поражен. Єсли попал бы я ся у руки нікоторого паши, то мене сей час убили б; а єсли б и то не сталося, то я вже не приял бы прежнєго моєго достоинства, бо Бог отворил мені очі и зовет мя як блудного сына к собі; могу ли противостати любовному єго позыву и повернути на трудный до погыбелі путь?! Ніт, одтеперь я знову христіанин, то само и сын мой, и при помочи Божой останемся тыми. Єсли угодно єму, од которого всі блага походят, мене и надаль в животі подержати, тогда я под крестным знаменієм стану воєвати противу музульманам. Уже многиї из моїх земляков, не иначе Німці, Французы, Англічане и Італіянці збираются под прапор ґреческий. Я пристану до них, бо я Гельвеціянин.

– Гельвеціянин!... Ты – Гельвеціянин? – сказал Євстахій и неописаным задивленієм оглядал єго, к чему нікая-то болізнь и цікавость вмішалися.

– Так єсть, я из Гельвеції[79], кантона Вадт[80], где родичи мої жили.

– И отця твого звали Домард, так ли? – вопрошал игумен дрожающим голосом.

– Да, то было имя єго; я сам Іосиф Домард, – одповіл перекинчик, побліднувши од замішательства.

– О, брате, брате мой! – сказал игумен по французски в овом нарічії, яким бесідуют на батьковщині, и неописанною радостію притулил єго до груди:

– Видиш, я твой старший брат, Іоан Домард!

– Боже великий! Возможно ли сіє? Брате!... Так єсть, ты тот сам, – прорек перекинчик и посеред рясных слез обціловал игумена. – Теперь понимаю оноє чудесноє чуство, теперь виджу сильную тую звязь, котора мя напоперек мого упрямства так кріпко к тобі привлекала.

Долго они взаимно обнимались, долго тревало, поки чуства словами могли изліяти – наголос плакали слезами радостного жалю. Аж послі усіли на діван в бок себе, не престали стискати себі руки. Насамперед паша озвался:

– Брате! Не могу ли тебе благородным сим именем наречи? – И глубоко воздхнул. – Я столь глубоко застряг, о, столь глубоко, что уже и самая мысль невымовным ужасом наполняєт ми душу. Можно ли

79 **Гельвеція**, авадь Гелвеція (*лат.* Helvetia) – Швайц, Швайцарія (*зазначка вшорителя* – В. П.).

80 **Кантон Вадт** – фактично, иде за франкоязычный кантон Во (*франц.* Vaud, німецьк. Waadt) на западі Швайцарії (*зазначка вшорителя* – В. П.).

мені, оскверненному человіку, з надією подняти очі к Тому, которого правдивость жадного преступку не лишит[81], кромі наказанія?

– Сердечный мой Іосифе! – одразил игумен ласкаво. – Правдивоє сокрушеніє, т. є. оная глубокая горестная печаль, которую над тым чуствуємо, же Бога – як самую любов – гріхами нашими прогнівали єсьме, из любви, кажу, походящая сія скруха[82] всі наши скверны измыєт. И не мусим ли зо стыдом признатися, же грішні єсьме? Однако ж, як-будь великиї и численныї будут преступки наши, Божоє милосердіє бесконечно єсть великоє. Любовь Єго изобріла способ, которым человіка из огромного нещастья, в которое запал гріхом своїх прародителей, освободити может. Да яковый способ, любезный брате! Бог сам взял на себе подобіє наше, абы про одкупленіє наше на срамотном древі смерть претерпіл. В худобстві родится и на таком місті, которое служит приютом скотов; бідныї пеленки суть єго покрывалом, а твердыї ясла – ложем. И нищету сію як радо терпит Он, понеже знає, что миліоны сотворінній Єго, не преставающих любов Єго одплачевати грубыми выразами, праві зато из тьмы немощи освободятся! Та любов побуждает Єго голодных насытити, хорых – лічити и мертвых – воскрешати. Из любви тужит на Єлеонской горі, из любви дает тіло своє рвати, себе – осміяти, поругати, мучити и як злодіятель прибивается ко кресту и умирает только из любви, котора так велика и высока єсть, что и найчистійшиї духи не могут поняти еї, только чудуются и почитают ю. Єсли сіє добре розважим, єсли представим собі поруганіями обсыпаного, покровавленого Іисуса – сію глубину смиренія и высоту любви – о, тогда цілым сердцем должны єсьме Єго любити и все зділати, абы любви Єго достойными статися.

Іосиф Домард – так уже єго именовати можем, поєлику навернулся на христіанство, горливо ударял о груди, явно упознал свої провины и посеред сокрушительных слез умолял милосердіє Боже. Доказ щирого сего покаянія внутренні доткнул игумена. Кивнул на брата, чтоб ступал за ним и завел го до церкви, где праві начиналося богослуженіє. Тут Іосиф под час цілой одправы лежал ниць на земли, бо не сміл подняти очей на страшныї таинства. Под сим часом всі священики молилися за него з таким одушивленієм, якоє походит лиш из чистого и богобойного сердця.

Ледва закончилось богослуженіє, уже вратник обвістил игумену, что Амірантій з нісколько воєначальниками и друзями надойшол и желає з игуменом поговорити. Євстахій выйшол наперед него и враз з прочими

81 В орігіналі было напечатаной так: «не лишим». Видав, туй проскочила хыба, котру сьме выправили (*зазначка вшорителя* – В. П.).

82 **Скруха** (*застаріле*) – каяня (*зазначка вшорителя* – В. П.).

Ґреками позвал єго до церкви, где уже больше рыцарей народа сего, которыї од послідного сраженія тут гоились, собралися.

Амірантій обачивши клячущого Селіма, з недоумінієм вскричал.

Но як по укончанію богослуженія сей подойшол до него, чтоб устиснути єму руку, Амірантій порвался назад з тым видом, будьто ядовитый змій хотіл єго укусити. Хопил за саблю и з гнівом загрозил:

– Дякуй небу, пашо, что стіны монастыря сего хранят тя од мести моєй. Или думаєш, же я позабыл рабство и нужду, в котору привел єсь семью мою? Но то єще не много: ты людей тысячу мучил или забил и тысячам одобрал єсь имініє и поверг в крайню бідность. Ты тіран был края сего; но, слава Богу, ты теперь біглець и поки мы владіем мечем, у нас ты больше не можеш свіріпствовати, убивати, пустошити и палити. Не зближайся к мні ты, измінніку; взор твой приводит мя до гніву, и єсли б ты на другом містці был, а не в монастырі сем, навірно, горько заплатил бы я тобі.

– Выслухай мя, Амірантій, – отвітил Селім и на лиці єго выраз глубокой печали одразился. – Я о много больше ненавиджу своє лукавство, чим упреждє достоинства и услажденія любил. Я полную власть даю ти над тілом своїм, только бідного дітяти помилуй.

– Я воистину не знаю, что думати о нем, – одповіл до присутствующих Амірантій, потрясуя головою. – Єсли б довольно не знал лукавого єго характера, так…

В сю пору ступил перед него Євстахій и росповіл все событіє:

– Он брат мой, столь давно погибший брат! – продолжал Євстахій и вскорі на то описал житьє єго, которое з тым примічанієм заключил, что наміреніє Селіма, или лучше Іосифа остальныї дні пожертвовати защиті віры христіанской.

Теперь Амірантій обнял обратившогося и запевнил єго, что уже теперь не месть или ненависть, але правдивую щирую любов взглядом него чуствует сердце єго. Всі Ґреки воскликовали од радости, и один по другом обнимали нового богатыря христіанской вольности. Чтоб примиреніє Іосифа з Богом совершенно исполнити, игумен завел єго назад в церков и по общой исповіди силою власти церковной розрішил єго од гріхов з тым обвіщенієм, что найближайшого рана уділит єму причащеніє св. тайн. Вновь слезами залялись очі кающогося, коли потішительныї слова сії учул, и з такою радостію, якую ачей од дітинства не чуствовал, выйшол из церкви и удался до трапезной салі, где чекал єго скромный обідець.

К вечеру зайшол Іосиф до келії брата и одкровенно бесідовал з ним про грустныї літа молодости своєй.

– Любезный мой Іоане! – продолжал он, – ты оныї смутныї времена приводиш навперед, коли через непокорство и подлоє справованіє майже всегдашнім предметом был єм жалю и беспокойствія бідной нашой семьї. Приопоминаєш ты оный смутный день, коли мати наша, уже на смертном ложі, собрала нас кругом себе и сповіла слова, которыї заєдно звучат в памяти моєй: «Сыне мой, Іосифе! Ох, як много слез вылудил ты з очей моїх розвращенным житьєм твоїм! Ты прекоротил живот мой, но знай, я з радостію пожертвую го за тебе, надіясь, що прийдет колись-то час, коли ты з роскаянієм оглянешся назад – на протекший твой живот, коли ты сердце твоє знов обернеш к Тому, который з любовью приймаєт к собі каждого кающогося грішника… Я уділяю ти благословеніє моє, Іосифе! Од сердця прощаю ти и прошу, не забвывай николи на слезы и жадость умирающой матери. Слова сії глубоко врылись во внутрь мою, а все таки не мал я силы из слизкого пути розвращенія навернутися. Легкомысліє вело мя всегда далій а далій. Не минул долгий час – и я забыл на добрую раду конающой матери. А як по тому злым житьєм утратил єм честь и любов всіх честных людей, тогда покинул єм отчину и не попращавшись з жадным из сродников, которыї, наперекор всіх моїх выступков, все єще показовали мені свою приклонность.

Дальше что діялось, добрі знаєш. Необузданною жаждою уганял єм ся за приобрітенієм высоких годностей и, абы жажду тую угасити, не страхал єм ся и найбольшиї злочинства выконати. Отрек єм ся Христа и стал музульманом. Страшенный день! О, кобы можно єго из памяти даже и ціною кровт вытерти!

– То зділати можеш, мой Іосифе, слезами покаянія.

– Я столь глубоко застряг у кал беззаконія, что уже и всякий слід покаянія лишил мя и моє зъунылоє сердце. Что гадал я в тоє время про віру, которой ціну я уже в молодости забыл єм! Га, тогда будь-якую суєвірную, гнусную віру готов был єм прияти, сли найду у ней средства выполнити свої необузданныї страсті. А тоє думал я знайти у магомеданстві и, жаль, я найшол своє! Живо снуєтся в душі моєй овый день, коли в полку янычаров измовил єм первоє слово „проклятья» и что я од теперь уже магомеданин. Мене за тоє опоясали драгоцінною саблею. Ренеґат, измінник был єм, такий человік, который для способа мысленія и діл єсть омного горший од убийці и розбойника. Измінник, апостат – о, ніт гнуснійшого и нужденнійшого, ніт, чтобы человіка так унизило, як стати ренеґатом, который, одкинувши весь сором, будьто скотина, подражаєт низким похотям.

Од теперь, приоздоблен ордерами[83] як кождый турецкий арістократ, погаными ділами – стыджуся и подумати – змагал єм ся довіріє великого везиря узыскати, да и удалося. Але неодолга по изміні, коли на пребогатой ложі заснул єм, так здавалося мені, якбы м тінь матери виділ; я позирал на ню, а она блідо, дрягло, зо слезами у очах и зложеными руками лежала на своєй смертельной постели и як бы говорила до мене: «А як? Та я мати сего ренеґата? О, Боже мой, оддаль од мя сором сей, который сердце моє несносною болізнію наполняєт! И ты, сыне... як можеш жадати, абы я тя сыном называла? Та заправді я бесчестного апостату породила? Я ли кормила єго молоком своїм, я хоронила и опіковалася ним днем и ночью, я одвертала ли єго од так многих небеспеченств и учила на добрый живот и христіанскую добродітель? О, сыну мой, пошануй неньку, пошануй и сам себе! Бери назад поганьскоє твоє вызнаніє, поки єсть час, и вернись в объятія наймилосерднійшого. Обернися, сыне, и небо да взрушит сердце твоє!..». Весь устрашен, скочил єм з постели, тряс єм ся по всем тілі и пот великими каплями лился из чела мого. Но неодолго знову забыл єм ся на все, стал єм высмівати напоминаньє совісти, мов суєтный сон, мов послідствіє запалившогося воображенія, коли на другий день рано стал єм на челі янычаров моїх в полном блеску и параді, стал єм ся в душі сміяти над дітинячим обычаєм. Сердце моє, ох, было уже цілком искажено.

Сказавши слова сії, ренеґат скрыл тварь в долоні, а из груди печальныї стоны вырывались: «О Боже мой, – вздыхал он, – як бесконечна єсть милость твоя! Из як ужасной погыбелі вырвал Ты того, который без сомнінія из между всіх Твоїх сотвореній єсть найподлійший».

– Отселі, – продолжал он, – все глубше а глубше погружал єм ся у гріховный кал; однак не хочу исчисляти поєдинокиї случаї безбожного житья. Сам знаєш, же имя «Селім» звучало проклятієм. Но од теперь горливо жадаю все нагородити, колько лише человіка воля и сила может, и посему при помочі Божой богобойный живот хочу вести и надіюсь, что Бог розмилосердится над немощію бідного!

Євстахій прижал єго до сердця и казал:

– Жаль твой, Іосифе мой, Богу єсть угодный, и як нибудь численныї суть твої злодіянія, сильно можеш уповати на милость єго, бо Бог ниґды не одринет од себе сердце сокрушенноє и смиренноє. Відай, знаєш, же Одкупитель крестною смертью каждому человіку приобріл спасеніє; тому будь спокойный и проси Бога, абы на пути обращенія далій провадил тя, на пути, которого конечною цілію єсть небо. Єще живо тямлю на смутноє впечатлініє, которое в нас зділала вість твого одшествія. Однак

83 **Ордер** – назнака (*зазначка вшорителя* – В. П.).

мимо всіх огорченій, якиї ты нам причинял, мы тя истинно любили и все таки думали, же одсутствіє твоє долго держати не будет. За пару тыждней ждали сьме на лист, в котором ты несомнінно сообщиш нам планы твої. Но дармо чекали мы, и біг тыждень по тыждню. Стефан, брат наш, и дві сестры, которыї служили образцем доброты и непорочності, непрестанно молились Богу за добросостояніє твоє и змагались добрыми ділами напросити благословенія небес на нещастливого брата. А что мене дотыкаєтся, один план у собі выгріл єм, которого выпровадженьє однако ж мусіл єм одложити на время омного позднійше. Яко найстарший в семьї весь перенял єм ся твоєю судьбою, а послі – справами менших сродных и аж по тому, коли сіх благоє состояніє забеспечил, стал єм направді и о собі думати. Два годы уплыли без того, чтоб прежнёє благобытіє одзыскати; бо одсутствіє твоє додавало нам много смутку, и не без всякого основанія стали сьме догадоватися, же чужоє вліяніє и чужиї звычаї попсованыї твої склонности єще больше увеличивати будут. Так избіг цілый долгий час. Стефан, будучи все слабовитым, помер в сухотах и, коная, молился за тебе. Старша од тебе сестра вступила до монастыря черниць, а молодша выйшла замуж к сыну когдашного друга наших родичів, и была матерью изрядной семьї. Понеже так уже свободный остал єм ся, думал єм собі: от щастлива минута передатися званію, которое давно уже выбрал был єм собі, и зачал направді думати. Память твоя, брате мой, заєдно была в умі моєм, и так учинил я торжественный обіт – остальныї дні Богу посвятити, приявши имя «Євстахій». Солодкоє чуствіє нікоєй-то надії, которое я тогды не мог собі ростолковати, розгрівало сердце моє в минуту облеченія рясы иноческой. Одну память, память о тобі, и по уплыві многих літ не мог єм выкинути из ума. Что больше, возживляло и питало єй всегда на дальше время ростягаючоєся одсутствіє. Яко найстарший из родины понимал єм, же моєю должностью єсть повинності отця полнити, и сам только Бог знаєт, як многиї выпытованья, изысканія не робил єм, абы дойти сліда того, но дармо. Жаль мой стал засыпати, коли выйшол єм на степень Божого слуги – священика. Дух мой переполнился кріпкою надією в Божоє милосердіє, премудрость и доброту – и так спокойно поступал єм по тернистом пути стану свого. За долгий час из росказу преложеных жил єм у Італії, а послі переселили мя з дружиною в Ґрецію. Певныї обстоятельства, которыї не суть тобі незнаємыї, дали нам во владініє обветшалый сей монастырь, и ту на служеніє олтаря и терплящого человічества посвятили сьме наше житьє. Коли Амірантія од гніву твого спас єм, єще ниґда не роспалило мя в такой мірі вдохновеніє, як втогда. Много разы росказовали ми про Селіма; уже самый слух діл и

лукавств єго встрясли всю внутрь мою, а як дознал єм ся, же славутный той музульманин єсть ренеґатом, тогда горливо розжалил єм ся над грішником, что больше, горячо бажал єм знати єго. З-одки походило се? О, брате, то скрытый голос сердця был, который понуждал мя, абы на диком єго нраві покусити словами христіанской любви укрощенія. Прибытіє твоє з узброєнным войском ни мало не устрашило мя. Скорше, промысл Божий бачил я, которому зо всяким одверженієм повиноватися надобно. Од сего времени горячо молил єм Бога за окрутного Селіма, в котором не познал я брата; да наперекор угроз твоїх и скарідного поступку з мною непоколебимо держал єм ся свого предпринятія – тебе обратити, хоть бы то приходило и з пожертвованьєм житья. Но теперь – о, як можеме за то одблагодарити Божому провидінію! – теперь знову споєны єсьме одною вірою, одною надією и любовію!

По словах сіх Євстахій упал на коліна и молился з овым богоговінієм, котороє чертам молящогося праві так величаву, як взрушающу внішность придаваєт. Іосиф послідовал прикладу єго.

– Ты знаєш, любезный брате, – поднял голос по уконченой молитві Іосиф, – что сильно предпринял єм собі: остальныї дні Богу посвятити, которого так много и дуже образил єм. Но ты повинен указати путь спасенія, а я, яко покорный сын, повиноватися тобі хочу. Я раду твою имію за Божу волю и пересвідчен єсмь, же єсли ю вірно и совістно исполняти буду, уже на сей земли могу наслаждатися таким блаженством, якоє и за найбольшиї сокровища приобрісти не можно.

– Так єсть, мой Іосифе! – одразил Євстахій. – Бог діло своє к найлучшой ціли доведет. Приоздоблен св. знаком одкупленія, вступиш в ряды поборников отчины сея и будеш зражатися за віру – за Ґрецію и свояков омного смілійше, но цілком в иншой надії, як упередже под кровью обагреным полумісяцем воєвал єсь. И поки ты сердце и рамя благородной справі посвятиш, доти я за тебе и дружину Бога молити буду. Я опіковатись буду убогими и ранеными, а потому и оных нещастных, которыї єще в смерной тіні невірства блукаются, буду змагатися к світлу правды привести.

***

Иностранці, которыї теперь Ґрецію в путешествіях своїх посіщают в покої и беспечності (як то передже при подозрительном надзору паши искушати не могли), на нісколько годин од Миссолунґі лежащой ровнині на якиїсь два холмики особливший взгляд звертают. Одси чудно-красный погляд отвираєтся на цвітущиї левады, обсадженыї ягодичинами, олива-

ми, платанами и ясінями; посеред тых на-полы укрытыї села, монастырі и городы з своїми банями и вежами, которыї своєю осліпляющою білизною здалека уже даются видіти. Позаду них простирається озеро Лепанто, мов великоє зеркало, сли буря не колышет волнами. А сли в утробі єго лютится оркан[84] страшенною силою, тогда мечет волны, будьто якиї розгуканныї, движимыї горы. На споді помянутых холмиков два дуже близь од себе стоящиї кресты звертают на себе увагу путника, которыї на вічную память двох мужей суть там поставлены, которых память єще жиєт и окремішно почитається у сіх горняков. Палікары и клефты піснями увіковічняют діла їх. Они, мовит сказка, были братья. Оден – поп и спомагал бідных и раненых за свободу молодой Ґреції, ділал то из любви к Богу и человічеству, помер при облозі Миссолунгі жертвою святой ревности, понеже за больше дней раненым Ґрекам и пліненым Туркам не только тілесну помощ подавал, но и потішал словами віры св. неутомимо. Другий – из дикого музульманина стался один из найвірнійших и бодрійших защитников креста св. Ночью напали на него Турки, взяли у неволю, прирекали єму помилованьє, богатства и достоинства, єсли знову под прапор и віру Магомеда станет. Но он заприсяг, что христіанску віру не оставит, и, призывая на помощ Спасителя, посеред найужаснійших мук преставился як мученик за справу Іисуса Христа и в ублагательство юношеских выступков. Ґреческиї начальники память сіх братєй почтили поставленьєм овых крестов. Ціла околиця оплаковала їх, и хотя имена їх пораженієм Миссолунгі изгинули, но память їх у сердці народа ґреческого всегда жити будет.

84 **Оркан** (из *мадяр.* orkán) – буря (*зазначка вшорителя* – В. П.).

СБОРНИКЪ.

Число 7. Р. 1862. Рочникъ IX.

Федоръ Петрюкъ.

— Повѣсть изъ Мармарошскихъ горъ. —

Тамъ, въ роскошный рай, — въ веселыи горы рꙋскои Гелвеціи; — где пôдъ вѣчнозеленымъ карпатомъ розстелѧетсѧ милый пріютъ щиро сердного племени, — прекрасный веселый Мармарошь! — — Где чꙋдесна природа на оуказъ всей твари, богато розложила свои рѣдкости; — где мохомъ ôустеленыи оутесы, выпꙋклыи оущельѧ, — прѧмо выносѧтъ свои лысіи верхи къ далекꙋ высотꙋ, въ синѣ облаки. Оу низꙋ которыхъ дымѧтсѧ дремꙋчіи лѣсы, гꙋстіи боры, — выбꙋхаетъ стꙋденый поточокъ, — горитъ вечерками пастырскій огень на овчарскихъ кошарахъ, — а голосъ горской трꙋбы отъ далека ôуже гомонитъ въ оухо.....!

Анꙋ, въ Мармарошь, — веселый, забавный Мармарошь!!!

I.

На початкꙋ минꙋвшого столѣтіѧ, въ годꙋ 1717, владѣлъ оугорскимъ трономъ Карлъ III. Годъ сей есть кровавыми бꙋквами записанъ на скрижалехъ оугорскои історіи.

Едва привелисѧ къ дѣйство точки Сатмарского примиреніѧ, по которомꙋ междꙋсобнымъ сварнѧмъ, и кровопролитіѧмъ вже разъ конець оурвалсѧ, и пораженное войско мѧтежного Раковціѧ принꙋждено было склонити бꙋйніи головы предъ законнымъ скиптромъ

ФЕДОР ПЕТРЮК

Повість из Мармарошских гор

Там, в роскошный рай, в веселыї горы руской Гелвеції[1], где пôд вічнозеленым Карпатом росстеляється милый приют щиросердного племени – прекрасный веселый Мармарош![2] Где чудесна природа на указ всей твари богато розложила свої рідкости, где мохом устеленыї утесы, выпуклыї ущелья прямо выносят свої лисыї верхи в далеку высоту, в сині облаки, у низу которых дымятся дремучиї лісы, густыї боры, выбухає студеный поточок, горит вечерками пастырский огень на овчарских кошарах, а голос горской трубы оддалека уже гомонит в ухо!

Ану, в Мармарош – веселый, забавный Мармарош!

I

На початку минувшого столітія, в году 1717, владіл угорским троном Карл III[3]. Год сей єсть кровавыми буквами записан на скрижалех угорской історії.

Єдва привелися в дійство точки Сатмарского примиренія, по которому междусобным сварням и кровопролитіям вже раз конець урвался и пораженноє войско мятежного Раковція принуждено было склонити буйныї головы пред законным скиптром Карла, а нужденноє жительство краю єдва покушало солодкого покою, вскорі тронула єго страшенна вість, общий пострах, так як по ясном дню напрасно восстає гибельна туча. На полуднево-восходной части краю вість росходилася, що Азіатска дич – соединенныї войска Турко-татарôв – стягаются до табору пôд стіны

1 **Гелвеція** (*лат.* Helvetia) – Швайц, Швайцарія (*зазначка вшорителя* – В. П.).

2 **Мармарош** (авадь Мараморош) (*лат.* Comitatus Maramarosiensis, *мадяр.* Máramaros vármegye) – історичный регіон, комітат Угорського корольства на сіверовостоку державы; днесь – восточна часть Закарпатськой области Украины и повіт Марамуреш у Румунії (*зазначка вшорителя* – В. П.).

3 **Карл III** – веце познатый в історії як Карл VI Ёсиф Франц (1685–1740). Року 1703. Карл III став королём Еспанії. По смерти свого брата Ёсифа одідичив австрійські земли. Отець славнозвістной імператриці Марії Терезії. Боёвав из Османськов імперіёв у рр. 1716–1718 и 1737–1739 роках (*зазначка вшорителя* – В. П.).

Белграда и что оттуду хан Задар огромным полком вдарил на сосідный Семиград[4].

Где-будь дошла сумна вість, всяды ялся испужаный народ бігства и одступал в горы, шукаючи спасенія од грозной смерти.

Неодолга по тому дикарі, спустошивши плодоносный Семиград, явилися, мов чорная хмара, на угорских границях. Царь Карл, абы отоманским вôйнам уже раз конця доїхати, всю силу воинску обернул пôд Белград, там бо незваного Задара на границі не было витати кому. Бідный народ пôд непрестанными непокоями изнемог, да и царска скарбниця в непорядном ставі находилася.

Поступ безчеловічной орды был досить прудкий – пограничія Мармарошской и Сотмарской столиці[5] уже исстреблялись огнем, дич беспощадно палила и грабила всё, жены и дівы язала в рабску ціп и выслала до стамбульских гаремов. На то обывателіє тых сторон, привыкше уже од давен-давных к подобным играм, скоро ялися на оборону; всякий, кто лиш был у ставі взятись за оружиє, брал єго и ставился до табору – и по кôлько днях численна толпа охотников сближалась к границі на привіт незваных гостей – пôд начальством Василія Багоша[6].

Меже тым, коли то діялося, проживал в гущи дремучих лісôв Мармарошских оден мужчина свою смирену жизнь; он был єще молодый и в полной силі верховинця, а яко житель лісôв был досить пасмурного нрава; прохоживаючися по-под зеленыї вітвы ялиць, роздумовал он про минувшоє бурливоє житья своє. Сли пробудились в души єго памятки пережих[7] времен, сли впала єму на мысль давна єго легкомысленность, тогда остыгал пламенный дух єго и горкоє воспоминаніє болестно раздирало внутреннôсть єго: «Чому збираются сірыї облаки по-над зеленыї вершины древес, коли не сыплют огнистых перунов на мене и подобных менí?! Для чого не отворят громом своїм сыроє нідро сухої земли, аби пожерла мя, убийцю, навіки!».

---

4 **Семиград** (*лат.* Transsilvania, *німецьк.* Siebenbürgen, *мадяр.* Erdély, *рум.* Transilvania) – Трансілванія, історичный регіон Угорського корольства; днесь – регіон на сіверо-западі Румунії (*зазначка вшорителя* – В. П.).

5 **Сотмар** (авадь Сатмар, Сатмарськый комітат; *мадяр.* Szatmár vármegye, *румун.* comitatul Sătmar, *лат.* comitatus Szatmariensis) – історичный регіон Угорського корольства на востоку державы; на сівері граничив из комітатом Марморош (*зазначка вшорителя* – В. П.).

6 **Василь Багош** (Ласло Багоші) – реална історична особа. Позберав войсько из 300 вояків, котрі нападали на татарське войсько. Жерело: Душанек І. Хуст в Мармарошъ, Хуст, 1938, с. 114 (*зазначка вшорителя* – В. П.).

7 В оріґіналі было напечатаной так: «преднихъ». Видав, туй проскочила хыба, котру сьме выправили (*зазначка вшорителя* – В. П.).

В подôбнôм настроєнії духа был юноша сей одного утра, так воздыхал и тужил, аж нараз одважно упрямил унивающу голову и дико поніс очима по гущи. Тут казалося, будьто одна страшенна мысль запалила єму голову. Стал рішительно и, знявши з головы повішеный на ней топорець, закинул ним на лівоє рамя – и вмиг исчез.

Необав по густом лісі крик и шум роздался. Скиталець приложил слухи и стягся пôд корчи. Были то путешествующиї, а, як показовала їх одеж и бесіда, были мармарошскиї Русины. Толпа была досить велика, в которой находилися и кôлька давных товаришôв и знакомців молодого скитальця; он роспôзнал сих на первый взгляд, свистнул голосно и скочил до застановившойся толпы.

– Го-го, – скричали всі, изумившися, – то Сава, відь єго нам теперь потреба, и так не маєм вождя. Пристанеш ли, братцю?

– А чому ніт, тôлько хочу знати ціль вашу.

– Ціль нашу? Гм, ачей ты не чул про Татарина?

– Ага, аж теперь знаю: так вы пустилися на поганина дерти єму, собаці, ремені из плечей! Не дивітеся на мене, я бо скиталець, необзнакомлен з ділами вашой доли, но однакож тішит мене предприятіє ваше. О, так и я радо иду з вами.

И толпа голосно загреміла:

– Най жиєт Сава, ватажко наш!

* * *

Повернім троха до минувшости, ступім дванадцять літ назад.

Приятный липцевый вечер был, од юга подувал лагодный вітрик и свистал милыми тонами вздолж пестрых лугов, росстеляючихся по-пôд старинну гору Діла. З горы валилася тучна череда рогатой скотины, гомон звонôв широко розносился по околиці. А горскою дорогою, як зганути можно было из острого скрипа немащеных колес, качался некованый воз з дровами, а ґазда вытинал собі на все горло улюблену пісню, котора, хоть по просту выдавалася, но таки изражала всі мечты селянина.

Пôд час співу єго в потоці болестный стон выносился горі к небу.

– О, дітя моє! Пригорнись ближе до сердця мого, дай губку, най усолодится остатным поцілуєм умираючой мамки, бо зближаєтся пора, од которой наступлят терпінія твоі, искусиш не одно горе в студеной чужині, бо мамки тогда вже не буде!

Тут дітина заплакала голосно и верглась на недужну грудь.

– Так, дітя моє, я умру! – продолжала недужна женщина и огнем горячки прижала плачущую дівчинку к искренным персам. – Я умру, бо

вижу спорую[8] кончину пред собою, а так ты мене вже бôльше видіти не будеш, бо я умр...

Разрывающаясь болём грудь на хвильку звязала язык и недужная знову прийшла до себе:

– Понимаєш ли ты, дітя моє, что то значит умерти?! Я тобі скажу: коли будеш видіти мамку нерухомо лежати, коли очі и уста запрет, станет зимною и блідою, ты будеш ю сіпати за руку, но она не подастся, не двигнется и голоса твоєго не почує, тогда знай – она вже умерла!

– А может быти, мамка спати будет тогда твердо? – тішилось неопытноє в житю дітя.

– Спати будет мамка, так єсть, дітино моя, но спати будет дуже долго, будеш видіти, як прийдут добрыї люде, возьмут мамку и занесут ю в глубокий ров, бо знай: єй тогда не мож держати наверху, она буде смердіти, и по ней будут лазити червоныї хробаки, которыї будут ю кусати, но она чути того не буде!.. А так ты будь добра, ніжна, бо я, хоть як бы не розлучили нас, таки тебе заєдно видіти буду и з тобою буду, душа бо моя, котору землёв присыпати не мож, там буде, в небі...

Тут ґазда спустился узкою дорогою в поток и, скричавши на своєго быка «го!», застановил вôз з дровами и принялся розгамовати колесо. Среди тишины вечерного мрака болестный стон вырвался из дольной поляны и ударил єму о слухи.

– Кто там, одозвися! – скричал сильно, что аж дрôбныї листки поблизкой березы стряслись, и прудко схватил за свôй тяжкий топор.

– Ах, воды, про Бога, воды, лиш одну глотку!

Селянин розбігся и в минуту стал задышаный над печальным явленієм. На мураві текущого ручая лежала одна женщина, а на персах єй спочивало сплячоє дитя и обключило обома руками шию єї. Місяць праві тогда выкотился з-под густого облака и освітил черты женщины; они показывали свою колись-то чудесну красу, чародійну привлекательность, котора была не раз в стані помішати жаркими головами юности, но теперь были они прорізаны глубокими яругами, блідою барвою, як живыми свидітелями терпінья; очі же єй померкнувшим світлом носились по задумавшомся селянині и пожалованя умоляли.

– Воды, ах воды!

Селянин, мов другий самаританин, борзо кинулся к ручаю и, начерпнувши широку крисаню кристальной воды, стал наповати умираючую, но человіколюбному усилію єго препятствовало на груди хворой

8 В оріґіналі было напечатаной так: «порную». Видав, туй проскочила хыба, котру сьме выправили (*зазначка вшорителя* – В. П.).

лежащоє дітя, котороє, сильно обключивши шию, запирало и так уже тяжкий оддых недужной. Одорвал єго и коснулся оживляючими каплями засохлой губы.

«Что нині будем ділати, – сказал про себе щедротливый русин. – Село далеко, а она умирає. Хоть як, а довезу ю в мою скромну хижину!».

З тым повернул к возу, зметал з него дрова и, настеливши спôд єго галузьєм, а зверху мягким мохом, вернул опять до недужной и, взявши ю на рамена, занес на вôз а так, высадивши горі малую дівчинку, скричал на своєго быка: «Гей сивый, гей!».

Вôз сувался дорогою дост спішно, а по-над него заскреготала часом перелітавшая ночная птиця. Уже близь пôлнôч была, коли наконець застановился вôз на подвôрью селянина, приступил он до недужной и хотіл ю зняти и занести в хату, но скоро застановился и возгласил соболізнуючим голосом: «Відь она застигла!»

Правду сказал селянин: она умерла. Кто была, якого сословія, як ю звано? На все то лиш отвітуєм: убога и странна была.

На третій день сумно звучали звоны деревяной церковці села Біловоли и созывали селянство на похорон незнакомой чуженици; среди численной толпы, супровождаючой труну, ступала и крайні осиротіла дівчинка и несла пôд пахою єдинственноє наслідіє – старенький молитвенник; она не слезила, бо и не дуже знала, що дієся.

Незнакомую женщину пригорнули перстію, а сирота позирала на усыпану могилу дітинячим легкомыслієм. Тогда оден сідоглавый старик з срібряно-сивыми усами приступил к ней, взял на руки сироту и, полобзавши ю, сказал ніжно:

– Як ти имя, доню моя?

– Ирина, – одповіла дівчинка.

– Пôйди зо мною, Иринко моя, ты одтеперь будеш моя донька, я тобі куплю красныї шатки и будем жити въєдно.

Старик сей звался Богомир.

II

Дванадцять літ минуло од того часу и помянута сирота выросла уже дівою, доспіла того мечтательного віку, который человіку заєдно єще, вмісто тернія, цвіты стелит на пути живота. Жил єще и батько Богомир, но глубока старость вже наскучила єму, предця же он все єще забавный, веселый был; тôлько часом всклон жизни єго возмущало новоє нещастя отчины: напад и грабеж татарôв.

Старческий зхолоднілый вік старця дуже умно знала усолоджати воспитаниця єго Ирина; и хотя в домі тôлько двоє жили, то прото хорошо

уміли они прогоняти скуку: днем занятії были обоє своїми ділами; Ирина остроумна была в веденії малого господарства, рядила ним благоразумно, а коли батько, огорнувшись копами книг, сиділ над ними и читал весь день, тогда она наблюдала по домовству[9], доглядала дворну скотину, пекла старику вкусный хліб – и так нужду лише по имени знали. Надходил вечер, коли природа захотіла спочити; тогда усідал старик з Ириною на подворью пôд розложистую липу заживати здорового літнёго воздуха, а красавиця почала росказывати старику веселії, но умныї повістки и басні из руского житья, иногда співала єму горскую пастырскую пісню, пока батько красненько не вздрімался – и приспівшой нощи темной одходили в хату и передавалися покойному сну.

Татарска орда неспинаємо просувалась дальше в край и лишала по собі сліды опустошенія и общого горя. При концї серпня всі рускиї добровольники збіглися пôд прапор Василя Багоша, и в околиці В-Бані[10] сильно вдарили на поганôв, которыї и не пригадали собі про напад збіднілых жителей, они бо мыслили, что уже опасатися на бідной Угрії и не дуже єсть кого, тому ж они в непорядном пороскиданію по полю лежали собі пôд выгодными шатрами и гостились вкусным ріжом та улюбленым молоком; аж одразу в несподіваный час вдарили на них добровольники Мармарошскиї – січ была кровава, кождый замах меча роздавал неминаєму смерть; роспужаныї арабскиї коні вырывались вздолж и поперек и бродили по трупах всадникôв своїх, и табор пôд хвилю стал порожным. Татарва, розбігшися помежи горы, скрывалась в ліс и густый хваст; слідом же їх гнали врадованныї пощастившимся витязством восстанці.

Скорая мысль спасенія цалком[11] инну дорогу указала бігству їх: они принужденымі виділи себе удатися на Уґочанскиї[12] рôвнины и там заждати спріяючой їм хвилі и помочи од Задара-хана, который вернулся

9 В первопечатному тексті было так: «наблюдала домовству». Видав иде за печатну хыбу. Має быти так: «наблюдала домовство» аваvдь «наблюдала по домовству» (*зазначка вшорителя* – В. П.).

10 **Велика Баня** (*мадяр.* Nagybánya) – варош у комітаті Мармарош; днесь варош Бая Маре (*румун.* Baia Mare) у повіті Марамуреш в Румунії (*зазначка вшорителя* – В. П.).

11 В первопечатному тексті было так: «съ всемъ». Заміняли сьме тото слово у нашому выданю на семантично близькой слово «цалком», котре є одповідником російського слова «совсем» (*зазначка вшорителя* – В. П.).

12 **Уґочанский**, од слова Уґоча; Уґочанськый комітат (*мадяр.* Ugocsa vármegye) – історичный регіон Угорського корольства на сіверо-востоку державы. На востоку Уґочанськый комітат граничив из комітатом Мармарош, на югу – из комітатом Сатмар (*зазначка вшорителя* – В. П.).

из Семиграда назад до Белградских стін и поставил вождем місто себе Кублая-агу[13].

Тогда зась уґочанскиї обывателіє, а особливо оставшиїся дома старці и жены, принуждені были покидати свої стріхи и убігати в горы; так и село Біловоля, лежачоє в околиці сей на рôвнині, в пару дней остало порожным. Кождый, где мôгл и знал, тамо и спасался: одже, таковый жребій упал и на старого Богомира, треба было и єму конечно где спасатися, но як и куда? Сам был, як палець, на широком світі, тож и трудно было єму нагадатися, где бы утікати. Наконець роспамятался на давного друга Никиту Коструба, проживавшого гдесь там, в горах Мармарошских, но которого он бôльше уже як двадцять літ не виділ и не чул о нем ни слова: жиєт ли єще? Памятал лиш тôлько, что село, в которôм жил, називаєся Ульмиця. Итак, роздумоватися надолго не было часу, зобрал все, что было дорогоє, як гроші и иныї удобоносимыї речі, склал в торбину и, сівши з Ириною на пару буланых, погнали в горы.

Приступім тепер к герою повістки нашой.

Под Ульмицкими пространными садами на пôдвышшенôм холмику, одділеном сухим потоком, стоял єден досить обширный, но не так опрятный дôм славутного дворянина Федора Петрюка.

Петрюк был мужчина средного віку и росту, подолгавой блідой твари и жолто-червоных волосов. Уже из твари єго промовлял чорный єго характер, заставляючий всякого на первый погляд черт єго удалятися – проглядало бо из очій єго чтось нестерпимо сурового, вид надутой простоты. Тако он, сидя на крыльці дому своєго, ожидал гостей.

В пекарни Петрюка одна худощава женщина варила вечерю, а своїм немило врескливым голосом давала взнаки служанкам, что она тут госпожа. Была ли она супруга Петрюка или и сама лиш служанка? Намекнути трудно было; Петрюк звычайно звал ю «душко Франю».

Змерклось, и чорна нôч розляглась по-над село. Петрюк, выбивши попіл из люльки, вступил у избу. Аж тут нараз розлягся на подвôрью бреньк звôнкôв и обвістил прибытіє гостей. Франциска робко скочила в свою комнатку и, запаливши лампу, стала пред зеркалом направляти свої намащеныї рудыї кучери, натирати смуглую довговатую тварь, чтоб постарілії черты молодым румянцем сверкали, но годі при всей суєтной праці преобразити бридь на красу.

– Спаси Бог, друзья! Витайте у мене. Ану, Филипе, где тя дідько

13 **Áґа** (*турецьк.*) – в Османськів імперії тітул полководця, воєводы, везиря (*зазначка вшорителя* – В. П.).

носит, помагай-но паробкам коні намістити, – роспустил свôй громкий голос Петрюк.

– Не дождав бись бôльше, обманываючи угощати, собачий сыну! – промовил старый Филип про себе.

– Чорт най мене возьме, Федоре! Не гадалисьмо тя днесь видіти; огидна темнота, а в потоці мы ся перевернули; пригадай но собі, что сказал на тоє Никита. Казал, что не буде щастя… Відь пек бы му, где ж найде лучшого щастя, если не пôд твоєю стріхою?! – сказал оден из прибывших гостей.

– Встыдайся, старый побратиме, твоїх бабских норов; ану злізай, друже, скоро. Відай, ще тя не обдер татарин, же тобі нещастьє снится, – додал Петрюк з сміхом.

Гості прибыли на двох возах, и было їх четыре – всі давнії побратимы Петрюка. Чим Никита зліз з воза, Петрюк тайком прикрался до озвавшогося насамперед гостя Митра Гусака и попросил тихонько:

– Має ли гроши?

– Має, лише будь мудрый и оборотный.

– А много?

– Много, дуже много, Федоре, сами чистії талярі.

Скоро на то весь двôр освітился. Франя явилася на порозі з лампою и вымушеным усмішком витала гостей.

– Ну же, друзья, здоровы были, вступайте в дом. А як ся мают жінки-молодиці? – витался Петрюк з побратимами и стискал їх за руки.

– Та горазд, Богу дяковати, – озвались гості; тôлько оден из них, Гриць Хомин, жартобливый витязь, позволил собі троха жартику, хотя мало дотькливого; он вырвался:

– Ой, не єсть горазд, бо хотіли жінки бити и не дуже радо пускали з грôшми, а моя просто з моста выповіла, что бы м рано и не показовался без грошей, бо кипятком опарит.

Петрюк и Франя мусіли то прожерти.

В обширной комнаті стоял уже стôл, накрытый біленьким обрусом и заставлен крашеными тареликами, а на нем стояла купа пôлведровых збанкôв з шумным середнянским нектаром. Позасідавши, товаришество начало бесіду про всяку всячину, про дом и господарство, а особливо про нападеніє Монґолов. По хвильці двері одчинились и ними вкрочил Филип, несучи великанскую миску з бараниною, и поставил на стôл. Гості, обключивши стôл, стали вечеряти. Горішноє містце засіла Франя и, посмівкуючися до гостей солоденько, посилковала їх неустанно, похваляючи заєдно вкусноє яденіє.

Смачна баранина, мов огнем истреблена, скоро зникла и гості забралися до полных збанкôв, обертаючи часто широкиї їх дна до неба. Филип наполнил повторно збанки – спожилось и то; знов наполнил, но нашим гостям начались уже очі искрити, а уста шумный звук выдавати: «Коцки давай, Федоре, коцки!» (Кôстки).

И Федор тріснул коцками на стôл, всі принялися до игры на коцки. Никита не одтягался, высыпал свої талярі на стол и пустился до игры, лише якось уныло, безмолвно. Прочим же побратимам не много было что высыпати, давно бо уже выпорожнил[14] їх кишені Петрюк – верг кождый послідньго таляря и пустился в Божий час. Игра, не спріяючи ни одному, занадто текла ровностороннє. Первый раз выграл Митро, по другый раз – Никита, по сему – Гриць и т. д.

Уже зближалась и пôлноч, а гості все-таки не переставали забавлятися, но игра взяла вже инакший оборот: оден вынимал остатного сребренника и клал єго в добру надію, другий розвязовал набиту сего вечера мошонку, а третій наполнял уже и шапку, бо до мошонки не вміщалося. И Никитовиї таляри значно уже порозбігалися, аж тогда надумался Петрюк, что час бы вже воспользоватися рідким своїм искуством; встал и веліл Филипу наляти збанки. Франя весь той час неусыпно пасла оченьками по ясной монеті.

На дворі озвался голос кур и щеканіє собак, мрак нощи росступатися почал, бо часом-часом выкотил свою сребряно-білу тварь из-поза ряндавого облаку полный місячок.

На столі значна сума лежала; Петрюк верг коцками и необав побідоносно скричал:

– Моє!

– Так єсть! – потвердил Митро, хоть сам уже и не довиділ.

Друга купа ссыпалась, и коцки розметались. Петрюк скричал:

– Моє! – и згорнул купу.

– Кладу дôм мôй! – заревал громко Никита.

– Он уже не твôй, – одповіл Митро.

– Кладу все, что имію: ролі, гумна и полонину!

– И то вже не твоє, га-га-га! – засміялся Петрюк.

– А як то не моє? Скажи мені!

– Та так, что то уже давно моє, а не твоє, бо ты проиграл все, что маєш.

14 В орігіналі было напечатаной так: «выпоролъ». Видав, туй проскочила хыба, котру сьме выправили (*зазначка вшорителя* – В. П.).

– Неправда!

– Бо правда!

– Правда, брате солодкий, – одповіли всі три лесто-браты, – ты вже не маєш нич, бо сь програл.

– Програл-програл, а коли? Скажит мені, бо гнеть ми конець.

– В вечер св. Маккавієв, коли сь пьяный был; роспамятайся, друже!

– Коли м пьяный был?

Вскочил на простыї ногы и сильно вдарил пьястуком о стôл:

– Кто свідок тому?

– Твоє власноручноє письмо, пôд которым власный твôй пôдпис а и нашиї имена, бо свідками были.

– Люде, рятуйте, видь я жену имію!

Нич не помогло; зорвался из містця Никита и пропал в темной ночи. Рано, коли рыбарі завергли свої сіті в волны Тисы, якогось трупа вытягли на берег и затащили єго в поблизкий домик. Молода женщина пôзнала в трупі мужа своєго – нещастного Никиту.

В вторый день по похороні Никиты надъишол стародавный друг єго Богомир з Ириною, и не застал уже Никиты.

III

Вступім тепер у табор бісурманôв.

Посеред богатых нив на широкой Уґочанской рôвнині стоял табор Кублая-аґи.

– Ла иллага ил Аллаг, ал гак ал мобин! (Ніт инного Бога, як Бог, явна истина!) – кричал муєддин из верху одного шатра, которе среди прочих значно выносилося своєю вгору стырчащою віхою. В шатрі спочивал славный аґа, он занимал немалую часть в середині и прибирал якуюто властиву дикоту; у первой заслоні шатра висіл – в знак достоинства аґи – великий кôнский хвост, которого долгими волосами повівал теперь лагодный вітрик сіверный, но тым бôльше убране было шатро внутр. Тут, особливо в третом одділенії, где аґа в крест розложеными ногами сиділ на коврі и выпускал густыї туманы из магагонского чибука, сверкали восточниї блескотки осліпляющою красотою, дорогими заслонами, мягкими софами и всіми выгодами аристократного музулмана.

Но немалоє противоположеніє видно было на прочих шатрах: все составляла одна груба плахта, которой четыре конці клюками припятї были до земли, а из внутр выглядала лиш чорна тварь татарина з оголеною головою и мілкими яскравыми очима.

Вечер был оден из найкрасших.

Аґа затряскал в долоні; и вскорі один албанчик од прибочной стражи представился єму.

– Я слышу хорошу музику плінных ґіаурôв[15], – сказав аґа слузі, – приведи мені, Селім, пару из них, най розженут сумнії думки мої.

– Не варта, великий пане, невірным собакам ясного твоєго лиця видіти! То не райскиї гуры, но злочестивоє смітя – грают, співают, плачут всегда лише о своєй вірі, о богини якойсь Марії, так что аж в уха колет правовірного музулмана.

– Молчи и приведи! – одповіл аґа.

И Селім необав явился з одним великанского росту мараморошским плінником, звязаным на руці и нозі ременем грубой кожи буволовой.

– Заграй мені що из найкрасших нот, но не из тых зловірных, якими мечтаєте кождого часу, заграй мені баґдадску очаровательну пісню.

– Годі, великий пане, звязанному про волю свою играти, – одповіл руский півець.

– Селім, розвяжи єму пута!

Півець-хрістіанин, увôльненый од незносной связи, як лев из желізной клітки, потряс долгими кучерями, як лев богатою гривою, упрямился вгору и тяженько возтхнул. Вынял потому коротку фуярку из-за пояса и зачал вытинати на ней оныї тужливыї сердцекраючиї думы верховинскиї, на которыї и теперь послухаючий впадаєт в росчуствительноє мечтательноє росположеніє.

Аґа запал в полноє очарованіє: слухал, слухал и дивился над способностью руского раї.

– Як ты зовешся?

– Сава.

– Твоє имя буде однині Алі. Я хочу тебе видіти щастливым, богатым музулманом, а не поверженым раєм; так ты од сей хвилі вôльный и друг мой; пристанеш ли на тоє?

Новый Алі задумался и не знал, что отвітовати; борзо потому зашибла єму одна гадка в голові и мнимою урадованностью сказал Кублаю:

– Хочу и пристану быти музулманом.

Аґа подал руку єму.

– Видиш, друг мôй, и не сердись прото на мене, что я тебе плінником зділал, я славлю за то аллага и великого пророка, что такого искусника, якого и в Стамбулі ніт, подали мені небеса[16]. Видиш, на мене

15 **Ґіаўр** (ґяур; дяур) – у музулман особа иншакой віры, иновірник (*зазначка вшорителя* – В. П.).

16 В орігіналі было напечатаной так: «искусника… подали менѣ неба». Видав, туй проскочила хыба, котру сьме выправили (*зазначка вшорителя* – В. П.).

сердится Задар и великий султан за тоє, что менї не пощастилось всеконечно покорити вас. Прото мене зовут домôв на одповідь; может быти, что уже и изготовили для мене шолковый мотузок. И так намірен я тобою ублагати гнів султана, что подарю єму тебе, яко неоціненый дар, и пару сот ваших хороших дівиць.

Между сим вступил Селім – ознаймил прибытіє извістного ґіаура из околиці.

– Най вступит, – сказал аґа, – но прежде я хочу, абы перевлекся друг мôй Алі в пристойнішоє єму одіяньє честного музулмана.

Сава повиновался и натяг широкиї штаны, жолтыї кривоносыї черевики, зеленый дольманик и наділ на голову турбан.

Заслона одсунулась и вступил в шатор Федор Петрюк з одною молодою женщиною, но потрясся, як споглянул на лже-музулмана.

– Не бôйся, невірка собако, то друг мôй Алі. Чему же ты прийшол к менї?

– Славный аґа! Соглядатаї твої загостили до мене и в имени твоєм попросили мя, аби м постарался за добру нагороду доставити тобі найкрасшу из женщин Мармароша; вот тут єсть – и з тым представил ближе женщину и знял густый шал из твари єй.

Женщина, споглянувши на тварь нового музулмана, мало что не омліла, но Сава дал знак перстом, чтоб воздержовалась познавати єго.

– Что же хочеш за красавицю сію?

– Сто цехинов, славный аґо!

– Досить будет двадцять.

– То мало, за толико не могу дати.

– Селім, возьми-но лопатку и дай єму на пяти, собаці, триста ударôв.

Петрюк почорнів и вергся до нôг аґи, умоляя єго, что даст уже и за двадцать.

– Так возми, друг мôй Алі, женщину сію и одведи ю до среднёго одділа шатра, сам же, докля я тут меже четырми очима поговорю з раєм сим, за хвильку забавляй ю, да не сумуєт.

Сава удалился з женщиною.

– Ах небо, дякую ти, яко сподобила м ся видіти тя єще раз, может быти, напослідок, любезный мôй обручнику!

– Ніт, Пелагіє! Не послідный раз, но як ты ся достала до рук Петрюка и як он тя сюды привел?

– Скажу ти всё, слухай: коли ты про оскорбительноє поступованіє сестры твоєй и жены Петрюка в запыльчивости твоєй так ударил єго, что он упал в обморок, и ты, мысля, що сь єго убил, устрашился

одмстительной правды и стал єсь ся скиталцем, сестра твоя, добра Марія, необав похорілась и, не могши уже терпіти огорчительства мужа своєго Петрюка, которого сердце бôльше єще одвращала од неї бесправна любимиця Франка, же она выбралась одной ночи из дому з малолітною Иринкою и пропала гдесь в широком світі. До сей поры жадной вістки о ней ніт, и я в том предубіжденії єсьм, что она из жалю сердця скончалась, як и дітя єй, може, где из голоду.

Много літ ждала я и на тебе, но ты не являлся, и хотя переказовал єсь мені, абы м вінчалася з другим, но я вірна хотіла позôстати обіту моєму: поставила єм собі до смерти дівою и твоєю обручницею позôстати. Прото не обвиняй мене, жениху мôй, что я не додержала наміренія мого, знаєшбо, я в всем и всегда повиновалась воли родительской, и сталось, что я силов-моцев мусіла пôйти за старого Никиту, но я єго наперекор всего нияк любити не могла, зато он передался роспустному житью, зачал посіщати что день Петрюка, который од него обманством весь маєток выграл и зділал то, что Никита в одчаянії утопился в волнах Тисы.

За тыждень стал Петрюк жадати од мене весь маєток, но я на совіт прибывшого до нас давного друга Никиты – Богомира и новой подружки моєй Ирины, воспитанниці сего, поставилась и загрозила єму судом. Он, хотівши позбытися мене, вот видиш, что зділал – вступил в союз з поганином и, коли я одного вечера приступилась к Тисі начерпати воды, напал на мене з своїми друзями и заніс мене насилу до своєго дому, абы я, подписавшися, одреклася всего моєго имінія єму, но я, рішившися и на найгôршоє, одказала єму то; за тоє привел он мене ночи сей до поганина на продаж, и так видиш мене тут, друже мôй!

– Не бôйся, обручнице моя, я тебе ночи сей спасу.

– Дай Бог, тôлько я боюся, что познал тя и дорадит, абы нас добре стерегли.

* * *

Вернімся теперь к двом подлецям – до аґи и Петрюка.

Як скоро удалился Сава з Пелагієв, гнеть встал аґа и одчислил Петрюку двадцять цехинов.

– Досить ли, раю?

– Досить, милостивійший пане! – поблагодарил Петрюк, поціловавши край кафтана Кублаєвого.

– Тут маєш єше двасто, єсли схочеш послужити ми порадою и можным твоїм посредством про одну річ, – сказал дуже ласкаво аґа, погласкаючи Петрюка по бороді.

– О, дуже охотно, великодушный пане!

– Видиш, солодкий, мені бы єще треба нісколько прелестных красавиць для великого Султана, которого дні живота най умножит аллаг! Но як бы можно достати їх? Посовітуй мені, мудрый раю.

Петрюк стал кліпати очима и потрясовати головою.

– Єще сто цехинôв! – скричал аґа.

Тогда Петрюк упрямился и веселым лицем почал совітовати азі ось се:

– На позавтра будет у нас, хрістіан, праздник, так званый «Воздвиженіє ч. креста», тогда всі красавиці зберутся в церкви єще пред досвітом на всенощноє; добрі было бы напасти тогда на церков нашу и похитити, сколь возможно, красных дів.

– Гурра! Дуже мудро! – скричал урадованый аґа.

Петрюк по згоді сей з аґом повернул єще пред досвітом домôв, абы и найменшоє подозрініє сообывателей од себе одклонити. Кублай же готовился слідуючой ночи напасти на Ульмицку церков.

Ранісенько крик и возмутительство давалось чути из шатра аґи; аґа, возлютившись над нечаянным событієм, торгал собі из гніву бороду, и четыре сторожі, на колы натягнутії, выдавали послідноє издыханіе житья. Той бо ночи новый музулман Алі избіг з обручницею своєю Пелагією.

IV

Восток зарумяніл и небо свитати почало; вдруг по-над соломяныї стріхи рознесся гомон первого звоненія на всенощноє бдініє, по хвильці народ толпами горнулся до дому Божого, посред которого и два незнакомыї рыцарі з спущеным на тварь шишаком ступали и, въишовши в церков, сіли собі до клироса. Начавшуся богослуженію надъишол и старый Богомир яко добрый набожный Русин з Ириною, котора заняла міcто своє зараз при вході; она, приклякши на коліна, горячиї моленія воссылала к небу за спасеніє похищеной подруги Пелагії, но изумилась, як почула одного из рицарей высоким гладким голосом воспіти «Крест начертав Мойсей», бо в співі тôм пôзнала голос Пелагії.

Уже отправа кôнця доходила, аж тут нараз прошиб всіх ґвалтовный зойк, крик и всеобщоє замішательство вірникôв, а серед шуму затріскало нараз стріляніє, а ктось-то выхопился на вежу и зачал ударяти в одну крысу звона.

– Татаре, татаре! – загучал народ одногласно и спішил скоро выбігти. Два рыцарі хотіли было теперь достатися к малой отрасли добровольникôв, стоявшим од нісколько дней в Ульмицях на стражи а присутьствовавшим ныні на бдінії и зачавшим щойно солити огнистыми кульками поганам

в очі, но испужаный народ, а барзій жены и дівы, ринули в святиню, заперли дверь, запрепятивши тако выход одважнійшим мужам поспішати на помôч боронящимся.

Аж теперь прошибла страшна мысль голову преодітой в мужа Пелагії, застановленой необычайным явленієм:

– Спасай, Саво мôй, хоть лиш Ирину! Татаре, наісті, похитили ю.

Дарьмо вергся Сава к дверям, дарьмо грозил женам мечем – они таки не припускали єго, и двері запертыми остали.

Стріляньє одступало все дальше а дальше, и из того судити можно было, что татаре опускали храм и бігли всвояси. Аж тогда двері ростворились и народ з угнетом выгорнулся из храма, но тут печальный вид представился очам: на земли многії трупы лежали в крови, а оподаль видно было єще утікаючих конных татарôв – видно было, як многії из них уносили молодії жены и дівы.

Селяне долго позирали за ними з роспукою сердця. Не одна матерь страшенным зойком звала доню по имени – донька пропала!

– Гей, кому мила єсть отчина, кто рад, абы єго жена, сестра иль доня не впала в поруганіє бісурманôв, той най ступає за мною! – скричал Сава к народу.

И на слова єго, мов на волшебный голос, дораз выступили ніскілько смілых мужей, з ними и славнії добровольники, допали сполошеных коней, посідали на них и погнали за слідом татарина. Так и догнали татарôв пôд одным ліском, где сії троха оддохнути застановилися – и зачалась страшенна січ: крики татарôв «Аллаг! Аллаг!», а хрістіанôв «имя Іисуса и св. Николая» давалися чути посеред бою. Сраженіє тревало до пôлгодины; много дорогой руской крови пролялось на землю, и хрістіане од численнійшой татарвы пораженными остали.

– Саво, Саво! – роздавался голос Пелагії посеред бою, но Сава лежал вже на земли поранен. – Саво, Саво! – кричала она все єще, аж вмиг засвітило єй сто свіщ в очах, и пôд сильным ударом когось по єй голові забренчал шишак и упал на землю. Очутилась по хвилці – и вот пред нею стоял Петрюк з долгим деревищем копія в руках.

– Ах, нещастный человіче, ты хотіл мене убити, но пожди, не минет тя месть неба! – сказала и трутила єго так, что повалился на землю.

Кублай, видячи женщину сію, которой долгими жолтыми волосами повівал теперь вітер, з мужем, приверженцем своїм, боротися, в которой он скоро познал избігшую Пелагію, борзо пересадил з коня похищену жертву и бігом молнії пустился к Пелагії. Сія, видячи себе в новôм небеспеченстві, яла за меч и почала боронити себе, но ловкий аґа скоро перемог ю, хопил на коня и пропал з своїми.

Петрюк стоял, мов столп закопаный, и не могучи избігнути, трясся од страху на всем тілі. Оден высокий мужчина, стиснувший го за шию, притащил к Саві.

– Вот измінник! Порубайме го на кавальці, бо он призвал татарина, запродал братню кров и убил в сраженії сіденького пришелця Богомира пред храмом, коли сесь боронил доч свою – конець му теперь, повісьмо го!

Сава заборонил мужику рушати Петрюка и сказал:

– Не минет го рука Божа!

***

Ану, погляньмо єще раз в бісурманский табор. Табор розложился на милю од боржавских[17] дрімучих лісôв, и татары наступившой ночи скрылись пôд свої шатра, но в Кублаєвôм шатрі єще світилось: аґа сиділ на земли з розложеными вкрест ногами и курил файку. А пред ним клячал оден дервіш[18] з сивою бородою и забавляв аґу оптическим искуством, состоячим в тôм, что он, замішавши білок трех яєць з живым сребром, вливал сію мішанину в чисту, наполнену водою склянку, в которой гєйбы прехороші вежи, грады, лісы и долины изображовалися, и из чого дервіш свому пану будущеє[19] предсказовал.

– Вот зри: се зеленоє пасмо значит ліс, дерева падают з великим тріском на землю и забивают людей, бо сії дробныї жолтыї точки людей знаменуют, а людей твоїх, твоє хороброє войско. Зри дальше: сія тоненька смуга значит шолковый шнурок, который тобі необав зашлет славный султан.

– Ха-ха-ха, – сміялся до розпуку аґа. – Ты, дурный, маниш мене игрой пастухôв африканских; не шнурок, не шнурок, но достоинство сераскієра[20] певно уділит мені султан, як прийме од мене купу красных жен у дар. Єще пред досвітом рушимося з міста, абы пред всходом сонця минути прилежащий долгий ліс, за которым найдемося уже в Семиградщині, а одтуда легко достатися до Белграду.

Так тішился Кублай и спокойно положился спати.

---

17 Иде за долину річкы Боржава (правый приток р. Тиса) в Уґочанському комітаті (*зазначка вшорителя* – В. П.).

18 **Дервіш** – музулманський монах-жобрак (*зазначка вшорителя* – В. П.).

19 В орігіналі было напечатаной так: «будущая». Видав, туй проскочила хыба, котру сьме выправили (*зазначка вшорителя* – В. П.).

20 **Сераскієр** («сераскер авадь сераскір») – главнокомандовач турецького войська в Османських імперії (*зазначка вшорителя* – В. П.).

Дервіш же, спрятавши свої річі, перед досвітом тихцем выйшол из шатра, удалося єму щастливо выкрастися из табора и дôстатися до глубокого потоку, одстоячого на милю од табора татарôв; тут зверг из себе магомеданского дервіша одежду и, спрятавши ю пôд корчи, облекся в своє верховинскоє платьє.

***

Недалеко од потока на округлом холмику стояли розвалины давного монастиря, в которого обширных пôдземлицях ночували теперь зобравшиїся добровольники.

– Гурра! Тут є наш батько Филип! – скричали всі, побачивши старого лже-дервіша посреді себе.

– Братя, – начал он, – сли не хочете, абы племя нашоє поганами до чужого краю одведено было, то сей ночи покусітся спасти наших невôльникôв.

– А як же, яким способом? Скажи нам, – мовили всі.

– Та так, я скажу вам: знаєте, что за молодых літ служил єм в войску и мал участь в кождой битві з турком. Яко плінник достался я до будинского паші, в которого дворі научил єм ся языка и обычаїв турецких, из чого я теперь великий хосен мал. Удалося мені, зробивши собі дервішскоє платьє, пред пару днями подлеститися до шатра Кублая, где я єго чрез кôлька дней забавлял разными турецкими небылицями и, пріобрівши тако ласку єго, стал он быти к мні довірчивым. Вчера пред вечером позвал мене к собі обозріти наших плінникôв. Сердце краялося мені, оглядаючи наших в так жалком положенію. Кублай весь день был смутный, бо рано пріял вість од хана: сей час, и то як найскорше, вертати домôв, зачім Белградска кріпость єсть взята. Аґа веліл ми вопросити одного из плінникôв, чи не был бы готов в надгороду полной свободы и сто цехинов спровадити войско якнайкоротшою дорогою к границі. Я вопросил Адама Русина, который, на щастьє, пôзнал уже из твари моєй, чего я, властиво, жадаю од него, и хотя єму не в смак было самовольно погану послужити, то однако ж рішился и скричал: «Приимаю на себе и спроважу войско якнайкоротшою дорогою через ліс!» А одходячи, изъявил мені, что вести буде через тісну скалубину. Ото, братя, я совітую вам, аби єсьте, сли хочете спасти своїх єще сей ночи, дораз ялися до діла, бо аґа пред зорями вырушит з войском. Прото идім в скалубину приготовати лапку єму.

И за пôлчаса по дрімучôм лісі гомон сокир давался чути, дерева громом валились на землю, и тако выход из тісной скалубины великанскими деревами затворено.

Уже восток зарумяніл, и Василь Багош розмістил своїх добровольников по-над скалубиною з смертоносными цівками, по хвильці из долины выноситись почали веселії усмішки татарôв вдруг з плачливым, грудь роздираючим зойком нещастных плінников.

Знак нападу роздался.

Из укрытых містць тріск стрілянія громом загучал, густая толпа татарôв начала рідитися; сокиры и косы верховинцев кровью сверкали, и пропадала надія спасенія. На то скоро обключили иззаду татарский караван наший добровольники – и поганці остали стисненými межи два огні. Изобразити всеобщий страх не єсьмо в стані. Орда татарска з великим убытком розбіглась помежи горы и полонины. По четыречасовой кровавой січі осем тысящ хрістіанам удалося спасти од горкого ярма неволі.

V

Минул один рôк и легкиї раны загоились… Пороспужаноє жительство помалу вернуло до своїх гнізд, и попаленії хаты и села почали знову будоватися.

Но удайтеся теперь к окопам Дринапольской кріпости[21] и позріте на престарілії стіны и растворенії окна, из которых теперь на чужой земли посеред чужих людей краснозвучного языка нашого тужливый голос ударит вам в ухо, бо голос сей єсть выраз терпінія и болю незносного ига. Ту проживают бідный свôй живот одорваныї од вас ваши сродники, діти и друзья. Суровый поступ кождым днем стаєся для них тягостнійшим.

Хотя пощастилось хоробрости руской, по большей части, спасти плінникôв при незабвеннôм нападі в лісі, то в общом замішательстві не мож было всіх спасти, многиї из них выведеными стали из отчины и проживали свôй наскученый живот в Дринаполю. Єдва пощастилось нікоторым из них, именно молодым женщинам, призначеным в гарем паши Оглія, повелителя замку, лучшой доли искусити...

Одной полутемной ночи легка лодь пристала к берегу крайной башні, а из неї выступили два лодники. Взаимнії пошепты и знаки объявляют їх тайную ціль и дают вырозуміти небеспечну дерзость; самиї бо уготованныї для цілі сей орудія пригадовати видятся, что они, певно, ночи сей обкрасти наміряют кріпость.

Изготованой наперед драбины порозбиранії части наскоро споились, а выдумана міра той же праві досягла окна, и оден из лодникôв

21 **Дринапольска кріпость; Дринаполь** – варош Адріанополь (днись – Едірне, на сіверо-западі европской части Турції) – важный політичный и воєнськый центр Османськой імперії почас войн из Австріёв (*зазначка вшорителя* – В. П.).

вымiряными уже кроками ступає горі по драбині и, щастливо доставшись до широкого окна, пукає уже до него.

– Пелагіє, Ирино! Отворіть оболок, вы – спасені, у споду ждет нас челно.

И смертельно-бідственна одвага удалась – лодь одплыла уже по синіх волнах з четырма особами.

Смілії лодники были Сава, знакомець наш, и Адам Русин, невірный проводчик татарôв.

О пару місяцей горы Мармарошскиї звучали од веселых співôв та музики; в деревяной бо церковці Бедевлянского монастиря вінчался Сава з Пелагією, а Адам Русин з Ириною – всі желали їм щастья и долгоденствія.

***

Три літа минуло од того часу, а ласкавоє небо одарило новоженців наших здоровыми діточками, полным щастьєм семейственной жизни.

Одного вечера якийсь чужий вôз станул на дворі Савы и Адама, а из него знял повозчик-селянин одного недужного человіка, в котором Пелагія на первый погляд пôзнала злославного колись-то, а теперь нужденного Федора Петрюка.

– Прости мені, добрая Пелагіє, тяжку мою провину, – почал он трясучим голосом перепрашати, – бо зри, я умираю, а умираю, яко скиталець од всіх повержен! Всему виною была нещастна Франка. Но призви мені скоро любезну мою доч Ирину – най узрит останній раз недостойного отця свого.

– Что слышу? Вы – батько Ирины? – возгласила удивительным голосом Пелагія.

– Так єсть, я отець єй; и уже два літа, як ищу ю, котору єм пред часом изгнал з матерью и недавно за марну корысть доставил до рук татарам. Но таки я отець єй; хочу ю видіти єще раз перед смертію.

Чим надбігла Ирина – Петрюк помер.

КНЯЗЬ ЛАБОРЕЦЪ.

Историческая повѣсть изъ IX. вѣка.

I.

Фу! — якъ поганыи часы были тѣ, зъ которыхъ выписуемъ мы повѣстку сію. Люди громадами, цѣлыи народы покидали свою колыбель и глядали лучшой на чужинѣ. — Мабуть видѣли вы, мои ласкавыи читатели, якъ то циганска семья, коли наскучитъ собѣ въ одномъ селѣ, переносится въ другое: вотъ, на переду ступаетъ поважна голова родины, старый циганъ, и тащитъ пару молотковъ, дуфадло и дѣравый котелъ; за нимъ шановна его жена съ полъ-тупетомъ многонадѣйныхъ потомковъ Фараона на плечахъ; отъ, изъ плахты лише чорныи кудлатыи головки видно, — кругомъ мамы подскакуютъ собѣ зо четырехъ хлопчиковъ, такъ лише по-легку якъ то бывало Адамъ у раѣ, кождый изъ нихъ несетъ то горнецъ, то миску, то скрипку, смыкъ и иныи орудки газдовства; ажь наконець походъ заключаетъ псикъ и мале порося.

Знаю, подумаетъ собѣ неодинъ изъ читателей: „а потъ, где онъ насъ хочетъ повести, просто подъ циганскій шаторъ, брр!“ — Нѣтъ, борони Боже, я поведу у княжій дворъ: бо знайте, мали и мы Подкарпатскіи своихъ колисьто князей. —

А же первенство далъ циганской родинѣ, то лише хотѣлъ ваше воображеніе перенести въ далекую минувшость, въ тѣ времена, коли отбывалося такъ славное въ исторіи перехожденіе народовъ, отъ четвертого почти до девятого столѣтія; бо видите, сесе погребло нашу самостоятельность.

Не совсѣмъ такъ мирно, якъ горѣнаведена, и не такъ малочисленно, якъ циганска семья ходило то ся: но тысящами, а съ мечемъ.

895. годъ писали по Христѣ, коли я прошу своихъ читателей, чтобъ сопровождали мене у Ужъ-городскій замокъ князя Лаборца.

КНЯЗЬ ЛАБОРЕЦЬ[1]

Историческая повість из IX. віка

I

Фу! – як поганыї часы были ті, з которых выписуєм мы повістку сію. Люди громадами, цілыї народы покидали свою колыбель и глядали лучшой на чужині. Мабуть, виділи вы, мої ласкавыї читатели, як то циґанска семья, коли наскучит собі в одном селі, переносится в другоє: вот напереду ступаєт поважна голова родины, старый Циґан, и тащит пару молотков, дуфадло и діравый котел; за ним шановна єго жена з полтуцетом многонадійных потомков фараона на плечах; от из плахты лише чорныї кудлатыї головки видно; кругом мамы подскакуют собі зо четырех хлопчиков, так лише полегку [вдіті][2], як то бывало Адам у раї; кождый из них несет то горнець, то миску, то скрипку, смык и иныї орудки ґаздовства; аж наконець поход заключаєт псик и мале порося.

Знаю, подумаєт собі не один из читателей: «А вот где он нас хочет повести – просто под циґанский шатор, брр!». – Ніт, борони Боже, я поведу у княжий двор, бо знайте: мали и мы, Подкарпатскиї, своїх колись-то князей.

---

1 У первопечатному тексті («Князь Лаборецъ», 1863 р.) и другых текстах автора добы 1860-х років, котрі він загнав до львовськых часописів, стрічає ся двоякой написаня назывників мужського рода на суфікс -ец. Порівнайте: Украинецъ – Украинець; Половецъ – Половець; вінецъ – вінець. Але усяґде стрічає ся лем тверда форма написаня имени князя – «Лаборецъ». Межи тым, у родительному єднины тыж ся наблюдає неєднакой написаня: Половця, Украинця, але вінца, ловца и – Лаборца. Сяка двойнистость потовмачує ся снагами редакторів галицькых выдань привести авторськый текст до орфоґрафічных норм своїх етнічных реґіонів, што ся їм дарило не у повній мірі. У далшых перевыданях атсёго оповіданя у XX столітію редакторы уніфіковали написаня (ужгородські, пряшівські) подля ґраматикы украинського языка (Українець – Українця; Лаборець – Лаборця) авадь ся додержовали своёй нормы (русины в Америциі: Календарь Свободы на 1935. г.), то значит хосновали формы (словацьков латинков) : Laborec – Laborcja; polovec – polovcja; ukrainec – ukraincja. У нашому выдані будеме ся додержовати орфоґрафічной нормы сочасного русинського языка: Лаборець – Лаборця; Украинець – Украинця; Половець – Половця; ловець – ловця; вінець – вінця (*зазначка вшорителя* – В. П.).

2 Видав, у печатні пролишили єдной слово; додаєме го подля контекта (*зазначка вшорителя* – В. П.).

А же первенство дал циґанской родині, то лише хотіл ваше воображеніє перенести в далекую минувшость, в ті времена, коли одбывалося так славноє в історії перехожденіє народов – од четвертого почти до девятого столітія; бо, видите, сесе погребло нашу самостоятельность.

Не зовсім так мирно, як горі наведено, и не так малочисленно, як циґанска семья, ходило то ся – но тысящами, а з мечем.

895. год писали по Христі, коли я прошу своїх читателей, чтоб сопровождали мене в Ужгородский[3] замок князя Лаборця.

Земля, на которой мы теперь живем и боремся за свої права и народность, называлась в тоє время ще Панонія, бо была вольна. Обыватель горделиво показовал и казал на своєго сообывателя: Пан - он - і - я, всі мы панове! Нашими рускими предками володіл старенький Лаборець; по крутый Ваг давал словенам росказы великий Святополк. Межі Вагом, Дунаєм и Тисою повелівал Болгарам Золан; од Мароша по Тису также Болгарам – Глад. А Бог знаєт, колько єще дробных володарей было на нашой земли. Всі они назывались Панами, а свою богатую землю – Панонія. Все минулося! – прийшли Гунны-Маджаре, та стали єй прозывати – Гуннія, а теперь – Венгрія.

Но зближімся к нашому старинному Ужгороду. Город стоит, будьто предпотопный великан, на круглой скалистой горі, а по-под него котит свої грубыї волны шумный Уж та ревет, мов малый океаник. Из коминов города выносится вгору густый дым. Вечер єсть; оболоки плывут в світлой зарі. А внутрь по дворі шум и крик; по всім кутам та сторонам лише тріск и бряцаньє оружий даєтся чути, а на лиці каждого сум и непокой. Во втором заборі города на обширной площади горит великанский огень: поломень досягаєт синих облак та розливаєт свой тусклый блеск по мохом зароснутых стінах замка. На огни печется толстый бык; два бородатыї рыцарі обертают єго на долгом рожні, а як вдарит їм об нос вкусная печеня, тогда мимовольно збігнет слинка на язык. Задубілыї бородачі розложилися около огня, поподпирали сідыї головы локтями и загрівают свої скостенілыї члены при огни, бо знай: то время – уже гдесь аж около св. Дмитрія та осінь.

В сю пору выступаєт один трубач на забрало и трубит на три перестанки: «Гей, жураты, крайники и всі полковники! Спішіт, князь зовет на раду!».

И на даный росказ князя сыплется в замок череда журатов, крайников и хоробрых полковников, не иначе пчелы из улія, а у дверях радного

3 У первопечатному тексті А. Кралицькый хоснує двоякой написаня топоніма: «Ужгородъ» и «Ужъ-городъ», а тыж одповідного якостника: «ужгородскій» и «ужъ-городскій» (*зазначка вшорителя* – В. П.).

терема стоит уже прекрасная Віра, доч князя, и приймає журатов та честує їх хлібом-солью.

Всі кланяются низенько княжой доньці и цілують єй щедрую руку.

Двері одчинились, радці вступили и заняли міста свої. О часинку надойшол и Лаборець з дворнею и усіл на свой трон.

Князь поднял річ:

– Жураты, крайники и полководці! Князь ваш говорит до вас! Знамо вам, ож Половці[4] пред дверьми. Вы чули уже, что то дикарі из широких полей азійских, не могучи противостати Монґолам, накидуются теперь на наш край. Приближаются уже к границям, несут меч и ціпы. Что вам любится, выбирайте!

На слова ті князя встал Драгутин-журат, найстарший віком, и промовил так:

– Великий княже! Годі нам избрати меч, мы силою и числом слабыї; завяжім з ними союз – замість ярьма буде мир.

– Ніяко же мир – будет рабство! – озвался Славолюб. – Бескорыстный та стыдный єсть мир нам, христіанам, з поганином. Буди так: сподружимся союзом, тогда поведет нас Альмус на нашу братію христіанску, будем проливати родную кров славянску на корысть Половцев, а на погибель нам самым.

– Половці не самі идут, но идет з ними множество Руссов.

– Война, война!

– Властні позад того, ож и Руссы суть з ними, пристойно ли будет нам обок половчей и руску славянску кров проливати?!

– Руссы пристанут до нас – покріпимся та помножимся и Половцев побідим! – одразил Славолюб.

– Побідим, – сказал Драгутин з негодованієм. – Побідим так, як побідил Олег Кієвский!

Славолюб умолк на хвильку; радці понурили головы и задумалися глубоко.

Поднял річ жартовливый Властич:

– Цур та пек поганину! Подумайте собі: на кожаных надутых міхах переплыли Дніпер, стерлися з Олегом, злупили Кієв, а теперька нападают нас. То, богме, не люде, а звірі. Половець до коня прирос, їсть сыроє мясо, пьє кобильє молоко и кров из властного локтя та кланяється якомусь там Гадуру. Ой, погане, погане! Смутком бись ся опоясал, недолею бись ся приоділ, нещастя бись собі постелил та бідою ся прикрыл.

4 Половцями называли в тоє время на Руси Мадяров. Сам Нестор сіє прозваніє употреблял (***зазначка А. Кралицького***).

Всі россміялися з так выцифрованой лайки легкомыслього Властича, которому єдно было – ци на раді, ци у гостинника.

Знову молчаніє.

– Ну, та что же? – перервал молчаніє старенький князь.

– Война! – скричал Славолюб.

– Война, война! – загомоніло нісколько голосов єще, стало быти, несміло.

– Покой та союз! – одразил поважно Драгутин, что подтвердило и нісколько голосов из рады.

– Но больша часть молчит, рішайте о судьбі своєй; я уже старый и клонюсь до гробу, – проговорил[5] Лаборець и стер слезу з лиця.

– Завтра, завтра, – кричала молчащая сторона.

И рада розойшлася.

II

Єще того дня над вечером Мадяре перекрочили границю и Верецькою тісниною ссыпались на мукачевскиї ровнины. Не нашли жадного одпору; селяне обоюдно приглядались азіятскому каравану, который, по домыслу письменных, мал состояти из сорок тысящ семейств. Альмус вдарил свой шатор на горі, теперь называємой Чернецькой, а жрець Гадура розложился на том місті, где теперь стоит город. Рано, коли восходящоє сонце розлило свої багряныї лучі, Альмус-вождь вышол из шатра, стал осмотривати росстеляющуюся перед ним ровнину; смотрит и видит: из круглой горы, як яйце, стоящой, будьто великанска копа сіна, на широком поли, выносится густый туман дыму горі к небесам.

Альмус замішался, думал бо, ож то панонійских войск огень, запаленый потому, же неприятель уже за порогом. Борзо послал двох конников вызнати діло, которыї, вернувшися, казали: «Жрець за щасливоє прибытіє жертву палит Гадуру – упитаного білого коня». Альмус, увидівши гору, дуже собі тую полюбил; просил жреця, чтоб замінял з ним гору за оную, на которой шатор єго стоит; жрець одтяговался, аж, наконець, пристал, получивши в додаток красного білого коня. И так Альмус, вступивши во владініє горы, дораз переніс свой шатор и положил основаніє замка.

За сорок дней одпочивали тут Мадяре и в будовли города значно поступили. Горестна была то праця: воду, каміня, дерево и прочиї запасы на раменах требало тащити на высокую скалу з великим трудом; и од того-то труду, по їх языку «munka – труд», нарекли місто то Munkács.

5 В оріґіналі было напечатаной так: «говорил». Видав, туй проскочила хыба, котру сьме выправили (*зазначка вшорителя* – В. П.).

А рускиї їх союзники од великой муки: Мукачево.

В Ужгороді, только на четыри милі одстоящем, все єще недоумініє та нерішимость владієт; ніт согласія в раді журатов, князь уже старенький, дармо выжидает помощи од сосідов – а дни минают.

Альмус послал до него посла: одного молодого Украинця – Русина до руского князя, – аби ся пôддал и з ним союзился.

III

Красно течет собі ріка Свіржава своїм корытом та качает свої волны ген-там десь аж у чужий край. Ноч поздна и холодна; свіжиї небесныї своды простыли; яркий пояс Млечного пути простирается по-над ужгородскиї ровнины, будьто искрава завіса, та освіщает своїм блеском узенький пішник, протягаючийся берегом ріки.

З дали видно якесь человіче подобіє, скорым кроком приближающеєся все ближе и ближе, аж наконець цікавоє око видит старую женщину.

Баба и не остановляется оддыхнути, и назад не зиркнет, ци не гонит єй яка русалка, но жваво міряет сухими босыми стопами узкий пішник; все больше а больше исчезает из ока, аж наконець пропадает гдесь там под ужгородскими окопами.

– Кто там?

– Я, отвори браму.

– Кто «я», ачей Половець?

– Не дурися, Юрію, отвиряй скорше, бо замерзну; то я – Настя.

– Та ци дідько тя носит по ночи – не даєш людём спати, – стал негодовати Юрій-вратник, устремивши ключ у замок желізных ворот и обернувши ним два разы, что аж квикло. – Что же хочеш?

– До княгини иду, а тобі что до того? Ты – вратник, лизай-миска, а я собі, невроком, познаємкиня з княгинею, – стала собі покепковати наша баба, котору виділи сьме так швидко біжащу узкою стежкою; и о хвильку была уже у спальни княжной доньки.

Годі не побалакати о ней больше.

Настя за оныї благосклоннійшиї часы, коли намісто поораных уже бороздами лицях єще калины цвіли, была служанкою у замку; мала довіренность у княгини Дарины, пестовала маленьку Віру и наслаждалась наиболшим поважанієм у прочой дворни. Часы змінилися: Дарина померла, на Настю стала дворня нарывати – и ю прогнали. Но про тоє она не передалась роспуці – закупила малый домок над Свіржавою од рыбаков та стала ґаздовати по своєму. За якийсь час ожидала что день женихов, но коли сіи не являлися, Настя потупила світ и всі єго суєты та лишила косу

сивіти. Жила самотно, и про тоє стали ю называти знахаркою-ворожкою. До замку часто ходила навидіти княжу доньку, та и то не з порожными руками, бо, бывало, раз молодого пструга, инколи ягоды, грибики и иныї женскиї лакотки приношала; навіть пригодилося и то в погодноє время, же и сама Віра причвалила на чолні до єї скромной хатинки на прогульку; а в такий час Настя все одповіла за себе, угостила Віру по княжески, насколько бажанія тогдашних госпож не были єще так утончены.

Як Настя вступила у спальню, Віра готовилась уже до постели; приняла стару по людски, и завели меж собою тайный совіт, который держал майже полчаса. Тогда Настя вернула в свояси.

Полноч уже недалеко была, місяць так красненько світил, что аж мило было позирати; огонь на площади згоріл, варта, зъївши вола и выпивши бочку вина, храпіла на все горло.

Не минуло и чверть часа по одъїзді Насти, як скоро зъявился якийсь молодець на площади замка, весь узброєн: лице закрите шоломом, на грудях желізный наперсник, а у боку простая шабля. Конюший вывел єму коня из стайни, а молодець сіл на него, тай погнал буй-туром. Вратник скоро одчинил желізныї ворота и пустил рыцаря на четыре вітры.

О хвильку видиме уже єго перед хатиною Насти, котра, учувши конский топот, борзо выбігла з хижи и на знак молчанія положила палец на уста. Рыцарь порозуміл тоє и не прорек и слова. Настя увязала коня у стайню, а рыцаря завела до сіней, одси же драбиною – на повалу.

IV

Неодолга з окон Настиной хатки одбивалася заря внутреннего світла, бо то Настя розложила огня у печи та приставила мясо ид огню, котроє праві что принесла из міста. Віроятно, ожидала гостей.

Мясо варилося, а Настя пряла кужель тай часом-часом поникнула на оконок. По хвильці хтось застучал под дверьми, они одчинилися и вкрочил Славолюб.

– Та лише сама єси?

– Лише, – одповіла Настя.

– Чудуюсь, бо полноч уже минула.

– Минула, правда, но знак єще не даный.

– Правду кажеш, бабо! Видиш, я о том цілком забыл. – Се сказавши, вышел он на двор тай задул у голосну сопілку, которой врескливый свист прошибнул всю окрестность. На что вскорі на одном из поблизьких холмов розліялся огненый блеск смольной віхи, запаленой приверженцями Настиного гостя. То был знак.

– Насте! Як я буду князем в Ужгороді, а Віра моєю княгинею, то ты

будеш ключницею в городі, – заговорил повернувшийся з подворья Славолюб, погладивши бабу по-под бороду.

– Дякую, паноньку! – отвітила баба, вергши на него подозрінный взор. –Только ци схоче Віра быти княгинею твоєю?

– Завтра, бабо, конечно розвяжеся узел.

На дворі задудніло, прибыли ожиданныї гости. Славолюб вышол на двор, привитался з прибывшими гостями и запросил їх вдну. Їх было трех: один пан а два слуги; всі же з табору Мадяров. Начальник роздал їм росказы чудовным, незрозумілым языком; знать, приказал їм чуйными быти на варті, и вступил у хижину.

– Помагай Бог вам!

– Дай Боже здоровля! Витайте, паноньку, – вырекла з немалым удивленієм Настя, чуючи Половця по руски говорящого.

– Не чудуйся, бабо, же чуєш рыцаря по руски говорящого, бо он Русин, як и мы, – сказал Славолюб до затрусившойся Насти.

– Е, та як? – заговорила несміло баба.

– Та так, нене моя! Же я од головы до пят Русин, там здалека, з Украины, з широкой руской земли, где Дніпро буйный тече. Ци чула ты даколи про Кієв?

– Ніт, ниґда, паноньку.

– А як бы ніт? Ты мала чути, же наши крайники купчили з кієвлянами, да и з Новгородом, коли там єще покойнійше было, – одразил єй Славолюб.

– Та як же вы, паноньку, пришли сюды?

– Ну, та подружили сьме ся з Мадярами, або, по-вашому, з Половцями, бо нас єсть много, – одповіл Украинець.

– Е, та ци не ліпше было дома? Ма быти, ваши мамки не прийшли з вами?

– Ой, прийшли, бо, видиш, нене, вас мы любим: вы – христіане, ваш князь – христьянин, а у нас єще не роспространилося повсюды христьянство. Сам Олег ще поганин.

– Досить, Насте, не будь так цікава. Бабы не мусят все знати, – одтял єй Славолюб. – Доглядуй лише казана, ци уварене уже мясо?

Настя покивнула головою и приступила к горцю. Мясо уже уварене было; выклала го на блюдо и поставила на стол пред рыцарёв.

А рыцарі смачно собі вечеряли, посилкуючися взаимно из полного вином збана. Куры запіли на Настиной стрісі и наши рыцарі повставали од стола.

– Нуже, бабо, отвори комору, бо мы маєм з собою бесіду, а сама положися спати, бо ты, сарака, – стара, а мы – молоды, та ще побалакаєм,

як то молодым людям и годится, – сказал Славолюб, погласкуючи Настю, межи тым всунувши єй у жменю золотого гроша.

Настя одсунула двері, и рыцарі вступили, сама же засунула огень у печ и побігла до сіней, одси же на повалу.

У самом рогу была затычка, закрывающа діру, через котру Настя выпускала дым. Она подняла ю и призвала скрывающогося на поді рыцаря. Діра была досить велика, так же мож было перезріти всю комору, а тым больше чути, что там говорилося. Баба и рыцарь лягли ниць, положили головы на діру и стали слухати.

Славолюб и мадярский рыцарь держали тайный совіт. Они говорили по руски, бо Славолюб не понимал мадярской річи, а наши подслухачи все чули.

Настя, як искусна баба, коли виділа, же уже доконч уєся совіт, борзо збігла до своєй комнатки и, легши на постель, зачала голосно храпіти.

– О, як солодко спит наша люба бабуся, бодай єй у царстві небесном віковати! – мовил Славолюб, потрясуючи нею, чтоб пробудилася. – Бывай же здорова, наша ґаздине! А мы, брате, завтра вечер знову увидимеся.

– Прийду, – одповіл Украинець.

V

Як сонце взойшло, собрал Лаборець раду крайников и журатов. Засіданіє было шумноє, борьба мніній горяча: одни хотіли союза, а другиї опиралися та совітовали взяти оружиє противо кочующих дикарёв. К общому нещастю Лаборець нерішимостью да, так скажем, неможностью больше вредил, чим рада своїм несогласієм. В таком положеній требало мужа, который бы в сознанії власти и поваги княжеской был в состоянії взволнованым умам дати направленіє, соотвітующоє благорозумію и обстоятельствам.

Слово старого Драгутина не стояло ничого; дармо робил он всякиї уваги, дармо протестовал – розгорячена толпа перекричала го; и стало на том, чтобы брати за оружиє.

– Добрі, соглашуюсь, – одповіл князь. – Но кто буде теперь вождем?

– Славолюб, Славолюб, – кричала рада одногласно.

– Я спротивляюся; єсли уже має быти война – добрі; я, як сам, должен повиноватися общой жадости, но на то знову не пристаю, абы Славолюб был вождем – най будет кто инный.

– Ніт, ніт, только Славолюб!

– Пристаєш ли на тоє, рыцарю? – запросил князь.

– Я зо всею готовостью беру на себе должность, наложену ми

отчиною, – одрек Славолюб, – только желал бы м, чтоб в надгороду предпринимаємого подвига, к возбужденію бóльшой ревности выполнилось моє давноє уже бажаніє, Вашему княжеству извістноє.

– Ото идет о руку моєй дочери Віры?

–Так єсть.

– Єсли она пристанет, то я не противляюся.

– Але я противляюся! Мені не статись супругою измінника!

Всі постолпіли, чуючи так поражаючу одповідь. Вся рада обернула очі к бочным дверям, з-одки выходила княжа доч, роспламененна, мов втора Діанна, ведучи за руку стару Настю. Она стала на середині радной комнаты между отцем-князем и журатами, а Настя лишилася у дверей.

Славолюб потупил очі до земли.

– Благородна Рада! Я, доч княжа, выступаю противо Славолюба яко обвинителька. Он запродал отчину! Так, запродал, я сама слышала на властны уши. И прошу сей час возложити на него, вмісто брачного вінця, пута! – говорила роспламененная Віра.

– Доказательства, доказательства! – кричала рада.

– Тут єсть Настя – она свідок, – отвітила з погордою княжа доч.

– Насте, говори! – веліл князь. И Настя стала говорити слідующе:

– Вчера перед западом сонця пришол до моєй скромной хатинки Славолюб и, всунувши мені в жменю двадцять серебряников, жадал присяги, же я, что-будь случится у моєй хаті сего вечера, навіки замолчу. Я не хотіла присягати и лише слово чести дала, же буду молчати. Тогда он оповіл, же хоче звидітися з якимсь чужим чоловіком у моєй хижи. Я пристала, и он одойшол, а на одході казал, чтоб для него и незнакомого гостя добру вечерю зготовила м. Як змеркалося, я вышла начеряти воды у ріку, абы заставити мясо на вечерю, но враз обачила яких-то чужих узброєных людей – там, по-над гаєм туляющихся. Дораз доторопала м ся, что то Половці и же и мой гость сего вечера, віроятно, Половець будет. Так я, покинувши ватру, горнець и мясо, борзо бігла до Ужгорода, до молодой княгини оповісти єй усе. О дальшом роскаже вам сама доч князя.

– Говори, княгине! – загриміла рада.

– Як Настя мені се сповіла, – подняла голос Віра, – тогда я, переодівшись в рыцаря, сіла на коня – бо то была уже близь полноч – та й нуже до Насти зобачити гостя.

Князь з негодованієм покивнул головою и позріл сурово на Віру. Она свої спустила очиці, котрыї палали огнем, і, в хвилю ободрившись, продолжала:

– Настя мене вывела на повалу, з-одки далась мені способность подслухати тайный заговор.

– Чуйме! – кричали жураты.

– Честна рада дозволит мені уклонитись мало од предмету, абы больше пояснити себе. Славолюб больше раз предкладал мені свої просьбы, абы я, княжа доч, была єго супругою. Я бы єму того не одказала, єсли б не увірилась о єго поганых норовах и лукавстві уже перед сим. Он завзялся и стался докучливым, а я – непоколебимою. Да бывало одного разу, что говорил о мести! Я на се дуже добрі тямлю.

– Говори, княгине, что говорил измінник Половцеви?

– Пойди сюди, Насте, и кажи, что говорил Славолюб твоєму гостю, – рекла Віра повелительным голосом.

– Славолюб казал вот так, – подняла річ Настя: «Завтра покушусь єще раз, и єсли князь или доч єго погордит мною, тогда одкажу тобі или сам прийду обвістити тя, рыцарю, абы єсте сміло напали на Ужгород. Да погибнет князь, доч єго и Ужгород! Вы – побідителі, и Ужгород под ногами вашими. Но насамперед старайтеся Драгутина вытерти из числа живых, за ним Лаборця и дочерь єго, которыї не хотят покоритися вашему великодушию. И тогда я во имени покоренного народа зложу вам свою союзническу присягу, полобзаю ноги Альмуса, и вы мене вызовете князем Ужгорода».

– Єсть ли то истина? – вопросил князь.

– Єсть! – одповіла Віра.

– Возложте на него оковы и затворите до общой вязниці! – был строгий указ мягкого князя.

VI

Вечер, тьма. В дали по вершинам холмов палают мадярскиї огни. Славолюб у вязници; жураты недармо негодуют, сумуют та предвіщают лихо. Князь склонил голову та думає... Віра переодівається в рыцаря, сідає на вороного та ну же до Насти.

Темниця, в которой сиділ Славолюб, была тісна: темная діра о єден решетками вооруженый оболок. На руках и ногах ланцы... желізныї двері... огромныї замки... Ніт спасения. А ту – высокопарныї мысли, славолюбіє!.. Вмісто княжого скипетра – оковы! Он видит синеє небо, видит сквозь тухлыї стекла маленького оконця, як пернатыї півці швидко мигают мимо него... вітер шумит собі свободно, а он, он – у оковах и вязници!

***

– Спаси бог, Насте!

– Йой! Боженьку мой, та то моя дорога княгиня Віра! – воскликнула Настя з удивленієм, но весьма нерозумно.

– Віра? Княжа донька?... котру так часто прославляли… Чул-єм. Не єсть ли то обман? Або зрада? – озвался за столом сидящий Украинець, ожидающий Славолюба, вміcто которого прибыла сама княжа доч. Он изумился немало: он ждал своєго приклонника, а тут зъявилася княгиня, и то в мужеской одежи, – что то такового?

– Настё, ты мене запродала! Ты – нероссудна старуха! – стала тяжобити Віра. И вергла шелом на лавку. Долгиї жолтыї кучери россыпались по плечам; зметала все одіяніє: наперсник, зброю, да все, что не было полу єй властного. И перед Украинцем стала діва у всей ніжной красоті.

Он остолпіл и придивлялся долго на єй уроду.

– Ты, гостю нашой отчины, знаєш по руски?

– Знаю, – одповіл чужинец.

– Ты ждал Славолюба?

– Єго.

– Он не прийшол, и не прийдет; бо он – измінник, он – у темниці.

– Як то може быти? – задивовался он.

– Та так, же он настойчиво совітовал войну[6], а сам тайком в погибель отчины заговор держал з ворогом.

– Ніт, княгине, я не ворог, я – посол Альмуса.

– Он требовал моєй руки, бажал княжеского вінця – обсяг оковы. Сам непотребный, ничтожный, но тым больше вознесливый. Простым путем не удавалось – ужил лукавства: на раді совітовал войну, а перед тобою – нашу неприклонность к союзу.

Послышался топот – зо всіх сторон стали сыпатись мадярскиї конники. Тугутум-вождь з огромным войском приближался к хаті. Віра перервала свою річ.

Был то вчера єще выготованный поход на Ужгород. Альмус, отягощен бременем літ, остался назаді.

Віра быстротою молнії выбігла из хаты, сіла на коня и исчезла прямо к Ужгороду...

VII

Утром, коли сонце стало высуватися з-позаду высоких хребтов одвічного Карпата, Ужгород зо всіх сторон обступлен был уже кочующими гостьми. Половці добивалися кріпостных муров, ставляли вежи з дерева,

6 У первопечатному тексті (1863 р.) проскочила семантична хыба. Намісто сочетаня слів «одсовітовал мир» авадь «совітовал войну» было напечатаноє сочетаня «совітовал мир». У далшых перевыданях атсёго оповіданя тота хыба веце раз ся повторила. У нашому выдані выправили сьме тоту хыбу (*зазначка вшорителя* – В. П.)

ламали стіны огромными желізными «баранами" и вергались на окопы. Но изверху встрічали ненадійный одпор, споєн з одчаянною лютостью. Стрілы сыпались дождем...

В церквах заєдно голосили звоны тупым, унылым воплем. Архієрей клячал у подножия престола – дряхлыї трясущиїся руки подносил горі к небесам, прося о всевишню помощ. В церкви – и живого духа, кромі него; он сам на себе лишен. Не окружает єго світла свита причета церковного. Той теперь на валах бросает тяжелыї скалы на неприятеля. А звоны заводят так жалобно, что аж сердце крається! Да не напрасно, весь бо Ужгород як-стой на ногах, на окопах. Діти, женщины таскают камені, приносят кипяток та сыплют на головы наїздников. Но все-таки неудачливо! Годі зділати что притиво толикому числу...

На окопах од востока показуются уже пристриженыї половецькиї чубы. Рускиї львы вергаются на них и стремголов друляют їх назад у глубину...

– Что, – кричит розъющена толпа, – мы падаєм, а Славолюб покойно собі лежит у холодку? За ним!

И толпа погналася к вязници. Схватили Славолюба нісколько роспаленых воинов тай вывлекли на площадь; маса черни з жаром кинулася на него, желая живцем роздерти єго. Но воины возбранили, они судили єму лютійшой кончины: привлекли єго к окопам тай здрутили у позіваюшую глубину...

Но тогды уже Мадяре роєм сыпалися в город. Віра опустила долу меч, стала столпом тай склонила голову на груди стоявшого при ней старика-отца.

– Спасайтеся! – кричали крайники.

– Спасайтеся, кажу и я, – озвался ззаду он, Половець, извістный нам Украинець. – Приведіте коней, – продолжал он посеред общого замішательства.

Привели чим скорше, но только два, больше не было часу. На одного сіл Украинець и княжа донька, на другого высадили старого князя. Одчинилися сіверныї ворота, та й наши біглецi мигли ними швидкостію блыскавиці.

– Куды? – запросился Украинець Віры по хвили, но уже за Ужгородом, держа за поводы коня, на котором сиділ старик-князь.

– Просто к Землянскому замку, там, на сівер! – одрекла єму Віра.

Между тым, лукавый Славолюб, которого хотя здрутили з валов, но однако ж не убили, бо упал он на ноги, замітил теперь бігство князя з донькою, подмовил Половцев, тай нуж навздогон за ними.

Віра припадково обернулася назад и з перепудом скричала:

– Ах, нас прослідуют! Конець нам!

Лаборець, услышавши тоє, здвигнулся и упал под ноги коня. Мадяре уже за пятами... Лаборець зловленый, но Віра исчезла!

VIII

Над крутыми струями Свіржавы великанска толпа народу мадярского! Побідоносныї голосы розносятся по горам и дубравам; всюды прославляється имя Гадура... Там стоит и змінник Славолюб. Но он теперь уже не Славолюб, а Губа: губою своєю он згубил род свой, славянскоє своє племя! Другого дня ліял и он кров из локтя, яко обіт вірности Арпаду, сыну Альмуса, преємнику того же!

А что Лаборець?

Лаборець повішен на вербі, висит трупом над волнами Свіржавы. Хищныї вороны літают по-над єго головою та клюют єму у мертвый лоб... Мадярская толпа сувається к Тарцалу[7] та лишає по себі сум и опустошеніє!

Конець Ужгороду и княжеству рускому! Все пропало!

На третій день прибыла Віра з Украинцем и колько крайниками оддати послідню честь посліднему князю ужгородскому. Похоронили єго на том же місті над Свіржавою и нарекли нещастную ріку Свіржаву – Лаборцею.[8]

Віра послі совокупилася браком з изрядным Украинцем; жили літа свої спокойно в одном уєдиненном домику у подножиї высоких Карпат, догодовалися здоровых діточок та в глубокой старости переселилися к отцям своїм.

А в Ужгородском замку молодыї літоросли Угорской Руси, питомці священнического чина, при конци девятьнадцятого столітія труждаются, як бы поднести руску народность на Угорском под-Карпаті.

Марія-Повч, 10 марта 1863.

---

7 **Тарцал** (*мадяр*. Tarcal) – гора (днесь тыж село) в регіоні Токая. Подля хронікы Аноніма «Діяня Мадярів» («Gesta Hungarorum») свою назву гора дістала од Тарцала – єдного из вождів кунів – одважных вояків вождя Гунгарії Арпада (*зазначка вшорителя* – В. П.)

8 **Лаборца** – слово «Лаборец» на сёму місті на означеня назвы річкы автор, як мож видіти из текста оповіданя, выхосновав у женському роді – «Лаборца». Не знати, ци то печатна хыба авадь, скорі, є то выказ авторськой концепції. Лишили сьме сесе слово у редакції первовыданя 1863 рока *(зазначка вшорителя* – В. П.).

МОЙСЕЙ

Бібліческоє повіствованіє

Сонце клонилось к западу, когда над Хорив-горою стали собиратися тучі, носящіі в своїх недрах громы и молніі. Оркан[1] начал бушевати, громы тріскати, и вся природа приходила в ужас.

На горі стоял муж, который казался быти равнодушен в виду борьбы стихій. Он стоял задумчиво, уносяйся глубокими мыслями в далекой дали. Вокруг него тулялись дробныї ягнёнки, скрываясь пред дождем под длинную єго свиту.

Єго не пугали ужасы воздушнаго сраженія облаков, но жалко стало позирати на дробноє стадо, трясущеєся од дождя и стужи. Мужчина етот, видя недалеко од себе пещеру в скалі, полєзным счел укрытися в ней з своїм стадом. Он шел вперед, а стадо слідовало за ним в темную глубь пещеры. Тут вселившись, сіл он на устьє пещеры и гляділ на треск молній.

Муж был красавець собою, хотя годов считалось у него почти восмьдесят; длинная борода, єдва что начавшая сідіти, застеляла собою всю широкую грудь.

Понуро гляділ пастух на внішній мир, не чуствуя даже, что на выю єго струями валится вода од иссякшаго горскаго ручья. Душа єго занята была в ето время возвышенною мыслію! Єго занимало страданіе власнаго народа, погибавшего тысячами в кирпичных заводах од неимовірного усиленія работных подвигов. В душі єго раздавался звук рабских оков єдиноплеменной братіі, обреченной на постыдноє служеніє идолопоклоннической толпы.

Между тым буря престала, небо прояснилось и облеклось опять в лазурную краску, а знизу, од подножия горы, слышен был торопливый голос: «Мойсей! Мойсей!».

К нашему пастуху приближался тесть єго Іофор, пробираясь чрез кусты и скалы. Он узріл єго сидящаго пред пещерою и поникшаго вниз голову.

– Что ты зділал? – говорил он єму. – Развi тебі не извістно, что на Хориві сам Ієгова живет, и что прежді тут ни один пастух не посмілился

1 **Оркан** (из *мадяр.* orkán) – буря (зазначка вшорителя – В. П.).

выгнати своє стадо на святую гору. Неужели ты забыл, что жена твоя – ето моя доч, судьба которой мене ближе касається.

Мойсей, зять Іофора, молчал, хотя сей настойчиво требовал єго ответа. Тогда разъярился тесть, бросая упреки на пастуха:

– Ты молчиш! Но знай, что я не одъиду од тебе, пока ты не одкриєш предо мной тайну сердця твоєго. Ты знаєш, что как пришлец пришёл в дом мой, а я как странника приял тебе ласково, даже женил тебе на своєй старшей дочери. Теперь скажи мні, что смущаєт душу твою? Неужели тяжкоє преступленіє? Ты покинул плодородный Єгіпет, а поселился в наш худой Мадіям. Скажи, скажи, что затіиваєш?

Мойсей, выслушав сіє, скочил и раздер свиту свою в знак глубокой скорби. Слова Іофора затронули дожива сердце єго.

– Знай, – говорил он тестю, – что я страдаю внутренні потому, ибо Ієгова презріл род мой про єго беззаконія. Ізраиль развратился, слідуя соблазнам єгіпетских прелестей, зато болит моя душа, и я давно уже желал одкрыти ету болізнь сочуствительной души. Так, сам Ієгова привел тебе ныні к мні, и я исповім тебі все. Слушай! Мой отец походил из племени Левій, сына Якова. Ты уже, навірноє, слышал, что род мой впослідствії поселился в Єгіпті, за времен Ёсифа. Хорошиє были тогда времена – племя моє процвітало под кротким правленіем фараона Ценхризна благодаря заступничеству Ёсифа нашего. Но помер тот, и другий, а наступил тиран-фараон, заставлявший сынов избраннаго народа работати в кирпичных заводах и бросавший новорожденных наших ребят в Ніл-ріку. Бывало уже, и я сам носился по волнам Ніла в корзинкі из тростника, брошен на произвольє судьбы. Между тим, доч лютаго фараона вышла на ріку мытися. Она называлась Мирхиной и была оддавна уже замужной, но бездітной[2]. Ніжноє женскоє сердце єй разжалилось, увидя ребёнка, брошеннаго в воду посреди тростника. Послала рабыню и вытащили корзинку, тут же увиділи малютку плачущаго. «Ето из єврейских сімей», – сказала доч фараона и передала єврейской женщині вскормити дітя. Я рос и достался в царскіє чертоги. Тут учился єгіпетским мудростям, но однако ж охотніє согласился страдати з народом Божиїм, нежели іміти временноє гріховноє наслажденіє. Когда я взрос и стал умом рассуждати, то, увидя своє племя в тяжком невольничестві, сердце у мене раздиралось. Да, Іофор, ты, сын пустыни, з изумленієм позирал бы ты на оныя исполинскія городы и пираміды, которыя быстро строились кровавым трудом моєй в оковы окутой нації. И тебі стати не может странным, когда услышиш од мене, что в первом порыві гніва стался убийцею. Да, Іофор,

2 Клемент Александрійский (***зазначка А. Кралицького***).

я убил єгіптянина, потому что он бил и поносил моєму собрату єврею. Как убийца, должен был спасатися и прибіг к тебі. Теперь я считаю род свой уже одпокутовавшим за свої проступки; я надіюсь, что Ієгова прекратит рабство єго и пошлет освободителя єму, а етот освободитель, как мні видится, ето буду я, ибо я слышу на ето вызов самаго Бога.

Іофор покачивал головою, выслушав столь странную річ зятя.

– Все, что говорил ты передо мною, – додал он, – по своєй странности изумляєт мене. Ты говорил: «Ієгова зовет тебе». Послідуй, друг, голосу Єго!

Сказав ето, Іофор стал возвращатися к себі в дом. Из юрты, лежащей у подножия Хорива, поднимался дым, а собака бігла, єму приласкиваясь, в стрітеніє. Приближаясь к шатру, єму представились діти пастуха з вопросами: что дієтся з їх отцем на высокой горі, гді пасет стадо? Но Іофор молчал и шел в внутренньї одділенія своєй юрты.

Между тым, Мойсей, сидя на Хоривском хребту, в раздумьї: з лівой стороны казалось єму, что видит полмень. Так было: он смотрит и вот терновый куст (купина) пылаєт огнем, но куст не згораєт. Он думал, что преждє бушевавшиє громы зажегли куст, а теперь вечерній вітер роздул пламя, охватившеє весь куст. Но увидя, что огонь не умаляєтся, скочил з міста и побіжал к пылающему терну.

– Смертной человік, – был слышан голос из среди купины, – не подходи сюда, а преждє зними обув твою з ног твоїх, ибо місто, на котором ты стоїш, єсть земля святая.

Мойсей пришёл в недоумініє, услышав еті слова, но повиновался и иззул сапоги.

– Я Бог отца твоєго, Бог Авраама, Бог Ісаака и Бог Іакова.

Мойсей закрыл лице своє, потому что боялся воззріти на Бога.

– Я вижу, – продолжал голос даліє, – страданіє народа моєго в Єгіпті и слышу, как он стонет од приставников (мандаторов) своїх. Иду избавити єго и вывести в землю обітованную, гді течет молоко и мед. Итак, поди: я пошлю тебе к фараону, и выведи из Єгіпта народ мой.

Мойсей же на тоє стал одговориватися:

– Мні ли идти к фараону и мні ли вывести из Єгіпта сынов Ізраилевых?

Но Ієгова отвічал:

– Я буду з тобою; вот, броси посох твой на землю.

Он бросил єго на землю – и посох превратился в змія. И Мойсей побіжал од змія.

Господь говорил даліє:

– Простри руку твою и возми єго за хвост!

Мойсей взял змія за хвост – и он стал посохом в рукі єго. На ето Мойсей преклонил лице своє на землю и здался всемогущей воли Божиєй...

Наконец он очнулся и взял пастырский посох в руки. Єго окружала тьма ночи, но ето єму не мішало возвращатися поспішно к стаду, которое, лежа в пещері, дремало. Мойсей согнал єго и гнал прямо к шатру Іофора. Вступив тут в чертоги своєй супруги, он сказал єй:

– Збирайся поскоріє и пращайся з отцем твоїм, нас ожидает далекий путь – мы идем в Ерiпет, а прочеє ты услышиш од мене на пути.

Спустя полчаса из Мадіямской пустыни одправился один караван – впрост к Ерiпетским равнинам.

ПРОМЕѲЕЙ.

— Миѳологическій разсказъ Ѳомы Ѳомыча. —

I.

Земля уже была, но люди необитали еще ее. Лишь боги, какъ безсмертные, еще жили, да Титанычи, первыхъ презрѣнные сродники. Отъ голоса боговъ трепетали вышніе столпы Олимпа, тряслась земля отъ ихъ дуновенія, — но боятися небыло кому, ибо земный шаръ былъ еще пустъ.

Жило однакожъ одно существо уже тогда на землѣ, одаренное двумя руками и ногами, но оно носило голову свою понуривъ ее въ землю, ибо ничего небыло въ ней божескаго, могущаго заставляти позирати на небо. Боги предоставляли это существо въ тьмѣ и невѣжествѣ; они были завѣстливы, между тѣмъ когда имъ иначе водилось на Олимпѣ. — Га, они были боги . . . . .

Боги жили себѣ на Олимпѣ хорошо и богато. Они были старые Титаны, потомки Урана и Весты, будучи въ близкомъ сродствѣ съ Титанычами, которыхъ при раздѣлѣ вотчины, извлекли изъ правъ и вытѣснили на убогую землю. Головою ихъ былъ громоносный Зевсъ. Зато они презрѣвали своихъ

ПРОМЕТЕЙ

Міфологіческий рассказ

I

Земля уже была, но люде не обытали єще єї. Лиш боги (как бессмертныє!) єще жили, да титаничи – первых презрінныє сродники. От голоса богов трепетали вышніє столпы Олімпа, тряслась земля од їх дуновенія, но боятися не было кому, ибо земный шар был єще пуст.

Жило однако ж одно существо уже тогда на земли, одаренноє двумя руками и ногами, но оно носило голову свою, понурив єї в землю, ибо ничего не было в ней божескаго, могущаго заставляти позирати на небо. Боги предоставляли[1] ето существо в тьмі и невіжестві, они были завистливы, между тым когда їм иначе водилось на Олімпі. Га, они были боги!

Боги жили себі на Олімпі хорошо и богато. Они были старыє Титаны, потомки Урана и Весты, будучи в близком сродстві з титаничами, которых при разділі вотчины извлекли из прав и вытіснили на убогую землю. Головою їх был громоносный Зевс. Зато они презрівали своїх сродников титаничей и не сообщались з ними, составляя особый клуб на Олімпі.

Жизнь їх была довольно праздна, и когда нападала їх скука, тогда они обращались к «нектару», что бывало часто. Ніким исключенієм етого образа были только Мінерва и Аполон.

Между земными безжизненными существами и скотами средноє сословіє составляли титаничи, между которыми были тоже хорошиє и плохіє, умныє и бессмысленныє, світлыє и сліпыє, но, говоря вообще, сердце їх было лучшеє, чим у гордых жильцев олімпійских.

Титаничи злопамятствовали на олімпійцев и потому между первыми и послідніми не было любви и согласія. Послідніє, когда произышла ссора и драка, всегда одолівали, а первыє были побіждаємы.

Так сталось, что титаничи были для земных геніями, благодітелями, ибо между ними жили, между тым когда од олімпійских громов только боятися приходило. Между титаничами было много таких, которыє все своє существованіє на то посвящали, дабы земным благодітельствовати;

1 **Предоставляти** – у сёму контексті: содержати, тримати (*зазначка вшорителя* – В. П.).

а єсли такоє благодітельствованіє противилось соображеніям олімпійцев, тогда довольно было одной молнії Зевса, или єсли титанич был бессмертен, тогда под рукою были темныє тюрмы Тартара как беспечноє жилище для самозванцев-благодітелей.

Между тыми добрыми титаничами был один из многих – Прометей.

Прометей был сыном Яфета и Клімены, полон силы, мудрости и вїжливости. Боги оказывали єму благоволеніє, ибо почитали єго здобности. Но он презирал олімпійских жильцев; своїх же клевретов, титаничей, любил; так само и всіх тых, которыє на земли влачили жалкую свою жизнь.

Он, будучи одарен смысленностью, вскорі упознал, что всевидініє у богов пространяється не даліє, как у земнородных; сила їх тоже, по єго мнінію, [не][2] неограниченна, а что касаєтся доброты, то они были лукавы, потому что земных оставляли в сліпоті и тьмі, хотя могли їх осчастливити. Видя все ето, Прометей стал ненавидіти ложных богов. Больше раз восставал он против їх всемогущества и публично выражался об них, что они не добры и не відают все…

Что провозглашано їх недобрыми, олімпійцы тому не сопротивлялись. Но когда їх видінія приводились в сомнініє, то уже стерпіти їм нельзя было. Они готовились одомстити клеветнику, тым болієе, что, по їх мнінію, он оказовался для них неблагодарен.

Єще когда Прометей был ребёнком, взял єго Зевс на Олімп. Там учился од Гебы пекарству и поварничеству. Діана учила єго стріляти в ціль. Мінерва давала уроки из софістики, Аполон – из любомудрія и вольных художеств; сей послідный даже и докторский діплом на березовой кожі изготовил єму, но неблагодарный ученик одверг єго. А чтобы не был «пришлець в Израїлі»[3] и из кузнечества, то горбатый Вулкан учил єго, как обращатися з молотом.

Все, что иміл, неблагодарный, од олімпійских благодітелей получил! А теперь стал сомніватися, стал размышляти: воистину ли они всевідущиє и всемогущиє?

Єдва только пробудился в нем дух сомнінія, как вдруг созріла в нем мысль искусити богов поочередно… Первым был сам Юпітер, над которым пожелал себі Прометей пошутити, и то пред всіми богами и титаничами. Зевс собственно выпубликовал на небі и земли, что в самоє знойноє время літа не будет на земли за три місяця дождя, єсли только не

2 У квадратных скобках додали сьме слово, котре там хыбит подля смысла (*зазначка вшорителя* – В. П.).

3 **Пришлець в Израїлі** – чужый, чужак. У сёму контексті: «обы пак не быти невіжов у ковальстві» (*зазначка вшорителя* – В. П.).

принесут єму богатыя жертвы. Боги повиновались; но титаничи роптали, впрочем, приносити готовились жертву вмісті з богами. Теперь для Прометея наступала пора одомститися над Зевсом.

Между прочими жертвоприносителями выступил навперед Прометей з своїми дарами. Он изрубал овна, разділил єго на дві части: в первом сосуді был тук и мясо, покрытоє шерстью, кожею и рогами; в другий сосуд вложил голыя кости, кишки и копыта, и покрыл ету драньтучным салом и мясом. Теперь предложил «громоносцу», чтоб выбрал себі из тых сосудов. Старый хозяин выбрал послідній дар, казавшийся на глаза лучшим од перваго.

Подняли сало и мясо, котораго было небогато; все прочеє оказалось пустотою! Боги подняли нечеловіческий сміх, и был ужасный соблазн.

Старый олімпієць нахнурил брови и веліл изгнати искусителя из олімпійских преділов – так, чтобы там больше и не показывался. Прелестная Юнона, єго супруга, чрезмірно радовалась етой авантюрі (kaland) и подарила своєму грононосному супругу из жертвенной громады два рога – на память.

Прометей оставил Олімп, насміявшись довольно над «всевідущим» старым «паном», и спустился на землю. З богами нельзя шутити!

II

Уєдиненно стоял теперь Прометей на одном цвітущем холмі и встремил глаза на затворенныє пред ним олімпійскіє чертоги. Холм не был так хорош, как Олімп, из котораго єго выгнали, но он радовался, в первых, над тым, что удалось єму удостовіритися в немощи и хвастовстві богов; а, в вторых, что єму дался случай одомститися на богах – подняти презріннаго человіка.

Святая была ціль! Свято наміреніє, возродившеєся в нідрі Прометея, которое в дійство сейчас привести предпринял себі.

Правда, титаничи были благи, но з ними совокупитися из-за їх сліпоты предубіжденія нельзя было єму. Так приходилось ятися самому за діло; а діло ето состояло в том, чтоб помрачити славу всего Олімпа:

Прометей рішился сотворити человіка!

Он рішился сотворити єго из земной персти[4], из глины, а воодушевити небесною искрою. Так приступив к ділу, он зділал своєму творенію круглую голову, широкия плечи, чтоб противустали житейским борьбам. Дал єму даліє утробу и ноги. Заботился и об красоті. Все же изяще-

4 **Персть** – прах, порох (*зазначка вшорителя* – В. П.).

ство своєго творчества сосредоточил в голові и небольшем кусникі мяса утробнаго – сердці. Вліпил єму в голову два глаза, чтоб взирали в будущность и под ноги. Приложил уши, чтоб замічал и то, что дієтся по бокам. В задней части черепа (koponya) вложил мозоґ, чтоб умствовал и памятал на прошедшия.

Много таких человіческих ликов он выліпил, и когда были уже готовы, но єще неодушевленны, то звязал їх вокруг ціпью любви и сроднаго чуства. Всякоє звено етой ціпы было задітоє в лівый бок персей. Вещество, из котораго ліпил человіка, было слідующеє: голова – из золота, как болиє достойная часть. Руки – из серебра; прочія части из міди, но желудок из желіза, чтоб всі житейския злоключенія истребити мог. Ноги были из глины, ибо они найближе были к земли.

Так человік уже готов был, но мертв и безчуствен; на заді[5] оставалась єще болиє трудная работа – человіку нужно было дати ж и з н ь!

Когда на небі и земли разнеслась вість, что боги выключили Прометея из своєго общества, то поднялись разныє толки: боги радовались етому паденію, но, з другой стороны, и трепетали в виду той мысли, что неужели изгнанник, предоставлен сам своєй судьбі, станет противодійствовати цілям їх. Титаничи были єму тоже завистливы, їх то боліло, что он вознесся выше їх! Так Прометей был всіми оставлен.

Как скоро олімпійцы услышали, что Прометей создал человіка, одразу ужаснулися всі – не меньше, как поздніє Фараон, когда предстал єму Мойсей, говоря: «Одпусти мой народ, ибо иначе…». Совітовались, толковали, чего бы тут ділати? Найлучше будет приглянутися ближе етому ділу (т. є. по понятію польскому – выслати moskiewskych ajentow). Боги порхнули з Олімпа на землю и там волочитися стали около Прометеєвой кузници, зберегаясь, впрочем, чтобы не были замічены. Прометей їх замітил, но не хотіл, чтоб они ето узнали. Прикрались под єго оконок, викали тайком в внутрь, призирались, как бьет великій художник тяжёлым молотом; наконець стали между собою охуждати[6] суєтноє предпринятіє.

– Ну, какая хитрость, – говорил Плутон, – дітьская работа, и все!

– Подлинно, безділиця, – додал Вакх, – скоріє чаял бы о твоєм желудкі.

– Ето нич инаго, как продерзость титаничевскаго своєволія, – подтвердил Уранес.

---

5 **На заді** («на задѣ») – назаді; у даному контексті: у будучності, убудуче, в остатку; *російськ.* «быть в остатке» (*зазначка вшорителя* – В. П.).

6 **Охуждати** (*авторськый неологізм*) – осужати (*русин.*); осуждать (*російськ.*) (*зазначка вшорителя* – В. П.).

– А по тому, безумен, голову зділал єму из золота, а не чрево, ха, ха, ха! – сміялась Церера.

Всі боги сміялись и критизовали єго работу. Прометей терпіливо выслушивал їх охужденія, не сказал ничего, только бросил яростный взор на оконцо, од котораго єдва успіли їх божества поодскакивати и одправитись на свой Олімп, ругая и лютяся страшенно по всей дорогі на дерзкаго кузнеця.

Разразилась теперь страшенная буря над головою біднаго Прометея. Боги обжаловали єго пред Зевсом.

III

Зевс з великим шумом выпубликовал конґрес на Олімпі. Так боги, как и титаничі должны были на нем появитися. И как бы ніт? Діло шло о важном вопросі. Зевс пред четырмя уже днями начал давати пир для всіх; з всяким солодко говорил, вербуя по-кортешски[7] голоса на пагубу Прометея а побіду своїх сотоваришей. Но Прометей уже тогда читал ґраматику нашего Лучкая[8] (разумієтся, только из мозговой рукописи), в которой выразно стоит, что «годі там мати правду, где єден обвинитель и судитель»!

Начался конгрес – не Паріжский, а Олімпійский. Сперва дебатовано лиш об очередных предметах. Богині Церері наложил сейм, чтоб зимой не лежала, но хозяйничала. Долго спорили и над тым, в который час впредь обідати и пр. и пр. Наконець старый Зевс стал на трибуну судейскую, нахмурил брові и дал знак Гермесу, чтоб ввел Прометея.

Подсудимый предстал. Убого был одіт, чуть не рявдаво: сызматыцкая[9] борода з усами збриты, волосы одстриганы и вся наружность в жалком состоянії. Ето сам Зевс зділал єму из расчёта, чтоб утратил всю повагу. Прометей змірял їх божества суровым, потупительным взором, од котораго они потупили глаза в землю. Представили єму вопросы:

– «Пусть отвічает, где взял ето нічто, что сидит єму в голові и которое он называєт умом?»

7 **Кортеш** (*мадяр.* «kortes») – довірена особа кандідата у сойм (парламент); агітовав за свого кандідата, у шаторі свого кандідата гостив свій електорат (*зазначка вшорителя* – В. П.).

8 Автор ся одкликує на авторітет вызначного русинського лінґвіста Михайла Лучкая и ёго русинську ґраматику «Grammatica Slavo-Ruthena» (Budae, 1830). В Лучкаєвім орігіналі тото присловко (с. 157) записаной атсяк: «Тяшко бо там правду мати, где єден обвинитель и судитель» (*зазначка вшорителя* – В. П.).

9 **Сызматыцкая**, то значит: схізматична – росколна; од схізма (*церк.*) – церковный роскол (*зазначка вшорителя* – В. П.).

– «Как сміет быти столь смілым, что своїм путем ходит, а богов презираєт, как бы он был їх умніє?»

– «Как дерзнул он оноє неслыханноє злочинство зділати, достойноє всіх мук Тартара, как дерзнул создати человіка, какая єго ціль, наміреніє?»

Послі тых вопросов Прометей выпрямился, улыбнулся и среди гробной тишины начал говорити:

– Господа и боги!

– Ух, какий невоспитанный простак и грубіан, – замітил Уран.

– Мы – «милостивыє и высокиє», – поправил єго Зевс.

– Убо[10] милостивыє боги и высокиє титаничи! Прежде всего должен я дати отчет высокому собранію о том, где взял я ум. Етот вопрос меня смішит, но отвічаю на него: я взял ум там, где самаго себя, где взял Зевс и прочіє єго сотовариші своє божество, своє бытіє. Вольный єсть ум и по своїм путям, иначе пусть он будет проклят, єсли пользоватися їм нельзя. Касательно втораго вопроса, что, будто, своєю стежкой хожу. Распамятайтеся, боги, на предков ваших! Не етою ли стежкою пробрались и они на олімпійския высоты, которыя вы теперь столь недостойно занимаєте? На третій вопрос, что творю на земли, для чего сотворил человіка, лиш то отвічаю, что єсли вы, боги, и всевідущіє, то вам стыд ето вопрошати! Єсли вы навірно боги, слідовательно – благіє, то вам бы радоватися моїм цілям, в случаї, єсли они хорошия (о чем вы, как боги, должны бы знати!); но єсли они плохія, а вы всемогущиє, то вам легко испортити все моє твореніє. Всемогущим я узнаваю только ум, а не созданія, как и вы сами… Вы – не боги! Вас только невіжество зділало богами...

Но разъяренныє боги не дали договорити єму етот епілоґ, они прервали єго, заприсягли месть, страшную месть!

Титаничи возгордились своїм родственником, перешли на єго сторону; даже и Аполон з Мінервою часть єго имили…

Боги тряслись од злости и стыда, но стыда не ложнаго, а истиннаго. Боги посрамились. Зевс почесывал лысую свою голову. Убідились на конець всі они, что Прометей небеспечный «Елекшандер»[11], нужно єго непремінно смирити.

---

10 **Убо** (*церковнослав.* ѹбѡ) – стало быти (*зазначка вшорителя* – В. П.).

11 **Елекшандер** – деформованої имня «Александер». Видав, автор натякає на поета Шандора Петефі (Александра Петровича) (1823–1849?) – національного героя антігабсбурґського восстаня в Угорському корольстві (*зазначка вшорителя* – В. П.).

IV

Вечером на квартирі Юноны держали приватноє совіщаніє Зевс, Плутон, Вулкан и Уранес, на котором рішили препятствовати Прометею в єго предпринятіі кознями малаго Амора. Призвали пред себя ето мєлкоє полубожество и подъустили єго пострілити в сердце Прометею стрілу…

В кузници стоял Прометей и, держа в рукі молоток, оглядывал рукоділіє своє. Он, возвратясь из Олімпа глубоко огорчен и раздосадован, начал было виділивати послідню работу, болієсовершенную прежных. Етот труд был лик (alak) женщины.

Амор, по внушенію богов, спрятался в глаза неодушевленнаго изваянія и выстрілил из лука стрілу – прямо в сердце Прометею.

Теперь все обратилось в лучшеє. Скулптор был доволен собою и нарек женскую фіґуру «Елізея». Всі силы напряг, чтоб каким-нибудь способом одушевити мужскую и женскую фіґуры.

К вечеру Аполон и Мінерва сговорились посітити Прометея в єго кузници и принести єму подарки: первый – хорошиє совіты, а послідня – один кубок нектару. Кузнеця обріли стоявшаго между своїми статуями.

– Здраствуй, великий сын Титана! – сказал Аполон, входя в «шмыкню»[12].

– Как поводится тебі, Bruder[13]? – озвалась Мінерва саркастически. – Мы пришли посітити тебя з Олімпа, прими наши поздравленія и дары.

З тым вручила єму бокал з нектаром. Кузнець з жадностью схватил чарку и выпил нектар, но нісколько каплей вылилось на землю.

Вдруг прилетіли пчела, паук и мотыль и злизали каплі нектара. З тых времен пчела стала производити мед, а паук и мотыль – сіті для других.

– Я коснію[14] з моїми дарами, – говорил Аполон, – ибо они не земныє, не вещественныє; я принес тебі дружеский совіт.

Затым олімпійскиє благодітели ялись осмотрівати работу Прометея. Аполон з восхищеніем одобрял работу єго, он єдинственный был между завистными богами, уміющий оцінити Прометея, єго ціль и работу. Не так хвастливая Мінерва – она охуждала художника, прямо єму в глаза:

– Ну, каковая грудь! Говориш, что внутрь єя будет обрітатися начало добра и зла, почему же ето начало скрывати? Окно надобно на грудях вырізати, чтобы всякий виділ, не токмо внішнія діла человіка, но и їх начало и побудительную причину. Даліє, – продолжала богиня, – для чего ніт у него рогов, четырех ног, длинных ушей и пр.?

---

12 **Шмыкня** авадь «шмітня» – ковалня (*зазначка вшорителя* – В. П.).

13 **Bruder** (*німецьк.*) – брат (*зазначка вшорителя* – В. П.).

14 **Косніти** – кочаніти (*зазначка вшорителя* – В. П.).

Уж на такую крітику художник рассердился.

– Богиня, вмісто рожков будет он владіти болiє сильным оружиєм, а ето оружіє – річ, бесіда, которою будет поражати души. Четырех ног єму не надо, ибо он позирати будет не в землю, а в ваш Олімп, будет созерцати звізды! А что касаєтся ушей, то они, скоріє, придались бы Зевсу…

Тут богиня прервала єго, разбранилась страшенно, погрозила єму местью, трісла дверьми и ушла.

– Ты желаєш духа вліяти в свої созданія? – продолжал прежнія совіты Аполон. – Етого земная сила зділати не в состоянії, к сему надо искры жизни из небес, коєй из Олімпа получити весьма трудно. Я могу помочи тебі тым, что сродник мой Гел, вождь сонца в властелин жизненной силы, приклонится на мою просьбу и уділит тебі вещества к душі, так как он живет на небі. Впрочем, здраствуй!

Таким образом, и Аполон оставил нашего художника, который обіщал избігати премудрых женщин, не звірятися їм, насколько лиш возможно.

V

Мінерва, выйдя из кузници Прометеєвой, долго прислушивалась под дверями, что затіївают внутрь два мудреця, а когда уразуміла, что діло идет об одушевленії человіческих изваяній, вдруг приняла на себя личину «Газеты Народовой»[15], предстала Зевсу – и весь заговор одкрыла.

Снова собран на Олимі «синедріон»[16]. Зевс весь гнів свой вылил на Аполона:

– Проклят и лукавый дух ты! – ревал он, сыпая громы. – Так ты продал своєго добраго батька? Между тым, когда мы всіми силами препятствуєм стремленіям крапателя (kontár), ты даєш єму руку помощи?! Жизненную силу од сонця обіщал єму, чтоб єю сожег наши хоромы? Защищай себя!

– Милостивоє божество! – отвічал Аполон. – Я ничего злаго не зділал. Я посітил титанича, ибо он заслужил етого. Что желаю дати єму руку помощи, етого не одрицаю, ибо он стремится к доброму; и доброму пособляти – достойноє діло всякаго бога.

Но старый Юпітер не выслушал ето оправданіє, вырек приговор на Аполона, силою котораго он выслан из Олімпа в заточеніє на землю.

---

15 **«Газета Народова»** (польск. «Gazeta Narodowa») – польскоязычна львівська новинка, што выходила у роках 1862–1915 (*зазначка вшорителя* – В. П.).

16 **Синедріон** (*грецьк.*) – нарада; у євреїв – майвысшый орган політичной, релігійной и юрідичной власти (*зазначка вшорителя* – В. П.).

Затым призван был Гел, єму наклепали в голову, что єсли Прометей приблизится к сонцю, єму не то чтобы дал украсти и найменьший луч, но чтобы схватил єго, повязал и верг в тартар. Даліє, чтобы не употребил хитрости, пусть сонце будет покрыто за нісколько дней густыми облаками.

***

Неприятельскоє настроєніє богов против Прометея не давало їм и на минуту покоя; они в непрестанном страхі жили. Аполона послали в заточеніє да, чтоб не сошелся з Прометеєм на земли, заставили єго пасти овцы у полубога Адмета. Но нектар, полученный од Мінервы, побуждал єго не унывати – он рішился: в случаї, єсли хорошим способом не получит од богов небесной искры, то насилієм похитит требуємоє!

Видя сонце покрыто облаками, он знал, что ето хитрость богов, но он од етого не пришел в замішательство, пробрался выше облаков, выше луны, планет и комет – там, где Гел сидит на своєй золотой колесниці. Боги уже тут єго ожидали и грілись вокруг сонця. Они знали, что прийдет, но скрылись за черныя облаки.

Теперь наш кузнець пробрался к сонцю и хотіл было уже украсти требуємый луч, но Зевс вдруг верг на него страшную молнію, которая не вредя титаничу, поскользлась вниз єго.

Однакож, посрамлен, возвратился на землю.

Зевс, зо своєй стороны, распустил слух про неслыханную воровскую наклонность завзятаго кузнеця – красти небесноє пламя. Єдва ето дознались титаничі и скоты, неодкладно рішили подверечи «Коваля» общему презрінію и ненависти.

Боги, корыстая удобным случаєм, выслали противо него шпіонов, чтоб єго схватили и представили судилищу бессмертных. Таким образом, благодітель человічества должен был скитатися по лісам и укрыватися в пещерах.

VI

Вслід за упоминаємым событієм Зевс на одиначкі стал раздумывати над тым, не лучше ли было б Прометея скоріє позыскати интересам богов, чим гоненіями на віки одстранити. Сіл на крыла своєго орла и ну давай парити к укрывающемуся Прометею.

Сей порался около бездушных своїх изваяній и удивился немало нечаянному приїзду «громоносца».

– Великий титанич, – говорил он єму, – остави ету неблагодарную

работу. Вот, я тебя готов взяти на Олімп и, зділав бессмертным, причислити к лику богов. Тебі хорошо там будет животитися и т. п.

Но кузнець отвічал єму:

– Остави меня, я бессмертіє уже знискал себі. Обіщаєш мні на Олімпі блаженства, я лучшеє блаженство сулю тебі и сотоваришам, которое состоит не в праздности и ліни, но в работі и добрых ділах. Я не одстану од своєго предпринятія и надіюсь, что з временем на попраных ваших тронах воссядет новоє просвіщенноє человічество!

Напрасны были всі уговориванія Зевса, всі доводы и мудрованія – Прометей лиш то отвічал, что земля будет єго благословляти, єго память останется вічною между людьми и народами, так как он первый зажег факел на земли.

– Ну, и єжели не так будет? – одразил Зевс. – Допустим, что первоє слово воодушевленных людей будет проклятієм їх творця?

– Тогда я охотно подчинюся тебі, ділай з мною тогда все, что тебі захочется; уничтожите меня, пусть буду я жертва вашего мщенія; но єсли получу од вас небесную искру, силою которой мої творенія оживут, тогда так я, как и они поработимся вам, богам, только не жалуй етой искры!

Зевс впал в раздуміє, наконець согласился на требованія титанича, обіщал єму ету искру. Прометей ликовал, а Зевс одправился на свой Олімп.

Но увидим, кто болієсильный и могущий!

* * *

Прометей, получив луч животворной силы, одно за другим оживотворил свої человіческия статуї.

Боги виділи ето из Олімпа – не скорбіли. У них уже подготовлен был план, по которому Прометея должно вырвати из среді людей, сих оставити самых на себя – пусть слідуют ложному направленію.

Титанич первоє наставленіє хотіл уділити своїм созданіям – вывел їх на самый верх Кавказских гор, чтоб одтуда показати їм будущеє отечество.

– Ето здісь, под ногами вашими – земля, – говорил, – которой вы вічныє обитатели будете. Вы – украшеніє єя. Для вас произрастати будут цвіты и плоды. Земля отворит вам своє нідро, из коєго получите сокровища. Она будет доброю вашею матушкою, а вы – єя господа и обладателі!

Новыя созданія з восторгом слышали таковую річ, їм ето очень нравилось, как вдруг земля под ногами їх начала колебатися, в утробі єя гремілои тріскало, люди стали утікати и прятатися вокруг творця їх. Сей утішал їх, чтоб не боялись, что ето игра природы, вскорі минет и пр.

Поднялась новая гроза. Оркан[17] распустил свої вітрила, стал дути страшенно, земля тряслась, скалы тріскали… Люди и скоты собралась вокруг Прометея, умоляя єго: «Творець наш! Запріти етой грозі и спаси нас!».

Ето все ділали завистныє боги, о чем Прометей хорошо знал. Єще больше воздушных страшилищ слідовало, на что люди разбіглись и проклияли своєго творца, Прометея.

Тогда исполнилось на нем собственноє єго желаніє! Призвали боги Вулкана, который тяжелою ціпью приковал єго к скалі, скалу к горі, а гору – з другими горами, чтоб там страдал дерзостный титанич на віки. Зевс приставил єще к нему орла своєго, чтоб терзал утробу єго.

17 **Оркан** (из *мадяр.* orkán) – буря (*зазначка вшорителя* – В. П.).

ПІЯВИЦА.

Повѣсть изъ Угро-русской народной жизни.

I.

ЕВРЕЙСКАЯ СЕМЬЯ.

Солнце клонится уже къ западу и чуть-чуть за горы нескрылося.

На Маковицкой околицѣ, между высокими горами, стоитъ небольшее село Русло, считающее едва двадцать хижинъ, выглядывающихъ крайне убого и рядаво. Въ этой деревнѣ нѣтъ ни храму Божьяго, ни школы; — ни священника, ни пѣвце-учителя! — а есть (Господи прости прегрѣшенія наши) жидокъ-корчмарь съ рудою бородой и длинными пейсиками, распространяя по своимъ еврейскимъ пріемамъ кабачную цивилизацію, на счетъ здоровья и имущества русскаго мужичка.

У него есть численная семья. Онъ называется Сруль, а достойная супруга его Хая.

Нашъ мужичекъ, знавшій нашего Сруля по его минувшности, и неподумалъ бы, что когдашній „волоцюга“ такъ слишкомъ разбогатѣлся; — а на чемъ? ему и въ голову неприходитъ, что на той вонючей жидкости, убивающем душу и тѣло, которую онъ ему за послѣднія деньги продаетъ. Отъ того Сруль толстѣетъ, обогащается, а ты бѣдакъ страдаешь . . . !

ПИЯВИЦЯ

Повість из угро-русской народной жизни

I

ЄВРЕЙСКАЯ СЕМЬЯ

Сонце клонится уже к западу и чуть-чуть за горы не скрылося. На Маковицкой околиці, между высокими горами, стоит небольшеє село Русло, считающеє єдва двадцать хижин, выглядывающих крайне убого и ряндаво. В той дєревні[1] ніт ни храму Божьяго, ни школы, ни священика, ни півце-учителя! А єсть (Господи, прости прегрішенія наши!) жидок-корчмарь з рудою бородой и длинными пейсиками, распространяя по своїм єврейским пріёмам кабачную цівілізацію – на счёт здоровья и имущества русскаго мужичка. У него єсть численная семья. Он называється Сруль, а достойная супруга єго – Хая.

Наш мужичок, знавший нашего Сруля по єго минувшости, и не подумал бы, что когдашній «волоцюга» так слишком разбогатілся. А на чем? Єму и в голову не приходит, что на той вонючей жидкости, убивающей душу и тіло, которую он єму за посліднія дєньги продаєт. Од того Сруль толстієт, обогащаєтся, а ты, бідак, страдаєш…

Дом Сруля похож скоріє на скотский хлів, чим на жилище разумнаго созданія Божьяго; поподпиран зо всіх сторон бервенами, стоит особняком на самом конці дєревни. Мрачныє оболока, грязь и нечистота пред дверьми, поразительноє зловоніє, одбивающеєся из внутри, злишком выразительно припоминаєт всякому встрічному, что, дескать, стоит он пред кабаком, или, по-нашему, пред корчмою.

Сруля в сю пору ніт дома, так как он, кромі торговли з «паленкою» (водкою), к которой порядочно в половину примішиваєт воды, чтоб в большей мірі заглушивала голову біднаго крестянина да иміла хорошую, жолтую краску, занимаєтся єще и промыслом. Ибо как же не быти єврею торговцем, когда ето занятіє не настолько мозольноє, как бідноє неблагодарноє земледіліє. Капіталы ни моль не зъїст, ни злодії [не][2] украдут. Ето Сруль хорошо знаєт – лучше влачитися по ярмаркам, чим по ро́лям!

---

1 **Дєревня** (*из російськ.* «деревня») – село (*зазначка вшорителя* – В. П.).

2 У квадратных скобках додали сьме слово, котре там хыбит подля смысла (*зазначка вшорителя* – В. П.).

Промысл нашего Сруля состоит, в первых, в том, что єму неодмінно быти на каждой ярмаркі, пусть бы она и на десять мілей одстояла од єго дому. Сруль потрясется на своєй клячі, хоть бы и на край міра, за ярмаркою – туда єму всеконечно должно появитися. Уж етого потребує собственный єго погляд на обыдєнную жизнь человіка, прикованнаго к матеріальным інтересам побужденієм самопропітанія.

Одходя на ярмарку, єму и самому не приходит значала на мысль: что станет ділати на ярмаркі? Но идти всеконечно надо! Бывало, на пути здогонит Срулька наш любый поселянин, погоняючий свою корову на продаж, и между тым, спутствуя Срулю, вопрошається:

– А што будете, Срулю, продавати?

– Нич, – отвітує єврей.

– Может быти, будете дашто куповати?

– Ци я знам? – отвітує равнодушно єврей.

Но про ето дробсаєт[3] Сруль в своїх изношенных туфлях на ярмарку, а то при холоді и голоді! Быв уже на місті ярмарки, самою первою должностью считает хорошенько разглянутися, т. є. одъискати своєго человіка (разумій, добычу) – человіка глупаго, сліпаго и неопытнаго, каких мало-ли сыщеш на ярмарках!? К такому неопытному и од души довірчивому крестянину, замітив у него продажнюю корову иль быка, приступает наш Сруль и купує продажноє.

Купивши, лишает любаго крестянина з єго товаром на місті, а сам одходит на охоту пріобрісти купця. Одъискав легковірнаго, приводит єго к невыплаченной куплі и продает єму незаплаченную єще скотину, россчитывая, разумієтся, при том, чтоб дороже продал, чим купил. Из полученных дєнєг выплачивает по тому «дурнаго гоя Ивана»; самому же повыше того остаєтся в кармані 5-6 ґульденов так называємаго нехристами «geshäft»[4].

Опытный (собственно, по народному говору – «выбитый») наш єврей таковыє geshäft-ы продукує до самой позной ночи. Тогда, помацав свой карман (zseb), сам удивится, обрітши в нем, прежде дочиста праздном, выше 20 бумажных ґульденików: «Не послідній барыш, а как легко пришолся! Только хвали, посилуй, наговоривай – а все идет, как по маслі, аж, наконець той Иван даст задуритися»!

Двадцать золотых!... Сколько дней пришлось бы нашему брату холопу за 20 ґульд. косити? А нашему Срульку – ето все фрашка[5].

---

3 **Дробсати** (*бесідн.*) – дробкати, спорити, ити (*зазначка вшорителя* – В. П.).

4 **Geshäft** (*німецьк.)* – ґешефт (*зазначка вшорителя* – В. П.).

5 **Фрашка** (*польск.* fraszka) – дрібничка, дурничка (*зазначка вшорителя* – В. П.).

Наш брат Иванко в подобном щастливом случаї пошол бы себі – уж гді же и куда, как не в питєйный дом, в кабак; там затребовал бы пірушки: «Давай, жиде, вина, паленки!». Ибо как не погуляти, не выпити за здоровьє фортуны, коли щастьє само собой сулится в котомку человіку?! Но Сруль не тых расчётов, он доволен и кусником сухаго хліба и лука (цибуля); потому то попадаются у него и дєнєжки.

Другий род заработка у нашего героя вот єще каков: Сруль купит себі в ближайшем уєздном[6] городі небольший запас игол, ниток, лєнточек[7], спичек и прочих мєлочей; не постыдится взяти на плечи міх а в губу сопілочку – и ну таскатися по дєревням за лохмотьєм да онучами. Назбирав всякую драньє, єврей продаєт оную ж в бумажную прядильню – в завод, одкуда берет за цундры новыя банкнотки. Осенью идет з возом на околиці, гді изобильно родится овощ; накупит міхами чресчур дешево, иногда по 50 крайцаров міх, вывезет там, гді овощ не родится, и так мінняєт у неопытных хозяєк (разумієтся, в одсутствії мужей) корець яблок за корець чистаго збожа. Вопроситесь нашего героя, сколько єму од того прибытку, когда рож станет драгоцінніє?

Правда, жизнь єго чрез всю неділю течет не в колесниці роскошей. А уж все-таки в «сабаш»[8] наш Сруль не помінялся бы и з самым Римановским[9] рабином, собственно когда воссядет на президію своєго стола, окружен малыми будущими кандидатами банкирскими, а пред ним лежит полненная по жидовски рыба – символическоє їдло, заповіданноє єго релігієй. В тот вечер у Сруля, не в шутку говоря, порядочная бывает «гостина».

Говорено про індустрію Сруля, чим, собственно, торопаєт он в пользу своєго земнаго существованія. Теперь вникнем в внутрь корчемнаго заведенія – етого нещастнаго для нашего простонародія обиталища и будем ожидати вмісті з заботливою Хаєй повороту домовладыки, добраго Срулька, ожидающей єго з «сабашевым» ужином.

Звечеріло совершенно. На синім небосклоні од востока выкачиваєтся вечерняя звізда. Хая нетерпіливо глядит вниз дороги: не идет-ли супруг домой сабашевати? «Вай мир вай, гунгриг!»[10] – слышно из внутри дома

---

6 **Уєздный** (*російськ.* «уездный») – окресовый (*зазначка вшорителя* – В. П.).

7 **Лєнточка** (*російськ.* «ленточка») – пантлик (*зазначка вшорителя* – В. П.).

8 **Сабаш**, авадь шабес (*ідиш*) – свята субота (*зазначка вшорителя* – В. П.).

9 **Риманов**, авадь Риманув – варош у Кросненськім повіті (Підкарпатське воєводство, Польща), єден из центрів хасидізма. Годно быти, же А. Кралицькый натякає на авторітетного римановського цадика Цві Гірш Римановера (умер у р. 1847) (*зазначка вшорителя* – В. П.).

10 **Вай мир вай, гунгриг!** (*ідиш*) – Ой боже, скупый (*зазначка вшорителя* – В. П.).

оживленный концерт достойных наслідников Сруля. Ето сопрано происходит од Мендля, Нафулы, Мойже, Лейбы и Дувыда.

В избі, закопченой дымом и нечистотою, из потолка (padlás) ниспускается мідноє полікандило[11] в 12 рамена; на нем устремлены двукрайцерныя небольшия сальныя свічи; торопливый Мойже принимається уж їх зажигати, так как уж злишком надоїло єму дожидатися сабашоваго ужина. Он, взяв зажженную липину из пєчки, вскарабкался на край стола, поставленнаго на средині комнаты, принялся запаливати «сабашевки»; прочіє, кровныє по Аврааму да отцю, окружают єго, наслаждаясь заревом світла. Дувыд, пользуясь етім удобным моментом, інстінктивно увлекается обыкновенным своїм ремеслом, которое по новомодному пріёму назвали «реквіровати»,[12] vulgo-кварити[13] из сабашины. Єдва донес к изголодалой губі первый реквированный кусник, как тут же нападает на него все потомство отсутствующаго домохозяїна – и ну бий по щекам и голові бідака, насильственно вырывая єму из уст незаконно приобрітенную добычу.

Под тым временєм Хая стояла на подворьї, пристально вглядываясь в яркія звізды, рассыпанныя по лазурному небесному своду, и припоминала себі дівическия времена, когда столь неуклончиво напаствовали єї за руку разныє Нафулки и Гершки. Теперь должна она проводити печальныє своїдни при боку часто одсутствующаго и чресчур передавшагося промыслу Сруля, котораго все-таки єще ніт дома. Сабашина готова, потомство голодаєт, время поздно! В иноє время супруг уже дома был и президовал[14] на конці стола, смачно кушал полненную рыбу, а теперь...

II

ДВА И ЛУКАВАЯ СОТВОРИ ПЕРВОРОДНЫЙ СЫН МОЙ ІЗРАИЛЬ!

(*Стихира на хвалитех страст. четв.)*

– Вы, господа судьї, вопрошаєтесь: я ето ли подпалила дєревню? Подлинно я – не є чего таїти. Я подпалила не из нерадінія, не по недозору, а

11 **Полікандило** (из *грецьк.*) – многосвічник, централный лустер у восточно-христіанськім храмі; усе має 12 и веце свічок (*зазначка вшорителя* – В. П.).

12 **Реквіровати** – *російськ.* «реквизировать», у сёму контексті: «красти» (*зазначка вшорителя* – В. П.).

13 **Vulgo-кварити** (*авт. неологізм*) – искладеный из двох слів: «вулґарно» и «кварити» (робити шкоду) (*зазначка вшорителя* – В. П.).

14 **Президовати** (*неологізм*) – быти у чолі стола, президіума (*зазначка вшорителя* – В. П.).

просто из месті – по хорошо обдуманному наміренію. Я сознаюсь, что провинила, а тяжко провинилась – заслужила свою участь, пусть же и погибаю!

Ето сознаніє – довольно печальноє, сожалінія достойноє – произносила женщина пред П... комітатским судом, в слух всего собранія, в слух всей черні, живо и з ніким нетерпінієм ожидавшей судьбы нещастной женщины.

А женщина ета была высокаго, худощаваго роста, з запавшими глазами, почернілою тварью и растрепанными волосами. Стояла пред судом как обвиненная и уличенная в поджигательстві.

– Марё, подумай, что показываєш: ты стоїш пред судом, который осудит тебя на жизнь либо смерть, смотри же и не шути! – Слова ті произнес к нещастной Марьї (ей так было имя) засідатель комітатскаго суда, русский, Петр Подгаєцкий.

– Я не шучу, пан мой, а правду показываю, я подпалила село – и конець. Вішайте мя...

– Баг-ме боже, то не правда; она дурна, она шалена, – озвался кто-то из толпы.

– Показатель, выступи вперед! – воскликнул предсідатель суда во весь голос.

И выступил на арену суда, кто? Сруль! Прибытіє котораго з таким нетерпінієм ожидала дома, на сабашину, Хая и все дробноє потомство.

– Жебы ня Біг скарав, жебы ня ч... взяли, кедь то правда, што она плете.

– Полно, полно арендарь, не горячись, а докажи, как же ето неправда, что она, подсудимая Марья, показываєт; відь она же сама сознаєтся; да и улики суть, – прервал єму кто-то из судій.

– Ніт, ето все вздор, что она говорит. Уж так мні Ієгова допомоги, єсли то правда, что она говорит. Діло было так: мы з Берком, моєй Шандлі – сестры мужем, пропінатором[15] дєревни, в которой ета Марья живет, убрались в єго спиртной погреб водку роспускати («Крестити!» – кто-то воскликнул из толпы), ну, уж хоть и крестити водку. Марья сія єжедневно, и по три раза докучавшая шурину моєму, требуя водки, не застав єго в шинкі, спустилась было к нам, распускавшим, в погреб и тут же в пьяном виді стала кричати: «Жиде, дай паленки!». – Ну, Марё, – говорю я єй чест-

15 **Пропінатор** (од *лат.* propinare) – особа (скоро усе жидівськой народности), котра мала выимкове (монополне) право выробляти, довозити и продавати алкоголні напиткы. Містні люде не мали такого права. Традіція ся поширила на карпаторусинські теріторії из підавстрійськой Польщі, видав, у рамках Толерантного патента (1781 р.) імператора Ёсифа II (*зазначка вшорителя* – В. П.).

но, – как же тебі дати водки, когда уж и теперь пьяна? – «Ніт, – перебиває она, – давай а давай, мерзавець, паленки!». Берко говорит єй: «Погоди немного, честная хрестьянка, мы сейчас упораємся з своєй работой, уж тогда хоть и дастся тебі водка». Пристала Марья на ето и осталась нам помогати роспускати. Роспускаєм, роспускаєм мы з Богом. Марья помогает как пристойно, воду доносит как належится, но не из колодезя, а просто из потока. Я говорю єй: «Честная Марья, не лінись, я уж тебі говорил, что мні не носи из ріки, а из колодезя» – и бывало хлеснул єй так немножко; а она, подумайте, честныє судьї, тут же и хвать меня за пейсики – и оборвала, оборвала без милосердія. По тому она пошла за водой уж в колодезь, упала з свічею при скирді соломы, зажгла єї, а одтого зажглась корчма, а од корчмы – все село.

– Неправда! Я подложила горячую свічу под стріху твоєго шурина, – возразила Марья, – и одтого-то зажеглась корчемниця твоєго шурина Берки.

Показаніє Марьї не было важно: ибо єї узнали умопомішанной. Суд сконфисковал все имущество так Берки, как и Сруля – для вознагражденія убытков, потерявшихся од пожара.

Послі приговора, произнесеннаго на суді, выступил засідатель П. П. пред наших героєв, Сруля и Берки, и заговорил к ним тако:

– Вы, нещастныє, разбросанныє по всему міру сыны Ізраиля! Доколі будете ссати кров біднаго моєго русскаго народа? Разві вам мало того, что обманываєте, кламете мою русскую братію, єще желаєте єї нравственні убити? Марья была честною, трудолюбивою селянкою, а вы, фараонскоє исчадіє, развратили єї, приучая к скверному вашему ядупаленкі. Ты, Сруль, подущал єї красти из дома од мужа зерно и носити тебі за паленку, Берко продолжал твої махінації, и так зділали єї нещастною, а мужа привели на жебрацкую торбу. Вы ділаєте два вопіющія в небо лукавства: обманываєте и развращаєте! Позрите же, какий будет етому конець!

III

БУДУЩИЄ БАНКІРСКІЄ КАНДІДАТЫ

Од Сруля взяли все, что лиш было у него. Не минуло тому и неділі – и он остался по прежнему, как пред двадцять годами, – жебрак, без аренды и корчмы. Хая из тоски переселилась к праотцям: Аврааму, Исааку и Якову, и остался з потомками только сам Сруль.

Одного вечера накануні сабаты, в пяток, когда єврейскоє племя ожидает месії, по їх понятію, поработителя всіх языков и народов под ноги

избраннаго народа, Сруль, по обычаю, президовал на конці стола; но комната уж не та была, стол не тот, ніт и полікандила, а только 2-3 лоёвки, встремлены в капустный кочан, топятся на грубой накрытой доскі, служащей вмісто стола. Ніт и полненной по прежнєму символической рыбы, а єсть только завітная редьковиця з луком и чесноком.

Времена изміняются!

«Благо мні, яко смирил мя єси; яко да научуся оправданіям твоїм!» (Псал. 118, ст. 71.), – вздохнул Сруль из глубины сердця и понурил голову.

– Дувыд! – озвался по хвилі Сруль, – ты учишся по мадярски, скажи мні, как ето звучит на мадярской річи?

– Оно голосит так татілы: «Jó nekem hogy megaláztál engemet; mert igy tanulom meg rendeleteidet!»

– Гм... хорошо сынок! Видно, что тобою не постыдился бы и синґедріон[16]. Но, Мендель, говори уж теперь ты, как стоят наши акції, уж разумієш на счет завтрашняго дня?

– Та так стоят тателе лебене[17], что в рот положити не є чого.

– Не є чого, не є чого! Что малодушничаєш, Мендель? Развi ты не изучивал библії? Развi ты не помниш на пророка Илію в Сарепті сидонской? На Даніїла в рві? – сказав ето, Сруль поднялся з стула, вынял одну лоёвку из кочановаго подсвічника, обошел грязную избу, подскочил к дверям и засунул заклинку, т. є. запер из внутри дверь.

– Я думаю, сыновья, – продолжал, – что нам не на заваді никакая нечистая христіанская душа, что мы теперь наєдині!... Так прежде, чим одкрою вам самую большую тайну, слушайте мой совіт... – Но кто-то мелкнул по-под оболок. – Мні показалась какая-то человіческая тварь... не подслухивают ли? Гой... Мойже, выникни но на двор.

Мойже выбіг и вдруг воротился з словами:

– Ніт никого, не подслухивает нихто!

–Діти мої, єще когда племя моє поселилось в Ерґіпті, а ето вы хорошо знаєте, что то не вчера было, вам хорошо извістно, сколько оно страдало, да єще и ныні сколько страдает...

– И ныні сколько страдает! – озвался голос на єврейском шаргоні[18] как бы из-под земли.

– Сруль остолбеніл, лоёвка выпала єму из рук, всі будущиє банкірскіє кандідаты в испугі завизжали и попрятались в кут. Сруль стал столпом.

---

16 **Син(г)едріон** – майвысшый орґан політичной, релігійной и юрідичной власти у євреїв періода Римського панованя (*зазначка вшорителя* – В. П.).

17 **Тателе лебене** (*на языку ідиш*) – няньку любимый (*зазначка вшорителя* – В. П.).

18 **Шаргон** (*застар.*) – жаргон (*зазначка вшорителя* – В. П.).

– Изміна, воровство, скорі огня, скорі кресило сюда! Мендель, зажигай свічу, мы пропали! – ревал в ужасі Сруль.

Както по біді зажгли свічу.

– Всі вы, сыны мої, останитесь в избі, а только ты, усердный сынок мой Мендлі, поди зо мной да бери свічу, а вы, ребята, оставайтесь в тьмі, не бойтесь, не станется вам ничего лихаго, вас будет сокотити Ієгова Адонай!

– Слушай, Мендель! – начал шепотом отець к сыну, выйдя на двор. – У нас в погребі єсть в одном куті схоронено 10 000 гульденов в бумажках; єсли только ті не похищены, мы не жебраки, а из вас могут статися єще богатыє банкіры. Теперь пойдем и осмотрим етот наш клад, ибо мні как-то не нравятся сегодняшнія привидінія и мелькання по-под оболок.

Два єврея, старый и молодой, одправились теперь чрез двор к концю дома, гді были двері в погреб. В притворі у входа погребнаго, збоку, обріталась маленькая темная коморка, в которой хозяїн разныє сосуды и снаряды держал, между которыми была секира, заступ, пилка, свердел, злодійский фонарь и т. п. Етот фонарь отъискал теперь Срулик, зажег лоёвку и вложил в фонарь.

– Мендель, бери секиру[19] в руки.

Мендель повиновался. Спустилися в грязный, волгкий погреб, гді все на все стоял один сосуд з спиртным напоєм.

– Поди сюда, видиш в етот кут, там наши дєнєжки! Ну, настави фонарь прямо к стіні. Там была ніша (fülke), но теперь, знаєш, заділана, а в ніші, братець, ваше достояніє.

– Ай вай, тателей! – заревіл Мендель и повалился на землю. Світло фонаря загасло, но у Сруля смілость не сошла єще в пяты, он вскорі выкресал огня и зажег лоёвку в фонарі.

Теперь представился пейсаж,[20] достойный кисті[21] художника и, как говорят, на силу сулившийся в камер-обскуру фотографа. На сырой земли лежал испуганный Мендель, а в недалекі од него какая-то женщина – вяла, поблідніла – просто мертва!

Ніша была одкрыта, разметана, а в руках женщины, кажется разбойниці, купа бумажных дєнєг. Всі десять тысящ в єй закостенілых руках! Но она лежала недвижима.

– Ай вай! Ето Марья! – вскричал Сруль в испугі и вырвал єй из рук достояніє будущих банкірских кандідатов.

---

19 **Секира** – планкач, сокира (*зазначка вшорителя* – В. П.).

20 **Пейсаж** (*застар.*) – пейзаж (*зазначка вшорителя* – В. П.).

21 **Кисть** (*російськ.*) – пензель, пензлик (*зазначка вшорителя* – В. П.).

IV

НОЧНЫЙ КОСТЕР В ЛІСІ

– Ну, что ето за храбрость – струсити в виду такой ничтожности! Побоятися Марьї? Развi мнi не понятны слова из Wahlesel-ской пісні моїх дайчовских[22] собратій, что:

Ich bin kein Römling, ich bin kein Slav,
Ein deutscher Esel bin ich!

(«Die Wahlesel»).[23]

Марья влізла воровницей в мой погреб, розбуряла нішу и похитила дєньги. Мы єй схватили на ділі – и ніт инаго исхода, лебене[24] Мендлі, как одрубити єй тут же голову заступом, выгребсти яму и тут же похоронити. Что, будем єще ділати из такой ничтожности історію? – говорил Сруль к сыну.

– Одрубивати голову? Не будем того ділати! Видите, отець, что она не жива; она лежит бездыханная. А по тому: не помните ли, родитель, недавную тяжбу з ней? За неї заступаются гої, а особенно один тот, котораго пусть бы Асмодей либо Веелзебул[25] потащил в «гадес»[26].

– Полно, полно, братець! Видно, что у тебя ум на своєм місті. Уж недаром же я тебя похвалил, что был бы из тебя и член сингедріона. Придумай, что ділати з нею?

– Что ділати? Выкопати яму в погребі и схоронити – оддати земли своє и basta: мы єй не убили!

– Уж доселі єще дурныя губы[27] не їл. Єсли ты умен, то и я не безумен. Марья иміла з мною тяжбу; всі знают, что мы не очень любимся. Похороним – завтра либо послізавтра может произыйти слідство, ибо прежде всего будут подозрівати меня. Вникнут в пивницю, увидят свіжую землю,

---

22 Од слова «deutsch» – німецькый (*зазначка вшорителя* – В. П.).

23 Шорикы из стиха німецького поета Гайнріха Гайне (H. Heine, 1797–1856) «Die Wahl-Esel» («Ослы-избератслі»): *«Я не Римлянин, не Славянин, / Я німецькый осел!»* (*зазначка вшорителя* – В. П.).

24 **Лебене** (*на языку ідиш*) – любимый (*зазначка вшорителя* – В. П.).

25 **Асмодей; Веелзебул** (Вельзевул) – у християнській демонології суть то погыблі ангелы, злобні духы, демоны (*зазначка вшорителя* – В. П.).

26 **Гадес**, *авадь* Аїд – старогрецькый бог царства мертвых. «Потащити в гадес» – забрати до Гадеса у царство мертвых (*зазначка вшорителя* – В. П.).

27 **Губы** – грибы (*зазначка вшорителя* – В. П.).

раскроют могылу, вытащат из ней труп Марьї, а тогда – хоть поминай добром – оба будем беленьгати[28] на виселиці[29]! Ты будеш клятися, что не убил, а только неживую погреб. Можеш говорити – коршуны выколют глаза, как убийцям!

– Так, тату, что ж зділаєм? Уж ділати хоть что-то, а все таки чего-то непремінно. Вам видится все ето быти шуткой, неначе бы как бы Марья под вашей кабачной скамьєй лежала пьяной...

Мендель хотіл єще говорити дальше, но родитель прервал єго. Осмотрілся на всі бока, поднес палець к устам и прошикнул таинственным видом:

– Мендлі, говорят тебі: «пст!». Разумієш ли что ето значит «пст»? Ето то знаменует, приятель, что язык за зубами! Ты не горячися. Видно, что не был в подобных затрудительных обстоятельствах. Теперь учись разума од того, у кого єго побольше. Разуміл-ли?

– Да, разуміл, отець!

– Так, Марью бери теперь на плечи и понесем єї в поблизкий ліс; я возьму заступ и мотыку, а уж что там зділаю з нею, то не твоя, а моя забота.

Сын повиновался и взял тяжелую селянку на плечи и стал тащити єї проселочною дорогой к лісу. Сруль, скрыв бумажную «мамону» в карман, послідовал єму.

– Ай вай, как тяжела ета ноша! Потому – єще унизительна. А вы, тателе лебене, возложили єї мні на плечи!... Что бы сказал, увидя ето, бессмертный осадитель Ієріхонских стін, Іозуа[30], увидя, что избранный сын Ізраиля, Mendli Srulsohn, тащит русскую падаль-быдло на своєй избранной спині?

– Ну, ну, полно, сынок мой! Знаєш что: нужда разоряет закон! Тащи, иначе быти нельзя.

Теперь наши євреї остановились на одной обширной поляні ліса, обнятой зо всіх сторон одвічными дубами, коїх зеленыя вершины высоко колысались в синім воздухі.

Зо всіх сторон в лісной чащі господствовала так названная романистами гробовая тишина. На небі сіяла луна во всей своєй полноті. Издалі

28 **Беленьгати** (*бесідн.*) – лопоніти (*зазначка вшорителя* – В. П.).

29 **Виселиця** (*російськ.* виселица) – шибениця, вішилниця; (*зазначка вшорителя* – В. П.).

30 **Іозуа** (Ісус Навин) – вождь єврейського народа и наслідник Мойсея. Подля Біблії, завоёватель Єріхона (*зазначка вшорителя* – В. П.).

од сівера віял холодный вітрик. А наши євреї тащили немилосердно Марью – на всесожженіє.

Остановився на місті, посреди небольшей поляны, Мендель скинул тяжелую ношу з плеч. Сруль между тым, когда Мендлі разложился внедалекі од ноши оддыхати на зеленой пажиті, пустился в глубь ліса – собирати хворостину из сухих вітвей к сооруженію імпровизованнаго костра (máglya).

Наконець, куча хвороста была згромаждена; не доставало только подложити огню а Марью бросити на верх костра.

Мендлі лежал возлі селянки, пользуясь тым, что он утомлен єя принесенієм сюда; но Сруль не чуствовал утомленія: бігал по лісу, как молодець, собирал дрова и, когда уж все было готово, порылся в кармані, вынял кресило да кремень, но недоставало порохна. Єму пришло на память, что внедалекі виділ он на одном буку большую «гирю» вакелії (tapló) – ну спіши на неї. Но между тым Мендель скресал огня и поджег костер.

Теперь, когда костер зажегся, не слідовало иноє, как Марьїн труп возложити на олтарь всесожженія. Мендель уж хотіл было принятися к тому. Но діло приняло зовсім иной оборот!

Сруль медлил єще в чащи ліса, куда одправился по хворост, но верхній свой кафтан, служивший єму препятієм в свободном движеніі, оставил возлі костра. В кармані етого польско-єврейскаго кафтана обріталось все достояніє будущих банкіров: 10 000 ґульд. бумажками.

Когда Мендлі уж приближался к трупу бросити єго в огонь, Марья поднялася з міста, стала на ноги и протерла кулаком глаза, как бы пробудившися з тяжелаго сна.

Мендель упал зо страха на землю.

Марья подошла к пылающему костру, подняла зо земли свитку Сруля з 10000-ами и бросила в поломень! Потому плюнула на лежащаго єврея и поспішно счезла в темном лісу.

– Мендлі! А гді поділась Марья и кафтан?

Сын указал єму на догорівающий костер.

– Ай вай, конець нам, – стал ревати старый єврей, – пропало ваше достояніє, мы уж не значим ничего, ибо Geld regiert die Welt![31]

31 **Geld regiert die Welt!** (*німецьк.*) – Гроші правлять світом (*зазначка вшорителя* – В. П.).

V

MISERA PLEBS...[32]

Спустим нісколько годов послі событій, очертанных в предыдущем описаніі. Бывшиє передовыє личности повіствованія нашего, как Сруль, Берко, Марья и другіє, выступились из житейскаго поприща, сошли в гроб, оставив місто своє для других. А особенно послідняя, так жестоко обманувшая двух євреїв при ночном кострі в лісі, желавших єї, как убитую, по їх догадкам, бесслідно, а так – безнаказанно спрятати, чтоб не осталось никакой уліки[33], никакаго знака, никакаго corpus delicti[34], могущаго свидітельствовати против них.

Ну и каким же образом и по какой причині Марья застигнута в погребі жидка? Она желала одмститися на євреї тым, что загадала єго, своєго развратника нещастною жидкостью – паленкой, обворовати. Она подозрівала, где стяжательный кабачник скопляет свою мамону, подобрала ключ, влізла в погреб, одыскала «достояніє» и тут же хотіла было улизнути, но жиды, на щастьє своє, заблаговременно настигнули на неї. Что было в крітическую минуту ділати? Марья притаїлась мертвою – и тым избавила себя од невыгоднаго положенія, но и біднаго Мендля осиротила од столь трудно призбираннаго достоянія, бросив мамону в пылающий костер.

Теперь она уж почиває в могилі, да и Сруль там же зложил свої кости. А нам предстоит теперь діло з другими личностями.

* * *

Православно-кафолическая да апостольская Церковь наша Восточная єжедневно умоляет божественнаго нашего Питателя, чтоб Он охранил нас од всяких невзгод, од глада и прочія.

И дійствительно, голод – ето самый ужаснійший меч наказанія. Ибо противо «нашествія иноплеменных» при Божьєй помощи и личном мужестві, направляємом чуством самообороны, можно єще ратоборствовати, но против етого страшнаго гостя, голода, мужескія руки закостенівают!

Как ребёнок[35] єще слышал я молитву в наших горах, которую понапрасну будем искати в наших молитвенниках и которая, віроятно, занесенна в наши Подкарпатскія ущелья од русских старообрядцев. Она начинаєтся словами, что где там за горами, за лісами стоит капличка, а

32 **Misera plebs…** (*лат.*) – нещастні люде (*зазначка вшорителя* – В. П.).

33 **Уліка** (*російськ.*: «улика») – слідок (*зазначка вшорителя* – В. П.).

34 **Corpus delicti** (*лат.*) – состав злочина (*зазначка вшорителя* – В. П.).

35 **Ребёнок** (*російськ.*) – дітвак, дітина (*зазначка вшорителя* – В. П.).

в капличкі (часовні) золотый олтарик, пред тым олтариком клячит сама Пречистая и пр... На конці етой молитвы говорится:

Избави нас Боже!
Од мора[36], голода,
Од войны, потопа;
Од панской карности,
Од людской ненависти!

Под именем «панской карности» подразуміваются когдашнія розги и палки, но голод все-таки стоит на переді молитвы.

Год 184* остался печально достопамятен тым именно, что приніс нашему бідному, горскому люду етого жестокаго гостя – голод.

Картофель стал гнити, капуста не зродилася, а овес не созріл – так нужда готова. Что мужики заработали жнивом на низовьях р. Тисы, что замолотили у мадярских мужиков – ето уж давно минулося и єдва достарчило до великаго дня. Отселі до новаго урожая уж не было что їсти; но не только їсти, но ни посіяти – так чим же питатися в будущую зиму?

Комітатскіє відомства коє-как старались запобігти нужді, но что один-два корці в виду столь огромнаго недостатка?

На весні принялись наши бідныє сыны Славы-матери за лободу, горчицю, крапиву да мякину и полову, од чего стали їх лиця, как бы оточеныя у токаря, словно опухли!

В маленькой корчемниці селенія Д. сиділ себі высокаго роста худощавый жидок за столом и ділал счёты. Етот єврей был сам тот, который тащил Марью в лісную чащу на костер. Наш кабачник был не кто иный, как знаменитый наш Мендлі. Он, похоронив своєго родителя Сруля на одном из терновником поросшем сельско-єврейском кладбищі, кинул на плечи котомку, в которой не было иного как сопілка и 2–3 цибулі, пустился світами, збирая онучи и здохлаго скота кожи. Он не стыдался и не гнушался волочити на спині вонючия кожи из здохлой маржины, ибо етот промысл приносил єму значительныє барыши. Стало вконець на том, что наш Мендлі, перенося всякія лишенія, голодуя, трудясь, претерпівая поношенія, насмішки, впослідствії запомогся настолько, что был в состоянії заарендовати себі одну сельскую корчму. А когда уж корчма єсть, етот источник всіх приходов сына Ізраиля, єму больше уж и не нужно. Єсли бы он был столь непотребен, что не уміл бы воспользоватися етім своїм положенієм, соплеменники не только высміяли, даже презріли бы

36 В орігіналі было напечатаной так: «моря». Видав, туй проскочила хыба, котру сьме выправили (*зазначка вшорителя* – В. П.).

єго, но сам «Талмуд», как на негодяя, не уміющаго мститись над гоями, высміваючими избраннаго сына Ізраиля, бросил бы на него анафему.

Так наш Мендлі знал одлично своє посланничество между «руснякылыс»[37]. Теперь, когда загостил етот страшный гость, голод, у Struhlsohn-a Mendele настали жнивы, а жнивы – богаты!

Он уже од трех годов, как бы предчуствуя роковую опасность, припоминающую єму исторію єго батьков в Еріпті при фараонах и Іосифі ціломудренном[38], скупивал зерновый хліб, какий только попался, и згромаждал єго в своїх кладовых.

Одкуда брались у него дєнєжки? Ето готовый ответ. В єстествѣ привлекательною силой електризма єсть метал, а у наших злополучных горах удицею и тенетом (tör) для мужиков єсть та вонючая жидкость, которая слывет под именем: водка, горілка, паленка, шарканиця, гораня, papramorgó; у когдашніх Запорожцев даже назвали єї «михайликом». Ета-то нещастная жидкость наполняла єго карманы, приобдівала єго цурю-Шандлю в шёлковыя[39] юбки, а пейсатых жиденят – в суконноє германскаго кроя платьє. Между тым, когда тот, кто на него орал, сіял, ходил в лохмотях и діравых лаптах, бочкорах. На столі єго порядочно красовалось жаркоє; он їдал гусятину. А тот, кто наполнял єго карманы бумажными сотками, хлебал чир, овсяну стиранку; но и той-то похлёбки не всегда доставало. Вот їж горчицю, у кого ніт ума-разума, а Мендлі пусть напівает себі пісенку:

Не орю, не сію, само ся мні родит,
Глупой Иван пусть сам за мной ходит!

VI

МАНДЕЛ ФОН-РОЗЕНФЕЛЬД И ГОЛОДАЮЩИЄ

Наш Мендлі, збогатів в высшей степени, стал стыдатися своєго подлиннаго имени и нарекся, не взирая на всі церемонії ґеральдики, Mandel

37 **Руснякылыс** (*на языку ідиш*) – руснакы (*зазначка вшорителя* – В. П.).

38 **Предчуствуя роковую опасность…** – туй иде за біблійного Ёсифа Ціломудренного (Ёсифа Прекрасного, середина II тысячолітя до нашого літочисленя), котрый ростолковав егіпетському фараону ёго сон за сім тучных и сім худых коров («по семи роках процвітаня прийдут сім років голода») и тым спас богатый Ерігіпет од нещастя. За сесе фараон поклав го на везиря Ерігіпта (*зазначка вшорителя* – В. П.).

39 **Шёлковый** (*російськ.*) – шовковый, гадвабный (*зазначка вшорителя* – В. П.).

von Rosenfeld[40], ибо дійствительно на житейском єго пути, хотя поля єще не было, так как еманціпація тогда єще не збылася и полевыя участки не свободно было єще приобрітати, то однако ж нравилось єму ето имя, ибо єму поистинні цвіли розы на житейском пути.

Пестрыя, ціфрованныя имена вообще всі євреї любят. Один любит называтися Goldschmidt, другий – Morgenstern, третій – Rosenberg, Weinberg и т. п.

Голод лютился з всею жестокостью; а ето была для Манделевых акцій самая лучшая пора. Способ gecheft-а уж не мог быти лучший. На околиці всі винокурныє заводы были в єго руках, там кучею лежали накопленныя кучи картофля для водки; ета жидкость была теперь дешева, кварта стоїла только 10 грошей; так чему бы не распродати нагромажденныя картофли голодающим? Так єсть у него, кромі «бандурок», єще и рож, ячмень да овес в кладовых; все ето голодающиє покупят дорого, хотя од них-то прежде за безцін куплено. Відь Мандел не орал, не сіял, а родилось єму однакож.

– Пане арендарь, вот вам принес я кованый воз, дайте ради Бога зерна, ибо жена и діти умирают з голоду, – говорил нашему єврею человік-мужичок, славный пред тым купець овець, теперь уже промотавшийся, но пред тым посылавший свої овці к распродажі даже на Голомуцкія[41] ярмарки.

– А як ты смієш, простак-Иван, мене называти арендатором и єще просити помощи? Не знаєш-ли ты, быдло-руснякылыс, что я уж теперь пан фелкоможни, ге?

– Простите уж хоть, ваша великость, а дайте что-то, я прийму охотно.

– Ага, «прийму охотно»! А когда пред двумя годами хотіл было купити од тебя овці, ты наклал мні в «паршивці», «рынявці», «нехристы», ге?

– Простите, тогда провинился; но теперь размилосердуйтесь, ибо угрожаєт голодная смерть.

– За воз даю ти кобел овса, разуміл?

– Да, разуміл, благодарю вас и за то, только давайте поскорій етот овсик, «освятив бы ся».

К нашему богачу и новоупеченному «велкоможному» подступил другий мужик, суля всі свої косниці и луга для собранія из них наслідующим літом за пару корцев ячменя либо картофеля.

---

40 **Rosenfeld** (*німецьк.*). Етімологія того двокорінёвого слова: поле руж; ружове поле (*зазначка вшорителя* – В. П.).

41 **Голомуцкія** – иде за ярмаркы у моравськім вароші Оломовць, днесь у Чехії (*зазначка вшорителя* – В. П.).

– Даю кобел бандурок и два корці ярцю, а так на твоїх луках буду косити я, а не ты слідующаго літа!

– Разуміл, пан велкоможный!

– А взяли бы тебя всі дідки[42], Мендлю! Так ты заставляєш себя называти великоможным? – замітил прибывший містный півець.– Відь не помниш-ли, когда недавно ходил єще з сопілкою и у меня спал на оборогі, а теперь, позирай єго, єще задумал играти в ґрафы! Люди, – обратился дячек к нещастным, – возвратите єму недостойноє зерно, берите свої вещи назад а спішите к Отцю духовному – там ожидаєт вас нечаянно приспівшая помощ. Єсть пять возов, нагруженных зерновым хлібом, все то раздастся между вами.

– Баг-ме Боже, не слухайте вы єго, честны люди, он разом зо своїм попом обдирают вас – требуют роковины, за погреб, за крестины и брак!

– Єсли требуєм, то законно требуєм, ибо єсли служим олтарю, то и од олтаря должны жити; но ты – обманываєш, лупиш, здираєш, обельщаєш; а то все – беззаконно. Ты враг – не арендатор, не честной жид-корчмарь, а просто сказав: П и я в и ц я ! Бог прости тебі твоє лупежничество!

К священику дійствительно присланы были од комітатскаго відомства 5 возов з хлібом, в виді займа. Весь етот запас наскоро роздан был между голодающими; по истеченії одной неділі прислано было єще больше зерна, а затым єще больше, так что бідный люд спасен был из кохтей[43] фон-Розенфельда.

VII

НАЧИНАНІЯ ДОБРАГО ПАСТЫРЯ

Голод, похитив свої жертвы, минулся; настало літо, а з ним и жатва. Послі бурь и громов воздух стаєт чистіє и здоровіє – так и теперь послі голода. Небесный Кормитель обдарил своїх под-бескидовых дітей плодородієм сельнаго[44] злака: рожью, пшеницею да ячменем в изобилії! Сельчане, їздившиє за Тису на жниво и молотьбу, привезли нагруженными возами зерноваго хліба. Было довольно всего... Помалу сплатили и комітатский долг; кобел за кобел – а не больше.

Но не так імілось діло з «Пиявицей», т. є. Менделом фон-Розенфельдом. Он заложенныє у него хозяйственныє снаряды не хотіл так дешево одступити или возвратити. За один заимствованный кобел требовал

42 **Дідко** – чорт (*зазначка вшорителя* – В. П.).

43 **Кохті** (*російськ.* «когти») – пазурі (*зазначка вшорителя* – В. П.).

44 Автор хыбно выхосновав російське слово «сельный» (*русин.* «сійный») намісто слова «посевной» (*зазначка вшорителя* – В. П.).

он теперь 3-4, а то єще з лихвой: 3-4 дней работы! Как-то з трудом зладилось и з ним діло. Бідныє сельчане оддохли[45].

В селенії, в котором происходило описываємоє нами событіє, душепастырствовал молодой священик О. Корнилій Ш. Одного воскресенья послі вечерні собрал сельчан к себі, как отець дітей, на короткую дружескую бесіду.

– Братья и духовныє мої діти! – говорил он їм. – Вот видите, гроза – ужасный голод – миновал! Єсть пословиця «Сокотися – и Бог тя будет сокотити». Бог человіку дал разум, чтобы їм руководился; и безумен тот человік, который преждєвременно залишит застраховати себя од возникнути могущих бідствій. Мы голодали, недостатковали, нанемогали[46] а даже и умирали од голода только пред пару місяцями. В нашей великой узкости прибігали мы к кому? К нехристам-жидам, одкупая од них за безцін проданноє зерно, на дорогих дєньгах. Видите, они вас в вашей біді не только здирали, но єще и подсміївались над вами!... Так вам, братья, треба! А ето говорю я, ваш священик! Сколько я вас научал, сколько говорил, просил, умолял а даже и грозил, чтоб вы не полагались на ваших кровопійцев єврейских; чтоб вы залишились нездержанной страсти к етой вонючей жидкости, которую вы называєте «паленка». Я внушал вам, в первых, чтоб вписывались в члены запроваждаємаго мною «общества трезвенности», а, во вторых, чтоб согласились запровадити у себя «сельскую кладовую» (községi magtár), но вы подозрівали меня, что будто из корыстных расчётов завожу я еті заведенія: «Угу, поп хочет дві кожи из нас здерти, – говорили вы поза глаза, – хочет, чтоб не пили паленку, а зерно єму в общий сыпанець зосыпали». Видите, как недостойно вы обо мні судили! Я хотіл вас, пожалуй, спасти од кохтей «Пиявиці», запроваждая общую сыпарню, ибо предвиділ ужасную будущность голода. Вы не послухали и стало на вашем. Разбушевал голод, помогал-ли над нами ваш єврей? Помогал, ибо єдва не поздирал з вас кожи. Я, видите, выхлопотал вам помощ од столичных властей и выдер вас из кохтей Пиявиці», а паче всего – од голодной смерти...

– Виноваты, виноваты, отець духовный, – заговорили сельчане в один голос, – прости наше мужицкоє невідініє, но желаєм на будуще слушаться вашей пастырской науки.

– Пора бы, ибо єсли єще раз разлютится какоє-нибудь «губительство», а вы, вмісто довірія и повиновенія, не только недовірієм, но єще подозрі-

45 Видав, автор мав туй выхосновати російське слово «вздохнули» (*русин.* «здыхнули»), айбо хыбно выужив слово «оддохли» (*зазначка вшорителя* – В. П.).

46 **Нанемогати** (*неологізм*) – изнемагати (*зазначка вшорителя* – В. П.).

нієм покуситеся огорчати мене, и єсли тогда я вас оставлю, а вы, лишены самі на себе, пуститесь в зівающую пучину, тогда, єй Богу, я не буду отвічати за вашу пагубу; кров ваша не взыщется[47] Творцем од рук моїх!

– Слушаєм, слушаєм и повинуємся.

– Так прежде всего учредим мы в нашей общині сельскую общую кладовую, т. є. сыпарню сельску. Возлі церкви єсть небольший домик, принадлежащий к той же церкви. Мы етот домик возьмем в арендноє пользованіє и устроим из него общую сельскую сыпарню, как по мадярски называют «községi magtár». Всякий из нас зложит в ету кладовую столько збожа, сколько єго стати. Я н.[а] пр.[имір] даю 2 коблы, дячок навірно дасть 2 корці, а вы – каждый по корцю либо полкорця. Для надзора за зерном назначим одного сторожа, который єженедільно перемішаєт зерно, чтоб не потухло. Ночныє сторожа особенно будут наблюдати за кладовою сельскою, к тому же мы застрахуєм кладовую од пожара. Кто притиснется в зерні – возмет себі заимообразно из общей кладовой нужнаго зерна, а когда зродится єму иль заработаєт, тогда возвратит должную міру з додатком чверть корця лихвы. Так зерно наше будет убольшиватися зо дня на день, и не будете принуждены прибігати к кровопійцям – лихварям.

– Принимаєм, охотно принимаєм, отець наш родной, Ваше начинаніє, ибо видим, что только благо наше одтуду может призойдти.

– Вторым спасительным якорем в житейских ваших треволненіях, братья, – продолжал даліє священик, – был бы, єсли б вы на то согласилися, сельский банк!

– Что ето? Что ето? – подняли всі голос свой.

– Банк єсть, – отвітил О. Корнилій, – не иноє, как єсли всі мы согласившися зложим в одну купу небольшой капітал, н.[а] пр.[имір] я даю 10 ґульденов, півець – 5, вы всі 50 хозяев – по 2 ґульдена, а 12 батраков (желяров) – по 1 ґульдену. Все ето вмісті составит 127 ґульд. И вот ету-то суму назовем мы сельским банком в меньшем розмірі. Теперь, єсли кто из вас потребуєт дєнєг, не принужден удаватися к бесчеловічным лихварям, не будет должен кланятися н.[а] пр.[имір] и «Пиявиці», а возмет себі заимообразно из общаго банка, сплатив 5 проц.[ентов]. Таким образом при постоянном оборотi невеликаго сего капітала одсотки могут рости єжегодно, так что спустя нісколько годов тот, кто вложил в банк 2 ґульдена, может, выступая из общества, получити одразу 10 ґульд.

Сельчане прияли и ето предложеніє своєго пастыря.

– Третім спасительным ділом было бы, братья, сельская читальня.

47 В орігіналі было напечатаной так: «но взыщется». Видав, туй проскочила печатна хыба, котру сьме выправили (*зазначка вшорителя* – В. П.).

Ето было бы общество – и нужноє, и полезноє, и забавноє. Слышали вы уж слова св. писанія, что не лише о хлібі живет человік; знаєте, что человік состоит из тіла и души; пищею тіла єсть хліб, а кормом души єсть чтеніє. Порою, когда человік, скончив свою полевую работу, иль по воскресеньям, когда оддыхаєт од трудовых забот, вмісто чтоб идти к нехристу Ицку и у него запиватися вонючею водкой, не лучше ли присісти за книжочки и ґазеты, вычитав себі, как у людей в широком світі дієтся, как они судят об извістных вопросах и предметах.

Много говорил єще їм на сердце попечительный пастырь, что по истині не пало на камень, а в почву полодородную и стало помалу плоды приносити.

VIII

БЛАГОСОСТОЯНІЄ ИДЕТ ВГОРУ

Не минуло тому и три года, одколі (за неутомимою заботою ревнаго душепастыря!) наших когдашных голодающих человік и не познал бы. Нужды, недостатка уж не было; всюда благосостояніє дарило. Новыя заведенія: читальня, банк и сыпарня процвітали в полной силі. За то сердился на о. душепастыря «Пиявиця» не мало...

Черныя, закопченныя избы проч изникли; по домам заведены трубы в печках (комины), а з ними – чистота и опрятность. Хаты дважды в год, осенью и весною, убіливались ізвестью[48]. Коровы, телята и поросенки были навсегда оддалены из комнаты в хлів. На подворьї навоз (гной) укладался на одну купу. Люд стал вести жизнь трезвенную. Вмісто идти по утрам завтракати к єврею вонючую паленку, од которой только сох да чахнул, наш селянин куповал и їдал мясо, пил на него черствую воду из потока. Одтого тварь у сельчан прибирала полноту, свіжесть, румяный цвіт да бодрый дух. Повальным недугам, походящим в прежніє года од беспутной, пьянственной и нечистотной жизни, теперь уж и сліду не было. Общеє здоровьє господьствовало в всем селенії.

Всі еті улучшенія благодарити можно сельской читальні. Много практических мыслей внес в жизнь заботливый пастырь на вечерніх собраніях етой многолюдной сельской читальні. Много прекрасных мыслей было їм здісь предложено. Вот послухаєм один из них:

– Ваше положеніє, братья, – говоривал между иными священик, – єсть между прочими такоє, что вы, будучи родителями и заняты работою, не всегда хватит у вас досуга заниматися надлежащим образом воспитанієм дітей своїх. В будні, правда, посылаєте їх в школу, но зато по воскре-

48 **Ізвесть** (*російськ.* «известь») – вапно (*зазначка вшорителя* – В. П.).

сеньям не ділаєт ваша школьная молодеж инаго, как нежели что волочится по лісу за птичьїми яйцями и гніздами и портит молодыя деревья. Вырізывают из прискіпов себі палки и бьются ними. Ето вся їх забава, благородніє которой они не знают! Сколько деревьєв и птиць попадутся їм в жертву лиш одного дня…

– Правда, не всякому извістно, сколько пользы приносят хозяїну птиці, истребляя вредоносныя насікомыя; не говоря уже об том, сколько веселым своїм щебетанієм. Так імієтся діло и з овощными деревьями. Видите, наша околиця уж так гола од плодовитых деревьєв, что сім-там в садах торчит одно-другоє староє спорохнавілоє дерево, хотя на чужині и поля суть обсажены деревьями! Гді мало деревьєв – там мало и дождя…

– Не иначе стоит діло и з лісами. Увы, з каждым літом они все болієи болієвырубываются, вмісто чтоб вытятыя пустырі засівались новым лісом. Одтого происходит то, что з каждым годом бушевают у нас сильнійшиє вітры, не имія о что опертися. Одтого так рідки дождь и роса...

– Правда, правда, – подтвердили наши слушателі, пріобіщав и на еті отрасли обратити надлежащеє вниманіє.

IX

ГОНЯЙ ЗЛО – ПОСТИГНЕТ ЄГО!

Был вечер. Пора близь около девятаго вечерняго часа; на небі єдва блукалось сім-там одно из небесных світил, зато вітер бушевал в всю силу, одрывая насильственною рукою кучами пожелтілыя листья деревьєв. В горную сторону дремучаго буковаго ліса пробералась какая-то тінь человіческая, ускоряя, єлико можно, шаги свої. Ето был герой нашей повістки пресловутый «Пиявиця-Мандел». Шествіє єго было медленно; из лба лился пот градом, а вітер лиш так развивал длинным єго єврейским кафтаном. Неодолго остановился на одной небольшей поляні, в заднєм углу которой, под вітвистым буком, сиділи вокруг огня как-то черныя личности, варя в желізном казану говяжеє мясо.

– Боже вам дай шестья (щастья)! – поздравил їх наш Пиявиця.

– Дай Боже и Вам, витайте! – ответил один из сидівших возлі огня з видимым удовольствієм.

Еті люди были разбойники, конокрады, лупежники, заставателі по дорогам, которых давно уж преслідовали комітатскія власти з своїми пандурами[49].

Пиявиця не обинулся сіл между них к огню, вынул из-за своєй

49 **Пандур** – шандарь (жандарь) (*зазначка вшорителя* – В. П.).

жидовской одежды полную стклянищю водки и стал нею посилковати чёрных героєв:

– Ех, такы-такы добры палінки! Таке-таке, самы чисты оковитки, сильны, як огень!

– Гм… Мендлю, но біда, что теперь заведен на місті производимый суд! Standrecht! Statarium! – додал старійший из разбойников, тяжко воздыхнув, и сейчас понявший ціль прибытія и гостины Мендлевой. – Как раз повісят, и не опамятаєшся, хоть добром поминай...

– Ех, ех, чтобы там вішали! Таких молодцев, как вы, на цілом світі ніт. – Баг-ме ніт! Таки хлопці, что фе! Ну пойте…

И дюжая фляша пошла из руки в руки. Разбойники пили огненный спирт з всею жаждой чёрных существ.

Затым послідовал тайный шёпот между ватажкой разбойников и «Пиявицей», по скончанії котораго наш герой удалился в свояси.

В два дни послі етого свиданія, в самую темную ночь, как-раз запылал красным пітухом и приходский дом, и сельская кладовая. Священик, улегшийся спати, єдва мог освободитися из поломінья!

На щастьє, ночный сторож села не спал, а расхаживал по селу. На возвратном пути из нижняго конця села увиділ какія-то личности, бігом спішащия садами, по-под сливными деревьями, вон из села. Ударил в набат! Схватилось все селеніє из сна; мущины ялись преслідовати бігущих злочинцев, схватили и привели к сельскому голові.

Приставив фонарь, в біглецях сейчас познали «фелкоможнаго Мендела фон-Розенфельда alias Strulsohna» и двух дезертеров-солдат, скрывающихся в лісной чащи и животящихся грабежем...

В ту пору запылали огнем сельская кладовая (magtár) и приходский дом. Сельчане встрепенули од такого несподіваннаго сюрприза и ялись было гасити, но по-напрасну – сильный віхор раздмухивал поломень и все згоріло до тла. Вот развязка, почему Мендель потрудился ночною порой в ліс к разбойникам. Он, желая одмститися на священикі, наял злочинцев поджегчи єго и сельскую сыпарню и, єсли удастся, и ограбити. Злодіяніє удалося; но злодії, между которыми был и зачинщик Мендель, схвачены на ділі и преданы правосудію. А суд приговорил всіх трех злодіїв, по случаю существующаго в то время наглаго суда, к смертной казні чрез повішеніє. А так наш герой погиб на виселиці и исполнилась на нем пословиця: что «гоняй зло – постигнет єго!».

Но зато заведенныя інстітуції существовали и на дальше, и не только существовали, но и процвітали! Зерно, брошенноє раз в землю, стало приносити изобильно плоды. Люд, опамятавшись раз, не дал больше нехристам обманывати и здирати єго.

РАСПАТІЕ ПРЕДЪ СУДОМЪ.

(Изъ записокъ сельскаго приходскаго священника. 1853.)

Въ мѣс. маѣ 1853-гѡ года епархїальное правленїе, — читаемъ въ запискѣ егѡ, назначилѡ меня, какъ новорукоположеннагѡ пресвитера, администраторомъ Ч.....гѡ прихода земплинскагѡ комитата. Полонъ любви и рвенїя къ высокому призванїю своей должности, будучи съ начала своегѡ посвященїя холостымъ, мнѣ всегѡ легче былѡ переселитися на мѣстѡ моегѡ ѡпредѣленїя. Къ никому лучше не могла приноровлитися та извѣстная пословица „omnia mea mecum porto" какъ къ мнѣ.

Послѣ занятїя своей должности, уладивъ свои дѣла пѡ домостроенїю и хозяйству, я всѣ свои силы и вниманїе ѡбратилъ на врученную мнѣ паству, изслѣдуя и ѡбзнакомливаяся съ теченїемъ дѣлъ моральнагѡ поведенїя внѣ церкви моихъ прихожанъ.... Одной теплой, їюньской ночи, нечаяннѡ звали меня къ больному чтобъ егѡ напутствовати. Жилище недужнагѡ былѡ слишкомъ ѡтдаленѡ, а селѡ разбросанѡ. Идя съ св. дарами, провожаемый при лунномъ свѣтѣ сыномъ хворагѡ моегѡ прихожанина, мы подоспѣли къ тѣсному ущелью, расположенному между двумя большими холмами на подобїе корыта. Долина была прелестная, всплошь ѡбсаженная ѡвощными деревьями, въ центрѣ коихъ скрывался въ тѣни густонасажденныхъ деревъ единственный домикъ.

Домъ тотъ и вся ѡкрестность егѡ, слыли у сельчанъ подъ названїемъ почему тѡ „Волоемомъ."

РАСПЯТИЕ ПРЕД СУДОМ

(Из записок сельскаго приходскаго священника. 1853.)

В мес. мае 1853-го года епархиальное правление, – читаем в записке его, – назначило меня как новорукоположеннаго пресвитера администратором Ч.…го прихода Земплинскаго комитата. Полон любви и рвения к высокому призванию своей должности, будучи с начала своего посвящения холостым, мне всего легче было переселитися на место моего определения. К никому лучше не могла приноровитися та известная пословица «omnia mea mecum porto»[1], как к мне.

После занятия своей должности, уладив свои дела по домостроению и хозяйству, я все свои силы и внимание обратил на врученную мне паству, исследуя и обзнакомливаяся с течением дел моральнаго поведения вне церкви моих прихожан… Одной теплой, июньской ночи нечаянно звали меня к больному, чтоб его напутствовати. Жилище недужнаго было слишком отдалено, а село разбросано. Идя с св. дарами, провожаемый при лунном свете сыном хвораго моего прихожанина, мы подоспели к тесному ущелью, расположенному между двумя большими холмами наподобие корыта. Долина была прелестная, всплошь обсаженная овощными деревьями, в центре коих скрывался в тени густонасажденных дерев[2] единственный домик.

Дом тот и вся окрестность его слыли у сельчан под названием почему-то «Водоемом».

Приближаясь с моим провожатым к тому «Водоему», слегка освещеннному слабым заревом луны, з-дали коснулись ушей наших оживленныя песни, голос сопилки и скрипок. На мой запрос «Что бы это означало?» мой сопроводник отвечал, что тут-де живет какая-то вдова, по имени Желтугина, содержательница мельницы и свободнаго продажа[3] разных напитков, с тремя своими взрослыми девушками. Девушки якобы

1 **Omnia mea mecum porto** (*лат., фразеологізм*) – Ушиткоє своє ношу из собов (*зазначка вшорителя* – В. П.).

2 **Дерев** (род. падеж множины; *застаріла форма*) (*зазначка вшорителя* – В. П.).

3 **Свободный продаж** (наміcто *російського* «свободная продажа»); видав, причинов хыбного написаня было не в ушиткому доброй знатя автором російського языка (*зазначка вшорителя* – В. П.).

очень красивыя, но не без зазорнаго поведения… Местность сия бывает притоном развратнаго скопища разгульнаго окрестнаго юношества, проводящаго тут ночи в безобразных сатурналиях, попойке, песнях и плясках, и что между всеми сама мать живет наисоблазнительнее.

Дом тот служил настоящею заразительною язвою для всей окрестности, и все попытки, доселе предпринятыя противо того притона, были безуспешны.

«Беда! – подумал я себе, остановившись на часинку, – тут надо энергически выступити. Но как же: грозно? в распашку? или кротко с подступом? Застановило наконец на том, что справлюсь с дульцинеами[4] с всею осмотрительностью, рекомендуемою началами prudencia pastoralis[5]. Я ведь только еще новичек, незнаком; буде выступлю строго, можно ничего не приищу, и тем больший вред нанесу будущим планам своей деятельности. Притон львиц нельзя сразу, – подумал я себе, – превратити в кроткую овчарню ягниц… Но все таки унывати не стану».

На возвратном пути от больнаго я опять остановился пред заветным домом, уселся на поросший мхом камень и погрузилсл в раздумие. Мой сопутник остался дома, я же шел домой сам.

– Прощай, любезный! Бог тебе в помощь! – послышался неодолга женский нежный голосок с порога водоемскаго дома, на что отвечал мужский охриплый голос:

– Прощай, солодкая!

Того не было еще довольно. Еще двух таких дуэта идиллических разыгралось предо мною... «Насолю же я вам...».

При всех своих заботах никогда не мог забыти на жителей «Водоема». Не прошло ни одной недели, чтоб не заглянул туда, и то в разную пору времени, а особенно ночью. По большей части, одни и те же явления: необузданное веселье, танцы, смех, выкрикивание и каламбуры. Иногда подступал и под ярко освещенное окно. Там кружились в неистовой пляске под зкуки скрипок.

Дело сообщил я со своим старым певцом. Он сказал, что не добитись с ними толку, труд будет напрасный.

Видел я их иногда и в церкви, куда являлись не для молитвы, а так – показывати себя мужскому миру. Девушки, нечего казати, были красивы,

---

4 **Дульцинеи** (пословичне имня «дульцінеї» од властного имня Dulcinea); автор натякає на Дульцінею (Дульсінею) Тобоську – героиню романа Мігеля де Сервантеса «Хытромудрый ідалґо Дон Кіхот из Ламанчі» (*зазначка вшорителя* – В. П.).

5 **Prudencia pastoralis** (*лат.*) – пастырьська россудливость (*зазначка вшорителя* – В. П.).

а мать – самая из щегольских кокеток. Как жаль, – подумал я, – что молодыя создания в таких руках! А ведь по пословице, в красивом теле и душа прекрасная… Души их, пожалуй, драгоценный жемчуг, только повержен в грязь; но надо их обтерти[6], очистити. К тому же, – положил я, – «Водоем» есть башнею лукаваго; буде успею[7] разрушити тот курган малахов, разорю и другие подобные притоны неряшеств.

Вполне был уверен, что если сумею переминити течение дел в «водоеме», то тое будет далеко сегающим событием на всю нравственную обстановку всего прихода. Что же было естественнее с моей стороны, как что чаще и глубоко раздумывал над способом, откуда и как начати осаду?

Одного понедельника в послеполуденное время пустился в путь к «Водоему», чтоб атаковати тот вражий табор. В голове план стратегический был готов; самое лучшее оружие нес под полою своего плаща. Или успею, или нет, но делати непременно наступила пора. Путь мой казался очень тяжелым, в сердце пылало пламя ревности «Божьяго дома». Кое-когда поглядывал на небо, откуда ожидал подкрепления.

Подойдя к дому «Водоема», заметил редкую в другое время тишину. Все погрузилось в сонливую негу, а только поток журчал.

Тревожим любопытством на счет того, каково примут меня распустницы, постучался в дверь, отворил и вступил. Рубикон был перейден....

Прежде всего надо описати внутренность комнаты. Изба была пространна, тщательно выбелена и все было на своем месте. Окна завешены были зелеными запонами, а пол (polló) вымытый. Стены обвешаны были ландшафтными картинами (tájképek), представлявшими охотничьи сцены; но не было ни одной религиозной иконы – обстоятельство, которое не мало удивило меня, зная, что народ прочий на окрестности дает предпочтение сим последним. В углу у самаго потолка висело небольшее распятие, завернутое в шаль, кажется, для того, чтоб закрыти глаза Спасителю. Самое видное место на стене занимало большое зеркало, обок котораго по двум сторонам висели две скрипки, повешены на зеленых шелковых лентах. Насупротив зеркала помещался стекляный шкаф с кубками и стекляницами[8]. Тому, кто знал, что мужчины тут не живут, удивительным казались два ружья, висевших у дверей, сумки

6 **Обтерти** – автор выхосновав русиньске слово наміcто російського «обтереть»; иде за не в ушиткому доброй знатя автором російського языка (*зазначка вшорителя* – В. П.).

7 **Успеть** (*застаріле*) – домочи ся успіха, перемочи (*зазначка вшорителя* – В. П.).

8 **Стекляница** (*застаріле*, из *церковнослав.* «стькло») – скляниця (*зазначка вшорителя* – В. П.).

горския, сапоги, фокоши[9] и другия принадлежности разгульных парней. Госпожа дома Моника, женщина лет выше 50., сидела у стола, нянчила канарейку и навертывала ей на шарманке. Она была просто одета и в веселом гуморе[10].

– Бог привел вас, преподобный отец! – озвалась она по хвили[11]. – Впору вы пришли: вот канарейка не хочет слушаться, вразумите[12] ее, прошу вас, держите ей проповедь...

– Неужели, хозяйка, то – самое лучшее Ваше занятие? И об чем хотите, чтоб ей держал проповедь? «Слыши и внемли словесем моим, чтоб труд мой вотще не пошел...»

– На всякий случай. Ведь всякому становится неприятным, буде труды его напрасны.

– Вы правы, Моника. Можете сами догадатися, сколько затруднений встречаем мы, душпастыри. Но только бы вам в том, что в канарейке нехорошаго, не последовати. Слушайте, а вот и я принес один инструмент и хотел бы на нем разыграти несколько пиес, разумеется, с тем ожиданием, что будете внимати и все хорошо запамятаете себе.

– Очень кстати, преп. отец! Вы желаете мне навертывати на своей шарманке, а я буду вашею канарейкою. Начинайте таким образом, но только веселую, ибо тоскливой не вытерплю. Вот я уж сижу смирно, начинайте, прошу, буду слушати с подобающим вниманием.

– Веруй в однаго Бога, почитай Его, возложи на Него все свое упование, люби его из всего сердца, души чувства и всей силы. Святи день недельный, а родителей почитай! Не убей и не оскорби никого. Не блудодей! Слышишь, канарейка, не любодей – ни словом, ни делом, ни помышлением, но ни же мимикою. Не кради. Не лжесвидетельствуй и чужаго не требуй. Вот первая симфония моей пьесы.

– Слышала, только, кажется, несколько подлиннее и тяжеловата. Вы, наверно, желаете попытатися на счет верности моей памяти. Уверяю вас, что у меня память очень верна.

– Есть у меня еще другая вариация, которая так гласит: гордость, скупость, нечистота, зависть, обжорство, гнев и ленивство. Пиеса, думаю,

---

9 **Фокош** (*мадяр.* «fokos») – балта, топірець (*зазначка вшорителя* – В. П.).

10 **Гумор** – автор выхосновав русинське слово наміcто російського «юмор» (*зазначка вшорителя* – В. П.).

11 **Хвиля** – автор выхосновав русинське слово наміcто російського «секунда», «момент», «тот час»; иде за не в ушиткому доброй знатя автором російського языка (*зазначка вшорителя* – В. П.).

12 В оріґіналі было напечатаной так: «уразумите» (*зазначка вшорителя* – В. П.).

покороче и удобнее, но все-таки достаточно назидательна и поучительна, не так-ли?

– Напротив, слишком печальная, преподобный отец! К тому же весьма престарелая, обветшалая; даже и воробьи только ее распевают на заборах и кустарниках да, признаться, я распевывала ее, когда была еще 10-летней.

– А позже позабыли, не правда-ли? Но шкода было позабыти. Впрочем, мой инструмент может к вашим услугам быти еще одною мелодией, третьей, и на нее обращаю я ваше внимание – она называется:

«СМЕРТЬ»!

«Лежит человеку единою умрети, а после следует суд»![13] Тогда будут отплачивати так, как кто заслужил, добром или злом: Адом, когда произнесет судия: «Идите от мене, проклятыи, в огонь вечный!»; Царством: «Прийдите благословенныи отца моего, наследуйте уготованное вам царство и пр.». Каждая симфония становится у меня серьезнее, пусть положим конец спектаклю. Моя шарманка (sipláda) больше значит. Слушайте…

– Я веселыя, а не плаксивыя напевы люблю, – ответила женщина света. – Весело прошла я сквозь всю жизнь и лишь только веселому юмору благодарна, что доспела 60-ти лет. Но вы, преподобный отец, как кажется, недруг известной пословицы: «Весельчак и Богу мил».

Вы недовольны моею заунывною песнью? Погодите, незадолго придет смерть со своею студеною шарманкою; она-то при свете гробных свечей разыграет вам такую песню, которая будет не только что единственною, но кратчайшею и сумнийшею[14]…

– Вы, отец пречестный, на всяком месте любите проповедничать: так в церкви, как на улице и в «Водоеме», где никому не попало еще держати проповеди. Довлеет мне и воскресных ваших проповедей.

– Которых вы не слушаете с подобающим богоговением. Кто от Бога, тот Божьим словам внемлет, но зачем вы не от Бога, то и Божье слово вам не нравится.

– Бог сотворил небо и землю, и все, что на земле обретается; таким образом, и я от Бога, – ответила она.

– Пока вы на греховном пути, ни вы, ни дом ваш не есть Божье жилище. Растворите уж раз очі ваши и призадумайтеся: куда ведет путь,

---

13 **Лежит человеку единою умрети, а после следует суд** – герой оповіданя цітує из Біблії: «И якоже лежит человеком единою умрети, потом же суд…» (Послання апостола Павла до Євреїв, Стих 9:28) (*зазначка вшорителя* – В. П.).

14 **Сумнийший** – автор выхосновав русинське слово наміcто російського «печальнейший» (*зазначка вшорителя* – В. П.).

по которому вы на челе дочерей своих шествуете? Путь тот, правда, теперь еще усеян розами, но в конце его ожидает вас пропасть. Еще хватает времени сбросити одежду распутства и облечися в ризу покаяния; прочь с шарманкою и канарейкой, возьмите в руки молитвенник. Снимите из кута распятие, завешенное крепом, и поставите его наместо зеркала.

– Если туда идет дело, то лучше будет вам замолчати; ни одного слова больше, – возразила она.

– Так ничего не стоят мои слова?

– И чего бы стояли?

– Чего, вот я вам по точкам счислю: ни одним мужским сапогам не позвольте переступити порог ваш, разве с честным намерением; трубочный дым пусть не коптит стен вашей комнаты, тогда на всякий случай исчезнут те орудия, развешанныя побок зеркала. Поставите правилом в своем доме: «Кто после 9-го часа нощи требует свечи, тот пусть зажжет перст свой!»

– Слова ваши, отец святой, очень прекрасны, – улыбнулась развратница, – но, простите, что скажут на них еще другие. Авдотья, Зинаида, Елена! Подите-ка сюда.

На зов тот спешно вринулись из боковой комнатки две румяныя девушки. Оне наверно подслушивали наш разговор. Третья почему-то не появилась.

– Повторите, отец святой, еще раз ваш монолог, – заговорила с насмешкою Моника.

В мне кипела досада в виду такого нахальства и вызывающей иронии. Кровь хлынула мне в голову, очі помрачилися... Вынув наскоро из-под полы плаща большое распятие Спасителя, скочил на стол и начал:

– Вы – исчадие змеино! Узнаете ли сего? Едва ли. Вот Он, котораго вы ежедневно развратом вашим к кресту припинали. Подумали ли, что то значит – распинати Создателя своего? Убойтеся, ибо Он сам когда-то появится на облаках небесных с великою силою и славою – вас судити. Трепещите, поелику предстанете Его судилищу. Неужели и тогда станете пред ним скалити зубы, когда услышите страшный приговор: «Идите от мене проклятыи в огонь вечный!». Когда услышите отчаянный глас: «Горы, обрушьтеся на нас»... Молю вас, припомните себе тот страшный час, вступите в себя и покайтеся. Вот Он, оставлю его у вас, не возьму с собою. Тут пусть всегда будет – пред очами вашими. Но прежде, чем бы он постоянное жилище занял под вашею кровлею, нужно, чтоб прежде очистил тот вертеп разврата, как иногда плетью Иерусалимский храм...

С тем скочил я со стола, погнался на зеркало и в мгновении разбил его палкою на дребезги; и завесил вместо него свой крест.

– Вот вам зеркало! Пусть заберет дидко[15] и скрипки ваши, – разбил и скрипки. – И то еще принадлежит к вещам торговцев и менял иерусалимскаго храма, – указал на шкаф с разною посудою стекляною, который тоже опрокинул и с тем направился к дверям.

– Прейс-курант (árjegyzék) вышлется вам, отец святый! – крикнула за мною Моника, когда я уже на дворе был.

«Ну, высылай здорово свои счеты убытков, солодкая, – подумал я себе, убираясь восвояси. – Невозможно, чтоб все-таки не подействовали мои слова, если уж не в тебе, то, по крайней мере, в одной из дочерей твоих». Оглянулся и вот вижу третью девушку, кажется Елену, не появившуюся на зов матери. Она тоскливо поглядывала за мною. Так чувствовал себя теперь, не иначе Давид, возвращаясь с бою, поразив Голиафа.

8-10 дней спустя после того события, когда я с утром занимался в моем цветнике и совершенно не думал на свои похождения в «Водоеме», сразу представился мне какой-то человек и доручил какую-то записку, об принятии коей требовал расписку. «Мне же за доставку, – говорил, – уплатите 36 крейцаров». Я посяг в карман, выдал требуемую таксу, а на предложенной бумаге подписал имя свое. Рассыльщик (Amtsdiener)[16] убрался. На позывной записке стояло: «От ц. к. Амту Н. Н. Преподобному Отцу Н. Н. в Н. В силу закона воззываетеся представити свою личность 29-го тек. м. 9-го утреннаго часа в Бецирк-амт[17]. Штраус, вр. адъюнкт».

«Хорошо, появимся», – подумал я себе, не зная почему и из-за чего.

Приспело время 29-го июня наконец, и я рано утром прямо к городку N. направил стопы свои. Городок Н. – обыкновенное провинциальное местечко, с корчмою на окраине его, куда почти каждый из наших сельчан должен вникнути для залития червака. У меня, надо признатися не чванясь, в обычае, посетив новую местность, прежде всего рассмотрети ея достопримечательности – памятник, курган, храм или чего угодно другое. Тут не было другой знаменитости как старинный, деревянный храм; и я вшел в него. «Думаю, хорошо будет помолитися Богу».

В церкви была гробовая тишина. Пономарь, ударив в колокол к обедни, куда-то вышел[18]. Я счел удобным передатися духовным размыш-

15 **Дидко** (из *русин.* «дідко») – чёрт, леший (*зазначка вшорителя* – В. П.).

16 **Amtsdiener** (*німецьк.*) – державный урядник авадь урядник суда (*зазначка вшорителя* – В. П.).

17 **Bezirksamt** (*німецьк.*) – окресова державна установа (*зазначка вшорителя* – В. П.).

18 В орігіналі было «уйшел». Видав, причинов хыбного написаня было не в ушиткому доброй знатя автором російського языка (*зазначка вшорителя* – В. П.).

лениям. Сразу[19] где-то сбоку послышался шорох, придавленное воздыхание и густый шепот молитвы.

У предверии храма, сбоку, была часовня, дверцы которой не были плотно приперты. Оттуда послышался молитвенный голос, я прислушался и вот слышу внятно слова, читаемыя из Евангелия Марка (XV 1.).

«Немедленно поутру первосвященники со старейшинами и книжниками, и весь совет, сделав приговор, связали Иисуса, повели и предали Пилату. Пилат спросил Его: Ты ли царь Иудейский? Он сказал в ответ ему: Ты говоришь. И первосвященники обвиняли его во многом. Пилат же опять спросил Его: Что же Ты ничего не отвечаешь? Видишь, сколь много на Тебя обвинений. Но Иисус все ничего не отвечал, так что Пилат дивился».

Настала пауза, чтение перестало. Но по хвили снова послышался стенательный голос:

– О, Иисусе мой, что мне делати? Мне тебя суду представити? Ведь я христианка, а не какие-нибудь жиды. Не пуще ли я Иуды и спиры воинской, связавших тебя и представивших лжесудьям. О Господи, прости мне.

Тут ударили во все колокола к обедни, голос из часовни утих и появился литургизующий священник; я посмотрел на часы, было уже 8 $^{1}/_{2}$, и ушел появитися в присутствие[20] к назначенному 9. часу.

Подойдя к зданию амта, встречаюсь с выходящею из присутственнаго места девушкою, закутанною в широкий платок; гляжу попристальнее, вот кого увидел – Елену, дочь Моники.

Чего бы она тут искала?

Вошел внутрь. Было тут довольно людей с разнородными требованиями. Моя очередь еще не приспела. Наконец озвался вызывающий, торжественный голос адъюнкта:

– Н. Н., душепастырь из Ч….го прихода, на лицо ли?

– Вот, я тут, ваше благородие!

***

– Вы обвинены, что грубым, непристойным образом ворвалися в мирный дом обывательки «Водоема» и там бесчеловечны проказы наделали. А проказы те состояли в том, что разбили драгоценное зеркало, поломали гусли, перебили 12 графинов, 4 бутылки и 12 кубков богемскаго стекла. Признаете ли ся виновным?

---

19 В орігіналі было напечатаной так: «отразу» (*зазначка вшорителя* – В. П.).

20 **Присутствие** (*російськ.*) – курта форма од «присутственное место» – державна установа, уряд, устав (*зазначка вшорителя* – В. П.).

– Признаюсь.

На такий категорический ответ судья встал, понюхал табаку из своей табакерки, подошел к мне под самый нос и стал солити мне:

– Ну, что то означает? Возможно ли, чтоб вы настолько позабыли об своем характере? Были ли пьян либо ошалели? Об одном пролетарии можно б, пожалуй, подобное и предположити, но об одном священнике? Вторгнутися в беззащитный мирный домик, наподобие разбойника, и там свирепствовати… к чему то подобно? Вам бы быти примером кротости и воздержания, а вы… Вот и corpus delicti[21]. – С тем побиг[22] в смежною комнату и вынес мое распятие Спасителя, которое я было повесил на стене в «Водоеме».

Дело закончилось наконец тем, что меня очень чувствительно вымыли, велели уплатити штрафу 75 гульд. $93^{1}/_{2}$ крейцара, выдали распятие и счастливо отпустили.

На счастье, у меня были тогда деньги, что не всегда бывает. Признатися надобно, что, с одной стороны, я стыдился своего порыва в «Водоеме», но, с другой, рад был, что так легко отделался, а главным образом, что получил вспять свое распятие, бывавшее на суде[23].

– Осанна, Тебе, Спасителю мой! – воскликнул я, вынося свое сокровище из амта. – Вот я, вторый Иосиф от Аримафея[24]. По подобию того я выменил тебя и несу на спокой. Идем! Идем!

С тем поцеловал распятие, высоко держа, нес по улице городка с каким-то триумфальным шествием.

---

21 **Corpus delicti** (*лат.*) – склад злочина (*зазначка вшорителя* – В. П.).

22 **Побиг** – автор выхосновав русинське слово «побіг» наміcто російського «побежал»; иде за не в ушиткому доброй знатя автором російського языка (*зазначка вшорителя* – В. П.).

23 У сёму контексті фраза **«распятие, бывавшее на суде»** выкликує асоціації из судом Іисуса Христа, ёго роспятям и далшим изнятям из креста (*зазначка вшорителя* – В. П.).

24 **Іосиф од Арімафея**, авадь Ёсиф Арімафейськый – біблійна постава, поважна особа в Іудеї, ученик и послідователь (скрытый) Іисуса. Він тіло Іисуса зняв из креста и пак поховав го у своїв гробниці (*зазначка вшорителя* – В. П.).

ЭКЗЕКУТОР

Рассказ из угрорусской народной жизни

Чем я провинился, что попал в экзекуторы[1] и не полез выше? Конечно, я охотно был бы вицишпаном[2], а даже и министром. Удобнее было бы протягиваться в мягком бархатном кресле, чем волочиться по селам и слушать нарекания и плач чернорабочаго жительства. Часто слеза покатится с очей, когда придется *ex officio* выдернуть из-под головы подушку хворому крестьянину за недоимку податей. Я тогда отворачиваюсь и притворяюсь, будто хочу чихнуть. Но все-таки я привожу закон в исполнение – экзеквую, так как это моя печальная служба. Не делай я, сделает другой, а тогда, пожалуй, хватайся попрошайничества.

Бог мне свидетель – горький такой хлеб. Но что же делать – кто жить хочет, тот нуждается в хлебе.

Многих случаев был я свидетелем, и то очень печальных, но ни один не был столь трогателен, как в Иршавке, куда меня выслали по делам службы.

Скверная была погода. Метель бушевала во всю силу, обсыпая нас облаками густого снега. Ни извозчик, ни я не знали дороги. Лошади фыркали, а мадьяр-извозчик не скупился на ругань: «Оз оняд-терремтейшет![3] Гей, везёш, вьё!». Я закутался в свою волчуру и ожидал кончины света. Не знаю отчего, но я стал теперь размышлять, что если бы Богу угодно было теперь приостановить течение дел в сем мире, то я непременно попал бы в компанию осуждённых в ад, так как в моем экзекуторском странствовании бедные люди посылали мне всегда чёрта в проводники. Я невольно связывал эти пожелания бедняков с нынешним моим путешествием,

---

1 «**Экзекутор»**, по мадьярски «*végrehajtó*», от 70-х годов доныне презренная личность в обществе, в некотором роде «отребье», подобное ветхозаветному мытарю. Описуемая сцена произошла в Угорской Руси, в русском селении Иршавка, угорского комитата. Рассказ списан со слов самого экзекутора (*зазначка А. Кралицкого*).

2 **Viceispán, alispán** (*мадяр.*) **–** управитель комитата, вроде галицкаго старосты (*зазначка А. Кралицкого*).

3 **Оз оняд-терремтейшет!** = Az anyád teremtését! (*мадяр.*) – До чортовой матери! (*зазначка вшорителя* – В. П.).

поистине волчьим, – да и волка было бы жаль. Местами бричка по оси западала в смешанную с снегом полузамерзлую грязь. Я считал то особою милостью Божьею, что мы с извозчиком и лошадьми не пропали в пути. Одночасовый путь мы совершили в четырех часах, и было уже с полудня, когда с бедой приплелись в Иршавку. Тут я никогда еще не бывал. Это было мое первое путешествие в окрестность Иршавки. Первым моим делом было разглядеться вокруг себя. Иршавка представилась мне большим селом, строения были в большом размере, пространныя, но в какомто залишенном виде, на что указывали непобеленныя стены, оборванныя крыши. Все свидетельствовало, что в Иршавке не ладом дела стоят; казалось, что нынче село оплакивает прежнее свое благосостояние. Что в других местностях служило украшением, а именно церковь, то и она в Иршавке печально скривила купол, будто бы стыдилась своей нищеты.

Между тем моя повозка повернула в сторону и остановилась среди пространнаго подворья. Это была сельская гостиница, корчма. Как раз кстати. Проклятое путешествие, четырехчасовая тряска измучила меня порядком. Дело не шутка. Желудок стал говорить за себя. К счастью, у жида нашлось кушанье. После обеда я немного отдохнул. Когда я проснулся, в комнату вступил какой-то мужик и сказал, что он сельский биров[4]. Жалко выглядел этот биров. Сгорбленный, тщедушный, донельзя оборванный, он производил крайне удручающее впечатление. На его челе житейския заботы вырезали глубокия морщины. На его вид сердце сжималось от сострадания. А между тем он был моим товарищем по чину. Я попросил его садиться. Познакомившись ближе и переговорив об обыденных вещах, мы решили, что через час трем нашим единокровным братьям, неповинно попавшим в крайнюю бедность, дадим «от имени закона» в руки палицу нищих и пустим на все четыре ветры.

– Ради Бога, любезный биров! Скажите мне, отчего в селе такая бедность?

Никогда не забуду этого печальнаго взора, каким посмотрел на меня биров.

– Так вы хотели бы узнать?

Когда я потвердил, что рад бы знать ближе причины такой бедности, так как я «пришлец во Израиле» в этой окрестности, он начал рассказывать.

– Видите, любезный господин! Не было всегда так в нашем селе. Знали мы и лучшие дни. И мы ели – а то еще не столь давно – пшеничный хлеб, да и не нужно было его орошать слезою...

4 **Biró** (*мадяр.*) – старшина, войт (*зазначка А. Кралицкого*).

Тут слезы горохом покатились из его впалых очей.

– Десять лет тому назад здесь не было нищаго, подобно как ныне нет ни одного зажиточнаго. В хорошую погоду видели бы вы, господин, наши горы, сплошь да рядом обсажены благородною лозою винограда, которая давала нам золото. Бог, кажется, избыточным видел наше благосостояние или мы над меру его прогневили... довольно, что послал на нас маленькаго червячка, что его ученые люди называют «филоксерою»[5] – и он наделал нам много зла, истребил наши виноградники...

Но чтоб долго не разводиться, не стану подробно рассказывать, как мы ото дня на день беднели. Но и это еще не все. Присбирали мы столько, что в продолжение нескольких лет с бедой пополам могли проводить жизнь, пока бы не привезли, говорят из Америки, такой лозы, которой не трогает проклятый червячёк. Нас, однако, разорила «порция» (подать) и разные налоги, которыми нас стали угнетать и которым не было конца-меры. Мы – русской веры, православные христиане. Радостью и утешением нашим была наша церковь, когда еще лучше нам жилось. Ныне и в церковь не можем пойти. И то не потому, господин, будто бы оскудело наше благочестие или ослабла наша вера. Нет! Мы не можем, нам не свободно войти в церковь, так как «склепование» валится. С тех пор, как дьяковаго хлопца убил камень, сорвавшийся с потолка, церковь закрыта. Таким образом, и Господа Бога навестить не можем, чтоб хоть Ему открыть нашу горечь.

– Ну, а патрон или отец духовный не могут помочь и потолок исправить? Ведь это – небольшое дело.

– Обое бедны, господин, очень бедны. Патроном приходится наша громада (сельская община), ничего не имеющая, а священник наш, жаль, благий человек, но тоже бедак. С нами вместе терпит от недостатка. И коблины[6] своей не может собрать. Да, пробовал, делал все, просил, рассылал письма. Везде только обещали, но ничего не дали; наконец, сжалился владыка и прислал несколько сот гульденов. И так, хотя останемся нищими, то, по крайней мере, приведем в лад церковь, чтоб было где Бога молить. Вот и вся наша печальная история... Но теперь пора, идем! Если не будем точны, то ещё пеню наложат, разумеется, только на меня...

Обтерши кулаком очі, биров взял шапку и пошёл вперед, я же, собрав свои бумаги, следовал за ним.

Мы вскоре вошли в крестьянскую хату, стоявшую при дороге. Изба была пространна, но совсем пуста. Нищета глядела из стен, из скамеек,

---

5 **Філоксера**; *зоолог.* Phylloxera vastatrix (*зазначка вшорителя* – В. П.).

6 **Коблина** – мера збожа, взносимая прихожанами (*зазначка А. Кралицкого*).

из печи, а тут следовало экзеквовать (грабить) за недоимки! Что тут брать «от имени закона»? Жалкий хозяин повел нас в смежную комнату и молча указал в угол. Там лежала больная женщина, хозяйка. Изголовья под ней не было, только солома, но она была прикрыта теплой периною.

– Вот, это одно можно бы забрать, – сказал биров, указывая на перину.

– Но я этого не беру, – почти крикнул я, взволнованный виденным и своею тяжелою обязанностью. – Сколько числится за вами недоимки?

– Прошу, семнадцать гульденов и 32 крайцары.

– Сколько! Знайте, тут я не экзекутор. Прощайте!

Когда я вышел на двор, я чуствовал, как мне сердце сжималось от жалости над бедным народом. Я возненавидел свой хлеб и решился отказаться от должности экзекутора. Возвратившись домой, я погасил из своего кармана недоимки трех должников. Упоминаю о том не для хвальбы, но потому, что за то меня Бог благословил. Вскоре после того я был избран в писари громады Забой, женился, имею семью, но за целый свет не стал бы экзекутором. Не дай Бог!

ЖИТЕЙСКІЯ ДРЯЗГИ.

I. Возня съ запрещеннымъ табакомъ.

Разсказъ изъ угрорусской народной жизни.

Написалъ Ив. Ходь.

До 1850-го года чаще произносились самодовольныя слова: extra Hungariam non est vita, aut si est vita — non est ita. Люди не знали ничего про монополь и финансовыхъ стражниковъ или, короче сказавъ, „финансовъ.“ Крестьяне производили табакъ (dohany), какъ нынѣ производятъ капусту или рѣпу. Крестьянинъ, бывало, нагрузитъ полный возъ связковъ чистѣйшаго, своего производства, „догану“, и везетъ въ ближайшій городъ на продажу, какъ зерновый хлѣбъ. Тутъ, на рынкѣ, разстилаетъ рогожу, накладываетъ гору связковъ благовоннаго табаку и преспокойно продаетъ по неслыханной дешевизнѣ.

Съ 1850-го года все измѣнилось; введенъ монополь, запрещено свободное винокуреніе, а табакъ сталъ продаваться въ трафикахъ. Но съ такими порядками никакъ не могли помириться двое крестьянъ: русскій, Василь Зозуля и мадьяръ, Андрашъ Ласловъ. Они жили въ сосѣднихъ селахъ близь Унгвара и знались отдавна. Зозуля жилъ на концѣ села, въ хижинѣ, крытой соломою и прозванной односельчанами „воробьевымъ гнѣздомъ“. За это Зозуля не сердился, особенно, если у него хватало набивать трубку „дѣвственнымъ“ табакомъ, а не купленнымъ въ трафикѣ у жида, вонючимъ.

Однажды сошелся Зозуля съ Ласловымъ на серединской ярмаркѣ. Они поступили въ гостиницу, порядкомъ откушали жаркой „свѣжины,“ попробовали хорошаго серединского винца и долго перешептывались.

ЖИТЕЙСКИЯ ДРЯЗГИ

I

Возня с запрещенным табаком

Рассказ из угро-русской народной жизни

До 1850-го года чаще произносились самодовольныя слова: «Extra Hungariam non est vita, aut si est vita – non est ita»[1]. Люди не знали ничего про монополь и финансовых стражников или, короче сказав, «финансов». Крестьяне производили табак (dohany), как ныне производят капусту или репу. Крестьянин, бывало, нагрузит полный воз связков чистейшаго, своего производства «догану» и везет в ближайший город на продажу, как зерновый хлеб. Тут, на рынке, расстилает рогожу, накладывает гору связков благовоннаго табаку и преспокойно продает по неслыханной дешевизне.

С 1850-го года все изменилось; введен монополь, запрещено свободное винокурение, а табак стал продаваться в трафиках. Но с такими порядками никак не могли помириться двое крестьян: русский Василь Зозуля и мадьяр Андраш Ласлов. Они жили в соседних селах близь Унгвара и знались отдавна. Зозуля жил на конце села, в хижине, крытой соломою и прозванной односельчанами «воробьёвым гнездом». За это Зозуля не сердился, особенно, если у него хватало набивать трубку «девственным» табаком, а не купленным в трафике у жида, вонючим.

Однажды сошелся Зозуля с Ласловым на середнянской ярмарке. Они поступили в гостиницу, порядком откушали жаркой «свежины», попробовали хорошаго середнянского винца и долго перешептывались.

Через три-четыре дня, ночью, кто-то бережно постучался в окно «воробьеваго гнезда». Зозуля и не спросил, кто это, а отнял задвижку кухонной двери, молча впустил запоздалаго гостя, Андраша Ласлова, выкресал огня и зажег каганец.

– Вот, притащил, – отозвался Ласлов с таинственностью, переводя дух от утомления и сбросив с плечей тяжелую ношу.

---

1 **Extra Hungariam non est vita, aut si est vita – non est ita** (*лат.*) – За границями Мадярщины житя ніт, але кедь бы и было, то се не житя (*зазначка вшорителя* – В. П.).

– Хорошо, баратом (друг), но если схватят, что тогда?

– Не схватят. Кто же бы? Никому и не приснится, что ты торгуешь табаком.

– Ну, попробую.

– Одна треть денег твоя, а мне дашь две третины. Ниже 25 кр. не спускай за фунт. Радше беру назад.

Для проверки доброкачественности табаку они набили трубки и закурили. Рано утром, еще затемна, приятели расстались.

Жене Зозули не нравилась, однако, вся эта «кумедия».

– Смотри, человек, – сказала она вещим голосом, – в беду ввалишь дом. Боюсь, что из-за этого дела пойдем по миру, за милостыней. Хорошо знаешь, что «финанс» не шутит; содрет и шкуру и не поможет нам никакая просьба.

– Ну, перестань, баба, не понимаешь ты ничего, – отрезал Зозуля.

И баба перестала увещевать.

Миновало винобранье и наш Зозуля ялся новаго промысла: взвалил на плечи мех с «доганом» и пустился в путь.

Принукивает он по дороге знакомых, предлагает им табак по дешевой цене, но все напрасно; никто не купует, всякому своя шкура дорога. Бедному и «трафика» пригодится, когда «девственнаго» нельзя закурить. Зозуля хотел уже плюнуть на всю затею и воротиться домой, как навстречу попался ему еврей Хаим и пригласил его к себе в корчму «заморить червяка». Зозуля не [отказался][2] от того. Почему бы нет? Вступил Зозуля в корчму, а еврей ведет его в отдельную комнатку, подмигивает глазами и говорит:

– У вас есть доган?

– Угадали.

– По чем продаете?

– По тридцати крайцаров за фунт.

– Так и видеть его не хочу.

– Ну, а скольку вы даете?

– По двадцати.

– Так и я не стану его показывать.

– Ну, ну, пусть увижу, авось прибавлю.

– Вот он. Такой, как золото, а пахнет, как фиалка.

– Знаете ли что? Дам 23.

– Нет, не дам ниже 30.

Торговались с полчаса. Жид давал уже 25 $^{1}/_{2}$ кр., но Зозуля заупря-

2 У квадратных скобках додали сьме слово, котре там хыбит подля смысла (*зазначка вшорителя* – В. П.).

мился, взял мешок на плечи и хотел уже выйти, как «нечистый» подшепнул ему спросить жида:

– Не знаете ли, у кого можно бы продать мой товар? Надоело таскаться с ним.

У жида сверкнула искра злорадства и лукавства в очах.

– Смотрите, видите этот большой дом, выбеленный нажелто? Туда поверните – там наверно сбудете товар.

– Благодарю вас за добрый совет, – сказал наш Зозуля и скорым ходом направился к указанному дому. Войдя в сени, он постучал в первую попавшуюся дверь, отворил и... чуть не упал от неожиданности и страха. Это была канцелярия финансеров, которые, сидя за столами, что-то писали. Зозуля смекнул, куда его лукавый жид послал, и, простояв несколько мгновений с раскрытым ртом и глазами, пустился бежать. Но финансеры заметили его и догнали уже при воротах.

– Не правда ли, табак продаёшь? – спросил его комиссар. – А еще к нам принёс. Ха, ха, ха! Ну, теперь говори, кто ты и откуда?

– Не знаю, – простонал Зозуля.

– Хорошо, не знаешь – догадаешься в аресте.

– Ой, молю вас, не губите меня! Это тот негодяй Хаим послал меня сюда. Не по своей же воле забрел я между вас.

– Хаим! Этот лихвярь, вор?

– Да, да, он сам, прошу покорно. Я его нонукивал купить табак, но мы не сошлись в цене и он меня сюда послал.

Комиссар задумался и сказал:

– Дурак ты! Больно поплатишься, если впредь появишься с запрещенным табаком. Теперь бери мешок, неси его назад к Хаиму и продай ему за бесценок, но продай непременно. Понял?

– Так оно значит, чтоб я нес опять доган к жиду и продал за что-нибудь? Понял, понял, прошу покорно. Но позвольте несколько отдохнуть тут в сенях, ибо от роду я так не вспотел, как теперь.

Через четверть часа Зозуля был у жида.

– Там не продал догану. Вот он, нринес назад, – сказал он по наущению финансеров.

– Вероятно, «их» дома не было, – улыбнулся Хаим. – Ну, дадите за 24 крайцары?

– Чёрт возьми весь доган на свете! Берите.

Жид свесил табак, уплатил и вынес товар на чердак, затирая руки от удовольствия по причине «гешефта». Зозуля же ног не чувствовал под собой, удирая домой.

Не далеко он мог уйти, как к Хаиму явились финансеры.

– Сделаем обыск. У вас спрятан контрабандный товар, – заявили они строго.

– Прошу, протестую, не позволяю, пожалуюсь начальнику комитата, пойду к самому министру! – восклицал жид, то краснея, то бледнея.

Но ничего не помогло. Мех с табаком был найден и Хаим через неделю уплатил 340 гульденов кары и сверх того потерял право продавать дозволенный табак.

Зозуля, придя домой, слег в постель и в лихорадке пролежал три дня. Когда ему стало легче, он сказала жене:

– Бабо, в моем кармане есть 8 гульд. 19 кр. Эти 19 кр. мои, а остальное отдай Ласлову Андрашу, как только придет. Но если бы он еще раз пришёл, то гони его метлою.

II

На мукачевской ярмарке

Очерк из угро-русской народной жизни

Митер Кепич был довольно богатый хозяин в Лучках. У него были два «телека» (telek – грунт) да виноградник на глоговской горе. Пахал он двумя плугами, заволочивал своими же лошадьми. Он придерживался известной поговорки: «Чтобы лиха не знати, треба на своей земле та еще своими волами орати». Весною возил он на трех-четырех возах продавать кукурузу и брал за нее порядочное количество разноцветных бумажек. Чаще всего водились у него «синенькия», с заманчивым заглавием «tiz forint» (десять гульденов); долгов же он и из виду не знавал.

Однажды в позднюю осень отправился Митер с полною мошною в соседний город Мукачево, чтобы закупить все нужное под зиму. Было при нем наличными 120 золотых. Обыкновенно останавливался он в гостинице «Az hálho» («Под рыбой») – тут же возле моста на реке Латорице, но так как в этот день была большая ярмарка и вышеупомянутый постоялый двор битком был набит приезжими, то хотя-нехотя принужден был наш герой искать помещения в другом дворе – «Az nyulko» («Под зайцем»), где хозяйничал какой-то пройдоха-шваб.

Позавтракав плотно захваченными из дома припасами, шолдрою (sódar – шинка, окорок) и копченой колбасою и завершив все это своим же «некрещенным» винцом, встал наш крестьянин в полном самодовольствии из-за стола и собрался идти за делами. Ему нужно было купить дойную корову и всякую хозяйскую мелочь; но так как скотный

торг начинался только с полудня, он решил все мелкия покупки покончить перед обедом, чтоб после уже иметь свободную голову при покупке коровы. Он заказал себе у шваба «Под зайцем» обед и, чтобы не потерять где-нибудь денег, передал ему же на хранение на несколько часов 100 гульд., оставив себе всего 20 гульд.; так делал он всегда прежде в гостинице «Под рыбой». Шваб с готовностью согласился и при нем же спрятал деньги под замок.

Митер Кепич, накупив всего, чего ему нужно было, возвратился точно к обеду «Под зайца». Отобедав, стал он собираться на ярмарку скота за город и потребовал возврата своих 100 гульденов.

– Каких это 100 гульд.? – спросил нахально шваб.

– Ну, тех, которые я передал вам утром на переховок через несколько часов.

– Я не получил от вас никаких денег; вы вот еще даже за обед не уплатили. Чистая напасть!

– Ну, ну, не озорничайте, так как у меня – вот вам Бог – времени нету ни минутки. Должен торопиться на ярмарку. Давайте скорее деньги, вы вот сюда их спрятали!

– Я не получил от вас ничего. Кто видел? Скажите, кто видел? – придирался шваб с обиженным видом к оторопевшему крестьянину.

Напрасны были уверения нашего Митра, бесполезны всякия просьбы, ругань, даже зловещие жесты мускулистаго кулака – шваб оставался непреклонен.

Расправа[3] приняла вид комический. «Заяц» (владелец гостиницы) необинуясь позвал двух своих слуг-силачей и приказал вибросить Митра на улицу.

Это приключение довольно неприятно поразило нашего героя. Он, богач, славный газда (господарь) в Лучках, а тут такая обида, да еще к тому потеря денег.

В таком неотрадном положении встретился ему на улице кум-односельчанин, которому он и рассказал всю свою беду.

– Беда, кум, признать надо, велика ваша «кумедия». Не пустое дело – одна сотка; но что ж, я моим мужицким умом не пособлю вашей утрате, а знаю я тут одного хитраго «фишкаруша» (fisculis, стряпчий), который называется доктор Шипс; если тот не поможет беде – пропала сотка...

Попавший в недолю человек чуток на хороший совет. И наш Кепич с кумом побрели прямо к хитрому адвокату Шипсу. Тут рассказал он все подробно, а тот, выслушав терпеливо, спросил:

---

3 **Расправа**, фактично «росправа» (*діалект.*) – бесіда, дебаты (*зазначка вшорителя* – В. П.).

– Есть ли у вас другая еще сотка?

– У меня нет, а вот есть здесь у кума, надеюсь, что ссудит на короткое время. – Тот согласился.

– Теперь слушайте, – продолжал стряпчий, – сделайте все точно так, как я говорю вам. Идите вместе с кумом как свидетелем оба снова к «Зайцу» и попросите его опять, чтобы до вечера припрятал эту другую сотку. А после приходите обратно. Поняли?

– Благодарствуйте! – «Заяц» выпучил глаза от изумления и не верил ушам, что этот, ним же обворованный человек, снова приходит к нему с доверием. Не делая никакого возражения, принял он деньги опять на хранение. И расстались.

Возвратясь к адвокату, доложили, что все сделано по его велению.

– Теперь идите вы, Митре, снова к «Зайцу», но только один, понимаете, один, а кум между тем останется у меня, и просите от него свою сотку. Когда получите, приходите сюда.

Обманутый человек так и сделал. Хозяин гостиницы выдал сотку без прекословия. Получив гроши, наш крестьянин возвратился к своему благодетелю, который так действовал дальше:

– Вы теперь получили те деньги, которыя дали «Зайцу» на хранение в четыре очи, наедине без свидетеля; теперь идите уже оба с кумом и требуйте от него ту сотку, которую вы дали ему в присутствии кума как свидетеля. Поняли?

– Теперь уж совсем понял, – ответил радостно Митер.

Они отправились к «Зайцу» оба. Этот, увидев, что здесь делает рука иная, и взвесив последствия, могущия из сего произойти, молча выдал деньги.

А Кепич, запив предварительно дело с добрым кумом, пошел на ярмарку покупать дойную корову.

III

На берегсаской ярмарке

Рассказ из угро-русской народной жизни

По случаю петропавловской ярмарки в Берегсасе[4] мясники из окрестности, торгующие изделиями из свиного мяса, заблаговременно собра-

4 **Берегсас** (*мадяр.* Beregszasz) – комитатский, столичный город русских, живущих в окрестности Мукачева в Угорщине (*зазначка* А. Кралицкого**).**

лись со своими припасами: ветчиною (уженною), колбасами, окороками (шинками) и прочим лакомством и разместились в шатрах на рынке возле католическаго костела. Но Андрей Чайкош, местный богатый мясник, не уступил им, прихожим, первенства. Так водится это сыздавна, что богатые занимают первыя места.

Была пора жнив. Толпа верховинцев (карпатских горцев) от Верецких гор[5] пробиралась чрез город в затисския стороны к мадьярам, на заработки, чтобы зимой было чем прокормиться в жалких лачугах, спрятанных в суровых ущельях Карпат, где бедное русское население напрасно борется с климатическими условиями, где колос никогда не созревает. Нужно спускаться в долину реки Тисы и там, на плодородных полях мадьяр, прижать для себя 15–16 долю копны.

Эту толпу голодных верховинцев волна ярмарочнаго, суетливаго народа как-то нечаянно причалила к шатру нашего мясника, который, засучив рукава рубашки, отрезывал и отвешивал покупателям свежину. Верховинцы остановились перед шатром, как вкопанные и, выпучив глаза, жадно смотрели на лоснящияся, вкусныя лакомства, которых им не приходилося отведать и в Пасху. Стоя толпою, они запрудили приступ к шатру для покупателей.

Чайкош и его жена Эржа (Елисавета), уплывая в довольстве, выглядали здоровенно и жирно; но при всем богатстве на них не почивало Божье благословение: у них не было ни детей, на близкой родни. Люди поговаривали, что Чайкоши от того бездетны, что бессердечны, а другие утверждали, что они потому бессердечны, что бездетны, хотя сам мясник не был человек без сердца. Не то Эржа.

Увидив верховинцев, Эржа выбегла из шатра и разразилась на них бранью:

– Ах вы, оборванцы, бобыли! Чего шляетесь здесь и мешаете купцам? Прочь с дороги!

И бедные верховинцы, как на команду, повернулись и молча поплелись дальше, сопровождаемые насмешками уличных зевак. Вскоре они выбрались из города и пошли по дороге, ведущей возле пространной площади, на которой отбывалась ярмарка на скот.

К толпе странников, идущих за Тису, присоединились две бедныя крестьянки. Одна из них несла маленькую девочку на руках и, не могучи поспеть за прочими, отстала со своей ношей позади. Вдруг раздался крик: «Лови, держи!» Крики относились к паре всполошенных коней,

5 **Верецкие горы** – теріторії довкола Верецького перелаза (*зазначка вшорителя* – В. П.).

мчавшихся по дороге во всю прыть – и прямо на бедную крестьянку с девочкой. Идущие впереди верховинцы посторонились, но крестьянка не успела сойти с дороги. Взбешенныя лошади сбили ее с ног, а одна так ударила копытом в голову, что несчастная тут же умерла. Но девочка какими-то чудом отлетала при падении матери в сторону и, кроме незначительных ушибов, осталась здоровою.

Мертвую понесли по распоряжепию властей в городской дом. Весть о злополучном приключении быстро разнеслась по городу. Вечерело, торг ослабевал и народ начал расходиться. Мясник Чайкош, узнав о несчастном случае, выразил сожаление к бедной покойнице, но его безчувственная половина снова разругалась.

– Вот так и надо подобным бродягам, сволочи. Шляются по белу свету, попрошайничают и еще общинной казне причиняют убыток расходами на похороны.

Чтобы немного развлечься после ярмарочнаго труда, Чайкош отправился в городской дом, где ему следовало за что-то расплатиться. Покончив дело, он не утерпел, чтобы не заглянуть в сарай, где любопытные толпою обступили труп убитой. На расстеленной соломе, одетая в лохмотье, лежала бедная верховинка. Загорелое лице отбивало белизною от запекшейся крови, вытекавшей из раны в голове, а полуоткрытые глаза смотрели неподвижно вверх. Одна рука судорожно прижимала дорожную сумку (торбу), а за другую ухватилась плачущая сирота и старалась поднять ее, как бы желая разбудить маму. Из толпы слышались голосы сожаления и вздохи – над несчастною ли матерью или еще более несчастною крошкою.

Увидев эту печальную, душу раздирающую картину, эту горько рыдающую трехлетнюю малютку, Чайкош дрогнул. В его черством сердце зашевелилось новое, доселе ему неведомое чувство. Он приступил ближе к малютке, погладил ее по головке, полез в карман, вынул оттуда 20-крайцаровую монету и в утешение подал девочке.

После ужина Чайкош накинул на себя шубу и, не взирая на поздний вечер, отправился к городскому дому, в общинное управление. Некоторое время спустя он воротился оттуда с худощавым русским верховинцем, отцом сиротки, который в пору трагическаго происшествия отлучился было и только под вечер узнал о постигшем его горе. Хозяева приняли верховинца радушно, посадили его за стол, предложили сытный ужин голодному человеку, поподчивали хорошим винцом и приступили к сделке.

– Баратом (друг)! – отозвался Чайкош к прибитому нуждою и горем русскому крестьянину, когда он, откушав, осенил себя крестным знамением. – Отступи нам девочку.

Верховинец посмотрел не то удивленно, не то испуганно на хозяев и не нашел ответа.

– Мы похороним на наш счет твою покойную жену, воспитаем девочку в довольстве…

– Дадим тебе на руку сто гульденов, – перебила Эржа.

Тяжело вздохнул бедный верховинец на такое предложение. Он еще не успокоился после смерти жены, а тут задают его сердцу новую рану – требуют от него единственную дочь и оставляют круглым сиротою. Он стал думать. Болит сердце, роспирает грудь, но, с другой стороны, пышные похороны покойницы, оставление у зажиточных людей малютки, к тому сотня гульденов, на которую покупит у Ивана Ливкача участок земли, назначенный на продажу за долги, – все это сообразил верховинец, вытер крупную слезу с очей и несмеливо, как бы совершая греховное дело, сказал:

– Я согласен.

Но мясник как человек бывалый и расчетливый не мог полагать на словесное согласие крестьянина. Он хотел иметь на бумаге удостоверение, что девочка его. Потому утром следующаго дня он взял крестьянина к нотариусу. В длинной речи представил Чайкош нотариусу суть дела и Ивана Владака – так писался верховинец, с которым он намерен заключить купчую (контракт) о передаче ему, Чайкошу, дочери.

– Такого акта я не составлю, – заявил нотариус.

– Почему?

– Потому, что людей нельзя покупать и продавать, как скот или товар.

– Уже вы, господин, извините, – возразил Чайкош: закон не определяет, что мне свободно купить, а чего нельзя; не запрещает и не приказывает закон и того, что если я что-нибудь куплю, то могу это вскрепить письменным актом.

Но нотариус стоял на своем. Чайкош с досадою оставил его контору и, пришедши домой, сказал к Ивану Владаку:

– Не удалось нам, земляк, составить письменный договор, так заключимте словесный, но крепкий. Присягните или поклянитесь, что от нашего соглашения никогда не отступите.

Владак поднял три перста правой руки вгору и поклялся, что свою дочь отступает в собственность Чайкошам и что данному слову никогда не изменит. После этого следовала обыкновенная у мадьяр попойка, так называемая «áldomás», похожая на жертвоприношение Бахусу-áldozás или языческое благословение.

Перед полуднем состоялись похороны верховинки. Жители города

были поражены пышною обстановкою похоронов. За гробом шел Иван Владак с дочерью на руках и рядом с ним чета Чайкош в печальном платье, а за ними толпа оборванных верховинцев, оставивших заработки, чтоб отдать последнюю прислугу землячке.

– Кой чёрт, – думали люди, – что из этих бсссердечных мясников сделались сразу милосердные самаритане?!

Солнце клонилось к закату, когда Чайкоши с Владаком возвратились домой. Мясник отсчитал на ладонь верховинцу сотню бумажек. Сей долго стоял в бсзмолвии, лишь капавшия из очей слезы свидетельствовали, что в его груди бушует тяжкая печаль. Девочка, не понимая ничего, прижалась к ногам отца. Он взял ее на руки и осыпал поцелуями. Он говорил ей что-то непонятное для хозяев, знавших лишь несколько русских слов, схваченных по ярмаркам, потом поставил ее на землю и, как бы благословляя, положил на головку проданнаго чада свои мозолистыя, черныя руки. Хозяева насилу сдерживали слезы, а когда Владак, прощаясь, молил их беречь малютку, Эржа всхлыпнула от жалости. Еще от двери вернулся отец, чтоб поцеловать свою кровь и, вышедши в сень, закрыл глаза руками и затрясся от судорожнаго плача, так как малютка не своим голосом завопила: «Няню, няню (тату)!»

Эржа засуетилась успокоить ребенка. То лакомствами, то игрушками она довела вскоре до того, что под вечер маленькая сиротка с доверчивою улыбкою прижималась к ней.

Как солодкими показались купчихе ласки ребенка! Доселе и собака не вертела перед нею хвостом, а теперь Бог дал ей дитя, которое льнет к ней с благодарною любовью. Приладивши для приемной дочери кроватку, Эржа уложила ее спать. Дитя, однако, стало прежде на колени, перекрестилось и тихо помолилось.

Ночный мрак и тишина водворились в доме мясника. Но хозяева не спали. Они чутко прислушивались ровному дыханию гостьи, изменившей их образ мыслей. До сих пор они помышляли только о деньгах, о наживе – теперь же их головы заняты были мыслями о малютке.

На другой день чуть свет Чайкоши отправились в лавку, оставив девочку на попечении служанки. К обеду новая мама принесли дочочке новое платьице, омыла ее, причесла и одела. Маришка (Марья) – так стали называть девочку по-мадьярски – до того занялась своим платьем, что не хотела идти к столу, на котором дымился вкусный обед. Наконец ее усадовили при отдельной тарелке и дали в руки ложку. Маришка однако нерешительно посматривала на Чайкошей и наконец положила ложку, перекрестилась и произнесла молитву на своем языке. Чайкоши,

кальвинисты, для которых молитва перед пищею не была в употреблении, молча переглянулись и призадумались.

После обеда купчиха стала на стул и начала рыться в громадном шкафе, наполненном разною рухлядью.

– За чем шаришь, жена? – спросил Чайкош.

– Ищу молитвослова, – ответила Эржа и вытащила пылью покрытую книжку.

С тех пор она часто перелистывала молитвослов, а по вечерам начала старательно обучать Маришку мадьярской грамоте, тем более, что девочка стала уже лепетать по-мадьярски. По воскресеньям Эржа водила девочку в местную греко-католическую церковь, в которой хотя она и называется русскою (orosz), все богослужение совершается на мадьярском языке. Потому сюда заходят на богослужение римокатолики и кальвинисты. Еще сорок лет тому назад все богослужение совершалось по-русски.

С прибытием девочки в дом Чайкошей у них все изменилось. Ругань и крики миновались. Не случалось, чтобы от дверей отходили нищие, не получив милостыни. Благосостояние постоянно увеличивалось и Чайкоши благословили свою приемную дочь.

Маришка росла, как тополь; через несколько лет стала цветущею девушкой. Чайкоши состарились и передали ведение хозяйства в руки Маришки.

По несколько раз в год попадались в Берегсас крестьяне из верховинскаго села, в котором жил отец Маришки. Они приносили ей поклоны от отца и рассказывали, как он тоскует по ней. Старые Чайкоши радо видели земляков Маришки, но, не понимая их речи, с трепетом ожидали их ухода, боясь, чтоб Маришка их не оставила и чтоб нежданно, нечаянно не свалился к ним, как снег на голову, Иван Владак и не сказал: «Вот вам ваша сотня – отдайте мою дочь!».

Между тем над Владаком пронеслась житейская буря: неурожай, падеж скота и разныя житейския дрязги. От горя и невзгод больше, чем от старости, голова его покрылась сединою. Он начал больше подумывать о смерти, чем о жизни. Однако перед смертью он считал своим долгом исполнить две задачи: пятнадцать лет он не молился на могиле своей жены и столько же лет не видел своей дочери. Кроме этого, у него перед смертью не было других желаний.

Одного осенняго вечера старый Чайкош, сидя на скамейке у ворот своего дома, задумчиво покуривал трубку. К нему приселась и жена и вязала чулки. Из избы разливался звонкий, прелестный голос Маришки, поющей мадьярскую рыбачью песню:

Az alföldön halász legeny vagyok én,
Tisza partján kis kunyhóban lakom én...

(В дальних странах я рыбак;
А на берегах Тисы малой лачуги я состою жителем).

Старики с любовным наслаждением прислушивались неизысканному народному напеву и не обратили внимания, что на стороне, под забором, прислушивается еще кто-то третий, сгорбленный, в ободранном крестьянском платье. Он стоял минутку неподвижно, наклонив голову в сторону дома, откуда лилась песня, и вдруг стал перед Чайкошами. У Чайкоша выпала трубка изо рта, а жена его точно остолбенела, ноги сдеревенели у нея и она не была в силе подняться со скамьи. Пред ними стоял Иван Владак. Немо переглянулись все трое. Никто не отважился первый заговорить. Наконец Чайкош, дрожа, прорвал молчание:

– Забыли вы, что ли, вашу клятву?

– Не забыл.

– Так почему вы пришли сюда?

– Не требую от вас дочери и говорить с нею даже не стану; только умоляю вас: позвольте увидеть ее хотя через забор, сквозь скважину у дверей. Могилу жены я пришёл навестить, ибо предчувствую близкую смерть. Дайте посмотреть старику-отцу на дочь. Будьте милосердны к бедному.

Эти слова до живого тронули хозяев. Чайкош собирался уже пригласить верховинца в избу, но в то время Маришка выбегла из хаты звать стариков к ужину. Увидев нищаго, Маришка остановилась и вдруг, воскликнув: «Няню, няню!», бросилась ему на шею и покрыла старческое, исхудалое лице отца поцелуями.

– Не гневитесь, родные, – обратилась после перваго порыва Маришка к своим приемным родителям, – что, кроме вас, люблю и моего отца. Я навсегда останусь вашею благодарною дочерью.

И Чайкоши не сердились, ибо старый Андрей, взявши Владака за руку, сказал:

– Брат, что ты дал мне с своею дочерью, то даю и тебе – любовь! Оставайся навсегда с нами.

Бобовищи, в феврале 1893 г.

ПЕРЕКЛАД
И
АДАПТАЦІЯ

Марина Грузъ.

Повѣсть.

(Переводъ изъ Словацкаго.)

Случилось это началомъ этого столѣтія, когда Марина Грузова вышла изъ своей родины, изъ милой жупы, гдѣ родятся тѣ красивыя дѣвушки — изъ Турца. Говорятъ, что Турецъ прекрасный огородъ, и такъ не чудо, что въ немъ вездѣ соловьи пѣсни отзываются, для того и славный Колларъ свою „Сиѣванку“ назвалъ Турчанкой. Весь Турецъ (Turóc) одно соловье гнѣздо. — Изъ этого то гнѣзда вылетѣла и Марина, чтобъ дати нижнимъ ровнинамъ мадьярскаго пѣвца*). Съ жальемъ и радостью разлучалася она съ своею родиной; съ жальемъ, поелику и найбѣднѣйшій край очень милый для насъ, если его называемъ своею родиной, и то тѣмъ болѣе, если

Андрей Себериніˈ
МАРІНА ГРУЗ

Повість
(Перевод из словацкаго)

I

Случилось ето[2] началом етого столітія, когда Маріна Грузова вышла из своєй родины, из милой жупы, гді родятся ті красивыя дівушки – из Турця. Говорят, что Турець – прекрасный огород, и так не чудо, что в нем везді соловьї пісні одзываются, для того и славный Коллар свою «Співанку» назвал Турчанкой. Весь Турець (Turóc) – одно соловьє гніздо. Из етого-то гнізда вылетіла и Маріна, чтоб дати нижнім ровнинам мадьярскаго півця[3]. С жальєм и радостью разлучалася она з своєю родиной; с жальєм,

---

1 **Андрей Себериніˈ** (1824–1895) – словацкый писатель, публиціста и літературный історик, депутат будапештського парламента, євангеличный священник. Родив ся у Маґловді (*мадяр.* Maglód, днесь Мадярщина). По смерти вітця (1832) єден рік жив у с. Анталовці Ужанськой жупы помежи тамошні словакы и русины. Ґімназіалні студії проходив у Єлшаві (Jelšava), Шаявском Ґемері (Šajavský Gemer), у ліцеях Банськой Щавниці (Banská Štiavnica) и Братіславы, де успішно здобыв діплом богослова (1845). Учіня скончив у Кечкеметі (*мадяр.* Kecskemét, днесь Мадярщина), де здобыв діплом правника (1846). Ищи у Банській Щавниці ся испознав из А. Петровичом (Ш. Петефі) и поступно став сімпатиком мадярськой національной ідеї. Мадярська революція 1848 рока застала го у рідному Маґловді, де своёв енерґіёв підпорив революцію. Дале одойшов до Пешта, де му Л. Кошут поручив редіґовати офіціалну новинку «Közlöny». У часы контрреволуції мусив ся прятати од новой влады на далекій періферії – ишов до вароша Бейкешчаба (*словац.* Békešská Čaba; *мадяр.* Békéscsaba) на юго-вотоку Угорського корольства. Служив там капланом, дале свящєником у сосідных Маковій (Makó) и Нодьлаку (*словацьк.* Nadlak; *мадяр.* Nagylak; *румун.* Nădlac). Десять років быв під надзором поліції. Од зачатку 1860-х років він ся прислужив твореню реґіоналного одділеня «Матіцы словацькой» у тому реґіоні – у Чанадській жупі. У 1878–1881 быв депутатом мадярського парламента. Умер у Нодьлаку. (Днесь варош є розділеный мадярсько-румунськов межиштатнов границёв).

2 **Ето** (из *російськ.* «это» – тото, ото, сесе (*зазначка вшорителя* – В. П.).

3 Маріна Груз была матерью славнаго мадьярскаго поета Александра Петевфі (Petőfi) (***зазначка А. Кралицького***).

поєлику[4] и найбіднійший край – очень милый для нас, єсли єго называєм своєю родиной, и то тім болієе, єсли он так прекрасен, как Турець; но и з радостью, відь шла к Дунаю, шла ко своєму стрыку. Уж и то знаніє утішало єё: что будет видіти Дунай и Пешт, что будет видіти своєго стрыка и у него будет жити. Когда вышла из дома, когда обозріла єще раз ті міста, в которых провела свої молоденькиє дни, запіла сладкозвучным голосом:

Подьме, милый, подьме преч,
Ту нас людя взали в реч;
Подьме, милый, к Дунаю
Кде нас людя не знаю.[5]

Но ничто не радовало так єя чуства, как слідующая пісньь, которую так часто выпівала:

Уста мі співаю, очі са мі смею,
Але од срдечка слзы са ми лею.

Нужно вспомнути, что наша Маріна з піснью вставала, з піснью ложилась спати – и в горю, и в радости єю занималась.

В двухчасовом расстоянії од Пешта начинаются бережки, днесь по большей части уже обнаженные, а тогда вінчанные дремучими лісами. У подошвы такого-то виноградниками усіяннаго бережка лежит чисто словенскоє селеніє Маґловд[6] – на берегі небольшаго поточка. На лівой стороні етого поточка, в самой середині селенія, стоит зданіє, при котором в зимный час слышится шум и крик молодаго поколінія. Кто бы не угадал, что ето школа! Тут учил, или лучше сказав, должен был учити містный господин учитель Груз. Ето было в середу послі полудня; школа была праздна, но наш господин учитель не любил праздность, а позаботился уже об том, чтоб, по крайней мірі, єго голова была полна. Тщетно, мы должны признати правду, что господин Груз не хотіл застыдити пословицу: cantores amant humores[7], а наймилійша пісньь єго была:

---

4 **Поєлику** (из *російськ. застаріл.* «поелику») – бо, зачим (*зазначка вшорителя* – В. П.).

5 Пісні передаєм по словацки (***зазначка А. Кралицького***).

6 **Маґловд** (*мадяр.* Maglód) – варош у централній части Мадярщины, медьє Пешт (*зазначка вшорителя* – В. П.).

7 **Cantores amant humores** (*латинськ.*) – співакы мають дяку пити (*зазначка вшорителя* – В. П.).

Каждый день, каждый день,
Ма са вінко піти,
Коліко, толіко
Маме са опіти.

А что больше, и єго вірная супругушка, госпожа учительша, всегда держала пред очами, что во всем должна быти вірной своєму мужу, и так она не токмо пила з своїм господином супругом, но и в юморі єго участвовала. Кто виноват в том, что сила – в вині ли она или в паленкі – отуманит голову и что отуманенная голова язык без міры двигает, так что из слова до слова – все больший и больший крик поднимается, далій повстанет спор, из спора – драка, которая значала свою почву находит в избі, послі при ретіровании[8] одной или другой стороны – на дворі, а кончится на улици. Увы, ето часто так приключалось и в маґловдской школі. Так было ето и в помянутую середу, когда вечером одна гожая дівушка вступила в дом господина учителя.

– Подожди, безбожник!

– Что? Я – безбожник? А ты – чортово мотовило!

Вот какия молодецкия выраженія раздавалися, когда помянутая дівушка вступила в школный двор и бояжливо сказала:

– Добраго вечера, пан стрык!

– Добраго вечера, – отвічал холодно учитель. – Кто ты такая, чего тебі надобно?

– Я – Маріна Грузова из Турця.

– Ах, ах, доч моєго брата Яна. Ну, видиш ли, дитя моє, вот мой крест, но неодолга сама убідишся: я ожидал тебя.

Послі драки слідовало большеє утішеніє. Маріну ввел пан стрык в избу, спрашивал, что за новость в Турці, как и з ким пришла? Немножко спустя кликнул на свою стару:

– Ну, ты и не привітствовала бы мою родную! Не шалій, принеси что-то к вечері. Дай донести вина!

Ето послідньє слово так подійствовало на Ребеку, что хотя и сердито, однако занялась ділом. Между тым, пан стрык зачал разговаривати з дівушкой. Но ета, смущенная неожиданным привітствієм, давала только порывістые ответы. Принесли їсти, и хотя была голодная, єй не была вкусна пища. Уложили єё в постель, и хотя была утомленная, сладкий сон однако не приходил єй на очі. Мысли єя літали далеко-далеко, даже до Турця. Плакала, молилась, как наконець около полуночи явился єй ангел сна, прикоснулся павлиным пером єя черных очей и она уснула.

8 В орігіналі было напечатаной так: «ретерированії». Видав, туй проскочила хыба, котру сьме выправили (*зазначка вшорителя* – В. П.).

II

Красивая ето жизнь на малой деревні, там ніт тайны, все зділаєтся явно в малый час. Кофейні, бесіды и различные клубы заміняются мельницей, выгоном (a legelőre hajtott marha gyűlhelye) и бойнею (mészárszék). Но и женушки, и дівушки іміют свої сходки, гді всі містныя происшествія раструбляются и перетрясываются: ето прачечныя міста и супрядки (fonóka). Об том, что приключилося в школі, разговаривали на всіх помянутых містах. Одні помахивали головами и бранили пана ректора, котораго уже больше раз напоминали, как скоро соблазны єго повторятся, должен будет одказаться своєй должности. Другіє же, которые сердились на него, угрожали єму и говоривали: ну, уж пришёл тот час, тот уже не будет больше сидіти при орґанах. Молодці и дівушки говорили о черноокой дівкі, которая пришла в школу. Не будем распространятися, только на кратко припомнем, что пан учитель Груз принужден был оставити свою должность. А Маріна? Ах, ета очень много притерпіла. «Я могла, – подумала она, – остатися там в Турці, хотя бы только каждаго другаго дня сухаго хліба кушала. Гді я бідная дінусь тут на чужині?». Она чей выляла была свою печаль во своїх жалобных піснях, чей изъявила была проникающим голосом чуство своєго осиротілаго сердця, но что сказал бы к тому пан стрый, что она выспівывает в опечаленном домі? Слезы текли из очей єя; ах, ето были горькия слезы, відь ими выливалося горе єя сердця. Задумчиво сиділа она в огороді возлі школы и так жалостно вздыхала, что и найтвердійшеє сердце было над ней заплакало.

– Не плач, дівушка, Бог благ!

Еті слова возбудили єё из жалостной задумчивости. Подняла головушку; и кого видит пред собой? Ето был містный пастор Михаил Мартіні.

– Я хорошо понімаю твоє печальноє положеніє, молодая доч, но и то знаю, что Господь Бог не оставит справедливых.

– Благодарю за милость, велебный пане, но гді я подіюсь?

– Не бойся, Маріна, я вижу, что ты здоровая, кріпкая, и так можеш служити на честном місті.

– С удовольствієм, з большим удовольствієм, извольте только рекомендовати меня.

– Ну, хорошо, од днеська імієш у меня службу.

Маріна з жаром поціловала руку господина пастора и неодолга перешла в приходский дом, который стоял на другой стороні поточка. Здісь будто бы знова родилась. Работала честно и совістно, и зуміла одъискати привязанность своїх господ. И не считали єё служанкою, а воспитанницей. Госпожа каждый раз посылала єё в бойню, так как ни один служащий не

приносил так хорошеє мясо. Но наймилійшая єя работа была идти с корзиной на поле и нажати травы коровам. Там она запіла себі по волі, так что милозвучный голос єя раздавался по всій долині. Каждый знал, что она поєт, єсли слышал пісньː

Жало дєвча жало траву,
Недалєко Темешвару,
Кедь нажало, повязало,
На шугайка заволало:

– Кде сі, шугай, душа моя,
Потребна є помощ твоя,
Помагай мі батог двигать,
В єдном доме сполу бывать.

– Я тут, Маріна, з большим удовольствієм помогу тебі подняти твою ношу (teher), а єсли Божья воля, то можем въєдно жити.

Нечаянно застигнутая Маріна не знала, з неба ли спал красивый молодець, стоящий пред нею. Опустила очі, но однако тайком глянула на молодця, котораго уже больше раз виділа в костелі и на улиці. Ето был честный молодець Самко Лані, мастер честнаго сапожницкаго ремесла. Благая душа, воспитанная во христіанском духі, удалаго чуства, жаль, что не окончил школы, был бы благородным паном, так как єго брат на Мораві. Білокурые волосы єго, зачесанные поза уши, окружали єго алыя лиця, словно роща розами увінчанный бережок, а ті чистыя сивыя очі одражали невинность нетронутаго сердця.

Блідоє личико Маріны покрасніло, будто бы єё карміном[9] натерли. Не знала, чего ділати: оставити ли єго и сказати: что мні діло до Вас? Но, увы, сердце шептало что-то иноє: ето тот самый, который везді кланяєтся мні, ето тот самый, з которым, єсли встрічусь, сердце забьєтся, как будто бы в чем-то провинила. Ніт, етого не зділаю, чтоб єму не зділалось дурно. В самом ділі, он нарочно шел етою дорогой. Наконець, немного спустя сказала:

– Благодарю Вас за вашу милость, но гді же Вы тут ходите?

– Тщетно, Маріна; я услышал голос и счел єго за соловій, я шел за голосом и нашел соловья в ангелском виді.

– Ну, того я однако не предполагала, что Вы высміваєте бідную дівушку.

– Ніт, Маріна, єй Богу ніт, з той минуты, как я тебя первый раз увиділ, у меня ніт покоя. Ты там нарисована в моєм сердці. Єсли ложуся спати,

9 **Кармін** – червене фарбиво (*зазначка вшорителя* – В. П.).

сон не приходит мні на очі, відь ты стоиш предо мной; єсли сомкну очі, тебя вижу во сні. Сли сажусь к работі, все идет на выворот – подошву пришию к голенищу. Маріна, ты должна быти моя!

Маріна не была приготовлена к такому признанію, не суміла сказати ни одного слова, и для того разговор кончился. Въєдно шли долой[10] по бережку, обоє молчали, но то молчаніє иміло великоє значеніє. Довольно того, что Маріна уже знала, что єё Самко любит; и хотя он не получил од ней никакого отвіта, однако з надеждою шел домой; відь кто молчит, тот согласен.

III

В одстоянії на один выстріл од школы, на том бережку поточка, на котором стоит и школа, находится бойня. На етот час был здісь мясницким помощником Штево[11] Петрович, родом из Новограда[12]. Красивый словенский[13] молодець. Он не был высокаго росту, но, как говорится, «набитый». Брови з волосами одной черной масти. А єсли нарядился в свой вышнурованный, серебряными пуговницями (gomb) украшенный жупан, то зділал хорошеє впечатлініє, не только на словенския, но и на сосідныя мадьярския дівушки. Віжливым не можем назвати єго. Мясницкоє ремесло уже з собой приносит, что люди, занимаясь суровостью – колотьєм, битьєм – и всегда находясь в соприкосновеніі з кровью, немножко затверділы и при найлучшем сердці обнаруживают извістную суровость. Но при всем том и он любил шутки, да иміл и веселость духа, особенно єсли бойкая дівушка вступила в бойню – не было конця издівкам (kötekedés), шуткам и сміху, даже часто позволил себі щипнути за личико. Но молодыя женушки и дівушки не обижались тим, даже считали природным ділом, что пан мясник позволяєт себі шутки; відь когда идут в бойню, не идут на похороны (погреб). Подобным образом зачал наш Штево и з Маріной, когда она з циновой тарелкой под пазухой вступила в бойню, чтоб по обыкновенію принести мяса на приходский дом.

---

10 **Долой** – долів, у долину (*зазначка вшорителя* – В. П.).

11 **Стефан** (***зазначка А. Кралицького***).

12 **Новоград** (*словац*. Novohrad) – історичный регіон Словакії, даколишный Новоградськый комітат Угорського корольства (*мадяр*. Nógrád vármegye) (*зазначка вшорителя* – В. П.).

13 **Словенский** (молодець) – то значит «словацькый (бетярь)». *Порівнай* из орігіналом А. Себеріні: «slovenská chlapina». Межи тым, дахто из изглядователів творчости Шандора Петефі пристає на сербськый етнічный корінь Петровича – вітця мадярського поета (*зазначка вшорителя* – В. П.).

– Извиніте[14], господин, на такия шутки не согласна, – отвічала Маріна и становилась в гордую позітуру.

– Извині, Маріна, – сказал Штево, – відь ето невинная шутка.

– Я люблю шутки, но пусть оні не обижают прилічіє.

– Ето нравится мні, Маріна; ты дівушка по моєму вкусу. Ах, не тщетно ты меня очаровала. Я давно вычитал из твоїх очей, что не повседневныя чуства волнуют твоє сердце. Извині, Маріна, єсли я обидил тебя. Вірь мні, что у меня самоє благородноє наміреніє. Дай ручку, помиримся.

Она не хотіла подати ручку, но Штево торжественно ступил пред неё и не терпіл, пока рука не была в рукі.

– Вот так, Бог мні свидітель, что ето рукобитіє будет завдатком нашего ближайшаго союза.

Маріна не понимала, ани не хотіла понимати еті слова а при етом вздыхала и думала о Самкі. Быти может, что завязался был и должайший разговор; но пришел один, пришла другая – и раздался клик: пан мясник, дайте нам мяса! Довольно того, что етого дня їли в приходском домі так вкусноє мясо, какоє до тых пор никогда; и так почтенно было наміряно, что и Маріні пал на долю значительный кусник.

Час шел за часом, приближался полудень и в бойні настала тишина. Но не было тихо в Штевовом сердці, там колесо мололо и так быстро вращалось, что кров пробігала по всім жилам. В голові шуміло, ничего не слышал и ничего не виділ. Самко Лані уже вторый раз кликнул на него: «Добраго дня!», а он не виділ єго, пока етот кріпко не ударил єго по плечу: «Дай пан Бог, братець» – и токмо тогда пришел в себя.

– Здраствуй, братець, – отвічал Штево, – но и ето не з полным сознанієм, так как мыслі єго літали далеко, и сам не знал куда. Немножко спустя удалось єму успокоитися и привітствовати друга.

– Бог принес тебя, Самко, в самом ділі, я задумался, будто бы меня вішати хотіли.

– Ну, а что за біда?

– Ничего, Самко мой, ничего. Но правда, літа идут за літами, пора бы зачати уж и мні на свою руку.

– И чим скоріє оженитися?

---

14 **Извиніть** – (из *російськ.* «извинить» – перебачити, одпустити (*зазначка вшорителя* – В. П.).

– Ну-ну, о том позже, преждє[15] – фару, потом – Марью[16], как обыкновенно говорят попы.

– Брат мой Штевко, у меня была бы уже фара, даст Бог, что и Марья будет.

– Помоги Бог, неужелі ты пришел звати меня на свадьбу?

– До того єще не дошло; но хочу посовітоватися з тобой, как з вірным другом.

– Меня не спрашивай, я сам себі не могу дати совіта!

– Однако чего скажеш? Я уж позволил себі – не знаю, что будет з того?

– Гді? Кого? Свободно ли узнати?

– Для чего ніт? Я не стану таити, однако угадай.

– Братець, не могу ни вообразити.

– Ну чего же ділати – скажу тебі: я выбрал Маріну.

– Которую Маріну? Когда? Как?

– Маріну Грузову, сродницю бывшаго пана ректора, которая теперь в приходском домі служит.

Кто испытал то чуство, когда в чорных облаках загремит и небесная стріла ударит возлі нас, тот может себі представити, что почуствовал Штево Петрович. Казалось єму, что оглух. Єдва мог привести в порядок свої мыслі. В первом жарі был готов порубати на кусники того, кто мыслит о Маріні. Усиловался быти хладнокровным, но то шло трудно. Одкрыти ли или не одкрыти, что и он любит Маріну, что о нєй тужит? Наконець, распалился и не мог задушити, что в нем кипіло, и з жаром произнес:

– З того не будет ничего, з того не будет ничего! Маріна – моя!

– Твоя? – отвічал изумленный Самко. – Твоя? Од коли? Дала тебі слово?

– Слова не дала, но дала руку, здісь, здісь на етом місті!

И один, и другой стал, как Лотова жена, и понимали[17] друг друга, и не понимали. Мурчал и один, и другой, но з того ни один не мог быти мудрым. Самко одошел; Штево остался дома; но того не узнают, как разошлися, подали ли друг другу руку и попращалися ли друг зо другом? Но то положительно знаєм, что в ту ноч ни один, ни другой не спали

15 **Преждє** (из *російськ.* «прежде») – переже, передтым (*зазначка вшорителя* – В. П.).

16 **Преждє – фару, потом – Марью** – порівнай из словацькым орігіналом А. Себеріні: «Najprv faru, potom Maru» (*зазначка вшорителя* – В. П.).

17 **Понимати** (из *російськ.* «понимать» – розуміти (*зазначка вшорителя* – В. П.).

покойно и что з тых пор не были уже такими довірными приятелями, как прежде.

IV

Мы в Пешті, года 1818. Од євангелическаго костела (но, разуміется, не од того на керепешской дорогі) к сіверу ведет долгая улиця, которую называли и называют кралевской. Єсли идем лівой стороной етой улиці, придем к кат. костелу, который з предмістом называют одним именем «Theresienkirche». Там, гді днесь стоит импозантный ряд великанских зданій, стоял одноетажный домик. Он составлял имініє приліжнаго мыловара по имени Карола Вейса из Рабы, супругою коєго была сенічанка из рода Подградских. Она как словянка[18] великоє значеніє давала тому, чтоб на службі у ней была словянка. Ето не было пристрастіє к народности, но, сказать правду, словенская прислуга всегда найвірнійша, найприліжнійша и найслужливійша. Здісь, в помянутом домі, находим нашу Маріну в службі. Как же она досталась сюда?

Семья Вейсов жила з господином пастором Мартіні в очень хороших, так сказати, дружественных одношеніях. У него учился діти словенскому языку: в ето время пештянская госпожа больше давала на словенщину, чим на мадьярщину. Как перемініваются времена! По єго рекомендації принимала она и служащих. Вот етім-то путем досталась Маріна в дом господина Вейса, и то тім болієе, ибо з господином пастором Мартіні зділалась великая переміна, поєлику перешел в Кіш-Кеврешь[19], а у Маріны не было охоты слідовати туда.

В Пешті отворился пред ней новый мир. Правда, в ето время Пешт єще не был так шумный город, как днесь, но однако и тогда было там уже довольно шуму и блеску, к чему не так легко привыкнет какой-то селянин. Значала все нравилось єй, відь каждаго человіка считала паном: ті различныя вывіски, ті переполненныя лавки, господския коляски, воскресныя увеселенія и, сказать правду, и лучший харч (koszt), так как пештскиє господа ни в чем не одказуют своєму желудку.

Но человік скоро насытится и самыми изысканными лакомствами. Так ето случилось и з Маріною; значала все занимало єё, но неодолга наскучало єй и місто, и вся барская жизнь. Собственно, одно обстоятель-

18 **Словянка** – мало бы быти (подля орігіналного текста) – «Словачка». Порівнай из орігіналом А. Себериніі: «Slovenka». Видав, А. Кралицькый нарочно замінив слово «Slovenka» на «Словянка» (*зазначка вшорителя* – В. П.).

19 **Кіш-Кеврешь** (*словац.* Malý Kereš авадь Kiškereš; *мадяр.* Kiskőrös) – варош у южній части Мадярщины, медьє Бач-Кішкун (*зазначка вшорителя* – В. П.).

ство не нравилось єй. Мы уже вспомнули об том, что Маріна любила піть пісні. Она хотіла піть и в Пешті, но то не шло, госпожа запретила єй. Єсли зачала піть свої милыя пісні, сей час сказали єй: відь ты не на селі. «Ах, Боже мой, Боже мой! – вздыхала она. – Тут в Пешті не слышать ни набожных, ни мирских пісень. Тут всяк бігаєт, будто насоленый, гандлюєт, купчит, будто бы всегда была ярмарка. Єй Богу, радостнійше носила бы я ті ноши з травою, єсли бы только могла себі запіть. Ніт, я не останусь здісь, пойду, куда ноги занесут меня, пойду, гді могу по воли запіть себі». Как подумала, так и зділала, и то тім болієт, ибо сердцю єя приказалося великоє горе, о котором сейчас заговорим.

Самко Лані оженился, а Маріна осталась без чепця! Когда услышала ету новость, великая кручина (szomorúság) пала на єя сердце. Было єй до плачу, но и слезы задеревіли в ней. Когда шла по улиці, каждый проходящий столкнулся з ней, відь только тіло ходило, а душа была хвора. Когда взяла в руки тарелку, та выпала єй из рук, відь руки єя оціпеніли (megmeredtek). Єсли кто-то заговорил к ней, не отвічала, відь єй шуміло в ушах, как тому, кто в горячкі. В день была така, будто бы єй что-то снилось, а в ночи сон не приходил на єя очі. «Вот такая то мужская любов! – думала Маріна. – Как скоро забыл о том, что говорил мні: “Ты там врізана в моє сердце, ты должна быти моєй!”». Правда, она о том ничего не знала, что случилось между Самком и Штевом.

Послі того знаменитого часа, когда Самко Лані одкрылся своєму другу, что намірен зділати Маріну другинею жизни, а послідный засвидітельствовал, что ето єму никак не нравится, первый много размышлял об етом ділі. Значала не мог здружитися з той мыслью, чтоб Маріна ощастливляла дни жизни другаго. Відь к ней привязывала єго не токмо любовь, но и то обстоятельство, что обіщал єй: ты должна быти моєй. А з другой части, удивлялся тому, для чего молчала Маріна? Для чего не объявила єму: я хочу быти твоєй? Очень много затрудняло єго и слово Штева: «дала мні руку». Єму казалось, что ето были обручины, хотя и не пред пастором, но пред Господом. Єсли буду настаивать на своєм, чей согласится; но не будет ли ето посліднеє заблужденіє пуще перваго? Кто знаєт, не любит ли Петровича? И не зділаєтся ли мні как жена невірной? А опечаленный Штево не подумаєт ли о мщенії во своєм сердці, відь любов сліпа: как был разъярился; быти может, что послі времені з жаждой крови обратится против меня. Подобныя мысли охладили кров Самка, к тому родители принуждали єго, чтоб чим скоріє оженился и, сказать правду, выбор сына и не был їм совсім по вкусу; наконець, Маріна одошла в Пешт, кто єё знаєт, не полюбила ли там другаго. Довольно того, что

Самко не пребывал в ідеалах любви и на совіт друзєй[20] оженился. Он не воображал, как страдала Маріна. На етом білом світі ничто не утішало єё. Тайная тоска (bú) утомляєт человіка, а єя тоска была тайная. Но и кому могла бы жаловатися? Єще и в піснях не могла изольяти болізненныя чуства своєго раненнаго сердця.

В самом том домі находилась другиня хозяйки – Катінка Кріжова[21] из Сеніцы[22], барышня в самом цвіті літ; к етой приблизилась она з довірієм, етой-то изъявила, что лежит єй на сердці, ету то просила, чтоб научила єё мелодії пісні «Лученьє, лученьє, вшак є то тяжка вец», что Катінка охотно и зділала, а кромі того написала єй и многія другія словенскія пісні, так как по мадьярски и одна не знала из них. Маріна перечитывала еті пісні, но увы, не могла себі по воли запіти.

– Успокоись, Маріна, – говаривала Катінка, – єсли Самко измінил тебі, то єсть у тебя єще мясник, відь ты узнала, что и етот не проч од тебя.

– Правда, не проч, – отвічала Маріна, – даже указался наклоннійшим ко мні, чим Самко; но етот поселился далеко на равнині, и я должна признать, что Самку дала слово. И Штево – тихая, благая душа, хороший и красивый собой, но... ах, ніт у него той віжливости.

– Тщетно, ты должна успокоитися, тому иначе не быть. Лані імієт уже жену.

– Ах, чего же ділать мні, єсли так опреділил Господь? Но знаєте ли что, Катінка, я не останусь здісь в Пешті.

– Гді же пойдеш?

– Знаєте ли, гді Асовд[23]?

– Не знаю.

– Ето городок недалеко од Пешта. Я слышала, что стоит на бережку, также как и Маґловд, и что вкруг него чащи и ліса. У меня там родные по стрыку, та и пойду. Знаєте, Катінка, здісь в Пешті я не могла бы остаться, я бы здісь умерла. Здісь каждый мятется, здісь человік не видит привітливаго лиця, здісь нельзя ани запіть. Но и ті божественныя службы не так благоговійны, как у нас или в Маґловді!

Так и зділано: как скоро выслужила Маріна год, оставила Пешт и переселилась в Асовд.

---

20 **Друзья** (*російськ*. «друзья») – цімборы, приятелі (*зазначка вшорителя* – В. П.).

21 Мать писателя етой повісти, на основанії рассказа которой она и написана (***зазначка А. Кралицького***).

22 **Сеніца** (*слов.* Senec, *мадяр.* Szenc) – варош у западній части Словакії, одстоит од Братіславы на 25 км (*зазначка вшорителя* – В. П.).

23 **Асовд** – *мадяр*. Aszód (*зазначка вшорителя* – В. П.).

V

Если выйдем чрез керепешския ворота, которыя находятся на сіверо-западной стороні Пешта, то очутимся на столбовой дорогі, которая ведет чрез Ракош[24], гді отцы наши держывали сеймы и выбрали Матяша в королі, мимо Цінкоты[25], той из-за великой галбы знаменитой деревни – к Керепешу[26]. Здісь зачинаєтся красивійшая окрестность. Правда, уж при Цінкоті и Чемері[27] видим виноградниками обсаженные бережки; но при Керепеші встрічаємся з чащами и лісами. В долинах, покрытых зеленою травой, текут тихо поточки. Сім-там одзываются дрозды и иныя птички. А чим ближайше приходим к Ґеделлеву[28], окрестность тім приятнійша.

Сам Ґеделлев невідомоє містечко, но очень двигаєт єго дворець Гражалковичей, з веселыми огородами, который в новійшеє время куплен для єго Величества, славно царствующаго нашего царя. Послі сего привітствуєт нас в веселой долині монастырь Бешеньєв, гді когда-то пребывал извістный історіоґраф Фесслер[29]. Напротив монастыря находится один из самых замічанія достойных звіринцев, в котором возможно было видіти по сто оленьєв и который принадлежит к Ґеделлевской домінії.

Здісь отворяєтся нам новая долина; в той долині стоит городок Асовд. На бережку стоят и хорошеє впечатлініє ділают на человіка три, один над другим, стоящіє дворцы рода Подманіцких.

И так мы уже в Асовді года 1819. А что нас довело сюда? Слідуєм за Маріною Грузовою, которая переселилась сюда. В самом ли ділі иміла она здісь зродников или только хорошим способом хотіла тут получити службу, иль насліпо повірилася своєй судьбі? То скрыто пред нами, но то положительно знаєм, что в помянутом году была она здісь. Только посмотрим, что там случилось!

Траву уж скосили, ячмень созрівал, и рож начинала желтіти, а кукурузы послі утреннєй росы освіживали, когда в Асовд прискакал на коні мужчина, у котораго была выкрученная труба, в которую порою затрубіл. Ето был почтальон из Баґу[30]. Должно знать, что в тот час почт не

---

24 **Ракош** – *мадяр*. Rákos-mező (*зазначка вшорителя* – В. П.).

25 **Цінкота** – *мадяр*. Cinkota (*зазначка вшорителя* – В. П.).

26 **Керепеш** – *мадяр*. Kerepes (*зазначка вшорителя* – В. П.).

27 **Чемер** – *мадяр*. Csömör (*зазначка вшорителя* – В. П.).

28 **Ґеделлев –** *мадяр*. Gödöllő (*зазначка вшорителя* – В. П.).

29 **Фесслер,** Ігнац Аврелій (1756–1839) – писатель, філолоґ, общественный діятель (*зазначка вшорителя* – В. П.).

30 **Баґ** – *мадяр*. Bag (*зазначка вшорителя* – В. П.).

было и в городках. Етот-то принес письмо и Маріні Грузовой, которая перебывала у Ґеорґія Воштяра. Не могла вообразить, од кого бы было ето письмо.

Она никогда в жизнь не получила письма. Взяла єго в руки, присматривалась – почерк был для ней незнаком, осмотріла печать: на ней была бычья голова. Наконець, з совіта пана Воштяра одкрыла письмо, в котором стояло:

Милая моя Маріна!

Как жаждет утомленный олень источника вод, так жаждет Тебя моє сердце. Не могу забыти твоїх чорных очей и благодарю асовдских мясников, з которыми я сошелся в Кечкемейті на ярмаркі и узнал од них, что Ты в Асовді и до сих пор свободна. Тому так и быти, відь Ты мні Богом сужена. Помниш ли, когда в маґловдской бойні нам рука в рукі была? Что случилось послі етого, не стану описывать; довольно того, что я в той мысли, будто Ты дала слово Самку Лані, не хотя ділати Вам преграды, собрался на равнину – з намірєнієм остановитися только у турецкой граници. Но человік рассуждаєт, а Господь Бог располагаєт. Здісь, в Сабадсалаші, нашел я хорошеє місто и, слава Господу Богу, барыш превосходен, так, что од Михаилова дня зачну в Кіш-Кевреші на свою руку. Самко Лані – слышал я – оженился; и благослови єго Бог, что Тебя не взял. Етім письмом объявляю я тебі, что я и до сих пор люблю Тебя и хочу тебя иміти другинею жизни. Одпиши, согласна ли и ты? Єсли да, то преждє Михаилова дня должны мы зъєдиниться, так как в тот день должен я перебрати Кіш-Кеврешскую бойню. Я совіщался и з паном пастором Мартіні, и он очень хвалит моє наміреніє. Ну, з Богом, моя милая Маріна! Пиши, чим скоріє пиши, ибо до тіх пор не буду иміть ни дня, ни ночи. Одказ не принимаю. Обнимаєт тебя и в дальности Тебя до смерти любящий

Штево Петрович.

Разныя чуства взбудило ето письмо в груді Маріны. Были то и радостныя, но и немножко повременить совітующия чуства. «Но нечего ділать! Відь дівичий вінець всегда не могу носити, – подумала она. – Год идет за годом, а уже приближаєтся 29-ый!». Написала письмо, в котором изъявила своє согласіє, запечатала оноє и одослала Штеву.

***

1819. года 19-го сентября был прекрасный осінный день. Небольшеє свадебноє шествіє шло в асовдский євангелический храм Божий, в который идут по лістницям, поєлику стоит на одном вершку; дорога обсажена кустиками (bokor). На челі етого шествія шагал Штево Петрович зо своєю Маріной. Лиця їх одражали радость и спокойствіє духа. В присутствії Ёсифа Шевна з супругою Марієй, Ґеорґія Воштяра и Юдіты Шанта совокупил и благословил їх містный господин пастор Даніїл Микулаш.

Етім событієм и должна бы быти окончена наша повість, но слідствіє єя єще не окончено. В Кіш-Кевреші, гді піл наш поет Жело[31], в небольшем, но внутрь хорошо устроєнном домі стояла колыбель, в етой-то колыбелі лежал 1-го января 1823. года родившийся младенець. При колыбелі сиділа мать, качала єё и піла то благоговійныя, то мирския словенския пісні. Ета блаженная мать єсть наша Маріна Грузова, родившаяся од отця Яна и матери Зузанны в Турці, которая была в восторгі од простонародных словенских пісень, что конечно могло іміти вліяніє и на єя плод. А етот младенець? Ето самый славнійший мадьярский поет Александр Петрович, который перемінил своє имя на «Petöfi».

Сколько матерей піли славянския[32] пісні над колыбелію своїх сынов, которые послі одказались своєй материнской річи?

В пештской мадьярско-євангелической метрикі находится:

Нр. 14. – 1849. года 21. дня м. марта умер и похоронен в Пешті Ёсифом Секачем Стефан Петевфі[33], родом из Новограда, мясник, 58. літній; немощ: тиф.

Нр. 20. – 1849. года 17. дня м. мая упокоилась и похоронена Ёсифом Секачем 18-го вдова Петевфі, рожденная Марія Груз из Турця, 58. літняя; немощ: желчовая горячка.

---

31 **Людовіт Желло** (Ľudovít Žello, 1809–1873) – словацькый поет добы будительства. Умер у Кіш-Кевреші (*зазначка вшорителя* – В. П.).

32 **Славянския** (пісні) – мало бы быти (подля орігіналного текста) – «словацкия (пісні)». *Порівнай* из орігіналом А. Себеріні: «slovenské piesne». Видав, А. Кралицькый нарочно замінив слово «slovenské» на «славянския» (*зазначка вшорителя* – В. П.).

33 Автор А. Себеріні нияк не выяснив у оповіданю, чом у смертній метриці прозвище вітця и матери мадярського проета Ш. Петефі написаной як «Петевфі» (не як «Петрович»). Видав, є то выдумка самого А. Себеріні (*зазначка вшорителя* – В. П.).

Послідняя поема Петевфі увіковічила смерть єго родителей; на похоронах своєй матери присутствовал и он сам, а на отцевских – ніт, ибо в помянутой поемі говорит он слідующим образом:

SZÜLEIM HALÁLÁRA

Végre megtörtént a
Rég várt viszontlátás!
Nincs köszönet benne,
Nincsen Istenáldás.
Láttam jó atyámat... vagy csak koporsóját,
Annak sem látszott ki csak az egyik széle,
Ezt is akkor láttam kinn a temetőben,
Midőn jó anyámat tettük le melléje.[34]

34 З*азначка вшорителя* В. П.: У товмаченю словацького поета Павола Орсаґа Гвєздослава тоты шорикы Шандора Петефі звучат атсяк :

Na smrť rodičov

Konečne raz shliadka
preočakávaná,
niet z nej útechy,
niet na nej požehnania.
Videl som si otca... či len rakvu jeho,
z tej tiež iba hrana bola ku dohľadku,
i tú v cmiteri som videl, vedľa neho
keď sme uložili dobrú moju matku.

Фельетонъ.

ЖЕЛѢЗНОЙ ВОЛИ ЧЕЛОВѢКЪ.

— Повѣсть изъ народной жизни, написанная послѣ Цшокке. —

I.

Въ началѣ нынѣшнагѡ столѣтїа два наши рѹсскїе ѹченики изъ шаришскагѡ комитата, назовемъ ихъ Богданомъ и Никономъ, проходили академическїй кѹрсъ въ г. Ѧгрѹ. Извѣстнѡ чтѡ тогда многѡ рѹсскихъ и словацкихъ стѹдентовъ кончили стѹдїа въ томъ прїютномъ городѣ. Два наши герои занимали ѡднѹ квартирѹ, жили вмѣстѣ и — спорили ѡ разныхъ вещахъ вдвоемъ. Однажды зашла междѹ ними рѣчь ѡбъ Рѹссѡ (Rou-seau,) извѣстномъ францѹзскомъ псевдѡ-философѣ, ѡзадачившемъ своими теорїами почти всю Европѹ. Дѣлѡ дрѹжеской распрѣ крѹжилось ѡколѡ богатства и нищеты. Богданъ настаивалъ на томъ проблематическомъ вопросѣ, чтѡ каковое жизненное влїанїе можетъ имѣти нищета или богатствѡ на дѹхъ ѡдногѡ женїальнагѡ и характернагѡ человѣка, — такъ на пр. чтѡ могъ бы былъ быти Рѹссѡ если бы былъ родился въ порфирѣ и надѣленъ богатствомъ? и пр., а Никонъ былъ противнагѡ мнѣ-

ЖЕЛІЗНОЙ ВОЛІ ЧЕЛОВІК

Повість из народной жизни, написанная послі Цшокке[1]

I.

Вначалі нынішняго столітія два наши русскиє ученики из Шарішскаго комітата, назовем їх Богданом и Ніконом, проходили академический курс в г. Ягру. Извістно, что тогда много русских и словацьких студентов кончили студія в том приютном[2] городі. Два наши герої занимали одну квартиру, жили вмісті и спорили о разных вещах вдвоём. Однажды зашла между ними річ об Руссо (Rousseau), извістном французском псевдофілософі, озадачившем своїми теоріями почти всю Європу. Діло дружеской распрі[3] кружилось около богатства и нищеты. Богдан настаивал на том проблематическом вопросі, что каковоє жизненноє вліяніє может иміти нищета или богатство на дух одного женіалнаго[4] и характернаго человіка, так на пр., что мог бы был быти Руссо [філозофом – В. П.][5], єсли бы был родился в порфирі и наділен богатством? и пр., а Нікон был противнаго мнінія. Он утверждал, что богатство и гроші не составляют блаженство человіка; что нужно для успокоєнія человіческих страстей и придавленія суєты возобновити спартанскиє обычаї; всякий человік да приобрітаєт себі нужноє к существованію земнаго своєго быта трудом и в поті чела; что мущині непристойна ніга и баловство; всякий гражданин да носит одежду простаго покроя и грубаго вещества, да жи-

---

1 **Цшокке, Генріх** (*нім.* Johann Heinrich Daniel Zschokke, 1771–1848) – німецькый и швайцарськый писатель, просвітитель-реформатор. Автор соціално-утопічных оповідань и повістей. Напримір, в оповіданю «Das Goldmacherdorf» (1817, «Село, де роблят золото») автор измалёвав, як під вплывом ідей просвітенства у селян росте чутя колектівізма (*зазначка вшорителя* – В. П.).

2 **Приютный** (из *російськ.*: «приютный» = утулный) – сесе стілістична грішка. Автор мав на гадці стілістичный одповідник у російськім языку «уютный» = вылагодный (*зазначка вшорителя* – В. П.).

3 **Распря** (из *російськ.*: «распря») – розопря (*зазначка вшорителя* – В. П.).

4 **Женіалный** (*застаріле*) – ґеніалный (*зазначка вшорителя* – В. П.).

5 У квадратных скобках додали сьме слово, котре там хыбит подля смысла (*зазначка вшорителя* – В. П.).

вет в скоромной хижині и питаєтся грубыми неизысканными брашнами; в моєм платоническом государстві убогіє пусть будут богачами и пр.

Таковый спор наших героєв бросаєт яркий світ на їх задушевныя убіжденія. Они расстались, пустившись всякий по стезі своєго земнаго поприща, не думая что єще когда-нибудь сойдутся. Богдан впослідствіі стался священіком в убогом приході бідной Пряшевской єпархії; Нікон пропал, как в воду. Никогда не было о нем слышно ничего.

Однаго разу[6] наш шаришский русский священик Богдан, по расчётам изученія мадярскаго языка, помимо Бардієва и Пряшева, лучшим счёл повезти своєго сына Аладáр-а в унґварскую ґімназію. Занимаясь тут по ділам наятія квартиры и вписанія сына в число ґімназістов, как-то случайно повстрічался на улиці з давным своїм знакомым Февронієм, состоявшим сельским нотарієм в одной деревні[7] на околицях В.-Михайловець. Добродушный нотарій пригласил своєго друга, тót-скаго священика, чтоб на возвратном пути в свої шаришския горы посітил єго в скромной деревні и погостил у него хоть одную сутку[8]. Наш Богдан согласился и приобіщал.

Было то однаго октябрскаго[9] посліполудня, когда колимага (тяжёлый воз з огромными драбинами) нашего о. Богдана тронулась из Унґвара. Было то 1866. года, когда єдва что основалось общество св. Василія Вел[икаго][10]. Наш о. Богдан как ревный русский патріот и сам присутствовал не только на засіданіях и конференціях новоосновавшагося общества, но и на банкеті народолюбцев в вадаш-керті[11]. Будучи од природы наділен темпераментом духовных корыстей, іміющих произойти од благодітельнаго вліянія на народноє образованіє залишеннаго в духовном и матеріалном одношенії нашего біднаго народа новаго общества, з всею мечтательностью передался в раздумію, как одразу насеред столбовой

---

6 В оріґіналі было напечатаной так: «Разу однаго». Видав, туй проскочила хыба, котру сьме выправили (*зазначка вшорителя* – В. П.).

7 **Деревня** (из *російськ*. «деревня») – село (*зазначка вшорителя* – В. П.).

8 **Сутка** (из *російськ*.: «сутки» = доба, день-ніч) – сесе стілістична грішка. Автор мав на гадці стілістичный одповідник у російськім языку «сутки», котрый ся хоснує лем у множині (*зазначка вшорителя* – В. П.).

9 **Октябрский** (из *російськ*. «октябрьский») – октовбровый (*зазначка вшорителя* – В. П.).

10 Первоє Общоє собраніє Общества св. Василія Великаго перебігло в Ужгороді 1. октовбра (подля старого стіла – 19. сектембра) 1866. рока (*зазначка вшорителя* – В. П.).

11 **Вадаш-керт** (*мадяр*. vadáskert) – годно быти, же иде за унґварську корчму «Vadáskert» («Ловецькый сад») (*зазначка вшорителя* – В. П.).

дороги, когда тяжёлый воз спускался з холма, коні всполошилися, стали похитати[12], колесо ударило о каменный придорожный столб и – рруп! – ось (tengely) переломилась... Біда, злізай, попе, з разломленнаго воза и помагай себі, как сам знаєш.

Говорит одная народная пословиця, что никогда не хвали сонце преждє єго заката. З самым довольнійшим расположенієм выбрался наш о. Богдан из Унґвара; а тут одразу малер[13]: возниця вышиб себі ногу, а у колимаги зломена ось, что тут теперь ділати? Ноч приближається, стаєт смеркати, а ты, бідный о. Богдан, карантеничай[14] в пыли[15] столбовой дороги (országút).

Теперь оставим наш способ повіствованія а заставим самаго о. Богдана рассказывати[16] о дальнійших своїх похожденіях…

***

– В сумракі позднаго вечера как-то по біді дотащился я з моєю рухлядью в недалекую деревню Р., гді, на щастьє, жил кузнець-циґанин. Я остановился в містной корчмі на ночлег и рано утром веліл пригласити кузнеця для починки своєй повозки. Оказалося, что кузнеця ніт, так как єще пред неділею он переселился в поблизкоє селеніє Гнівно.

– Єсть ли у вас хірург, который мог бы моєму кучеру (kocsis) направити ушибленую ногу?

Мні отвічали, что и того ніт, поєлику и он выселился в Гнівно.

– И что то за Гнівно, не гнівающеєся на людей, а скоріє привлекающеє їх к себі? – спросил я.

– То хорошая, взорцовая (mintaszerű) деревня, на расстоянії одного часа їзды одсюда.

– Почему же все, что лучшеє, туда стремит?

– Га, сударь, у того селенія єсть капризный или, лучше сказав, вполовину шальной сельский судія (helység bírája), который всякаго к себі манит; да єще задумал вывести своє село на степень города. Впрочем, он богач на широкую ногу, зато ужасно скуп и скряга. Правда, я

12 В орігіналі было напечатаной так: «похищати». Видав, туй проскочила хыба, котру сьме выправили (*зазначка вшорителя* – В. П.).

13 **Малер** – ґалиба, біда (*зазначка вшорителя* – В. П.).

14 **Карантеничати** (из *російськ.* «карантинничать») – то значит «быти на карантині» (*зазначка вшорителя* – В. П.).

15 **Пыль** (из *російськ.* «пыль») – порох (*зазначка вшорителя* – В. П.).

16 **Рассказывати** (из *російськ.* «рассказывать») – росповідати (*зазначка вшорителя* – В. П.).

честным єго человіком считаю, но все-таки не желал бы з ним іміти діла. Пусть между нами останется: он, сударь мой, совершенный дурак.

– Єсть ли в Гнівном заїздный дом?

– Непремінно. Єще лучше и поопрятніє нашего. Судья пристроил к нему чрез три года пред тым єще и баню (купель), которую очень громадно посіщают...

А так как в Гнівном все порядочноє – кузнець, хірург, гостинниця[17], купель – обрітається, а к тому оно только на 1 час їзды одсюда, то почему бы не посітити загадочную деревню. Dictum-factum[18], мы тронулися. Прекрасноє осінноє утро было, очень сприяющеє прогулькі піхотою.

II

ГНІВНО

Єдва на расстоянії ½ часовой їзды од деревні Р. путь вдруг принимает инный образ. Єго окаймляют з обіїх сторон плодовитыє деревья. Побочныя сіянія и нивы – одличны. Словно[19], околиця все больше стається интересною, а даже и трава кажется позеленіє и жирніє – как вдруг представляється очам нашим и самоє село Гнівно, з своїми разбросанными хижинами в тіні густых садов. Все селеніє подобно огромному анґлицкому парку. Посередині села стоит на холмі прибашенная церков, построєнная в вкусі візантійском. Приглянувшись ближе на панораму села, вскорі замітит путник, что так форма зодчества, как и вкус во всем не похожи на другия сосідския селенія.

– Відь вы, земляк, точно в раї живете! – замітил я одному старику, догонившему меня на пути и поровнявшемуся з мною. – Ваша околиця – настоящий огород.

– Слава Господа, в том ніт недостатка, – отвітил земледілець.

– Но почему построили Вы своє село так разбросанно, а не в порядкі, как другія селенія видим?

– Да, то очень плохо. За 15 годов погоріло наше село на пепел[20] и построили мы єго так, как стоит оно теперь, ибо так было веліно. Но плоше уж и зділати не могли. В воскресеніє двух четвертей надо, чтоб притащился в церков. То зимой для старых и дітей немалая задача...

---

17 **Гостинниця** (из *російськ.* «гостиница») – готел (*зазначка вшорителя* – В. П.).

18 **Dictum-factum** (*лат.*) – уповів – изробив (*зазначка вшорителя* – В. П.).

19 **Словно** – сесе стілістична грішка. Мало бы быти так: «словом» (*зазначка вшорителя* – В. П.).

20 **Пепел** (из *російськ.* «пепел») – попіл (*зазначка вшорителя* – В. П.).

Страшный пожар был тогда, лиш десять хижин осталося.

– Как выбух огонь?

– Бог єго знає! Говорят всяко. Многіє явно утверждают, что сам сельский судія поджег деревню, чтоб таким образом навести на нас нищету и біду; но тому я никогда не давал віры.

– Так ужасную провину и я не был бы в состоянії предположити об нем.

– Ах, господин, много у того человіка на счёті (rovás). Даже вы бы не повірили, во сколько поганскаго нрава и твердосердія тот человік... Сначала был он у нас сельским учителем, а когда запомогся, вывел діло туда, что мы принуждены были признати єго своїм деревенским начальником.

– Он – богач?

– Ніт сомнінія, пане, страшный богач; но и ужасный скряга; преждєчим выдаст из рук гроша, и десять разов єго пообзирает. Пуще живет, как послідній работник. А я даже полагаю, что у него ум не на своєм місті. Ибо когда придет на него шальный єго час, тогда готов бы гроші вон оболоком выметати. Вся єго радость в том, чтоб силою дєнєг[21] владіл нами.

Так жаловался старик, пока на одном місті не повернул на пішеходную стежку.

Могу сказати что рідко встрічал я столь романтическую, приятную околицю. Чтоб лучше разглянутись вокруг себя, присіл на один мохом порос[ну]тый камень в наміренії немножко оддохнути. Как щастливы бы могли быти обитателі сей покойной очаровательной долины! Но біс везді ділает пакости... На шею тых мирных хлібопашцев судьба навергла такого человіка, который упражняется над ними своїм своєволієм и огорчает мирную сельскую їх жизнь. Такия и подобныя мыслі сновалися в моєй голові, пока раскуривал свою трубку.

На распутьї повстрічался з старухою, которую и ословил.

– Ей, матушка! Куда к заїздному дому (vendégfogadó)?

– Лиш ідіте прямо тым путем, а там дальше поверніте наліво, вот там при церкви. Впрочем, корчмарка я сама.

– Ну ладно, добрі, что повстрічался з вами. Будет-ли у вас для меня на пару дней квартира, вмісті з бричкою и возницею?

– Ах, не пригодна моя харчевня для принятія таких господ. Потруднтесь заняти місто в гостинниці.

– Ну и гді же та гостинниця?

– Видите, сударь, там на вершині холма ту маленькую білую хижину? То дом сельскаго судії, а около него вбок тото великоє зданіє – то гостинниця для таких панов, как вы.

---

21 **Дєньгі** (из *російськ.* «деньги») – гроші (*зазначка вшорителя* – В. П.).

– Неужелі и тото великоє домище собственность судії?

– Ніт сомнінія, что єго.

– Разумієтся, что гостинниця та наводит вам, бабушка[22], ущерб в ваших доходах?

– Одгадали, сударь. З тых пор, как завладіл у нас барином судья, доходы мої знизились вполовину. Бог буди милосерд єго грішной душі, о многом придется давати єму отчёт[23] на том світі...

Из поблизкаго двора послышался різкий разговор. Старуха стала прислухиватися; нісколько разов покачнула головою и как-то, з ніким злорадством прищурив глаза, пробормотала: «Так треба Катрені». И удалилась.

Из помянутаго двора вышел опрятно одітый селянин з взволнованным лицем. За ним шла плачущая женщина и парень (suhanc).

– Вы прав, пане судія, – сказал парень. – Много разы напоминал я маму, а напрасно.

– Ну, ну! Діла могут взяти єще лучший оборот; ніт біды, – отвітил судія з чиновственною осанкою. – Теперь єще в послідный раз прощаю! – И з тым наш царик[24] села, судья, пустился дальше дорогою, ведущею к мні. Признаюся, что одъишла од меня вся охота повстрічатися з человіком, о котором од вчера столь много плохаго наслышался, который каждому лиш надоїдаєт.

III

Мы наконець встрітилися и привітствовали один другаго. То было на пішой стежкі. Он из віжливости пустил меня идти пред собою. Сначала разговор наш шёл об погоді, а з той поворотили на цвітущеє состояніє околицы. На всі мої запросы любый мой судья отвічал умно. Что сказал, то было кстаті, и употреблял в своєй річи избранныя слова. Я сейчас замітил в нем будничнаго человіка. На счёт почвы высказался, что она в єго селі містами плодородна, а містами худа – так, как-то бываєт и инде, єсть разность только в том, что тут старательніє обработывают єї, как инде. Всякий земледілець живет на середині своєго телека, и потому легче єму обділывати свой участок. Все то он з таким покойным и умным тоном[25] представлял, что мні ничего другаго не оставало, как удивлятися над

22 **Бабушка** (из *російськ.* «бабушка») – бабка, бабця (*зазначка вшорителя* – В. П.).

23 **Отчёт** (из *російськ.* «отчёт») – звіт (*зазначка вшорителя* – В. П.).

24 **Царик** – царёк, маленькый царь (*зазначка вшорителя* – В. П.).

25 В орігіналі было напечатаной так: «топом». Видав, туй проскочила хыба, котру сьме выправили (*зазначка вшорителя* – В. П.).

простым сельским бировом.

– Вот как прекрасныє луги! – замітил я.

– То настоящая глинянка, но мы удобряєм єї навозом, потому и должно родит траву. Ну, и у сосідняго села єсть довольно пространныя косниця, но сосіды – лінтяї и глупаки. Природа всюда єсть питательною матерью человічества, только в том біда, что человік не хочет понимати єй уставок и скоріє готов придерживатися закоренілых своїх пагубных привычек.

Сія замітка простаго сельскаго судьї привела меня в раздуміє. Я оборотился к нему и внимательно стал обсматривати земледілця, облеченнаго в грубую одежду и надівшаго на голову широкополую шляпу. Почернівшая од солнечнаго жара тварь єго выражала благородныє черты.

Сельский судья, перервав на короткоє время свої земледілческия замічанія, тоже смірил меня з пят до головы своїми чёрными, как смоль, глазами.

– Не Вы ли то Богдан? – спросил он о короткоє время.

– Точно, одгадали вы. Я – Богдан, – отвітил єму, приглянув[ши]ся єму єще попристальніє.

– Вот-вот! То ты ли тот худощавый тощий молодець? – сказал он мні, протягивая своя руку.

Я зразу чуждался пожати руку у того, не в добро прослывшагося человіка, думая, что неужели у него теперь припадок юродства. Но было уже поздно, он кріпко пожимал мою руку.

– Как толстый, широкоплечий мужчина стался из тебя! Что добраго ищеш ты в Гнівном, в том-то закутном селі, поворотив з «золотаго средняго пути», на котором, как кажется, нашел ты щастьє своє? Бог тебя принес! Не узнаєш ли меня? – И з тым стис меня в объятія свої.

Я не мог придти в себя од удивленія. «Гді-то и когда-то, должно быти, я повстрічался з ним», – подумал я себі и, позабыв на все слышанноє об нем доселі, приял єго привітствіє.

То был мой сошкольник, а слова єго о «золотом среднєм пути» были намеком (célzás) на когдашній студенческий спор.

Затым должен был я рассказати єму все, случившеєся з мною послі нашей училищной разлуки, причину, заставившую меня навістити Гнівно.

– Но каким же образом и ты забрел сюда? – спросил я єго.

– Я, брат, как видиш, простый земледілець и сего села судья.

– То правда, что чудак ты человік. При твоїх умственных дарованіях как мог ты одважитися погребстися в сем захолустьє? Сам ли ты того желал?

– Да, я сам того желал!

– З каких пор ты тут живеш?

– Од 19 годов.

– Раскажи-ка жизнь свою, стаєшся быти загадочным.

– Ну, погоди, позже. Вот зри, там под липою моя жена з семейством. Приходи, будем вмісті завтракати.

Подбираясь на холм по вьющейся дорогі, мы наконець остановилися под липою. Сиділа же под вітвями тінистаго дерева женщина, приблизительно 30-рочная. Она была возраста[26] высокаго, приятной наружности, з улыбающимся видом, хотя была одіта без всякой вычурности, или попросто, так само, как и муж єй. На руках у ней спал єдва полугодичный ребенок, а другий, двугодичный, забавлялся игрушками у ног єя, которыя подавал єму четырелітный брат єго. Збоку стояли два старшиє сыны, один 7. а другий 10-рочный, малчики[27], одіты, как и отець, в простую суконную (селянскаго покроя) одежду.

Судья рекомендовал меня своєй супругі, на твари которой показался небольшой румянець. Вскорі познакомился я и стал довірительным з тым семейством. Радушная хозяйка для завтрака предложила мні масло и молоко да чёрный, но вкусный хліб з необходимым кувшином студеной доброй водиці и червенаго вина. В Гнівном даже и слыху не было об паленкі. Та ідилическая простая жизнь мні очень понравилася. Все казалось предо мною сном. Простая жизнь – и неожиданная встріча з сошкольником как простым селянином между земледілческим людом, в совершенной замкнутости од образованнаго мира! З ним, котораго мы всегда женієм[28] и блестящей будущности молодцем держали... хотя уж и тогда виділся быти чудаком, но которое своєволіє мы считали скорше младенческим капризом... Но чтобы тот блестящей будущности юноша [стал – В. П.] наконець простым сельским головою (бировом), то никто и не думал.

Уже никак не мог я повірити, чтобы мой человік был столь закоренілым еґоістом, лукавым или жестокосердным, как гласила о нем молва. Но іміл причин довольно усомніватися на счёт єго мнимаго богатства, ибо мні было извістно, что происходил од родителей низкаго сословія; а потому одежда и способ жизни єго ничуть не одражали богача. «Навірно, он большой скупець», – подумал я себі и предположил короче познати чуднаго сего человіка.

---

26 **Возраст** (из *російськ.*: «возраст» = вік) – сесе стилёва грішка. Автор мав на гадці стилістичный одповідник у російськім языку «рост» = рост (*зазначка вшорителя* – В. П.).

27 **Малчик** (из *російськ.* «мальчик») – хлопець (*зазначка вшорителя* – В. П.).

28 **Женій** (*застаріле*) – ґеній (*зазначка вшорителя* – В. П.).

– В скромной моєй хижині не могу я тебі дати квартиры, но в гостинниці, тут недалеко, всю выгоду обрящеш. Я там пристроил к ней купель над источником сірной минералной воды. Избери себі саму лучшую комнату.

IV

Бричка моя была у кузнеця, а кучер – под опікою хірурґа. Три дні должен был я из-за него медлити; но ничего, для меня то не было в тяготу. Все, что виділ я у своєго бывшаго сошкольника, в высшей мірі інтересовало меня, а то тым болієе, что єжедневно иміл больше причин удостовіритися в том, что мало из смертных живет столь блаженно, как он. Хижина у него была не лучше другаго сосельчана; но стояла посреди огорода, окаймлена з всіх сторон цвітами и плодовитыми деревьями. В внутри єя самая строжайшая простота, чуть ли не нищета, но єще – строжайшая чистота. В переднєй избі, служащей собирательным пунктом всей семьї, мебель (bútor) состояла из двух столов яловых, лавок и стінных часов. Не лиш хозяин, но и єго жена спали на соломенных тюфяках (szalmazsák). Більє їх было из конопли, но білоє и чистоє, как сніг. Їли из черепяных и деревяных блюд. Кушали по преимуществу яденія из зеленины и плодов, а пили воду и молоко, а изрідка красноє (vörös) вино. Бывал у них я часто гостем, но из-за меня, по моєму же власному требованію, не одступалося в ничем од общаго правила. Їдла ті были вкусны, питательны и опрятно сервірованы. Укріпляющий суп (leves) мясный, легкая зеленина, жареная говядина, чёрный хліб и вода составляли обід. Мні казалось, что никогда я єще не кушал з таким апетітом. Ласковая хозяйка сиділа возлі меня з пятерыми своїми дітьми, а хозяин – на концу стола. Сей бывал всегда веселаго расположенія духа. Діти щебетали весело и їли з одличным апетітом. Радость и удовольствіє одражалось з твари всякаго. На самом ділі, был то божеский обід, и я немало досадовал над шутками хозяина, относящихся к убогой гостині.

Луксус замітил я только в рабочей комнаті хозяина. У окна стоял писчий столик и небольшая, но избранная колекція книг. На стіні – ґеоґрафическая карта. Комнатка сія служила вмісті и школою для єго дітей, ибо сам їх наставлял в первоначальных свідініях. В комнаті хозяйки обрітались ті самыя вещи, как у других женщин, но без извістных безділушек.

– Все то прекрасно, друг мой! Но избушка сія в короткоє время станется тісною для всего семейства. Надо к ней пристройки поділати, – сказал я єму.

– Ну, чрез 10 годов пусть... Малый в самом ділі храм нашего блажен-

ства, но пребывающеє в нем блаженство – велико. Бóльшим владієм, чим в чём нуждаємся.

– И доволен же ты поистині своїм положенієм?

– Огляни-ка мою семью. Как веселая, здоровая она тілом, а в здоровом тілі – здоровый дух. Вот моє королевство, моя республика, моє все. Жив я настоящею жизнью, а не міражными мечтами внішности, как многіє из вас в ваших чертогах. Тілесныя наши потребности удовлетворены, а радости обрітем и в тісных їх преділах. Правда, одділно живем од блестящей нужды європейскаго образованія, но не в разладі од лучшей части человічества. Я люблю прежде все Бога и єго природу, в которой Он на каждом шагу проявляється. А потому, видиш, сколько здісь у меня духовных сокровищ? – и з тым указал на свої книги.

Послі такаго ответа я нісколько смішался и пожал єму руку.

– Ты все єще мечтатель! – додал я.

Но все-таки чуствовал, что он прав. Знал я хорошо, что многораз встрічаємся в жизни з людьми, жертвующи внішности самоє существо жизни. Я одкровенно признался єму, что он прав! Но, з другой стороны, был и того мнінія, что приятель мой поворотил з пути будничной (mindennapi) жизни и образ єго сужденія не кстаті нынішнему віку и людям.

Я удивлялся єго усилію и наукі. Земледілець был он, но лиш до той степені, допоки того требовали єго потребности по домостроєнію; но больше затрудненій ділала єму судєйская єго должность, хотя и она была только побочным єго занятієм, ибо єжедневно были у него пару досужных (üres) часов, в коїх мог читати и писати. Двух старших сыновей сам воспитывал. Малчики уміли многому, ибо в всем, чему научитися хотіли, удовлетворительноє наставленіє получили. Всякоє дерево, куст (bokor), разныя травы, ископаємыя, находящияся в окрестности Гнівнаго, знали по їх техническим именам.

– Скажи-ка, пожалуй, что собственно привело тебя на сію околицю? – вопросил я єго послі небольшей павзы молчанія. – Відь з твоїми блестящими дарованіями больше б ты пользовал отечеству и народности в публичной жизни, чим исполняя должность сельскаго судьї в сем заброшенном уголкі края.

– Ну, уж єсли конечно хочеш знати, какая судьба меня сюда привела, расскажу тебі подробно, – отвічал Нікон.

V

– Спустя полгода послі твоєго одшествія, – начал Нікон своє жизнеописаніє, – и я оставил Я-скоє училище. З нісколько мідными грошами в кармані походил я вширь и вздовж од Нітры по Мараморош

всі дванадцять комітатов, обитаємых всплош словаками и русскими. По большей части странствовал я пішком; питался иногда только хлібом и водою, а ночевал часто в сараях и курных избах. Много, очень много пользует оное, хотя только ½ годичное путешествіе. Неодолго выдержал испыты з похвалою и получил небольшее чиновство без жалованія, чтоб, как говорити обыкли, нісколько притерся. Чрез два года хлопотал я об полученії стряпчейской службы в одном помістьї (urodalom), но мні отвічали, что я єще молод. «Хорошо! – подумал я, – то лиш такий недуг, который со дня на день исціляється временем». Спустя год вново искал службы. На что мні одно превосходительство сказало: «Відь вы належите к гонораціорам, почему не обращаєте большаго вниманія на одежду, почему не одіваєтесь поопрятніе?». На которое замічаніе я лиш то отвічал, что Єго превосходительство, кажется, доброй службы, а не вычурной ліврей требовати может. Разумієтся, что Превосходительство на такий ответ благосклонно изволило рассердитися – одвернутися и меня на леді лишити.

В то время велась долголітняя тяжба (per) между церковью моєго села и сосідным помістьєм над извістными землями. Правда казалась стояти по стороні послідняго. Нечаянно попал я в одном архиві на больше очень важных документов, которыми воспользовавшись, продолжал и выиграл процес в пользу церкви. Случайность та приобріла мні немалую славу на всей околиці; но службы все-таки єще не было; будущность моя не была єще забеспечена. Не из корыстелюбія и грошеманії искал я чиновства, но чтоб по силам приобрісти круг дійствія. Хотіл полезен быти; но все напрасно, всюда меня вылишили.

Снова принялся путешествовати, можно авось найду на другом місті. Три місяця скитал я ся сюда-туда, но поміщенія нигді не отыскал. Всюда лиш то отвічали: «можно з временем», «авось послі» и проч. «Кажется, люди не в своєм-то умі, – думал я сам про себя, – что так на сухо опровергают человіком, сулящим їм свої способности и труды». Уж рішился было з точки зрінія человічества и науки выбратись в Америку и там пожертвовати свої труды. Слово сталося ділом – и я к Америкі путь свой направил.

Утомлен, изнурен, одного вечера остановил я ся в грязной гостиниці одного маленькаго городка. Тут говорили мні, что в сосідней деревні упразднилось учительскоє місто. Жалованья єсть 50 зл., квартира, дрова и 3 юґера пахотной земли. Вдруг пробудилась в мні мысль: не конкуровати ли бы? Сельскоє учительство! Сколь возвышенноє званіе! Нельзя ли бы мні зділатись тут сельским реформатором и тысячу бідных людей благодітелем? Єсть поистині довольно поприща работати на почві віры, народности, моральности, отечестволюбія и земской економії. А жалованьє? Правда худоє, но мні пока довлієт.

Сталось. Я подал просьбу об полученії учительскаго поміщенія в Гнівном. Взяли под разбор мої свидітельства, гадали-думали много: назвали то скиталцем, то чернокнижником, аж наконець – приняли.

«Слышите, честный человіче! – сказал один член общиннаго совіта, – Вы получите учительство, но лиш на один пробный год, пока не удостовіримся в вашей честности». Довременноє наименованіє уж было в моїх руках, а містный священик Андрей Данко ввел меня в должность.

Ніт государя, который бы в завоёванную им державу з таким тріумфом входил, как я в Гнівно. Моє обиталище вызерало пуще разваливающагося хліва; стекла в окнах были, по большей части, наклеєны бумагою; комната была темна, неначе погреб, без пєчки[29] и замка на дверях. Школьная комната, в которой єжедневно собиралось около 70 дітей, была в найбольшем беспорядкі. Огородок возлі школы пороснут буряном; три югера не засіяны, а пороснуты бодяками. О, сколь много тут діла! Преп. о. Андрей Данко принял меня з серьёзною, чиновственною повагою, разныя полезныя наставленія дал и одного воскресенія офіціално пред народом ввел в чиновство учителя. Впрочем, мой началник был ревный в должностях человік.

Гнівно, новоє моє селеніє, было слишком убого и очень залишено. Ссоры и драки были на дневном порядкі. Жителі стенали под тяжестью пороков и долгов; были лінивы и неопрятны, землі обработывали плохо, а о скотоводстві ничуть не раділи. Найлучше ся жило между ними жидуарендатору, который мстился над людьми, не истрачевавшими у него свої дєньги, зерно и скот.

Уже самая внішность села, как то: длинный рад низких хижин, внутри їх нечистота, грубый и неловкий вид женщин, грубость и невоспитанность дітей, всіх їх изодранная и запачканная одежда – все то наглядно показывало, что сюда требуєтся енергіческий человік, ибо тут широкоє поприще к діланію одкрываєтся... Между тым я, заняв свою должность, чуть не прыгал з радости в своєй к разрушенію клонящейся квартирі. А так как школьных фондов никаких не было, я на собственных издержках починил окна, двері и своєручно побілил стіны, умыл пол (padlót), столы и лавки; купил полотно на кровать, наполнил постель свіжою соломою, вскопал огородок, насадил зелениною; поорал 3. юґеровый свой поземельный участок и засіял купленым зерном.

В короткоє время я совершенно приютился в своєм домишкі. Теперь уж и приходскоє жилище не было выгоднієе и приятніє моєго. Сельские жители лиш глаза таращили на все то.

---

29 **Пєчка** (из *російськ*. «печка») – пец, шпаргет (*зазначка вшорителя* – В. П.).

VI

Покончив з нужными для своєго удобства, ял я ся за діло з своїми ученіками. Сперву стал їх приучивати к тому, чтоб приходя и одходя всегда кланялися. Кто приходил не умыт, посылал к колодязю, рукам и ногам надо было чистым быти, как самой твари. По большей части приходили не чесаны. Я повеліл, чтоб впредь так больше не являлись пред моїми очми. Всюда сміялись мні. Но не сміялись з временем. Пришла очередь и на одежду. Тут уже самым повелінієм неможно было дати рады, всі бо діти ходили в изорваных лохмотьях, чему зразу нельзя было запобігчи; но однако успіл настолько, что одежда должна была быти чистою. В сем одношенії я назначил награжденіє тому, у кого она окажется найчище.

Старшина сельская в виду таких моїх реформ морщила брови, досадовала. Но я не уступал. Значала подобаєт человіка вынути из єго скотообразности, а так образовати. Діло дошло до того, что уж самі діти требовали од родителей чисто їх держати. Бывало, когда проходил селом, всі горнулись к мні и здалека привітствовали.

Много сплетнєй[30] кружилось по селу на счёт моєй щедроты и дароманії. Перваго года, правда, я больше раздал, чим стоило моє жалованьє 50 зл., что никак не вміщалось в голову селянам. Відь у них между всіми бідными чертами всего убоже был учитель; а теперь я, вмісто того, чтоб требовал подарков од дітей и їх родителей, сам наділял дітей. Причину чему никак не знали. Нікоторыє считали меня убігшим из тюрмы злодієм, конокрадом или авантюристом (kalandor), который, укрываясь пред світом, тут безопасно зажил... Но за меня в моє оправданіє говорили факты и, пожалуй, подарки.

Не в самохваленіє будь сказано, но должен я здісь и то замітити, что в началі моєго учительскаго дійствованія я разділил своїх учеников по класам и старших из них назначил наставниками молодших, чтоб ученіє шло успішніє. Слишком убогих дівушек наділил хлопком (pamut), ниткаами и иглами. То побудило зажиточнійших крестян к соревнованію, чтоб и їх діти не остались назаді. Таким образом ввел я в село искуство шитья. Одну убогую, но разуміющую шитью женщину спровадил я из сосіднаго городка, которая при ничтожном награжденії стала обучивати дівчонок шитью и вязанію чулков (harisnya). Помалу искоренилась изорванная и запачканная одежда дітей.

Кромі того, я нужным счёл обратити вниманіє своє и на прочую молодеж, чтоб одвести єї од неділнаго посіщеванія корчмы и устроиваємых

30 **Сплетня** (из *російськ.* «сплетня») – плет(ь)ка; клеп; (*зазначка вшорителя* – В. П.).

в ней плясок. Для того начал как бы особый курс, состоящий в рассказах из історії, фізики и єстествовідінія. Молодеж словно льнула к мні, а жид-арендатор чуть не збісился з їду. На щастьє, мої приверженцы заблаговремянно всегда донесли мні, какая молва кружит обо мні. Носилась тайная вість, распространяємая старухами, что будто я братаюсь з чортом, что, дескать, я чернокнижник; случалось иногда, что приходили к мні тайно, желая, чтоб їм гадал из карт и колдовал. Я, разумієтся, їх упрекал, образумливал, но понапрасну; оставались при своєм, что у меня дійствительно чорт.

Таким образом принужден был я увіритися, что з стариками ни к чему не прийду; потому все своє вниманіє обратил на молодеж. Она, брат, как глина в руках горчаря: что хочеш, можеш из ней зділати.

Под истеченієм 5. годов все-таки много совершил. В ту пору нашоє село одкупил какой-то барон Зебра. Он, проживая постоянно за границей, задумал было продати прекрасный свой ліс, так как больно нуждался в дєньгах. Но не было покупщика. Он сулил свой ліс моїм сельчанам, которыє, навыкши красти дрова из барскаго ліса, не соглашались купити ліс, ибо и дєнєг у них не было. Зная моє вліяніє, барон обратился к мні. Я призадумался над ділом и план вскорі был у меня готов. Ліс я покупил за 6000 золотых, занятых у знакомых и друзєй.

Все селеніє сміялось над моєю покупкою. Одні пожаловали меня дурнем, а другиє сплєтничали об огромных моїх богатствах, приносимых чортом, з которым будто я в союзі.

«Пусть сміются и клевечут! Я буду ділати своє». Вскорі нанял древорубальников и призвал знатока для варенія поташа (hamuzsír), потом построил каді[31], котлы, соорудил пєчку и стал рубити ліс и варити поташ. Учительство теперь уж я должен был передати другу моєму Онуфрієву, а сам поселился в лісі, гді построил себі хижину, чтоб непосредственно наблюдати над работниками.

Премудрыє хозяєва Гнівнаго лиш так исподлобья присматривались моїм рискованным предпринятіям. Что, вот, будет из всего того? Между тым зруб ліса шёл успішно. Под истеченієм однаго года нісколько сот юґеров пахотной земли было уж готово для употребленія. На поташ нашелся купець и платил дорого. Уже из самой половины поташа выплатил я ціну ліса и одсотки заимствованных дєнєг. На прорубанном голом місті начал я строити для себя дом, стайні и прочия хозяйственныя зданія; обзавелся скотом, одну часть земли поорал, а другую обратил на луги и прогоны. Варя поташ, я не пролишил и земледіліє.

31 **Кадь,** кадка (из *старогрецьк.* κάδιον, κάδος) – корыто (*зазначка вшорителя* – В. П.).

Однажды каналізируя свої млачныє луги, напал я на ключ (forrás) и желал было выкопати тут колодязь, но оказалось, что вода была мінеральная. Сей час зародился в моєй голові новый план. На нашей околиці не было єще мінеральной купелі. Посмотри, вот здісь видиш купельноє зданіє вмісті з гостинницею. Купель и гостинницю я дал в одкуп (аренду) честному человіку, а издержки помалу стали выплачиватися. Весь свой пространный поземелный участок разділил на парцелы, на каждой из таких выстроил дом и дал в аренду, но лиш ремесленикам, яких доселі на нашей околиці не находилось. В крошечной моєй республикі сам был законодателем.

VII

Между гостьми, посіщавшими мою новую купель, иногда встрічались и высокаго сана. Я коротко познакомился з ними. Єсли бы был нісколько напыщеніє одіт, то не было столь бросалось в глаза; но в такой мужицкой ґардеробі всякий баснословноє богатство предполагал мні[32].

Всемогущим стался я на самом ділі, так что по смерти прежняго селскаго судьї веліл себя избрати в судьї. Новоє чиновство обрадовало меня не меньше, чим когда б стался наджупаном. Только теперь дождался я давно преслідуємой ціли. Я очень хорошо знал жителей Гнівнаго как народ залишенный, зубожалый, дикий, лінивый и неукий, но я зділал из них людей. Од восьми годов знал я уже источник пагубы здішных жителей; для того спішил зло придавити, рану гоити. Первым ділом было искоренити у селчан[33] охоту процесованія. Я сам стался всякому стряпчеєм[34], старательно прочёл всі тяжебныя бумаги и положил конець братским соглашеніем всяким спорам. То причинило мні немалую повагу, а жителям больший выигрыш.

Затым в самом разгарі таковой моєй діятельности случилось з мною такоє, о чем хотя я часто размышлял, но не считал єще крайнє-нужным. Одного дня, когда я свой поташ возил в городок М., должен был остановитися у своєго покупщика, у котораго была для меня особая комнатка, так как часто навіщал по ділам торговым городок. Приближаясь к городку, з воза упал міх з поташом; я остановил коні, взял міх на плечи и понес на

32 В орігіналі тото реченя мало дакілко хыб, что выкривило ёго смысел.Тоті хыбы сьме поправили (*зазначка вшорителя* – В. П.).

33 **Селчанин** (из *російськ*. «сельчанин») – валалчан; селянин (*зазначка вшорителя* – В. П.).

34 **Стряпчий** (из *російськ*., *застаріл*. «стряпчий») – чиновник у суді (*зазначка вшорителя* – В. П.).

воз. В то самоє мгновеніє, когда я тащил міх, шла мні навстрічу какая-то городская барышня (kisasszony). Я замішался, шляпа злетіла з головы, не мог схилитись, чтоб подняти єї, а к тому какоє-то странноє чуство въїлось в моє сердце, увидів красавицю. Она, подступив, наклонилась, подняла шляпу и з улыбкою подала мні. Я поблагодарил єї, а она ушла, но никогда не забуду того єй усміха.

Наконець, в глубоком раздумьї остановился я на подворьї моєго аґента з поташем. Как я уже прежде замітил, в городкі у моєго аґента была для меня особая комнатка, ибо и літом, и зимою много раз принужден был ходити по ділам своєго промысла в город, а часто там и на долшеє время оставатися. Позвали к ужину. Какоє могло быти моє удивленіє, увидів ту же дівушку за ужином.

– Чья то гостья? – спросил я хозяина, встав од стола.

– Бідная сирота; воспитанная моєю сестрою; которая єї сюда прислала на пару дней.

Бідная?! На сей раз мні тот епітетон нравится. Кажется, не получу кошик. Она бідна, но я ніт, я богач. Стар 33. годами, кажется, и не одвратительной наружности. Что ж? Но однако она барыня, а я земледілець сельский – в простом мужицком костюмі.

Пройдя мимо кухні, увиділ єї уже в поварном фартукі. Неодолга она уже была моєю женою. Вот там видиш єї под деревом – в простом селянском уборі... Вот и вся історія моєй жизни! – заключил свою біоґрафію мой бывший соученик Нікон, з которым я, попращавшись, одобрался в свояси.

ИЗ ІСТОРІЇ ЧИНА св. ВАСИЛІЯ ВЕЛИКОГО

ИСТОРИЧЕСКІЕ ОТРЫВКИ, КАСАЮЩІЕСЯ УГОРСКОЙ РУСИ.

Неподлежитъ никакому сомнѣнію, что русины вмѣстѣ съ прочими народами славянскаго племени, составляютъ первобытное и коренное народонаселеніе Угріи. По свидѣтельству исторіи Угорская земля, или Паннонія, до вторженія въ нее мадьяръ, была раздѣлена на многія дробныя славянскія владѣнія составлявшія нѣкоторый родъ федераціи, или союза, извѣстнаго подъ именемъ жупы. Замѣчательнѣйшія изъ тѣхъ славянскихъ владѣній: Задунайское или Иллирское, Велико-моравское и Болгарское. Въ предѣлахъ того послѣдняго находились и Волохи или Румуны, заселяющіе пространство между Тисою и Марошомъ.

Такъ какъ мадьяры, переселившись изъ Азіи чрезъ Россію, вторглись въ Угрію, то нѣтъ сомнѣнія, что съ мадьярами многіе изъ руссовъ перешли въ Угрію, особенно изъ Кіевскаго княжества лица боярскаго сословія присоединились къ мадьярамъ, и вмѣстѣ съ ними, равно какъ и съ куманами, поселились въ нынѣшней Угріи.

Въ продолженіе царствованія въ Угріи арпадскаго дома, родоначальникъ котораго Арпадъ, женился на русской княжнѣ, русины особенно были отличаемы мадьярами. Они (русины) были избираемы въ тѣлохранители угорскихъ царей, имъ были ввѣряемы пограничныя крѣпости для защиты угорской земли отъ нападенія нѣмцевъ, князья — сыны угорскихъ царей — носили титулъ „воевода русиновъ“ (dux ruthenorum), важнѣйшія государственныя дѣла были рѣшаемы въ совѣщаніяхъ при участіи въ нихъ мадьяровъ, куповъ и русиновъ. Словомъ угорскіе русины въ первыхъ вѣкахъ новоустроеннаго царства, пользовались большимъ почтеніемъ и уваженіемъ мадьяровъ. Обо всемъ этомъ свидѣтельствуютъ мадьярскіе историки, между прочими Катона, Праій и пр.

Равнымъ образомъ неподлежитъ никакому сомнѣнію, что русскіе занимали крѣпости, воздвигнутыя для защиты

ИСТОРИЧЕСКИЕ ОТРЫВКИ, КАСАЮЩИЕСЯ УГОРСКОЙ РУСИ

Не подлежит никакому сомнению, что русины вместе с прочими народами славянскаго племени составляют первобытное и коренное народонаселение Угрии. По свидетельству истории Угорская земля, или Паннония, до вторжения в нее мадьяр, была разделена на многия дробныя славянския владения, составлявшия некоторый род федерации, или союза, известнаго под именем жупы. Замечательнейшия из тех славянских владений: Задунайское, или Иллирское, Велико-моравское и Болгарское. В пределах того последняго находились и Волохи, или Румуны, заселяющие пространство между Тисою и Марошом.

Так как мадьяры, переселившись из Азии чрез Россию, вторглись в Угрию, то нет сомнения, что с мадьярами многие из руссов перешли в Угрию; особенно из Киевскаго княжества лица боярскаго сословия присоединились к мадьярам и вместе с ними, равно как и с куманами, поселились в нынешней Угрии.

В продолжение царствования в Угрии арпадскаго дома, родоначальник котораго Арпад женился на русской княжне, русины особенно были отличаемы мадьярами. Они (русины) были избираемы в телохранители угорских царей, им были вверяемы пограничныя крепости для защиты угорской земли от нападения немцев, князья – сыны угорских царей – носили титул «воеводa русинов» (dux ruthenorum), важнейшия государственныя дела были решаемы в совещаниях при участии в них мадьяров, кунов и русинов. Словом, угорские русины в первых веках новоустроеннаго царства пользовались большим почтением и уважением мадьяров. Обо всем этом свидетельствуют мадьярские историки, между прочими Катона[1], Прай[2] и пр.

Равным образом не подлежит никакому сомнению, что русские занимали крепости, воздвигнутыя для защиты пределов Угорщины

1 **Катона, Іштван** (*мадяр.* Katona István, 1732–1811) (*зазначка вшорителя* – В. П.).

2 **Прай, Дёрдь** (*мадяр.* Pray György; 1723–1801) (*зазначка вшорителя* – В. П.).

от вторжения в них немцев, о чем именно говорит безименный нотарий царя Белы.

Титулом «dux ruthenorum» славились: Эмерик, сын св. Стефана, 1-го царя угорскаго, Бела I. князь, потом царь и иные из князей арпадскаго племени. По крещении дома арпадскаго упомянутым титулом пользовались знаменитыя частныя лица, матери и вдовы царей угорских. В ряду этих более замечательны: Федор Кориятович «dux ruthenus» (учредитель монастыря на горе Чернецкой); Юрий Бранкович, деспот сербский; Иван Гунядий, губернатор Венгрии; Иван Корвин Гунядий, сын Матфия, царя[3] и пр. Часто встречается упомянутый титул в в грамотах царских наравне с титулами государственных сановников, именно в грамотах царицы Марии I.

Наконец, о преимуществах угорских русинов свидетельствует постановление закона по поводу похищения куманами, ясами и русинами помещичьих крестьян (jobbágy), содержащееся в своде законов королевства угорскаго, в ст. 47. 1498 года, по силе которого русины (Rutheni) наравне с куманами и филистеями (язычниками) подвергаются ведению земскаго палатина (coram Palatino regni legitime requiruntur). А так как куманы и ясы в силу привилегированнаго их состояния в Угрии не подлежали ведению комитатскаго дворянства, а пользовались самостоятельностию при беспосредственной зависимости от царя или его наместника – палатина, то само собою разумеется, что и русины до 1498 года имели свою национальную автономию, будучи управляемы своими «dux»-ами, зависящими только от царя или его наместника.

И в самом деле, что угорские русины имели своих воевод, называемых крайниками и избираемых ежегодно вместе с чиновниками русскаго происхождения, известными под именем «княжими», явствует из достоверных грамот. Именно в грамоте, выданной королевою Елисаветою в 1378 г., упоминается о княжих, состоявших в Берегском комитате, которые жаловались на нарушение их прав по части судопроизводства; для того королевою предписывалось, за исключением уголовных дел, не производить над ними суда без законнаго порядка, им предоставленнаго. Далее, в грамоте от 1466 года, выданной Елисаветою, матерью царя Матфия Корвина, тоже упоминается о состоявших в Берегском комита-

3 **Гунядій, Матяш / Корвін, Матяш I (***мадяр.* Hunyadi Mátyás, *лат.* Matthias Corvinus; *русин*. Матфій Корвін, 1443–1490) (*зазначка вшорителя* – В. П.).

те княжих и селениях, им подведомственных[4]. А так как княжии те и селения были притесняемы со стороны королевских кастелланов, то королева подробно определяет поборы, которые с них должны быти взыскиваемы.

Всех более замечательна грамота, выданная князем Иоанном Гунядием в 1493 году. Князь тот титулуется в начале грамоты следющим образом: «Nos Joannes Corvinus de Hunyad, Slavoniae, Oppaviae Liptoviaeque Dux». В сей грамоте ясно упоминается о воеводе и княжих. Поводом выдачи грамоты сей послужила жалоба княжих и девяти селений, состоявших в Берегском комитате, взводимая ими на своего воеводу Ладислава, выхлопотавшаго себе у короля хитростию и пронырством потомственное право на воеводство; упомянутые княжие и селения противились тому и доказали многими свидетелями, что они с незапамятных[5] времен пользуются правом ежегодно избирати воеводу. Грамотою сею была отменена прежняя, дававшая право на потомственное наследство воеводства, и утверждено было за княжими (kenezii) и селениями право ежегодно избирати воевод согласно древним обычаям и преимуществам, предоставленным прежними государями русскому народу.

Все те грамоты впоследствии были утверждены также другими царями Угрии и не потеряли законной силы при первых королях австрийскаго владетельнаго дома. То, между прочим, видно из грамоты Фердинанда I., выданной в 1552 году по поводу жалобы мукачевскаго епископа на мирских, своевольно расторгавших браки, где явно признается за народом русским его национальная автономия, ибо в заглавии грамоты сказано: «Ferdinandus divina favente clementia Russorum, hriae (т.е. hungariae) Bohemiae etc. Rex semper Augustus etc. fidelibus nostris universis et singulis magnificis egregiis et nobilibus nec non prudentibus ac circums ectis universitati populorum ruthenorum eorumdemque officialium salutem et gratiam». Тут употребляются те же самыя выражения, которыя обыкновенно находятся в королевских грамотах, отправляемых ко комитатским юрисдикциям как самостоятельным правлениям.

---

4 В оригіналі было так: «подведостственных». Видав, туй проскочила печатна хыба, котру сьме выправили (*зазначка вшорителя* – В. П.).

5 В оригіналі было напечатаной так: «незапамятанных». Видав, туй проскочила хыба, котру сьме выправили (*зазначка вшорителя* – В. П.).

Состояніе монастырей: Боронявскаго и Криховскаго въ 1756 году.

(Памятникъ старинной русской письменности.)

„Въ имя Отца и Сына и Святаго Духа аминь*). Обитель Боронявска посѣщенна есть дня 7-го мѣсяца Іюнія року 1756 презъ іеромонаха Іоанникія Скрипка, Ч. С. В. В. професса, игумена с. Обители Марія-Повчанской и на той часъ Прото-Игумена тогожде св. чину.

Обитель отстоитъ отъ града Хуста полъ милѣ землѣ, приходъ кромѣ горъ лѣсомъ и болотомъ.

Мѣсто подъ церковь и обитель купилъ священникъ именемъ Козакъ, року 1716 за золотыхъ вонашовъ 40., то естъ штерятцятъ отъ граждановъ Хустянскихъ, которій пріявши габитъ иноческій и именованъ Іосифъ, справилъ церковъ, котора и симъ часомъ стоитъ древяна, образми худобными пріздобона, и еще можетъ стояти аще подважится, что и требуетъ, понеже всѣ дверѣ ниско (низко) упали. На церкви турня 1, звоны 2 малы красны. — Затѣмъ исчисляются церковныя книги и сосуды, да вся убогая утварь ризницы. — „Келій 4, которы

СОСТОЯНІЄ МОНАСТЫРЕЙ БОРОНЯВСКАГО И КРИЧОВСКАГО В 1756 ГОДУ

(Памятник старинной русской письменности)[1]

[ОБИТЕЛЬ БОРОНЯВСКА 7. ЮНІЯ 1756.][2]

«Въ имя Отца и Сына и Святаго Духа аминь. Обитель Боронявска посѣщенна есть дня 7-го місяца Іюнія року 1756 презъ іеромонаха Іоанникія Скрипка, Ч. С. В. В. професса, игумена с. Обители Марія-Повчанской и на той часъ Прото-Игумена тогожде св. чину. Обитель отстоить отъ града Хуста полъ милѣ землѣ, приходъ кромѣ гор лісомъ и болотомъ.

Мѣсто подъ церковь и обитель купилъ священникъ именемъ Козакъ, року 1716 за золотыхъ вонашовъ 40., то есть штерятцять от граждановъ Хустянскихъ, которій пріявши габитъ иноческій и именованъ Іосифъ, справилъ церковъ, котора и симъ часомъ стоитъ древяна, образми худобными пріоздобена, и еще можетъ стояти аще подважится, что и требуетъ, понеже всѣ дверѣ ниско (низко)[3] упали. На церкви турня 1, звоны 2 малы красны».

Затым исчисляются церковныя книги и сосуды да вся убогая утварь ризниці.

«Келій 4, которы ащебы вичистилися до часу могли бы зоставати законницы (монахи), отдѣленны суть една отъ другой. Іеромонахъ симъ

1 Подлинник писан древнім, до 1850 года общеупотребляємым у нас шрифтом з численными надстрочными титлами; но поєлику в печатні Ужгородской ніт церковно-славянских букв, которыми бы удобніє можно напечатати етот памятник, то мы сокращенныя слова переписываєм дополнительно (***зазначка А. Кралицького***).

2 Туй додали сьме підназву, котрої там недостає подля контекста (*зазначка вшорителя* – В. П.).

3 А. Кралицькый у сёму документі потовмачує (у круглых скобках) даякі семантично непрозрачні слова, як то «порція», «законницы», «ниско» и др. авадь дає мадярськый одповідник (*зазначка вшорителя* – В. П.).

временемъ I. чесный отецъ Никафоръ Староста, самъ не можетъ зоставати про свою немощь и старость. Газда 1. и слуга 1. на конвенціи».

По сему слідує роспись скота, хозяйственных орудій и строєній, поземельных участков и зерноваго хліба.

«Соли для сей обители даютъ 8 мажъ (центнаровъ) подъ титуломъ милостынѣ изъ Царской коморы. Жидляровъ (zsellér)[4] есть при сей обители 9, которіи дочасу и порцію (госуд. налогъ) и такшу пану давали, пріиманы подъ кондиціевъ къ монастырю на 12 дни роботы але тое не держалося, бо на яку роботу суть званы всегда робили. Которымъ жилярамъ якъ орати так косити обитель удѣляетъ.

NB. Мѣсто сіе красно есть и до выживлѣня способное аще жиляромъ слобода выходится, могло бы зостати».

ОБИТЕЛЬ КРИЧОВСКА[5] 9. ЮНІЯ 1756.

«Сей манастырь почался року 1696. фундовати тымъ способомъ: Отецъ Петръ Стойка, парохъ Кричовскій, по преставленіи своюй жены постригся у манастыри Угольском (Uglya) у игумена Парфенія и нареченъ бысть Петроній, который по воспріятіи габита по 8. или 9. роковъ пришолъ на сіе мѣсто и колибу (!) собѣ учинилъ, а где нынѣ церковъ есть крестъ водрузилъ, и почалъ лѣсъ чистити или ортовати».

«Посему совѣтовалъ из епископомъ Стойкомъ, братомъ своимъ единоутробнымъ, абы моглъ зде монастырь создати н поставити, нашто епископъ призволилъ, по тому запросилъ села окресныи сирѣчь: Кричово, Чумалюво, Колодное, и выортовавши хащу красное поле учинилъ, якоже и нинѣ обширное есть, на которомъ мѣстѣ церковъ справлена року 1707. многими благодѣтелями, якоже нѣкоторый воинъ Корніташъ далъ fl. Rh. 200, id est золотыхъ нѣмецкихъ 200. Въ той церкви образъ пречистой Богородицы плакалъ (?) за чотыри тыжні, который pie Defunctus Rudissimus Dnus Josephus Hodermárszky, nominatus Eppus Munkacsiensis qui non Consecratus resignavit epptum factusque Abbas et Vicarius. Eppi Munkacsiensis Illmi condam Georgii Bizantzy, accipiens Agriam portavit circa annum 1714. vel 1715.[6] По взятіи паки той иконы (по татарскомъ на сіи

4 **Жилярь** – безземелный селянин (*зазначка вшорителя* – В. П.).

5 **Кричово –** Kricsfalva (***зазначка А. Кралицького***).

6 *Из переклада*: єпископ мукачевськый Ґеорґій Бізанций перемістив ікону до Еґера (*лат.* Agria) десь у році 1714–1715 (*зазначка вшорителя* – В. П.).

страны нашествіи circa annum 1714. ина пречистой Дѣвы икона плакала, и тая паки взята и на замку или городѣ Хуском (Huszth) поставленна комендантомъ Куклендеръ а епископомъ Досифеемъ, при архимандритѣ Феофилѣ Стойка, Кричовском».

«И паки около року 1738. великый вѣтръ внощи былъ (de tempore bene non scitur) и взявши крестъ изъ турнѣ, водрузилъ его надъ олтаремъ, на которомъ не было креста, на што многы люде готовы были и присягнути, якоже іеромонахъ Василій Стойка, при которомъ ся стало и прочіи etc. sed proh Dolor! пуста отъ двохъ роковъ, литургій в ней не было, образы суть стары, робота проста, престолъ обнаженный, книги всѣ до хору узяты до церкви Кричовской, якоже и 2 звоны и прочая вся одежды».

«Нынѣ зостаетъ у едной малой келіи за газду при церкви Іоаннъ Стойка діаконь бигамъ[7] (прочія келіи роспалися и зпустѣли). Волы суть манастырски 2, узяты Пр. О. Манасіемъ Игуменом Бедевлянскимъ, сего року корова една манастырска при газдѣ, и манастырски волы 2 продалъ именованный газда за золотыхъ fl. 30., из которыхъ гроши узяла парохія Кричовска золотыхъ 10, idest fl. v. 10., и купили за нѣ апостолъ до церкви своей et Den 28, и паки Іоанъ Кетевянъ Кричовскый узялъ отъ газды золотыхъ вонашы[8] 12, и динарій 70, idest fl. v. 12 et den. 70, на молодикы, который они молодики ани гроши не далъ и до сего часу, и паки выплатилъ газда Діаконь из тыхъ гроши за довство своихъ предецесоровъ до Хуста за тенгерицу золотыхъ 2, а самъ на свою потребу изкелтовалъ газда золотый 1, Den. 68. сіє есть 68. денаровъ[9]».

Сообщил: А. Кралицкий

---

7 **Бигамъ** (бігам, бігаміста) – двоєжонный священик, двожонач (*зазначка вшорителя* – В. П.).

8 **Vonás** – forint, florenus longus (***зазначка А. Кралицького***).

9 Поміщая еті записки в їх подлинном слогі, мы знова обращаємся к нашим преп. собратіям, сельским священикам, чтоб они не утруднялися, прибрав себі досужнеє время, заглянути в старыя церковныя книги и, єсли что бы там нашли назначенным, могущеє служити матеріалом для нашей народной и церковной історіі, ето переписали и нам для поміщенія в «Свѣтѣ» послали (ред.) (*зазначка редактора «Свѣта» Кирила А. Сабова* – В. П.).

Актъ основанія Библіотеки Краснобродско-Монастырьской бл. п. Александромъ Духновичемъ, имъ самымъ 1859. года написанъ и сберегаемый въ архивѣ монастыря Горы Чернецкія.

„О имени Господнемъ! Наставленіе и наука есть начало Премудрости великаго онаго дара Господня; сей же пособія суть дѣла мудрствующихъ, назначенная въ писаніяхъ, составляющихъ книги: чтенія ради и упражненія духовнаго. — Никто не родился просвѣщеннымъ и благоразумнымъ, но всякъ пріялъ отъ наставленія, и отъ ученія способность свою, и разума ясность упражненіемъ изощренную.

Книги суть таже и письмена пособіемъ, и помощію просвѣщенія, которое отличаетъ смертнаго человѣка отъ животныхъ. „Свѣтла и неувядаема есть премудрость!“ говоритъ Соломонъ въ книгѣ Премудростей главѣ 6. ст. 12., и удобно видится отъ любящихъ ю́, и обрящется отъ ищущихъ ю́.“ —

И понеже Премудрость пріуготовляется пособіями и наставленіями искусныхъ и трудолыбивыхъ мужей, аки духъ свой въ мнѣніяхъ наслѣдникомъ своимъ предавшихъ, и въ книги списавшихъ; сегоради для полезнаго средствія Вамъ Всечестнѣйшіи Братья сердечною щедротою отдаю одну часть моей власной библіотеки, — много трудами и высокою цѣною набденныя, для полезнаго употребленія духовнаго, — желая отъ Васъ слѣдующія условія:

АКТ ОСНОВАНІЯ БІБЛІОТЕКИ КРАСНОБРОДСКО-МОНАСТЫРСКОЙ бл. п. АЛЕКСАНДРОМ ДУХНОВИЧЕМ,

им самым 1859. года написан и зберегаємый в архіві монастыря Горы Чернецкія[1]

«О имени Господнем! Наставленіе и наука есть начало Премудрости великаго онаго дара Господня; сей же пособія суть дѣла мудрствующих, назначенная в писаніях, составляющих книги: чтенія ради и упражненія духовнаго. Никто не родился просвѣщенным и благоразумным, но всяк пріял от наставленія, и от ученія способность свою и разума ясность упражненіем изощренную.

Книги суть таже и письмена пособіем и помощію просвѣщенія, которое отличает смертнаго человѣка от животных. "Свѣтла и неувядаема есть премудрость!" – говорит Соломон в книгѣ Премудростей, главѣ 6. ст. 12., и удобно видится от любящих ю, и обрящется от ищущих ю».

И понеже Премудрость пріуготовляется пособіями и наставленіями искусных и трудолюбивых мужей, аки дух свой в мнѣніях наслѣдником своим предавших, и в книги списавших, сегоради для полезнаго средствія Вам Всечестнѣйшіи Братья сердечною щедротою отдаю одну часть моей власной библіотеки, много трудами и высокою цѣною набденныя, для полезнаго употребленія духовнаго, желая от Вас слѣдующія условія:

1. Чтоб сокровище тое тщательно Вами сохраненно было в монастырѣ Краснобродском, гдѣ Ваш новиціат, или мѣсто Искушенія опредѣлено.[2]

2. Чтоб книги мною для библіотеки монастырьской подаренныя введены были в особитый Список, или Каталог, да и числами точно по предметам позначилися.

3. Дабы для храненія того-то сокровища поставлен был один совѣстный Библіотекарь, или Книгохранитель, кой по Правилам св. Чина,

1 Сесь текст А. Духновича облишаєме без даякых коректорськых поправок – у тів подобі, як го передав в ужгородськів новинці «Свѣтъ» А. Кралицькый (*зазначка вшорителя* – В. П.).

2 Новиціат этот по соборному опредѣленію 1863. года из Краснобродскаго монастыря перенесен в монастырь горы Чернецкія, как на болѣє удобное мѣсто (***зазначка А. Кралицького***).

Отдѣла I. главы XVI. должен будет наблюдати и рядити книгами по законным предписам. Таковым Библіотекарем быти может Всеч. Отец Магистер или Наставник новаков, котораго должностью есть подчиненным себѣ новакам удобныя для чтенія выдавати книги, по их естественным склонностям и доброходствѣ их.

4. Примѣтив и то: чтоб Библіотека, она не была самым мертвым сокровищем, но дабы каждому просвѣщенія и чтеніе любящему, явно отверста была, желаю и распоряжаю, да она не будет исключно для монастырьских токмо обывателей, но да будет всеобщая и публичная для каждаго учитися желающаго, но да из ней всякому просящему Священнику или мірянину выдаваются книги чтенія и употребленія ради но реверсалу. И прото:

5. Книгохранитель с точною готовостію выдав просящему для употребленія, но не на долшое, как на три мѣсячное время книгу, реверсал немедленно да испросит, и той точно сохранит, а по реченному времени да истязает книгу от принявшаго хотя и законным путем, пекійся чтобы ни одна буквица непогибла, но осталося все в совершенной цѣлости своей.

6. И не довлѣет токмо мною отданныя книги сохраняти, но одолжается как Всечестный Монастырь во обще, так и особито всѣ належащіи к св. Чину о умноженіи новых книг постаратися; ибо то есть одного человѣка, найпаче же Инока утѣшеніе и сокровише, сирѣчъ разумное духовное упражненіе, как говорит и Премудрый в притчах: «Аще послушает премудрости твое ухо и приложиши сердце твое к разуму – тогда уразумѣеши – страх Господень и познаніе Божіе обрящеши».

Се, Любезнѣйшіи Братья! охотно отдаю Вам в духовную пользу все имѣніе мое, все мое довременное сокровище, желая Вам счастливаго успѣха; просвѣщайте сами себе, да и иных просвѣщати возможете, я возрадуюся духом о Ваших богатых успѣхах, и то все будет моим мздовоздаяніем с великою лихвою, если Вы замѣренное мною получите наставленіе.

О, Господи призри и посѣти виноград, егоже насади Десница Твоя, Аминь.

Естьли же Вам, любезныи Братья, угодно будет и мнѣ возблагодарити, то мнѣ довольною наградою мнится, естьли помните о мнѣ грѣшном в общих молитвах Ваших и библіотеку тую назвати изволѣте Духновичевою библіотекою, и всяк пользуяйся оною пожелает мнѣ блаженный покой и вѣчную память!

Дано в Пряшовѣ, дня 1 (13) Червня 1859. года

Александр Духнович, вр. Собора Крылошан Пряшевскаго каноник, Архі-Діакон катедральный, и чина с. Василія Великаго Собрат».

Сообщено: А. Ф. Кралицким

О ДАВНОЙ ПАНЩИНІ

(Для народнаго чтенія)

Як скоро начал развиватися феодалізм (hűbéresség) на основанії золотой ґрамоты короля Андрея II. (1222. г.), то началося и кметство (панщинарство, кріпацтво, или кріпостноє право) земледілческаго люда; но кметы сохранили свою личную свободу аж до 1514. года.

Между 1298–1504 годами было многими законами постановлено слідующеє обязательство кметов (простаков, parasztok):

а) Они должны были давати десятину зо всей жатвы (in natura), установленную св. Стефаном для духовенства.
б) Давати девятую часть всей жатвы (in natura) для поміщика (т. є. земнаго, или оречнаго пана (1351. г. §. 6.)
в) Давати дымную дань (füstadó) для краинской касы.
г) Подвержены были патрімоніалному суду поміщика (1357. г. §. 18.)

Закон 1405. г. в первый раз употребляєт названіє для дворян «dominus terrestris» (землевладілец, оречный пан), слідовательно признаєт ним за властность ту землю, за которую кметы одбывали извістную повинность.

1514. г. был бунт кметов под началством Юрія Довжы (Dózsa György lázadás), в котором убито до 70 000 крестян. На сеймі (országgyűlés) того года был постановлен закон з 71. §§-ми.

1. До того часу свободно было кметам переселятися з одного міста на другоє, од одного пана к другому; теперь то уже запрещено.
2. Установлена каждорочная дань од головы для земнаго пана, сама менша (minimum) 100 денаров золотом (около 12 зл. флоринов).
3. Єдин день в тыждню робити панщину (§. 16.). Панщина существовала и прежде, но не была провозглашена правом.
4. Священику давати 10-ую, а пану 9-ую часть зжатаго зерна (§. 18).
5. Окрем девятой части од дома, нужно было давати єще пану так названную малую девятую часть, т. є. 12 куриць и 2 гусей.
6. Никто из роду кметов не мог быти єпископом.
7. Простаку, носящему оружіє, одрубати руку правую (§. 60.).

1526. г. (§. 10.) постановлена была новая повинность для кметов: каждому пятому хлопу идти в войско, а в случаї біды и каждому кметю.

1547. г. при Фердинанді I. была знова провозглашена свобода переселенія.

На каждый кметский дом приходилось 52 дней панщины; но кто же мог надзирати, чтобы панщина не увеличивалась панами, коли кметь был подчинен суду своєго пана? И встрічался з тым же паном як своїм судією при апелациї к суду вармедьскому (комітатскому). Паны не могли благоприятствовати переселенію своїх подданых, од которых получали всі свої доходы.

Вопрос кметов при Марії-Терезії на сеймі 1765. г. был знова поднят; но паны-маґнаты не хотіли ділати ниякиї уступки своїм подданым. Тогда цариця рішилась обойтись без содійствія сейма. Дворский совітник Рааб составил урбаріалный закон Угорский, который был выпубликован 1766. г.

Новым законом величина кметскаго наділа на двор (sessio) вызначаєтся од 19 до 34 десятин, именно: єдна десятина на усадьбу (fundus dominalis, belsőség), 16-28 десятин на ораницю, а 2-5 десятин на луг (fundi extravillani, kaszáló). Но понеже в прежнєє время оречні паны принуждали подданых обрабляти болше землі, чим назначено высше, чтобы получати болше доходов, то односительно тых земель постановлено, что паны могут взяти землі назад, но не иначе, як вознаградивши кметов за їх обработку. Єсли обробленіє тых земель кметами продолжалось болієе извістнаго срока (терміна), то пан не мог требовати їх назад.

Подданым позволено было даром брати все нужноє из панских лісов, а где был їм выділен особо ліс, то он стался по прежнєму за ними (II. §§. 5., 6., 8.). Пастбища осталися общими у кметов и панов (II. §. 3.). Вот и все, в чем состояли права кметскаго сословія.

Повинности осталися прежнія, слідовательно тяготныя. Маленькая полегота была в том, что патрімоніалныя суды (úri székek) могли судити кметов к болшой карі токмо в присутствії столичных чиновников як свидітелей (VIII. 1.).

Высшепомянутый наділ землей кметам был властностію оречнаго пана; кметы пользовались ими якбы арендаторы, з тым только различієм, что они не платили пана грошами, а частію урожая, работою и другими натуралными повинностями. Они могли свободно располагати только будинками (постройками), которые выбудовали на своєм келчику, и своїм движимым маєтком. Докля кметь правилно одбывал свої повинности, назначенные правом, пан не іміл права выгнати єго з занимаємаго ним телека (fundus), а коли кметь по властному желанію лишал свой наділ или не оставлял по себі наслідника, то пан должен был порожный телек передати другому кметю на тых же условіях.

Самая важная часть закона Марії-Терезії та, которая обеспечаєт личную свободу кметов.

Теперь, исполнив свої обязаности, кметы могли з своїм движимым имуществом свободно переселитися или к другому пану, или в який-нибудь город. Діти їх могли идти в ремеселники или путем школнаго образованія выходити в учителі, священики и адвокаты, врачі и земледілческиє приказчики. Даже и селскиє дьяки, хотя и без школнаго образованія, почитались немешами (благородными). На сеймі 1839–1840. г. кметы получили право выбирати себі старосту (бирова) и управляти ділами своєй общины – села.

Конець панщині положил 1848. год.

Рефлексіи на вступную статью „Карпата“ №о 13.

Съ нѣкоторыхъ поръ, сыплются въ печати удары за ударами на вашъ Чинъ, его членовъ, а особенно тебя, — замѣтилъ мнѣ недавно одинъ мой знакомый. Начто я ему отвѣчалъ, что нападати на кого-нибудь всего легче, вѣдь бумага терпѣлива, а человѣческія недостатки у всякаго присущи, слѣдовательно поводъ къ нападеніямъ сподъ-руки. Но надо сперва разборъ сдѣлати, какого рода они? Если низкаго, клеветническаго, обойди ихъ молчаніемъ; если же добродѣтельнаго, — хотя по виду, то отвѣчати, чтобъ отстранилось недоразумѣніе. По моему усмотрѣнію, въ странѣ конституційной, какъ и наша монархія, гдѣ гражданамъ дана свобода: печати и слова, каждое общество, институція, личность и ихъ дѣйствія подвержены суть общественной критикѣ, начавъ съ министра-президента до послѣдняго нищаго. — Что Чинъ нашъ перенесъ и доселѣ много нападеній, о томъ много бы разписыватися, довольно вспомнути на моего предшественника, Василія Тарасовича, который былъ и епископъ и игуменъ Мукачевскій, — извѣстно что сталось съ нимъ 1640. года. — Вѣра, обрядъ и народность — это синонимы, драгоцѣнныя сердцу и уму, умѣющему почитати ихъ. — Таковъ былъ отвѣтъ моему собесѣднику.

По моему, л и ч н о м у, усмотрѣнію, (можно ошибаюсь) „Карпатъ“ непринадлежитъ къ этой категоріи, слѣдовательно нужно мнѣ, какъ нынѣшнему довременному предстоятелю чина, сдѣлати нѣкоторыя рефлексіи на вступную статью „Карпата“, №о 13. отъ 29-го Марта. т. г. Начну же съ вопроса „типографіи“.

РЕФЛЕКСІЇ НА ВСТУПНУЮ СТАТЬЮ «КАРПАТА» № 13.

I

«З нікоторых пор сыплются в печаті удары за ударами на ваш Чин, єго членов, а особенно тебя», – замітил мні недавно один мой знакомый. На что я єму отвічал, что нападати на кого-нибудь всего легче, відь бумага терпілива, а чєловіческія недостатки у всякаго присущи, слідовательно повод к нападеніям з-под руки. Но надо сперва разбор зділати, какого рода они? Єсли низкаго, клеветническаго, обойди їх молчанієм; єсли же добродітельнаго, хотя по виду, то – отвічати, чтоб одстранилось недоразумініє. По моєму усмотрінію, в странї конституційной, как и наша монархія, гдї гражданам дана свобода печаті и слова, каждоє общество, інстітуція, личность и їх дійствія подвержены суть общественной критикі, начав з міністра-президента до послідняго нищаго. Что Чин наш перенес и доселі много нападеній, о том много бы расписыватися, довольно вспомнути на моєго предшественника Василія Тарасовича, который был и єпископ, и игумен Мукачевский – известно, что сталось з ним 1640. года. Віра, обряд и народность[1] – ето сінонімы, драгоценныя сердцю и уму, уміющему почитати їх. – Таков был ответ моєму собесіднику.

По моєму личному усмотрінію (можно, ошибаюсь) «Карпатъ» не принадлежит к етой катеґорії, слідовательно нужно мні как нынішнему довременному предстоятелю чина зділати нікоторыя рефлексії на вступную статью «Карпата», № 13. од 29-го марта, т. г.[2] Начну же з вопроса «тіпоґрафії».

---

1 «**Віра, обряд и народность...»** – А. Ю. Гомічков (сотрудник новинкы «Карпатъ»), котрый дописовав из Будапешта, де жив и робив, крітично одреаґовав на сесе высловлёваня А. Кралицького. Позирай ёго статю під назвов «Вѣра, – обрядъ, – народность. Суть ли то синонимы?» у новинці «Карпатъ», 1885, №16, с. 1-2 (*зазначка вшорителя* – В. П.).

2 Иде за полемічну статю під назвов «Унгвар, 27-го марта» у редакційному стовпчику новинкы «Карпатъ» (1885, № 13). А. Кралицькый думав же автором є сам редактор новинкы Н. Гомічков. Поправді, автором быв брат редактора – Александр Гомічков (позирай ёго вызнаня у статі: А. Ю. Гомічков. «Архимандрія Святаго Николая отъ горы Чернецъ» (Карпатъ», № 30 за 1885 р.) (*зазначка вшорителя* – В. П.).

Говорится в упомянутом нрі[3] «Карпата» слідующеє: «Монастырь мукачевский могол бы (?) создати русскую печатню (з мадярскою)» и пр. Тут между скобками примічу: «создала» во время Іоана Снігурскаго, єпископа перемышльскаго, капітула перемышльская русскую тіпоґрафію, которая и ныні процвітаєт, почему не может того зділати и Унґварская впреподобная[4] капітула?

Вопрос печатні давный; о нем было много писано и в печаті, и говорено в общественной жизни 1850-х и 1860-х годов, но діло из-за матеріалных недостатков не удаєтся.

Ближайше поднял я сам вопрос о тіпоґрафії, именно 1871 года. Тогда по государственным законам десятинный налог од виноградников снесен и собственникам виноградных садов наложено выкупити себя у поміщика. Таким поміщиком был и наш монастырь в Бобовищах, Лавках, на Чернечей горі и в Куштановицях. «Господи, будут дєньги – будет и тіпоґрафія». Гроши приспівали, хотя в Бобовищах – только по истеченії 3-х годов и то только állami közvetítés mellett[5].

В сем одношенії сообщаю два документа:

> «175/1871. A Szt. Bazil rend tartományi főnökétől. Nmélt. püspök úr etc.! Nagyméltóságodnak 2251. sz. a. kelt magas felhívására, miszerint a m. kir. vallás- és közoktatásügyi magas minisztérium 12 166. sz. alatt intézett azon megkeresésére, hogy a munkácsi sz. Bazil rend törzsvagyonához tartozó szőlőváltsági illetőség u. m.: Lauka, Kustánfalva és Klastrom-alja községekkel kiegyezvén az állam közvetítése nélkül, a bejött összeg 1832 frt 48 kr. hovafordításáról adnék felvilágosítást, – ezennel legalázatosabban nyilatkozom.
>
> Mi ugyan kiegyeztünk a fennirtakkal oly formán, hogy azt két ízben lefizetendik, és mi azon összeget kamatoztatni fogjuk, hogy az 3000 forintra növekedjék, és akkor egy könyvnyomdát óhajtanánk szerezni; de még egészen nem is vagyunk tisztában: a bubuliskaiakkal az egyezség még mai napig sem jött létre, stb. Alázatos véleményem tehát az: ha megkapjuk az egész összeget, azonnal a magas minisztériumnak felterjesztem, valamint

3 **Нр** – покуртана форма слова «номер» (*зазначка вшорителя* – В. П.).

4 **Впреподобная** – покуртана форма слова «высокопреподобная» (*зазначка вшорителя* – В. П.).

5 **Állami közvetítés mellett** (*мадяр.*) – за посредства державы (*зазначка вшорителя* – В. П.).

szándékunkat a könyvnyomda felállítása iránt is. — Egyébiránt stb. Mária-Pócs, július 8. 1871. Mikita Máté, provinciális»[6].

На что приспіл незадолго од Впр.[7] консісторії отріцательный[8] ответ, мотивірованый слідующей адвокатской посылкой:

«2623/1871. Ügyészi vélemény. A sz. Bazil szerzetesrend főnökének azon szándéka, mely szerint a Lauka, Kustánfalva és Klastromalja községektől nyerendő 1832 frt 48 kr. szőlőváltságot könyvnyomda felállításának költségére kívánja forditani, magábanvéve ugyan felette dicséretes; mindamellett kénytelen vagyok előbbi véleményemhez ragaszkodva, azt javallani, hogy a kérdéses tőke m. földteherméntesitesi kötvények beszerzésére fordítandó, holott a könyvnyomda csakis az ingó, idővel elhasználható tárgyak közzé sorolható lévén, ilyennek megszerzése inkább csak az ingatlan vagyonnak jövedelméből, p. o. a kötvények kamataiból lenne eszközlendő. Ungvárt, 1871 /VII. Nehrebeczky György sz. széki ügyész. E másolat hitelére: Sztripszky Mihály, sz. széki jegyző»[9].

---

6 *Переклад из мадярського языка:*
«175/1871. Од протоигумена Чина св. Василія. Высокопреподобный пане єпископе! Ведля Вашого запроса № 2251, односно закона мадярського королського релігійного и освітного міністерства за номером 12 166, даєме знати за то, же прівілеґія винниці, котра приналежит мукачевському Чину св. Василія – без державного посредства – подля догоды межи Чином и селами Лавка, Куштановиця и Підмонастырь, числит 1832 форінты и 48 корон.

Хотяй маєме договореной, же выплатят вни нас на дві раты, и мы покладеме тыж проценты, выдтак сума буде 3000 форінтів; тоты гроші обернеме на обстараня тіпоґрафії; айбо ищи сьме діло до кінця не довели – догода из бобовищанами [селянами с. Бобовищі – В. П.] дотеперь ищи не готова. Моя скромна думка така: як лем достанеме повну суму, такой нараз я буду жадати міністерство за устроєня тіпоґрафії. У прочому... Марія-Повч, 8 іюля 1871 р. Матфей Микита, протоигумен» (*зазначка вшорителя* – В. П.).

7 **Впр**. – покуртана форма слова «высокопреподобная» (*зазначка вшорителя* – В. П.).

8 **Отріцательный** (из *російськ*. «отрицательный») – негативный (*зазначка вшорителя* – В. П.).

9 *Переклад из мадярського языка:*
«2623/1871. Заключеня консісторії. Наміреня протоигумена Чина св. Василія односно прівілеґії за винниці Лавок, Куштановиці и Підмонастыря, котра числит 1832 форінты и 48 корон, обы выхосновати ії на купованя тіпоґрафії, є похвалным, але мушу ищи раз выяснити мою думку за вто, што сесь капітал мож уживати на приобріток обліґацій землехосновання, из котрых мож буде мати хосен поступом часу, межи тым книгопечатню мож класіфіковати лем як

Настоящий фуч з тіпоґрафієй! Что з перцентом почати? Відь к приобрітенію печатні требується 3400 зол.

Была бесіда позже, чтобы завести «тіпоґрафію на акціях по 100, 50, 20 frt., но єсли тут у нас в двух єпархіях єдинственная русская ґазета єдва пробиваєтся, а издатель недюжиннаго «русскаго календаря», печатающий єго в 1200-1500 екземплярах, єще потерю несет, хотя как каноник и управитель єпископской канцелярії имієт способ распродати єго, чтобы хотя, єсли уж не труд вознагражден, то, по крайней мірі, дєньги бы, наложенныя на него, возвратились, – о «részvény»-ях a részvétlenektöl нєчего ожидати[10].

Так з тіпоґрафієй мы покончили. «Карпату» же припоминаєм слідующую мадярскую людовую пословицю: Könnyebb adni tanácsot, mint kalácsot![11]

В следующей статьї буду разбирати вопрос об «архімандрії».

II

Односительно «архімандрії» стоит в наших правилах, 1857. года апостолическим візітатором, прімасом пересмотренных, исправленных и дополненных, слідующеє постановленіє: «Sectio III. Caput II. §. 15. «De Proto-Hegumeno ... curandum erit, ut Protohegumenus cum annutu Sacrae sedis Apostolicae et Augustissimi terrae Principis Regis Apostolici dignitate Archimandritae, qua praepositi hujus ordinis ab ordine gaudebant, condecoretur»[12].

На основанії сего §-а на соборі 1872 зділал я внесеніє, которое выписываю из тогдашняго протокола дословно, как слідует:

«7: Началось совітованіє о благосостоянії Чина; в котором Анатолій Кралицкий зділал письменноє внесеніє: «О восстановленії архімандрії

рухомость, и присвоєня сякого майна позволяє ся лем на проценты из обліґацій. Унґвар, 1871 /VII. Вмістоблюститель консісторії Ґеорґій Негребецькый, письмо приправив адвокат консісторії Михайло Стрипськый» (*зазначка вшорителя* – В. П.).

10 **О «részvény»-ax a részvétlenektöl нєчего ожидати** (*мадяр.*) [A részvényekről részvétlenül nincs mit várni] – выраз, котрый из мадярського языка мож перекласти так: «Без участвованя в акціях не є на што чекати» (*зазначка вшорителя* – В. П.).

11 **Könnyebb adni tanácsot, mint kalácsot!** (*мадяр.*) – Легше дати пораду, як колача (*зазначка вшорителя* – В. П.).

12 «Секція III. Глава II. §. 15. За протоигумена… Має ся постарати, обы протоигумен здобыв сан архімандріта из согласом Святой Апостолської Столиці и найяснішого Князя – Апостолського Короля, зато бо вни суть началниками того Чина».

тітула св. Николая и подаренії того же протоигумену Чина». Письменноє сіє внесеніє большинством голосов принято и рішено внесеніє тоє в всем єго объємі в протокол ввести».

Говорится в разбираємой статьї «Карпата»: «Было слово в фельєтоні 12-го числа «Карпата», о том, что в 1850-ті годах вознамірилось восстановленіє архімандрії св. Николая од Горы Чернецкой, но тому противился Чин».

Справедливость требуєт пояснити суть діла. Было то не в 1850-ті годах, а 1864-го года; слово же поднято об архімандрії (horendum!)[13] в «Слові» А. Ю. Г.[14], нынішным «соработником «Карпата»», ибо тогда иннаго русскаго орґана печати в Угрії єще не было и мы, конечно, принуждены были «волочитися» з нашими кореспонденціями в Галичину. Противился тому не Чин, но я сам, и то только ефемерно в одной кореспонденції в «Слово».

Почему я тогда противился, а через 8 года послі того сам зділал ініціативу, поясню вкратці: тогда был протоигумен-«выскочка», позже проневірившийся нам. Он іміл особенно щастьє и уже предпринявши шаги. Мы боялись, чтоб какими-то окольными путями он не навязался нам на шию до смерти, ибо не іміли в нем довірія. Напечатал статью, показал єму, он прочитал и – ретіровал.

Вопрос архімандрії почивал до 1882-го года. Тогда я знова начал поднимати діло архімандрії. Попросили мы покойнаго протоигумена, чтоб о сем предметі подал просьбу, в имені Чина, к Єго Впревосходительству[15] міністру путем Єго Преосвященства єпархіалнаго єпископа, что он и зділал под ч. 99. од 21 апріля 1882. Привожу здісь дословный єпископский ответ:

> «2332. Ntdó Mikita Máté, sz. Bazil rendű, tartományi főnök és sz. széki ülnök urnák Munkácson. F. év április 21-ről kelt s a nagyméltóságú váll. és közokt. m. kir. Minisztériumhoz czimzett kérvényét a „csernekhegyi apátság" adományozása ügyében, pártoló ajánlatom kíséretében felterjesztettem. Erről kedveltségedet tudomásvétel tekintetéből értesítem. Egyábiránt … Ungváron, 1882., május 19-én János püspök»[16].

---

13 **Horendum!** (*латинськ.*), фактично має быти «horrendum!» – ужас, страхота (*зазначка вшорителя* – В. П.).

14 **А. Ю. Г.** – Александер Ю. Гомічков (*зазначка вшорителя* – В. П.).

15 **Впревосходительство** – покуртана форма слова «Высокопревосходительство» (*зазначка вшорителя* – В. П.).

16 *Переклад из мадярського языка:*
«2332. Всечестнійшому отцю Микиті Матфею, управителю Чина св. Василія, протоигумену и консісторії Мукачевськой предсідателю. Од 21 апріля;

Чиновственный ответ од Высокаго Міністерства и доселі єще не получен, но мы похлопотали приватным путём у міністерства по сему предмету и получили од приклонных нам людей ответ, что затрудненіє вот каково: в «liber regius»,[17] гді внесены всі церковныя донації, уділяємыя Апостолическим королем Угрії єпископам, абатам, препозитам и каноникам, так дійствительным, как и тітуларным, ніт и сліду об абації св. Николая на горі Чернецкой.

Не знаю, каким образом и когда внесена в «liber regius» тітуларная абація Грушевская (Körtvélyes), которой тітул носит теперь Веспримский каноник др. Франц Палотай?

Насувається на мысель тут знова другой вопрос: Єсть абації и препозітуры дійствительныя и тітуларныя; к первым принадлежат regulares: бенедиктинці, премонстраты и цистерціаны; к вторым – мирскіє священики, обыкновенно каноники и парохи. Всі они благословляются єпархіалным єпископом по предпису ритуалному. Им дається, кромі нагруднаго креста и перстня, єще інфула[18], пасторал и прочія понтіфікалныя принадлежности. Літурґизают по єпископски, что не видим у наших унґварских абатов-каноников и видим на Унґварском Будішу и Мукачевском Пасквалі, відь они по ранґу ниже їх. В Львові русский каноник был «митрат», священнодійствовал в митрі[19], как и подобає.

Довольно об архімандрії. В слідующей статьї буду говорити об одпустах и капеланіях.

III

Односительно діятельности членов Чина, надо сознатися, что она ограничена на внутренный, монастырский, церковный и хозяйнический быт, житейски же пробиваємся, главным образом, из хозяйства. Монахофобы требуют од нас, кромі тіпоґрафій, препарандій, конвіктов и пр. єще учительство. Відь Чин наш не єсть спеціално предзначен

підпоруву заяву до угорського королського міністерства односно обновлёваня архімандрії монастыря на Чернечій горі. Даю вам за сесе знати. Из глубокым честованём, в Унґварі 19 мая 1882 р. єпископ Іоан» (*зазначка вшорителя* – В. П.).

17 «**Liber regius»** (*латинськ.*) – корольська книга (*зазначка вшорителя* – В. П.).

18 **Інфула** (*латинськ.*: infula – ґердан, обвяз) – у старі часы убор головы римськых священиків у подобі высокого ґердана на чолі (*зазначка вшорителя* – В. П.).

19 **Митра** (*ґрецьк.*) – шапка (убор головы), часть богослужебного облеченя высшого духовенства (*зазначка вшорителя* – В. П.).

к учительскому занятію; явитворит[20] то уже и то, что монастырі наши построєны вні селеній, на горах, и таким образом опредїлены на молитвенную созерцательную жизнь. Учат наши члены в Повчи и Мстичеві, насколько возможно, ибо построєны внутр селеній. Между тым я бывал в больше латинских кляшторах, построєных по городам, и на опыті искусил, что большая часть їх все-таки не занимається педаґоґієй и коє-гді ни даже душпастырством. Таковыє и пр. доминіканці в Кошицях; сервіты, мінорити и францисканці в Яґрі; а сколько єсть єще разных капуцинов, кармелітов и др., не посвящающих себя школьному ділу. Но они привілеґірованы од нападеній, їх покровительствуют, кажется, из-за того, что їх больше.

Наша діятельность вні монастыря была бы преимущественно душпастырская и обученіє дітей в сельской школі, соключенной з приходскою церковью. Бывало в время оно, за єпископства А. Бачинскаго, всі приходы – в Біксаді, Мстичеві, Росвигові, Березном, Красноброді и Буковцю – были приключены к монастырям; позже, за вікаріатства пок. І. Чурґовича, приход Зомбор на «hegyalja»[21] был одступлен чрез много літ Мукачевскому монастырю. Теперь приходов нам не дают, ибо и своїх, как говорят, мирских, намноженных преизбытком, нікуда подіти. На капеланії молодаго ієромонаха не только просят, но охотно дадут, даже противо волі «lagazonnal»[22] назначают, как случилось однажды: и из сосідней Пряшевской єпархії, о. Илію Петрашия из Красноброда – в Ніредьгазу. Вот и теперь єсть таких чернецов-сотрудников по селам 6, а тут крик, что монастырі праздны, между тым, когда мирскиє новосвященики сидят на шиї своїх тестьєв и отцов.

По сему ділу об капеланіях цілыя стоги писем находятся в нашем архіві, особенно сыплются они на нас, как из рога обилія, в началі великаго поста и когда «Карпатъ» принесет вість, что один-де или два монахи N. N., между другими, приняли чин діаконства или пресвітерства. Кстаті будет здісь привести дві записки пок. о. протоигумена, отысканныя мною в єго бумагах. Вот они:

> «1790. 29-a Januarii Cancellaria Regio-Hungarica 327/3976. sz. alatt határozta, hogy a parochiákkal a szerzetesházak is szabályoztatni fognak. De biz az szépen elmaradt. A parochiák ugyan szabá-

20 **Явитворити** (*авт. неологізм* «яв + творити») – «указовати» (*зазначка вшорителя* – В. П.).

21 **Hegyalja** (*мадяр.*) – підгоря, берегы (*зазначка вшорителя* – В. П.).

22 **Lagazonnal** (*мадяр.*) – тяжко порозуміти смысел того слова (*зазначка вшорителя* – В. П.).

lyoztattak, de a szerzetesházak, t. i. a Bazilrendüek szabályozva e mai 1882. okt. 30-ig sem vannak. Jegyzette : Mikita Máté rendfőnök»[23].

Слідує вторая записка того же:

«Nehái Pócsy Elek pűspök az oroszvégi lelkészeti kezelést elvette a monostortól, pedig a helytartótanács 14.437/1797. sz. alatt néhai Bacsinszky András pűspök Ő Excellentiájának meghagyta, hogy a monostorok közelében lévő parochiákat a monostoroknak engedje által. 2-or és utóljára a dicső emlékü Popovics Bazil Ő Nméltósága még azt a nehány majorsági Klastromaljai zsellérereket is 1852-ben Oroszvéghez kapcsolta, igy aztán nem csuda, ha a szerzetesek a tanitásról is felhagytak, minthogy a lelkészeti kötelezettségtől elmozdittattak».[24]

Монахи-францисканці, очень рідко занимающиєся школьными ділами, иміют по городам, гді живут, адміністрацію приходов, как на пр. в Сегедині, Солноку, Кечкемейту, Шебеші[25] и в других містах. Вот и в самом Будапешті иміют адміністрацію приходов: капуцины (viziváros), капістраны (országút), францисканы (Ferenczváros); а у нас, кромі Марія-Повчи, нигді; да и етот єдинственный приход давно бы были одняли, єсли бы были средства выстроити особую приходскую церков, дом для священика и наділити єго поземельною недвижимостью.

Теперь монастырь адмініструет приход, не получает ни конгруу, ни коблину од вірников, а обучивает дітей обоєго пола в пяти елементарных

23 *Переклад из мадярського языка:*
«1790. 29-го януара Канцеларія Regio-Hungarica під номером 327/3976 рішила, што монастырі тыж ся будут опіковати парохіями. Але тото ся не стало. Хотяй парохії піддані регулованю, айбо монастырі, напримір Василіанськый чин, до днесь, 30 октобра 1882 рока, ніт. Приправив Матфей Микита, протоигумен» (*зазначка вшорителя* – В. П.).

24 *Переклад из мадярського языка:*
«Даколишній єпископ Алексій Повчій одобрав Росвиговське душпастырство у монастиря, хотяй консісторіальна рада ищи єпископу Андрею Бачинському дала під числом 14.437/1797 дозвіл, обы парохії, што ся находят поблизь монастирів, переходили під адміністрованя монастырів. У другый, и послідный, раз славной памяти єпископ Василь Попович ищи 1852-го рока ушиткых желярів из Підмонастыря приєдинив до Росвиґова, зато ніщто ся чудовати, же монахы провадили туй ай душпастырськой діятельство, не лем школованя» (*зазначка вшорителя* – В. П.).

25 В орігіналі было напечатаной так: «въ... Шебещѣ». Видав, туй проскочила печатна хыба, котру сьме выправили (*зазначка вшорителя* – В. П.).

класах – даром. Не было ли бы полезно и для монастыря, и для єпархії, и для самых вірників, єсли бы приход росвиґовский приключен был к монастирю? Монастырь держал бы постоянно одного молодаго, здобнаго ієромонаха, который был бы адміністратором в Росвиґові и учителем тамошней народной віроисповідной школы; он жил бы в монастирі, а одна часть приходскаго дома служила бы школой, прочія же комнаты и другия хозяйственныя постройки, огород и землі приходника отданы бы на одкуп (аренду), доход з которых шёл бы для разных унґварских заведеній. Третья часть конгруы могла бы быти обращена для внутренняго устройства школы и покупки книг и других средств для убогих дітей. Нынішнему сотруднику-ієромонаху, гді там по городам и селам, не лучше быти здісь адміністратором дома, под оком, чим инді, на чужом хлібі?

Дальшия подробности по текущим вопросам в слідующем писмі.

IV

Мимоходом сказавши что об понятіях «віра, обряд и народность», єсть ли они значенія сінонімаго[26], аналогическаго либо гомогеннаго как лінґвістических тонкостей, не принадлежащих к предмету моїх поясненій, впускатись не желал и не желаю, хотя извістно всякому, что под названієм: «magyar hit»[27] принимаются: віра євангелико-гельветская, обряд протестантский и мадярская народность вкупі. Ето – мимоходом[28].

Слідует вопрос об одпустах и других затронутых вещах. Когда таким образом подобныє вопросы я начал разбирати в «Карпаті», из того єще не слідует, что я достоин привітствія, что «возвратился в своясі»[29]. Было время, когда я сотрудничал в нем, но не на меня пеняти, что умолк.

«Карпатъ» говорит между прочими: «Наши монастырі одличаются[30] только соблюденієм отдпустов, так сії соключены з доходами, хотя иначе,

26 **Сінонімый** – видав, иде за авторськый неологізм; мало бы быти «сінонімичный» (*зазначка вшорителя* – В. П.).

27 **Magyar hit** (*мадяр.*) – мадярська віра (*зазначка вшорителя* – В. П.).

28 Сесе скрытый ответ на статю А. Гомічкова «Вѣра, – обрядъ, – народность. Суть ли то синонимы?», напечатану у новинці «Карпатъ», 1885, №16, с. 1-2 (*зазначка вшорителя* – В. П.).

29 Пібліціста и одповідалный сотрудник «Карпата» А. Гомічков у статі «Вѣра, – обрядъ, – народность. Суть ли то синонимы?» («Карпатъ», 1885, №16, с. 1-2), у котрів провбує дебатовати из А. Кралицькым, предположив, же серія публікацій А. Кралицького у тій новинці є выказом ёго сімпатій до «Карпата» и свидітельством тому, же А. Кралицькый «возвратился в своясі» (помирив ся из «Карпатом») (*зазначка вшорителя* – В. П.).

30 **Одлучатис**я – одличатися (*зазначка вшорителя* – В. П.)..

великоє сими случаями являєтся развращеніє по всім сторонам, єще и в самых монастырях; в народі же *распуст* а не *одпуст* показуєтся, что общеизвістноє діло!».

Ето тот конёк, на котором охотно любятся носитись наши противники, атеисты и протестанты. «Аще бы враг поносил ми, претерпіл бых убо, тыже…». Дивным гласят подобныя упрёки из-под пера ґрекокафолическаго священика-редактора в столбцях орґана єпархіалнаго правленія. Релігіозныя, молитвенныя собранія, или так названныя одпусты совершаются не только в наших угорских 8 монастырях, но и в Унґварі на Цегольні, под боком єпархіалнаго єпископа. Они наділены індулґенціями Апостолскаго Престола. Введены сії одпустовыя собранія не нами – нынішнею ґенерацією, но нашими предками, из видов ли, что они соключены з доходами? Етого ни мы, ни редакція не в состоянії доказати. Довольно, что они суть, мы їх не можем уничтожити и приходящий к нам народ прогоняти. Таковыя релігіозныя собранія не днешні... Они совершались єще и пред унією, как теперь суть они в Кієві, Почаєві и других богомольных містах Росії, Сербії, Болґарії, Романії и пр. некатолических странах. Суть даже у магомедан (Мекка, Медина), буддистов (Ganges). Должно быти извістным и поч.[тенной] редакції «Карпата», что пок.[ойный] прімас Угрії Сцитовский предпринимал в началі 60-х годов такоє же імпозантноє паломничество одпустовоє в Марія-Целл, и тым практику странствованія на богомолныя міста сам освятил, а руганіє над одпустами предостановил на долю протестантов.

Тут между скобками должен я пояснити, уж и історії ради, каким образом наши богомольныя собранія в монастырях получили папския індулґенції.

Пок. Іоанникій Базилович, протоигуменствовавший между годами 1782–1821., іміл сношеніє з каким-то О. Іорданом, прокуратором в Римі Ордена базіліанцев в Польщи, Литві и Малоросії, уничтоженнаго в время третьяго разділа бывшаго польскаго государства. Знакомство началось случаєм посылки О. Іордану Базиловичем своєго сочиненія «Brevis Notitia». Слідствієм сего сношенія были, что О. Іордан выхлопотал 1809. года у Папы Пія VII. індулґенції для всіх угро-русских монастырей, которыя и были обнародованы єпархіалною властью – так само, как и приобрітенныя для Цеголнянской церкви індулґенції пок. Лучкаєм.

Односительно доходов, очень скромных, какия приносят одпусты, надо споставити и расходы, соключены з ними; а труд, беспокойство ґді? Да відь и ті доходы не дарятся только так – Христа ради, но влекут за собою объязательства, должности, и то заслуженныя, ибо «достоин ділатель мзды своєя».

Не подлежит сомнінію, надо сознатися, что случаєм таких собраній релігійных коє-гді случится и нікотороє безобразіє, особенно в время исповіди и причащенія на ранных літурґіях, когда народ толпится; но чтобы «сими случаями являлось развращеніє, в народі распуст» – не понимаю. Єсли вні монастыря, на ярмаркі, гді продаєтся напой, то – діло не монастыря, а поліції. Внутр же не бываєт никакого «развращенія», ибо нашими гостями суть сосідніє священики и їх семейства; первыє – приходящиє на помощ, а фамилії їх – ради богомолія и знакомства между собою. Что тут порицанія заслуживаєт, єсли послі труда между сосідами бываєт скромный обідець? Я здісь пребываю з 1863. года постоянно, а игуменствую зряду 15 годов, но безобразности внутр ограды монастыря не видал никогда.

Итак, довольно об «одпустах»; правда, что придирчивость[31], щепетильность képes a kákán is csomót felfedezni[32], как гласит мадярская пословица.

V

Пишет даліє «Карпатъ», что «од времен бл. п. Іоанникія Базиловича, издавшаго дві большия книги, содержащия історію не только самаго Чина, но всей нашей єпархії и пр.» Чин не проявил діятельности на поприщи літературном, за исключеніем меня одного, ограничивающаго свою літературную діятельность на унґварский русский місяцослов.

Прав «Карпатъ» в сем одношеній, но спрашиваю єго в свою очередь: єсли Базилович как монах указал путь, написал історію не только Чина, но и всей єпархії, тогда єще соєдиненной, почему не нашёлся продолжатель єго літописі, вращающейся преимущественно в сфері єпархіалной жизни, из мирскаго духовенства? Відь нас, ієромонахов, в 8-ми монастырях только 31, а в двух єпархіях єсть священиков (в Мукачевской – 460, в Пряшевской – 215) всего 675, а літераторов єдва будет 10. Говорят, что сочиненіє Базиловича продолжал М. Лучкай, и оно находится в рукописі;[33] жаль, что только находится, почему не издано уж давно на мадярском

31 **Придирчивость** (из *російськ.* «придирчивость») – заїдливость, загрызливость (*зазначка вшорителя* – В. П.).

32 **Képes a kákán is csomot felfedezni** (*мадяр.*) – фразеологічный выраз подобный до: «У чужому оці й порошину видит» (*зазначка вшорителя* – В. П.).

33 Иде за шеститомне латинськоязычне изглядованя Михайла Лучкая «Historia Carpato-Ruthenum…» («Історія карпатськых Русинів…»). Тота історія была приправлена у печать у році 1843, а по смерти автора майже півдругастолітя обставала у рукопису (*зазначка вшорителя* – В. П.).

либо русском языкі? И не обнародовано? Єсть и извістная реплика бл. п. Чурґовича из 60-х годов на латинском языкі в рукописі[34]; почему и она доселі не обнародована печатью? З времен Лучкая, Мигалича, Мустяновича и Артима ніт новійшаго изданія церковных проповідей, и как они нужны, особенно для молодых священиков, єдва стрясших семинарский прах з обуви и, выходя на приходы, не іміют чего взяти в руки для руководства проповіданія слова Божия, что славная вещ в душпастырстві, а особенно в нынішныя печальныя времена, когда обученіє русскому языку поставлено на задній план.

О. Євґеній Фенцик, етот дароватый и трудолюбивый человік, написал церковныя проповіді (я виділ и читал їх) и представил їх духовной цензурі, как подобаєт, а тому уже почти 10 літ. И что вы думаєте? Получил ли одобреніє, поощреніє либо похвалу? Ничуть ніт, цензуруют и до днешняго дня, а странствующая од Савла до Павла рукопись, большемісячный труд, исчезла как камфора.

Приведу єще другой примір літературной діятельности.

Там в Мараморошских горах, в Копашном, живет молодый священик О. Феодосій Злоцкий; он пред тремя годами предпринял изданіє на мадярском языкі (чтоб не оскорбляти чуства патріотическия «московщиною») «A kárpátaljai orosz nyelv oknyomozó Grammatikája»[35]. Подписная ціна была 1 frt, а половина чистаго дохода призначена Унґварским конвіктам. И что вы думаєте, сколько получил он подписчиков на своє сочиненіє из сонма 675 священиков и столько же півцеучителей? 20 sage[36]: дванадцять. Єму было намекнути, когда он предпринимал такий подвиг: Брат! остав ето діло, здай на руки чернецям ибо, как «Карпатъ» говорит, «монастырь Мукачевский могол бы создати русскую печатню… издавати ґазету, школьныя книги, брошуры, читанки для простаго народа и пр.». Разуміется, все ето даром, ибо и тіпоґрафский[37] станок, бумага, чернила и прочия принадлежности печатнаго діла, как

34 Иде за латинськоязычне изглядованя Іоана Чурґовича (1791–1862), котре по смерти автора довгі рокы обставало у рукопису. Лем у другій половці 1880-х років переклав го Калман Юрій Жаткович и дав опубликовати у журналі «Листокъ» (1888, ч. 1-24) під назвов «О разводѣ брака по причинѣ чужоложства: Разсужденіе протоіерея Іоанна Чурговича» (*зазначка вшорителя* – В. П.).

35 «**A kárpátaljai orosz nyelv oknyomozó Grammatikája**» – «Ґраматика підкарпаторуського языка» (*зазначка вшорителя* – В. П.).

36 **20 sage** – выраз: 20 мудреців! (*зазначка вшорителя* – В. П.).

37 В орігіналі было напечатаной так: «моноґрафискій». Видав, туй проскочила хыба, котру сьме выправили (*зазначка вшорителя* – В. П.).

манна, спадут з неба даром; ето все Deus ex machina[38] – nyomozni pedig a nyelvet, nyomozzanak a barátok[39].

Что в Чині, кромі меня и О. Иннокентія Дудича (пишущаго по мадярски), никто не занимається літературою – ето и я сам осуждаю, поріцаю, відь в наших правилах стоит, что нужно заниматися и словесностью духовнаго и історическаго содержанія, ничуть не мішаясь в політику. Того начала и держался я всегда, никогда не касался політики, а все-таки сколько перенес потасовок по разным, не только покутным, но и полуофіціозным мадярским ґазетам из-за моєй «московщины». Даже и то мні ставят в вину, что я получаю русския ґазеты из Росії. Нечего скрывати діло, єсли который из русских писателей в Росії пришлет мні своє сочиненіє или редактор-издатель свою ґазету, то я не возвращаю таковую посылку, уже и из віжливости retour, но приму благодарно, зная, что к международному почтовому союзу принадлежит, кромі Росії, между прочими, и наша монархія. Она доставляєт печатныє плоды Росії, а Росія взаимно єй, как подобаєт между цівілізоваными народами. Єсли же который-нибудь орґан печати таки противен інтересам государства, не нравится, то правительство запретит почтовому відомству єго доставку уже на самой границі, как сталося и з «Словом», но єсли почта принесет мні, а я одберу, то тут виновато преждє всего почтовоє відомство, ставя себя самовольно в категорію orgazda[40]. Но такий вывод: в теперішных одношеніях – нельзя. Идут ґазеты, журналы из Анґлії, Франції, Ґерманії, даже Америки; одно государство другому служит в сем одношенії. Ніт біды, хотя знаєм, что государі, їх правительства и сосідніє народы живут з собою в мирі, согласії, один другаго посіщают, а только нам мерещится московский кнут.

Ставлю точку. К свиданію!

VI

Говорит «Карпатъ» в своїх інкрімінаційных замічаніях далше: «Что в первых касаєтся соблюденія наших церковных обрядов, то видим, что

38 **Deus ex machina** (*латинськ.*) – «Бог из машины». В сочасности тот выраз має іронічне значеня як необчековано щастлива розъязка у драмі, романі ци житю, што не має логічного объясненя. Се така собі волшебна паличка, дяка котрів вшитко дає ся наладити и избігнути катастрофы (*зазначка вшорителя* – В. П.).

39 **Nyomozni pedig a nyelvet, nyomozzanak a borátok** (*мадяр.*) – тото реченя не має смысла. Дословно буде так: «глядати язык, най глядавут цімборы» (*зазначка вшорителя* – В. П.).

40 **Orgazda** (*мадяр.*) **–** злодій, шефтарь, перекупник краденого (*зазначка вшорителя* – В. П.).

з зъятієм одной бороды чин много оставил[41] из первобытных установленій. Соблюденіє постов, одправы церковных обрядов и пр. не суть больше по древнєму».

Я не знаю [больше][42], только один церковный обряд в нашей восточной церкви, будет ли то кафедралный храм или монастырь, иміющий своїх больше чиноположеній – по предпису устава. Но какоє сопоставленіє можно ділати между «соблюденієм и храненієм наших церковных обрядов» внутр церкви и ношенієм бороды? Відь бороду одрасчают и многиє мирскиє ієреї, но зато богослуженіє совершают так, как принято совершати обычаєм по селам. Иной бородатый мирский священик в Земплині (вылишающий єктенії, ірмосы) плоше совершаєт нікоторыя церковныя чиноположенія, чим єго оголеный собрат в Берегу либо Мараморошї. Обряд сам по себі, а борода – тоже сама по себі.

Но зачим діло пошло о бороді – о том клочкі человіческих волос, отличающем мущину од женщины, гермафродіта и кретена, то умістным сужу привести здісь один уступ из «Исторії Пряшевской єпархії» пок. Ал. Духновича, написанной 1846 года по латині и изданной печатью 1877., 2. «О бороді»:

> «Ґреко-кафолический клір, как во всіх правилах благоповеденія любит содержати святую древность, так и в внішнем виді и одежді удержал обычай, любимый древними[43]. Поетому у кліра ґреко-кафолическаго считалось необходимым и ношеніє бороды, и народ в иных містах не считал такого священика за священика, который не носил бороды. Во время Андрея Бачинскаго, єпископа Мункачевскаго, ношеніє бороды оставалось єще в всеобщем обычаї; и того, кто по причині молодости єще не отрастил бороды и усов, в насмішку называли безбородка, и старшиє в большей длинной бороді как бы полагали свою славу. Но когда наши питомці стали воспитыватися вмісті з латинским кліром, з XVIII столітія, ношеніє бороды мало-помалу начало исчезати, и в 1830 году в Пряшевской єпархії нашелся только один священик з бородою – Фома Петрашович, отставный (пенсіонованый) священик. Послі єго смерти остался з бородою только сам єпископ

41 **Оставити** – туй у значеню «одказати ся», «одречи ся» (*зазначка вшорителя* – В. П.).

42 У квадратных скобках додали сьме слово, котре там хыбит подля контекста (*зазначка вшорителя* – В. П.).

43 А между тым и сам автор, Духнович, не носил бороду (***зазначка А. Кралицького***).

Ґригорій Таркович, а з єго смертію ношеніє бороды зовсім исчезло.[44] Замічательно, что из ґреко-кафолических єпископов первый без бороды был Василій Попович»[45].

Єсть письменный приговор собранія священиков Маковицкаго віцеархідіаконатства од 1774 года над священиком Михаилом Балудянским, не хотівшим носити бороду. Вот текст етого приговора, в переводі з латинскаго: «Поєлику преподобный отець Михаил Балудянский, приходский священик с. Комлоши, вот уже пятнадцать літ послі одштрафованія єго одним золотым дукатом, послі частых увіщаній и справедливых укоризн не начинал єще одпускати бороду сообразно з похвальным обычаєм нашего святаго обряда, поетому, поддерживая правила єдинообразія и благочестивый обычай нашего святаго обряда, мы опять полагаєм на него пеню (schtraf) в один золотый дукат, в то же время нашею общею окружною властію строжайше требуя, чтобы он перестал брити свою бороду – под страхом быти одштрафованым, без милосердія 3-ми зол. дукатами, єсли послі сего кто-нибудь (sic!) из наших приходских священиков увидит єго обрытым».

Столько о бороді! Справедливость требуєт признати, что и в нашем чині страсть к брытві была не днешняя. Знаменитыє своєю строгостью к внішней обстановкі протоигумены Бованкович и Галечкович, слушавшиє курс богословский, первый в Тирнаві, а второй – в Унґварі, послі своєго рукоположенія долго не хотіли запустити бороду, о чем єсть доказательства в архіві Мукачевскаго монастыря.

Говорится даліє в наведенной статьї «Карпата», что «соблюденіє постов не суть больше по древнєму». Разуміется, что соблюденіє оно не єсть так, как было в древности, за времен св. Василія на востокі, гді образ жизни єсть другий, не подходящий к нашему клімату и нынішным временам. Нарушеніє поста (если єго нарушеніем можно назвати) сталося в первый и послідный раз 1873 года, во время холеричной епідемії, когда сам пок. єп. Ст. Панкович разрішил несоблюденіє поста – по своєй святительской власти. Впрочем, стоит в наших правилах:

«S. Basslius M. quoad Refectorium Monachorum Reg. Fus. Inter. № 18. praescribit sequentia: Omnia si quando occasio se dederit: degustanda nobis sund, ut videntibus compertum sit et exploratum,

44 Ныні носит бороду в Пряшеві капитулярный каноник Михаил Михалич (solus barbatus) (***зазначка А. Кралицького***).

45 По той главной причині, что очень скудно росла у него. А между тым румынскиє владыки носят бороды, каноники же голятся (***зазначка А. Кралицького***).

cuncta mundis munda esse, omnemque Dei creaturum esse bonam, nec quidquam cuod cum gratiarum actione assumatur rejiciendum esse» (Sec. I. Cap. XI., §. 1.)[46].

VII

Говорит «Карпатъ» дальше: «Что в первых касаєтся соблюденія наших церковных обрядов, то видим, что, з изъятієм одной бороды, Чин много оставил из первобытных установленій...».

Много оставил! Ну, и что именно оставил? Ничего не оставил, но держит, соблюдаєт, как исконі предписано св. Отцями. Не подлежит, впрочем, сомнінію, что Мукачевский монастырь теченієм столітій был єдинственным приютом церковной жизни и восточно-славянскаго обряда под Карпатами между русским народом, когда єще кафедральных храмов не существовало ни в городі Мукачеві, ни в Унґварі и Пряшеві; и все исходило из монастыря Мукачевскаго. Одтуду та приклонность нашего народа к монастырям, которая сігаєт к временам єще до єпископства Андрея Бачинскаго. Придерживаясь строго к полноті исполненія церковнаго обряда, настоятельство Мукачевскаго монастыря 1783-го года выслало нарочно в Кієв ієромонаха Діонисія, чтобы там, у источника[47] русской церковной жизни, изучал правильность и чистоту церковнаго обряда, гді он провел 2 года и, возвратившись, исправил вкравшияся в церковноє чиноположеніє чрез столітія безобразія и искаженія; между тым когда по селам все осталось по-древнєму. Одтуда та разниця между рядом чиноположеній и напівом по монастырям и селам, не изъяв и кафедралных храмов.

Бл. п. єпископы Попович и Ґаґанець даже присылали на нікотороє время своїх питомцев в Мукачевский монастырь, ради изученія церковнаго обряда; каковыє были: Jeles Péter, Tóht Miklós (позже єпископ пряшевский), Majoros Mihály, Munkácsi Mihály и другіє.

Но первый настолько успіл освоитися з правильностью церковнаго чиноположенія, что служа в М.-Повчанском монастырі 8-го сентября на рождество Богородиці всенощноє бдініє, на вечерні совершал великий вход з євангелієм и кадильницею в руках. Он же в ину пору совершал на праздник Вознесенія крестноє шествіє вокруг церкви з плащаницею.

---

46 «Святый Василій односно трапезы монахів заповідав далші прінціпы: Можеме уживати вшитко, што є в данім моменті про нас доступне, обы свідкы виділи и розуміли, што про чистых воно є чистоє и всяка Божа творба є добров, и не належит одмітовати нич из того, што ся уживає из вдячностёв» (Секція І. Глава XI., §. 1.).

47 **Источник** (из *російськ.* «источник») – жерело, извор (*зазначка вшорителя* – В. П.).

Вот вам Маркошовский egyöntetűség,[48] по которому требуется, чтобы молодыє ієромонахи, рукополагаємыє в Унґварі, кончили седмичноє богослуженіє, ради засвидітельствованія какой-то однолитости (egyöntetűség) церковнаго обряда, которая ина в монастырі, а ина – по селам. Зная кто в точности церковный обряд, не трудно єму зділати однолитость, то єсть вылишити то, что вылишаєтся по злоупотребленію, и – однолитость готова.

Извістны суть містности, гді в очень искаженном виді совершаєтся церк. богослуженіє; так, особенно на мадьярских сторонах вылишаются, кромі єктенії мирной, всі прочія.

Я допускаю, что и по меншим монастырям не все совершаєтся по предпису, особенно в літную работную пору, но тому недостаток єсть скудость членов; а по большим монастырям, в Мукачеві и Марія-Повчи, совершаєтся єжедневноє богослуженіє слідующим образом : утром встаєтся 6-го часа; чрез полчаса идется в церков и начинаєтся полунощниця (повседневная, суботняя и недільная) по ряду дней; затым заутреня з ексапсалмами, двумя кафізмами, стихологіями, канонами з ірмосами и нікогда катавасією. Вконці І-ый час и Литія за усопших (грамота), когда ніт великаго славословія. 9-го часа бываєт літургія. Под тым временем, когда літургізующий чредный ієромонах совершаєт проскомідію, на клірості чтутся часы: 3-ій, 6-ый и обідниця. Вконці літургії єжедневно даєтся антідор, єсть ли кто в церкви или ніт. Вечерня начинаєтся зимою 3-го, а літом 4-го часа, предварительно з 9-ым часом и заключительно з повечерієм.

Так кончится ли церковноє богослуженіє хотя, по крайней мірі, на тых містах, гді все полагаєтся на egyöntetűség ?

VIII

Кто исправніє соблюдаєт правильность церковнаго обряда, явитворят слідующия два письма чиновственныї:

> «№ 37. Преосвященный Архієрей, милостивійший Архіпастырь и Отец! Текущаго года день св. трех Святителей в среду сырныя седмиці припадуєт, в который день по уставу церковному св. Літургія не совершаєтся, токмо часы з поклонами и вечернею, которой причины ради св. М[атірная] церков службу їх в вторник тоя же седмицы переложила, яко же то находим в главах Марковых, мінеї и тріодіона, и к тому

48 **Egyöntetűség** (*мадяр.*)– єднородность, монолитность (*зазначка вшорителя* – В. П.).

єще в Временникі галичанском інстітута Ставропигійскаго; под примічанієм тым «по уст. гречес. в среду и пяток сырн. седмицы не бывает літургія, кромі великаго праздника «Срітенія» и даліє в сем году переносится на нынішный день служба св. трех Святителей, из среды сырной». В главах же Марка, мінеї и тріодіона устав прямо повелівает: аще случится трех Св. в среду сырныя седмицы, поєм службу їх в вторник, аще же в пяток, поєм службу їх в четверток тоя же седмицы. Прото, ибо в тыя дни сырн. в среду и пяток, который совершаются первой седмицы св. вел. поста, ниже одному великому святому службу не допущает, 1-ая же седмица великаго поста даже и самый праздник Срітенія на неділю сыропустную предлагает, и токмо єдин день праздновати повелівает. Трем св. же, аще и в вторник или четверг сыр. неділі случится, славословіє вел. им не допущает, но токмо малоє, и по єктенії Испол. поєм на стиховні тріоді з припівы дневными, слава Святых и ныні Богородич. Єсли таже устав церк. трех Свят. службу во среду и пяток сырныя седмиці не допущает, т. р. з взором моєго мнінія ниже той день святити подобает, но той, в который служба їх совершается, как т. г. в вторник сыр. в 29-ый день, ибо свято без св. Лутургії, кромі вел. Пятка, ниґда не бывает. Но в преки нахождаю в місяцослові, изданном обществом св. Вас. Вел. на год 1885., в нем положенном уставі церк., который обычно повелівает службу трех Свят. в среду сырн. совершати. Я как настоятель Чина Св. Василія Вел. устав церк. всегда наблюдати и к нему строго приліплятися за строгую должность себі почитаю, ибо єсли бы-м нєчто из устава церк. пренебрегнул, за тоє и под управительством моїм сущеє общество упрекнути могло бы. И зато, чтобы под управительством моїм сущиї монастырі з єпархією єдинолитно день трех Св. совершати могли, т. р. з сыновною преданностью отсміляюсь В. Преосвященство смиренно попросити, чтобы мені о сем Отцовскоє направленіє вселаскаво подати благоизволили: «единолитности» или устава Церк. держатися ли имію? Из причины ради, ибо церквы наши на той день и нікиє вірники посіщати звыкли, мы же по уставу церк. в той день т. є. среду св. літурґію совершати не будем. Впрочем ... февр. 4. 1885. Матфей Микита протоигумен».

На которое воззваніє приспіл слідующий отвіт:

«452. Прев. Микита Матфею Чина св. Василія Вел. протоигумену и конс. Присідателю. На горі Чернецкой. Вслідствіє писма Возлюбленностію Вашою п. ч. [под числом] 37 текущаго года поднесеннаго, сообщаю з Возлюбленностію Вашею, что поєлику в здішнем кафедралном храмі в сырную седмицу преждеосвященных літургій[49] по дотеперішнему обыкновенію не одправляєтся, и уже не достаєт довольнаго времені по всей всеобширной єпархії окружным писмом обнародовати направленіє со взором подержанія иль переміненія праздника трех Святителей, сих важных причин ради на прошеніє сіє желаннаго наставленія иль направленія поданіє излишным быти судится, обаче объявляєтся; что во парохіалных обществах свято трех Свят. в своє время подержатися імієт, а в монастырях не препятствуєтся, чтобы древнєму обыкновенію приспособленіє творилося.
Данно во Унґварі 2-го февраля г. 1885. Михаил Маркош, єпископ.[ский] вмістоблюститель».

Вот, и то пишет Cantor Canonicus кафедралнаго храма, требующий седмичнаго служенія од молодых рукополагаємых ієромонахов ради засвидітельствованія чудовищной однолитости… Хороший egyöntetűség! В Галиції празднювано трех Святителей в вторник, а в Мукачевской єпархії, в кафедральном храмі и по селам, – в среду, благодаря одличному знанію церковнаго обряда.

Зачим зашла бесіда об обряді, то прав «Карпатъ», что одправы церковных обрядов не суть больше подревнєму и Чин много оставил из первобытных установленій. Но зділал ето не только сам Чин и настоящая ґенерація єго, а всі мы; собственно же, не мы, но наши предки, пра-прадіды[50] в отдаленной древности, за столітія взад, коґда, приняв доґматическую унію, предки наши думали, что и обряд надо вставити в латинския рамки. Вину сію теперь узнаєт всякий и єсть стремленіє исправити єя, но ето не так легко и не так скоро; для искорненія вкравшихся несообразностей обрядовых требуєтся времені и труда, особенно научнаго: надо преждє изучати смысл и дух церковн.[аго] обряда и так помалу приводити єго в желаємую чистоту; но тоє зділати Чин сам по себі не может, єсли не хочет навлечи на себя наріканіє об введеній «новшеств»

49 Відь вопрос здісь не идет об преждеосвященной літургії, а о часах з поклонами. Преждеосв. літургії начинаются з середы 1-ой неділі 40-ці и кончатся в страстную середу (***зазначка А. Кралицького***).

50 В оріґіналі было напечатаной так: «пра-пра-бідьі». Видав, туй проскочила хыба, котру сьме выправили (*зазначка вшорителя* – В. П.).

и, пожалуй, – «московщины», что теперь всего легче дається. Тут нужна дружная сила, особенно зверху.

Нынішный папа Лев XIII. назначил в Римі комісію, состоящую из кардіналов и прелатов (в состав которой входит и бывший митрополит галицкий Ёсиф Сембратович, один ґрек, армянин, сірієць), задачею которой єсть очистити восточный обряд од бессмысленных чужих примісей и поставити єго в древнюю єго чистоту. Комісія сія имієт свою віце-комісію обрядовую в Львові, о дійствіях которой мало что знаєм, так как не получаєм галицко-русских газет. Но все-таки діло уже начато, хотя Roma пока єще не-locuta[51].

По предписам устава восточной церкви должен быти в храмі один престол (алтарь), отділен од корабля преградою іконостаса, з тремя дверьми и завісою в царских вратах, которыє должны затворятися в установленноє время богослуженія. Літурґія должна всегда пітися и никогда шепотом читатися, во всеуслышаніє, ибо церковь молящуюся составляєт не лиш сам ієрей з півцем, но и весь народ; священик же и діакон во время богослуженія состоят з народом как бы в духовном, молитвенном разговорі; потому народ должен, молясь вголос з священиком, все вниманіє на него обратити, потому не у міста єсть употребленіє разных молитвенников, хліб души и пр., из которых, молясь шепотом каждый про себя, не может внимати на увіщанія священика: «воньмим»! «Станем добрі»! «Услышим св. єванг.» «Премудрусть прости»[52], Приступите! Просим, Молимся, Мир всім, Благодать… з вами и пр. и пр. И єсли так стоит діло богослуженія, совершаємаго на понятном народу язикі, то для чего употребляются ручныє звонки? Иноє діло у латинян, там совершаєтся богослуженіє на непонятном народу язикі, латинском, потому у них нужно обряцаніє колоколчиком[53], переношеніє міссала з однаго бока на другий, дабы людіє вставали под час чтенія євангелія. Одтуду у них и разныя молитвы, mikor a pap kifordul, mikor kezeit mossa, mikor a pénzt szedik stb[54]; но у нас не так, станем на коліна тогда, когда ієрей на вечерні Сошествія св. Духа пригласит нас к тому словами: «Паки и паки приклонше

51 **Roma** пока єще не-**locuta** (*латин.*) – Рим ищи ся не выповів (*зазначка вшорителя* – В. П.).

52 В Дорогском мадярском переводі літурґії стоит: «Bölcsesség, igazhivők!», между тым когда в німецком переводі Я. Головацкаго єсть зовсім другий смысл, именно: «Weischeit, stehet auf!» (***зазначка А. Кралицького***).

53 **Колоколчик** (из *російськ.* «колокольчик») – звончик, звоночок (*зазначка вшорителя* – В. П.).

54 **Mikor a pap kifordul, mikor kezeit mossa, mikor a pénzt szedik stb**. (*мадяр.*) – коли священик обертається, коли мыє руки, коли бере гроші и т. д. (*зазначка вшорителя* – В. П.).

коліна Господу помолимся!»; в ину пору всегда стоим, а не сидим на скамейках, как на концерті либо в театрі. «В церкви стояше славы твоєя, на небесі стояти мнимся». Поклоны бьєм в пості, изъявше воскреснаго дня до вечерні, а літом – ніт. Крестноє шествіє вокруг церкви должно совершати противу солнцу, т. є. з правой стороны на лівую, наподобіє обхода священика около престола.

Есть містности, по которым не совершаєтся установленная в дні св. четыредесятницы літурґія преждеосвященных даров, но вміcто єя єжедневно совершаєтся літурґія св. Іоанна Златоустаго, которую в еті дни должно совершати только по суботам.

В восточной церкви должна употреблятися теплота на літурґії, к чему служит и молитва в літурґіконі: «Теплота віры, исполнь Духа святаго! аминь». Затім губка (spongia, schwamm, tengeri tapló), которою вмісто перста отираєт священик дискос.

На воскресных літурґіях поются єжедневныя антіфоны: «Благо єсть исповідатися Господеви», вмісто «изобразительных» «Благослови душе моя Господа» и «Хвали душе моя Господа» псалмов, дійствительно, возвышающих к Богу душу вірующаго.

К словам, произносимым пред чтенієм євангелія: «услышим святаго євангелія», не прибавляєтся, как было нікогда, слова: «мир всім!» (соблюдаємыя у румын и поднесь: pace tululor!), хотя и в латинской церкви употребляєтся пред чтенієм євангелія соотвітствующеє етім словам выраженіє «Dominus vobiscum». Сугубая єктенія, произносимая непосредственно послі євангелія, и єктенія оглашенных, особенно в Земплинском комітаті, всеціле вылишаются.

Много бы можно єще привести разных несообразностей обрядовых, нуждающихся в изміненії, но довольно пока и тых.

МАТФЕЙ МИКИТА, ПРОТОИГУМЕН

(1802 – 1885.)

1885-го года 18-го марта помер на горі Чернечей возлі града Мукачева о. Матфей Микита, протоигумен монахов устава св. Василія В.[еликаго] в Угорщині – на 83 году жизни, а 20-го марта отбылось єго погребеніє з большим участієм так кліра, как и мирской інтелігенції.

Посвятим таже єго памяти ніськолько строк.

Семейство покойнаго происходило из Шарішскаго комітата, селенія Фінцице (Finta) вблизи Пряшева, гді предки єго у ґрафов Dessewffy состояли в кріпостной зависімости. Одтуда около 1760 г. ґрафская фамилія, закупив селеніє Ґаву (Gáva) в Саболчском комітаті, выселила родину Микитовых на новоє поселеніє. Дід не уміл по мадьярски, отець научился, но не забыл и по русски, сын же (Михаил, Матфей) в дітинстві не знал ничєго по русски, так как матерь была мадьярка р.[имо] к.[атолицкаго] обряда; и научился только в чині.

Родился пок. протоигумен 1802. г. 20-го сентября. Училищноє поприще начал в М.-Повчи, продолжал в Нодь-Каролі, а окончил в В.-Вараді. В иночество вступил на 21 году жизни 1823 года, и послан для новіціатнаго искуса в Краснобродский монастырь; там усвоился из русскою разговорною річью. 1825 г. изложил иноческий обіт, а 1826 г. был рукоположен в пресвітеры тогдашнім мукачевским єпископом Алексієм Повчи.

Послі рукоположенія был намістником (економом) в Мукачевском монастирі, позше в том же качестві послан в М.-Повч. Незадолго затим послали єго адміністратором прихода в Nagy-Károly, одкуда возвратившись, был за краткоє время игуменом в Мстичеві. З тых пор был знова м.-повчанским намістником – даже до 1851 г., когда избран суроґатным игуменом к престарілому игумену Іосифу Демяновичу.

1852 года послан в сані ординарнаго игумена в Біксад, а одтуда 1856-го года в том же званії опять в М.-Повч.

1869 года на Краснобродском соборі избран в протоигумены угорской области Чина св. Василія В., в котором званіи прожил, к удовольствію своєй братії, чрез 16 літ непрерывно, даже до смерти. Он, научившись по русски, любил читати русскія ґазеты, брошуры да книги. Послідніm єго чтеніем (пред пару неділями до смерти) было изрядноє сочиненіє: «Постановленія апостольскія (Constitutiones ap.) въ русскомъ

переводѣ. Казань, 1864», которым творенієм не мог довольно налюбоватись. Вічная єму память!

Здісь кстаті будет навести перечень всіх протоигуменов до смерти бл. п. Матфея Микиты[1].

До **1**733. года єпископы мукачевскиє, жившиє в монастирі горы Чернецкия, были вмісті и протоигуменами, и игуменами сего монастыря, даже до 1733. г. До того времени званіє протоигумена не было извістно, а началось од Ґедеона Пазина по слідующему порядку:

1. **Ґедеон Пазин** **1733–1761. г.**
2. **Макарій Шугайда** **1761–1764. г.**
3. **Антоній Коцак** **1762[2]–1772. г.**
4. **Сільвестр Ковейчак** **1772–1782. г.**
5. **Іоанникій Базилович** **1782–1821. г.**
6. **Боніфаций Стромецкий** **1821–1827. г.**
7. **Максим Ієленяк** **1827–1830. г.**
8. **Яков Бованкович** **1830–1839. г.**
9. **Ґерман Минский** **1839–1841.** г.
10. **Веніамин Яцин** **1841–1845. г.**
11. **Алексій Галечкович** **1845–1848. г.**
12. **Яков Бованкович** (2) **1849–1854. г.**
13. **Алексій Галечкович** (2) **1854–1863.** г.
14. **Ірінеї Зелній** **1863–1866. г.**
15. **А. Галечкович** (3) **1866–1869. г.**
16. **Матфей Микита** **1869–1885. г.**

---

1 Дахто из изглядователів історії ЧСВВ (о. В. Пронін, о. А. Пекар) зауважувут, же інформація А. Кралицького за протоигуменів од 1733 до 1885 року подаґде ся не избігає из «Schematismus cleri Diocesis Munkacsiensis A. D. 1876» (suctore J. Mondok), c. 322-325. *Позирай главно*: ВАСИЛИЙ (ПРОНИН), архимандрит. Собрание трудов. Т. I: Жизнеописание. Научные и богословские исследования. – Ужгород: Патент, 2010, 243; ПЕКАР А. Нариси історії церкви Закарпаття. Т. III: Монаше життя. – Ужгород: Ужгородська міська друкарня, 2014, с. 166-168 (*зазначка вшорителя* – В. П.).

2 Туй у хронології проскочила, видав, напечатна хыба (*зазначка вшорителя* – В. П.).

ІОАННИКІЙ БАЗИЛОВИЧ, ПРОТОИГУМЕН

«Поминайте наставники ваша»

Родился 1742. года в Гливищах, селенії Унґварскаго комітата, од убогих родителей. Школноє обученіє получил в Унґварі и Кошицях; а позже постутил в монахи на Чернечей горі. Чрез 38 літ был непрерывно протоигуменом и как таков жил в Мукачевском монастырі. Настоятелем был строгим. Помер там же 18-го окт. 1821. г.

Жизнь єго не прошла бесслідно, ибо лишил по себі изрядноє латинскоє сочиненіє под заглавієм: «Brevis Notitia fundationis Theodori Koriathovits, olim ducis de Munkács» и пр., в котором легким слогом излагаєт історію монастыря Мукачевскаго. Етой історії часть I. II. и III. появилась 1799. года, а IV. V. и VI. – 1801. г. в Кошицях. Затім составил по латині и старославянски извлеченіє из правил Чина.

Кромє тых, написал по старославянски «Толкованіе церковныхъ обрядовъ», которое гді-то в Унґварском єпископском архіві находится; оно пред смертью каноника Антонія Чопея находилось у него. Изданіє єго печатью не удалось про избыточную строгость тогдашняго цензора іллірических книг в Будині Ґриґорія Тарковича, позже перваго єпископа Пряшевскаго.

МОНАСТЫРЬ СВЯТАГО ОТЦЯ НАШЕГО НИКОЛАЯ НА ГОРІ ЧЕРНЕЦКОЙ, ВОЗЛІ МУКАЧЕВА

Етот монастырь основан в честь св. о. Николая русско-літовским князем из Подолії Теодором Коріатовичем 1360. года.

Казимір, польский король, будучи бездітен, на польском сеймі 1339. г. поднял вопрос о престолонаслідії; многиє из послов желали избрати в королі Константина Коріатовича, подольскаго князя, внука Ольґерда, князя Літванії, который в етой цілі и прибыл в Краков; но так как сей не хотіл приняти латинский обряд, то одпал од избранія, возвратился в Подолію и умер.

В Подольском княжестві наслідником Константину был Теодор Коріатович, князь новгородский, который, когда не хотіл літванскому князю подать платити, был стариннаго Новгородскаго княжества лишен и как изгнанник удался к угорскому королю Людовику Великому, прося

подпоры. В одсутствії єго Літвины напали на Подолію, разбили войско Коріатовича и заняли Подолію.

Наслідником польскаго короля Казиміра был назначен Людовик, угорский король, который наслідницею польскаго трона зділал доч свою Ядвигу (Hedvig), выданную замуж за Яґеллу, князя літовскаго; тогда Літванія, к которой надлежала и Подолія (уділноє княжество Теод. Коріатовича) была соключена з Польшей в одну державу, и так Теодор Коріатович, будучи лишен отцевскаго наслідія, взамін получил од Людовика, угорскаго короля, імінія Мукачевскоє и Маковицкоє, состоящеє, послі Шмідта, яґерскаго єпископа, из 300 селеній и города Мукачева (Smidt, t. I., 269. стр. — Kojalovicz A. Hist. Lithvan, p. I., 303. pag.)

Из так полученнаго взамін імінія своєго князь Теод. Коріатович основал Мукачевский монастырь на ближайшей горі, прозванной од поселившихся на ней чернцов, или монахов Чернечею, или Чернецкою, а не Csernek, ибо сему имені смысла ніт. Преданіє говорит, что упомянутый князь раз вночи виділ ангела, ходящаго по волнам Латориці и указывающаго на реченную гору (См. Андр. Дешко «О Карпатской Руси». Кіевлянинъ, 1846. года). Для учрежденья новаго монастыря князь записал єму дві селенія – Бобовищи (Бубулишка) и Лавки, з всіми доходами – так реґальными, как барщиной (панщина) да десятинными (діжма) оброками.

Монастырь сей впослідствії перешел чрез разныя переміны судьбы. Было время, когда в самом разгарі Раковціанских смут почти 60 годов зряду стоял пустым. Учредительная єго грамота зберегаєтся в архиві Пресбургскаго капітула, но подлинность ея нікоторыми новійшими писателями оспаривается, как бы імініє монастыря з неба упало или был другий безъименный основатель єго. Тогда и прочия грамоты, и важные документы одчасти пропали, а одчасти унесены спасавшимися бігством монахами в ближайшиє галичско-русскиє монастырі. Благодаря кардиналу Колоничу імініє монастырю возвращено.

В виду всіх гоненій, воздвигаємых противо монастыря, королі угорскиє всегда по єго стороні стояли, защищая єго од оліґархических посягательств; таковые были: Матфія I. 1488., Максимиліан II. 1569., Фердинанд III. 1641. года.

В сем монастырі обытали исконі єпископы Мукачевскиє, как и игумены монастыря, даже до времен Мануила Олшавскаго (1743.), гді держали и церковные сіноды.

Первая церков монастырьская была деревяною, вторую – каменную – за єпископства Іоанникія Зейкана (+1684.) соорудил князь Молдавянский, которая 1823. года єще стояла, но скоро развалена, по шаткости. Нынішнюю церков, стоящую над рікою Латорицею, стал созидати

тогдашній протоигумен и історик церковно-русский Іоанникій Базилович (рожден в Хлівищах Унґварск.[аго] комітата) на издержках угро-русскаго дворянина бл. г. Димитрія Раца (+1782. г.), бывшаго управителя добр ґрафа Ф. Каролія. Будовля началась 1782., а довершилась 1804. года. Тот же приснопамятный ктітор соорудил на собственных издержках и нынішнюю обитель иноков (*рисунок, которой прилагаєм*) между 1766. – 1772. годами.

В новійшеє время монастырь значительную потерю понес чрез пожар, случившийся по неосторожности зодчих, покрывавших церковную башню жестью (bádog) 18-го іюля 1862. года, когда згоріли церков и монастырь, но чрез 2 года были покрыты обі вежи жестью (1863. – 1864.), а кровлі – ґонтами, как ныні показывают. К нещастью, того самого 1862. года обокрали ночью злодії церков и унесли чаші, ківот и прочія древнія драгоценности.

МОНАСТЫРЬ МАРІЯ-ПОВЧАНСКИЙ

Монастырь сей одолжен своїм учрежденієм ґрафу Францу Каролію (de Nagy Károly). Етот сановник был человік благочестив и любитель наук; он в Великом Карольї основал книгопечатню и там печатал свої, по большей части духовнаго содержанія, сочиненія.

Прежде, в 1739. году, был он ґенералом кавалерії и участвовал в войні з турками под Белградом, гді 23-го іюля австрійския войска были поражены. В етом сраженії спас єго од неминуємой смерти єго адъютант Димитрій Рац (родом из Мукачева), происхожденія сербскаго, но ґреко-уніат. Послі заключенія мира з турками подал в одставку, взяв з собою храбраго адъютанта и зділав єго главноуправляющим своїх владіній.

Селеніє Повч (в Саболчанском комітаті) принадлежало к імінію ґрафской фамилії. Тут в приходской церкви (єще 1715. года ікона Пр. Богородиці слезы проливала и послі исслідованія высланников Яґерскаго лат.[инскаго] єпископа объявлена чудотворною.

По внушенію Димитрія Раца ґраф для чудотворной іконы начал созидати великую церков из кирпіча, которой основаніє єще 1731. года єпископом Геннадієм Бізанцієм заложено. Єще тогда не было рішено, будет ли церков монастырская или приходская. В 1756. году церков довершена; но єще преждє, 1747. года, повстал спор между полномочным управителем ґрафских иміній Д. Рацом и єпископом Мануилом Олшавским об єя качестві. Рац желал зділати єї монастырскою (он же соорудил и Мукачевский монастырь з церковью на горі Чернецкой), а єпископ рішил поставити тут свою літнюю резіденцію и зділати церков приходскою. Поетому и спровадил своїх сродников сюда из Олшавиці (з Спиша), од которых чрез женитьбу потому произошла фамилія Gergelyfi. Спор рішил ґраф, основав в Повчи, додав прилагательноє «Марія» (Повч), здісь монастырь для иноков Чина св. Василія В.[еликаго].

Вскорі востали затрудненія зо стороны Яґерскаго лат. єпископа, который сопротивлялся, чтобы тут монастырь созидался, ибо вблизи, в Ньїр-Баторі, єсть міноріты, и так два монастырі не выжиют. Чтобы и етому затрудненію конець положити да русских монахов од унизительнаго попрошайничества (questa) увольнити, ґраф подарил своє цілоє повчанскоє імініє монастырю, з правом реґалій и десятиннаго дохода, но под тым условієм, чтобы в случаї упраздненія русских иноков семейство[1] єго дотацію свою назад могло взяти.

Монастырскоє зданіє (обытель) начало сооружатися из кирпіча (цегла) 1749. г. и монахи в новопостроєнный монастырь введены єпископом 1753. года, прожив преждє чрез 3 года в деревяном приходском домі. В 1856. – 1861. годах церковныя башні, числом 5, покрыты жестью (bádog) и вся внєшность[2] церкви обновлена.

Здішняя церков имієт папския індулґенції в Богородичные праздники по обоїм обрядам; народу собираєтся тут множество, начав з праздника св. пророка Илії – до покрова Богородиці.

1 **Семейство** (из *російськ.* «семейство») – фамілія (*зазначка вшорителя* – В. П.).

2 **Внєшность** (из *російськ.* «внешность») – вызір (*зазначка вшорителя* – В. П.).

МОНАСТЫРЬ БЕРЕЗНИЦКИЙ

Місто, на котором ныні монастырь стоит, в прошедшеє время служило кладбищем[1]. Знаменитая фамілія Гомоннаї (Homonnay, преждє Drugeth), владівшая тогда нынішніми казенными Унґварскими помістьями, хотіла было на етом місті построити какия-то хозяйственныя зданія; и когда каменщики копали ров для фундаментов, то обріли-дє в рові нетлінныя мощі неизвістной дівиці. Тронутая етою находкою богоговійная семья[2] поставила на том місті, вміcто хутора (majorsag), часовню, в коєй по временам русский народ присутствовал св. літурґії. Впослідствії прибыл сюда нікий инок[3] из Галиції и, плінен живописною красотою містоположенія, поставил себі здісь келію, а в часовні совершал богослуженіє и обучивал малчиков[4] ґрамоті. По смерти єго єму слідовал наслідник, а за сим – другой. А так как місто сіє в глазах так русскаго, как и латинскаго народа поднялося и было часто посіщаємо, то из Мукачевскаго главнаго монастыря были сюда посланы иноки для постояннаго жилища, которые при помощи ґрафскаго семейства построили около 1742. года монастырь. Они также по щедроті окрестнаго народа воздвигли и церков из камня.

Церков и обытель около 1861. года обновлены да новійше (1885. – 1889.) приукрашены. На прилежащем холмі около «граба» поставлена часовня в честь пресв. Д.[івы] Марії Лурдской (Lourdes), гді совершаєтся по воскресеньям и праздникам св. літурґія.

---

1 **Кладбище** (из *російськ*. «кладбище») – цвынтарь, теметів (*зазначка вшорителя* – В. П.).

2 **Семья** (из *російськ*. «семья») – родина (*зазначка вшорителя* – В. П.).

3 **Инок** – монах (*зазначка вшорителя* – В. П.).

4 **Малчик** (из *російськ*. «мальчик») – хлопець (*зазначка вшорителя* – В. П.).

МОНАСТЫРЬ КРАСНОБРОДСКИЙ

Касательно своєго основанія и первобытнаго состоянія обытель сія не имієт никаких древніх ґрамот. Самыє древніє простираются только к первой половині прошедшаго столітія, т. є. к времені возвращенія в етот монастырь монахов послі їх рассіянія мятежем Раковціанским. По преданію, относящемуся єще к XIV-му столітію, какой-то сліпець одыскал здісь колодезь, водою коєго умывшись, иміл-дє прозріти и якобы иміл здісь построити часовню (kápolna), в которую помістил находящуюся и понині в нинішней каплиці ікону пр.[есвятой] Богородиці. З тых пор народ стал громадно собиратися на сіє місто з крестным шествієм, о чем довідавшись тіх стран владілець (на Маковиці) русский князь Теодор Коріатович веліл построити здісь церков и монастырь из дерева.

1603. года ґраф Валентин Друґет (Homonnay), в то время протестант и полководець Бочкая, а позже – католик, проїзжая мимо монастыря, в недалекі от єго містопребыванія – Гуменнаго (Homonna), в сам храмовый

праздник Сошествія Св. Духа з своїми бандеристами-куруцами (вроді ополченцев) веліл поджечи монастырь и церков по причині, что лошадь єго, испугавшаяся от процесійных хоругвей[1] странников-богомольцев, збросила єго, од чего ґраф понес значительные ушибы. А так как чрез долгоє время не мог выздоровитися, то (по совіту врачев) намісто погорівшаго монастыря построил другий, вмісті з церковью. Рассказывают на основанії преданія, будто в том пожарі невредимою осталась вышеупомянутая ікона Богоматери.

Та же судьба постигла монастырь опять в 1708. году, когда монастырь вновь разграблен, по причинам, которыя здісь приводити не у міста. (Они описаны в моноґрафії Szirmay). Довольно того, что монахи разбіглись, а монастырь остался праздным, будучи поставлен под надзор так зовомых Curator-ов из среді білаго духовенства и мирян, пока в 1729. году знова не введены монахи. Они в 1752. году построили тут церков из твердаго матеріала (*смотри рисунок*), которую освятил єпископ Мануил Олшавский. Вслід за тым в 1761. году сооружена и часовня, в которую поміщена упомянутая ікона. Обытель начала созидатися 1759. г. Фронт ея двуетажный, а прочая часть на подобіє буквы L.

В столовой монастыря есть изображенія какого-то доморощеннаго живописця: портрет єпископа Премышльскаго Атанасія Крупецкаго и нападеніє на него маковицких богомольцев, когда он здісь проповідал унію. Краснобродский монастырь положен на окраині Земплинскаго комітата – под Бескидом, в двух милях од Галичины.

1 **Хоруґвь** (из *старослав*. «**хоржгы**» через *російськ*. «хоругвь») – курагов, павіса (*зазначка вшорителя* – В. П.).

ПУБЛИЦІСТИКА

Изъ Мукачева. (Руское зрѣлище въ Ужгородѣ). Ужгородскіи Русины опять показали новый знакъ народного житья; доказали, что возлагаемыи на нихъ надежды наши временемъ исполнятся и Ужгородъ станется розсадникомъ народного образованія по всей Угорской Руси. Что сіи надежды наши сбудутся, въ семъ еще больше утвердило насъ театральное руское представленіе „Семейное празднество“, данное любителями народного просвѣщенія 30-го Апрѣля с. г. въ пользу основаемой Ужгородской „руской Бесѣды“. И до сихъ поръ давали въ Ужгородѣ нѣсколько рускихъ представленій; но сіе новѣйшое представленіе двома новыми сторонами обратило на себе наше вниманіе. Во 1. потому, что наши Русины дотоперь только въ домѣ сиротовоспиталища и въ семинаріи давали зрѣлища, нынѣ же выступили явно въ салѣ гостинницы, въ которой никогда еще не роздавались рускіи звуки, и что не мало поразило нашихъ недоброхотныхъ Мадяровъ. Во 2. же потому, что теперь въ первый разъ дано было твореніе подлинное, взятое живцемъ изъ жизни нашихъ Русиновъ, чего по ныхъ не бывало.

РУССКОЄ ЗРІЛИЩЕ В УЖГОРОДІ

Из Мукачева

Ужгородскиї Русины опять показали новый знак народного житья, доказали, что возлагаємыї на них надежды[1] наши временем исполнятся и Ужгород станется россадником народного образованія по всей Угорской Руси. Что сіи надежды наши збудутся, в сем єще больше утвердило нас театралноє рускоє представленіє «Семейноє празднество», данноє любителями народного просвіщенія 30-го апріля с. г. в пользу основаємой ужгородской «руской Бесіды». И до сих пор давали в Ужгороді нісколько руских представленій; но сіє новійшеє представленіє двома новыми сторонами обратило на себе наше вниманіє[2]. По 1. потому, что наши Русины дотеперь только в домі сиротовоспиталища и в семінарії давали зрілища, ныні же выступили явно в салі[3] гостинниці, в которой никогда єще не роздавалися рускиї звуки, и что немало поразило наших недоброхотных Мадяров. По 2. же потому, что теперь в первый раз дано было твореніє подлинноє, взятоє живцем из жизни наших Русинов, чего по ных[4] не бывало.

Первая заслуга в сем представленії єсть бессомнінно сочинителева[5],

---

1 **Надежда** (из *російськ.* «надежда») – надія (*зазначка вшорителя* – В. П.).

2 **Вниманіє** (из *російськ.* «внимание») – увага (*зазначка вшорителя* – В. П.).

3 **Саля** (*галіцізм*) – зала (*зазначка вшорителя* – В. П.).

4 **По ных** – до них (*зазначка вшорителя* – В. П.).

5 Автор статі А. Кралицькый, обы не нашкодити драматику, ёго прозвище не назвав. На иншому місті у сів статі він вказав ініціалы драматика – «Г. І. Д.», што значит: «Господин Іван Данилович».

Иван Данилович (1834–1895) – церковный и културный діятель помежи підкарпатські русины, єден из закладателів в Ужгороді «Общества св. Василія Великаго» (1866–1903) и новинкы того общества – «Свѣтъ» (1867–1871). Стої літературні творы підписовав псевдонімом «И. И. Корытняньскій», а острі публицістичні статі – «Лопухъ Максимовичъ» авадь «Dr. Lopuchius». За майуспішну літературну штуку у И. Даниловича літературознателі тримавут ёго комедію «Семейное празднество», котру автор скончив писати, годно быти, на зачатку 1865 року. Токой тогды львівська ґазета «Слово» (од 17 апріля 1865 р.) дала знати читателям Угорской Руси (многі из русинської інтеліґенції читали тоту новинку), же премєра пєсы пройде 30 апріля у залі ужгородського готела «Коруна» – на тоты часы єдного из майпрестижных готелів Унґвара / Ужгорода. По первый раз пєса «Семейное празднество» была опубликована лем по двох роках – аж у Коломыї в извістному выдавательстві Михаила Білоуса, *позирай*: **Семейноє празднество**: Оригинальная, прямо изъ жытія

который преждє мало занимался рускою словесностію и од которого мы не ожидали руского произведенія. Но великий человік богат не словами, а ділами, як кажет Крылов:

Великий человек лишь виден на делах,
И думает свою он крепку думу
Без шуму.

Тогда, когда другиї часто дуже громко возвіщали свої народныї начала, гласно толковали о своєй любви к народу, он тихо наблюдал наши недостатки и болізні[6] народныї, которыми страдаєт Русь. Когда иныї за чашами ликовали о начинающемся возрожденіі Руси, он горевал и льял ником непримітныї сердечныї слезы о бідной участи нашего народа и раздумывал о том, яким бы способом можно излічити загнилыї раны поруганного и презрінного народа руского, оставленного и своїми дітьми. И вот изльялася народолюбная душа єго, наполненная гордостію и состраданієм, в остроумном и єдинственном на нашей Руси сочиненіі драматическом, которое должно быти напечатано в поученіє всім и в назіданіє[7].

Вот короткоє содержаніє «Семейного празднества»: Чумаков, сын руского священика, образованієм и щастливою долею достигший лучшого состоянія, одрекаєтся од своєй народности, стыдится своєго руского роду и ніяк не хочет принадлежати к нашому народу – убогому, темному; и чтобы уже ничто не напоминало єму о єго руском происхожденіі, и имя своє перекручуєт на мадярский лад. Между тым, он залюбился в доч Холмецкого, истинно руского человіка, который діти свої в народном дусі воспитывал и которого доч Єлена так подійствовала на одступника Чумакова, что он силою любви опять навернулся в лоно матери и стался ревнійшим защитником нашого народа.

Первоє дійствіє было вяло и сухо, но второє и третьє вызывало много одобреній из стороны зрителей. Найудачнійше играл свою ролю Никифор, который вірно представлял жизнь и приёмы наших старійших дяков. Женщины вообще больше старанности прилагали в изученіі ролей, нежели мужчины, и для того и игра їх была лучша. Между ными Авдотья

Русскихъ въ Венгріи взятая комедія в трехъ дѣйствіяхъ, Сочиненная И. И. Корытнянскимъ. – Коломыя: Съ типографіи Михаила Бѣлоуса и Сполки, 1867 (*зазначка вшорителя* – В. П.).

6 **Болізнь** (из *російськ.* «болезнь») – болесть, хворота (*зазначка вшорителя* – В. П.).

7 **Назіданіє** (из *російськ.* «назидание») – ука, поученя (*зазначка вшорителя* – В. П.).

звонким приятным голосом, Єлена же чисто руским произношенієм слов и удачною игрою одличалися. Вообще всім мы обязаны благодарною признательностію за то, что они не стыдалися выступити з руским словом в Ужгороді, где єще недавно почали Русины по руски говорити и где єще и теперь многиї не только из Мадяров, но и из самых Русинов соблазняются[8] в руском слові. Благодарны мы и господину В. Талапковичу[9], который превосходною игрою на скрипках доказал, что и наша руская пісня имієт свою красоту, если ю руским чуством и искусною рукою извлекают из струн.

Публика явилася довольно многочисленною и майже вся саля была наполнена.

Мы на провінції признательны для дотеперішніх заслуг ужгородских Русинов; но ожидаєм од них и по сем чим больше полезного труда для нашого народного образованія; ожидаєм чим скорше появленіє руской временописі[10], которой радакцією Г. І. Д.[11], возгорівший такою любовію к нашему бідному народу и одличающийся прекрасными способностями души, мог бы з успіхом заниматися. «Семейным празднеством» поселил он в нас утішительную надежду, по которой мы вправі ожидати од него чим больше просвітительного труда для темного, бідного нашего народа[12].

---

8 **Соблазнятися –** у значеню: «не одобряти», «противити ся», «ігноровати» (*зазначка вшорителя* – В. П.).

9 **Василій Талапкович** (1806–11.06.1888) – священик, півцеучитель, фольклоріста, изберателъ русинських народных співанок (*зазначка вшорителя* – В. П.).

10 «…**чим скорше появленіє руской временописі**» – перва газета у карпатських русинів (під назвов «Свѣтъ») выходила у роках 1867–1871 (*зазначка вшорителя* – В. П.).

11 **Г. І. Д.** – Господин Іван Данилович (*зазначка вшорителя* – В. П.).

12 За історію той пєсы *позирай*: ПАДЯК, В. Історія карпаторусинського національного театра и драматурґії: высокошколськый учебник. – Пряшів: Выдавательство Пряшівського університета, 2018; с. 118-124 [*главно підрозділ* «И. Данилович (И. Корытнянськый). “Семейноє празднество”»].

О СОВРЕМЕННОМЪ ПОЛОЖЕНІИ РУССКИХЪ ВЪ УГРІИ.

—

Желая кое-что̀ сообщить Русскому читающему міру объ настоящемъ положеніи народно-культурнаго дѣла въ Угорской Руси,—этой крошечной (въ сравненіи съ другими не-Мадьярскими народностями въ Угріи)—Словено-Русской семьѣ, мы прежде всего должны коснуться церковной ея стороны. Наши благоразумные люди давно уже убѣдились, что не будь мы чада восточной церкви и не питайся мы млекомъ ея Славянскаго—нашему народу понятнаго богослуженія, столь тѣсно связаннаго съ нашею народностью, мы давно ужъ потонули бы въ Латино-Мадьярскомъ морѣ, тѣмъ болѣе, что мы отрѣзаны отъ прочей Руси сплошною цѣпью Карпатскихъ горъ, а число наше едва доходитъ до 500,000 душъ. Всепоглощающій мадьяризмъ самымъ большимъ преступленіемъ считаетъ ту нашу дерзость, что мы въ виду великой Гунгаріи осмѣливаемся присвоивать себѣ эпитетъ «Руси», и при томъ еще Угорской.

Церковь Угро-Русская, — принявшая унію съ Римскою эклезіею въ 1649 году, подчинившаяся при этомъ догматическому признанію видимаго главенства папы въ церкви и происхожденія Духа св. «и отъ Сына», но вмѣстѣ съ тѣмъ обезпечившая за собою условнымъ письменнымъ актомъ право избиранія епископа и свободу сохраненія обычаевъ и дисциплины, свойственныхъ восточной церкви,—состоитъ изъ двухъ епархій: Мукачевской (Munkàcs) и Пряшевской (Eperjes).

О СОВРЕМЕННОМ ПОЛОЖЕНИИ РУССКИХ В УГРИИ

Желая кое-что сообщить Русскому читающему миру об настоящем положении народно-культурнаго дела в Угорской Руси – этой крошечной (в сравнении с другими не-Мадьярскими народностями в Угрии) Словено-Русской семье, мы прежде всего должны коснуться церковной ея стороны. Наши благоразумные люди давно уже убедились, что не будь мы чада восточной церкви и не питайся мы млеком ея Славянскаго, нашему народу понятнаго богослужения, столь тесно связаннаго с нашею народностью, мы давно уж потонули бы в Латино-Мадьярском море, тем более, что мы отрезаны от прочей Руси сплошною цепью Карпатских гор, а число наше едва доходит до 500 000 душ. Всепоглощающий мадьяризм самым большим преступлением считает ту нашу дерзость, что мы в виду великой Гунгарии осмеливаемся присвоивать себе эпитет «Руси», и при том еще Угорской.

Церковь Угро-Русская, принявшая унию с Римскою зклезиею в 1649 году, подчинившаяся при этом догматическому признанию видимаго главенства папы в церкви и происхождения Духа св. «и от Сына», но вместе с тем обеспечившая за собою условным письменным актом право избирания епископа и свободу сохранения обычаев и дисциплины, свойственных восточной церкви, состоит из двух епархий: Мукачевской (Munkács) и Пряшевской (Eperjes).

Первая – самая древняя, а вторая выделена из нея и учреждена только в 1816-м году императором Францом I. Хотя на основании акта унии епископ наш должен бы был избираться свободною подачею голосов клира и народа, но это избирательное право, с течением времени, когда императрица Мария Терезия в 1770 году «облагодетельствовала епископство Мукачевское недвижимым имением и возвела его на степень самостоятельнаго независимаго епископства», утрачено. Здесь надобно заметить, что когда предки наши приняли унию, то избираемые ими епископы с их старинною епархией потеряли свою автономию и были подчинены, как обрядовые «викарии», Ягерскому (Erlau) Латинскому епископу. Освободились же от этого гнета только в упомянутом выше 1770 году. В настоящее время мы епископов получаем, в силу королевской номинации, в особе таких лиц, которых для этого места

считает удобными Угорский министр вероисповеданий и народнаго просвещения, без контр-ассигнации котораго, по смыслу Угорских законов 1848 г., самое назначение государя считается неважным. Известно по опыту, что при избрании лица на этот столь важный и в политическом отношении пост, больше веса придается его политическим убеждениям, согласным с интересами мадьяризации, чем его церковным заслугам и пастырским качествам. Жалованье обоих Угро-Русских епископов выручается из поместий, пожалованных их епископиям. Оно доходит до 12 000 австрийских гульденов; но, кроме того, они иногда получают по обстоятельствам денежное пособие и из духовнаго Фонда. Епископы наши до 1772 года выбирались из среды иночествующаго духовенства, но начиная с сего времени, они уж выбираются королем исключительно из мирскаго клира – и потому пользуются саном вельмож страны, употребляют титул Illustrissimi, а если вместе с тем бывают имперскими тайными советниками, то Excellentissimi.

По законам государства все католические, а следовательно и униатские епископы входят в состав членов палаты господ Угорскаго сейма. Что касается внешней их обстановки, то будучи мирскими иерархами, они живут не в монастырях, а в своих особых городских резиденциях, бреют бороду и стригут волосы, носят краснаго цвета рясу папистскаго покроя, но сохранили и монашескую камилавку. В ряду наших Угро-Русских епископов были иногда и очень почтенные мужи, любившие от всей души свой обряд и народность. Таковые были из монахов: Василий Тарасович, Петр Парфений, Иоанн Брадач, и др., а из мирян – Андрей Бачинский и недавно (1864 г.) скончавшийся Василий Попович.

По обыкновению латынян и при наших униатских епископах находятся так называемые «капитулы», или соборы крылошан, нечто вроде совета пресвитеров. Члены их называются «каноники». Число их в Ужгороде при Мукачевском епископе 7, а в Пряшеве 6. Они, относительно прочаго епархиальнаго клира, их же братии – приходских пресвитеров, составляют, по вкравшемуся злоупотреблению, отдельный аристократический класс; в промежуточное время, когда владычняя кафедра бывает вакантна, они заводят большия интриги и добиваются митры, отчего часто происходят большие скандалы. Костюм их, на латинский манер, пестроват, красно-чернаго цвета, с металлическими нагрудными украшениями. Они любят присвоивать себе титул «Magnifici» вместо следующаго им «Reverendissimi». Жалованье каноника, смотря по градации – от 800 до 2000 гульденов. Доселе из наших каноников отличились усердием к народному делу только покойный Андрей Балудянский в Ужгороде

(† 1853 г.), и Александр Духнович Пряшевский († 1865 г.)[1]. Первый, будучи глубоко ученым мужем, сделался жертвою своего неусыпнаго трудолюбия. Он издал Историю Церковную на трех языках: Русском, Латинском и Мадьярском, в коей, насколько возможно униату, защищает права восточной церкви и неприкосновенность, святость обряда ея; о втором же, т. е. А. Духновиче, поговорим ниже пространнее.

В состав аристократической касты нашего униатскаго духовенства входят еще каноники гонорарные. Прежде в нашей стране этого титула были удостоиваемы престарелые мужи, оказавшие заслуги на поприще душепастырства. Ныне, чтобы стать у нас гонорарным каноником, за исключением Пряшевской епархии, довольно обнаружить потворство антинациональным и противоцерковным тенденциям мадьяризующаго владыки. Таких лиц в Мукачевской епархии в настоящее время 6, а в Пряшевской – 5. Затем, на 3-ей степени епархиальной аристократии, стоят уж так называемые архидиаконы, нечто вроде обер-благочинных, в противуположность окружным благочинным, или вице-архидиаконам. Архидиаконы носят такую же одежду, как и гонорарные каноники, и, подобно им, имеют притязание на титул «magnifici». В Мукачевской епархии, соответственно числу комитатов, в коих расположены приходы епархий, таковых архидиаконов считается 6 (изъятие в сем отношении составляет Берегский архидиакон о. Иоанн Дешко); в Пряшевской епархии сан архидиаконства соединен с степенью действительнаго каноничества.

Затем уже следуют окружные благочинные, или как у нас называют: «вице-архидиаконы». Это уже не аристократы духовные, а труженики перваго разряда в вертограде Христовом, правая рука епископа. Правда, есть между ними и дурные; но так как нет правила без исключения, то, хотя некоторые из них и увлеклись приманчивыми, соблазняющими матерьяльными рассчетами на «великия и богатыя милости», все таки большая часть их осталась верною церкви и народности. Число всех благочинных в Мукачевской епархии доходит до 44, а в Пряшевской до 18.

Затем уж следует приходское духовенство, разделяющееся на три разряда: парохов, администраторов и капелланов (сотрудников). Здесь различие только то, что парох – постоянный пастырь известнаго прихода, администратор – временный, а сотрудник – без всякаго служебнаго срока. У нас нет так называемаго причта церковнаго, как в России,

1 В оріґіналі было напечатаной так: «1856». Иде за печатну хыбу, котру сьме выправили (*зазначка вшорителя* – В. П.).

о положении котораго мы тут почти ничего не знаем. В нашей стране при сельском священнике состоит дьячек-мирянин, по большей части исполняющий и должность сельскаго учителя, а потом крестьянин-пономарь. Наши священники по большей части прежде своего рукоположения вступают в брак, кроме тех немногих честолюбцев, которые заранее уж имея виды на канонии, остаются холостяками. Но таковых теперь очень мало. Число мирских священников в Мукачевской епархии доходит до 400, а в Пряшевской до 200. Священникам нашим назначено жалованье, дополнительное, до 300 гульденов в тех приходах, в которых не выручалось этой суммы с доходов прихода.

Питомцы обеих наших епархий, как будущие душепастыри, получают богословское образование на латинском языке, по учебникам иезуито-папистским в Ужгородской семинарии, а отчасти – в Пештской центральной и Остригомской (Gran) примициальной семинарии. Из Венской семинарии наши Угро-Русские питомцы в нынешнем году удалены благодаря епископу С. Панковичу, из опасения, что они омоскалятся под влиянием о. Раевскаго.

Несколько лет тому назад дело с нашею молодежью не так стояло. Так как она, по восприимчивости своей природы, легко усвоивает себе новыя идеи, то и наша учащаяся молодежь стала мало-помалу одушевляться чувством народности. С 1857 года в Ужгородской семинарии начал водворяться Русский дух. Все лучшие воспитанники были на стороне Русской народности и с большим усердием предавались изучению русскаго языка, по немецко-русским пособиям Шмита и Павловскаго. Воспитанники даже хотели между собою учредить общество, с целью образования себя в русской письменности. Но все их усилия, за недостатком поддержки со стороны наставников и настоятелей заведения, и даже по противодействию их (особенно профессора Антония Чопея), были, к несчастию, уничтожены.

В епархии Мукачевской, вследствие принятия лишних воспитанников, число духовенства так размножилось, что окончившие курс богословия и рукоположенные молодые священники только по истечении 5-6 лет после рукоположения могли получить приходы. Причиною этого ненормальнаго положения был покойный епископ Василий Попович, который, видя, что множество Русских гимназистов совращается в папизм и поступает в Латинский клир епархий Кошицкой и Сатмарской, придумал как предохранительное средство – принимать на одну стипендию трех питомцев, чтоб по причине только непринятия не совращались в папизм. Это мнимое, впрочем, зло послужило к добру нашему народу. Ужгородскою консисториею в 1861 году установлено нормальное число духовных

воспитанников и стипендии, употребляемыя на содержание их, розданы светским юношам Русской народности, окончившим курс гимназии и отправляющимся в университеты или в академии для слушания законоведения или медицины. Этою мудрою мерою многие из наших учащихся частию принуждены были идти в светское звание, частию же, получив денежное пособие, могли и беднейшие продолжать свое научное образование. Но здесь пришлось нам разочароваться, так как почти все эти облагодетельствованные юноши, выйдя в люди и получив чины, забыли свою народность, примкнули к Мадьярскому элементу и пополнили собою число мадьяронов. У этих людей Русская народность и принадлежность к ней всегда тогда только обнаруживается, когда они выступают кандидатами на какую-нибудь должность и нуждаются в голосах своей Русской покинутой братии.

За мирским духовенством следует монашество. В двух наших епархиях Русских монастырей – 7, а в Румынской Самош-Уйварской – 1. Все эти 8 монастырей состоят под управлением верховнаго иноческаго начальника, у наших чернецов называемаго «протоигуменом». На челе каждаго монастыря стоит игумен, избираемый на генеральном ежегодичном[2] соборе большинством голосов, но только на 3 года. Протоигумен избирается тоже лишь на 3 года. Когда минет этот срок, он, а также и игумены, могут вновь быть избраны в другой, в третий и в десятый раз, но всегда только на 3 года. Иноческие соборы отбываются поочередно в монастырях Мукачевском, Мария-Повчанском (в Мукачевской епархии) и Краснобродском (Пряшевской епархии). Место, где должен держаться иноческий собор, назначает протоигумен по решению решительскаго корпуса и уведомляет о том епископа той епархии, в которой имеет держаться собор. Епископ или сам лично, или через своего наместника, обыкновенно – каноника, является и занимает председательскую должность. Членами же собора состоят: протоигумен, все 8 игуменов, решители (definitores), которых 4, и от каждаго монастыря по одному депутату, избранному братиею. По опыту известно, что такое конституционное устройство очень вредно в дисциплинарном отношении для целаго состава Угрорусскаго иночества, о чем здесь не станем распространяться, а только укажем как на факт.

В похвалу нашему монашеству нужно сказать, что члены его пока еще соблюдают наш восточный обряд в некоторой чистоте и не чужды даже и народных стремлений, так как в разговоре, по преимуществу,

2 **Ежегодичный** – туй явна хыба, бо Собор ся искликує раз на три рокы (*зазначка вшорителя* – В. П.).

употребляют Русский язык, хотя в литературных предприятях, за малым исключением, не очень ревностно участвуют. В недавнюю пору они утратили, вследствие интриг «вичпурщины» (еписк. Панковича), очень даровитаго члена в лице о. Владимира Терлецкаго, обитающаго ныне в Златоверхом Михайловском монастыре города Киева. Упокоившийся в 1821 году протоигумен Иоанникий Базилович был, после епископа Андрея Бачинскаго и каноника Иоанна Кутка, не только первым из знаменитых монахов прошлаго времени нашей страны, но и историком Угрорусской церкви. Он написал на латинском языке прекрасное сочинение под заглавием Brevis notitia T. Koriathovits[3], ducis de Munkacs. Кориатович был Русский князь из Подолья, жил никоторое время на Угорской Руси и основал монастырь Мукачевский.

После пробуждения Русской народности под Карпатами в 1850 году душею движения были Адольф Иванович Добрянский и упомянутый выше каноник Александр Духнович; первый – как правительственный муж и надворный советник (Hofrath) – отстаивал интересы народности (пока Мадьяры еще не взяли верх) перед высшим правительством, а второй своею популярностью и неутомимым рвением пробуждал своих соплеменников из летаргическаго сна к деятельности на поприще словесности и элементарнаго образования посредством сельских школ. Духнович не был гений, поэт высоких дарований или литератор Европейской славы; он был только скромный «будильник», так называемый totumfac[4]. Нужен был календарь – Духнович составил и издал календарь. Оказалась потребность в школьных учебниках – Духнович написал и издал на собственныя издержки: букварь, граматику, землепись, народную педагогию и проч., не упоминая уже о том, что он принимал самое живое участие в тогдашних Галицко-Русских повременных изданиях как сотрудник и корреспондент очень прилежный. Его заботою основалось «Литературное заведение Пряшевское», издавшее в 1851, 1852 и 1853 годах три крошечные альманаха под заглавием «Поздравленіе Русиновъ на годъ» такой-то; но не его вина, что это общество после 3-х-летней жизни распалось. Духнович был неутомим в деятельности до самой своей смерти. Ему надо приписать и мысль основания нынешняго нашего общества св. Василия В. По его настоянию преосв. Иосиф Гаганец, епископ Пряшевский, обратился к покойному епископу Мукачевскому Василию Поповичу, чтоб совокупными силами основать

3 В оригіналі напечатаной так: «I. Koriatovich». Иде за печатну хыбу, котру сьме выправили (*зазначка вшорителя* – В. П.).

4 **Totumfac** (*лат.*) – тот, што ушитко робит; вшитечна особа (*зазначка вшорителя* – В. П.).

такое общество. Общество основалось в 1866 году, но увы! Духновичу не было суждено дождаться его нарождения: он умер за год до этого, т. е. в 1865 г.

Такие труды и предприятия передовых наших людей 60-тых годов хотя относительно и способствовали первоначальному народному движению, но все таки не могли всецело рассеять мертвящаго равнодушия и нередко – противодействия большей части нашего духовенства, с каким оно относилось к народному делу. За изъятием нескольких передовых людей, всецело пожертвовавших себя народному делу, до 1866 года мало было таких, которые проникнуты были Русским духом; большая же часть священников и немногих светских образованных людей были ослеплены блеском мадьяризма и от Мадьяр ожидали лучших времен. Семейства наших священников и по сию пору еще до того мадьяризованы, что русский язык совсем изгнан из их круга. Особенно женский пол наших священников настолько чужд нашей церкви и народности, что даже и молитвы свои не совершает на языке своей церкви. Наши священники, как прежде, так и теперь, не покупая редко являющуюся у нас русскую книгу, в то же время ревностно покровительствуют деньгами, добытыми трудом и потом Русских сельчан, мадьярской литературе, так что Мадьяры стали величать наших священников отличными сынами Мадьярской отчизны и апостолами мадьярской письменности. Загляните в избу священника самой бедной деревушки карпатских трущоб. У него непременно найдете на стене гравюру Сечени, Телекия, Петёфи, Араня и проч., а Добрянскаго, Балудянскаго, Духновича редко-редко встретите. Бывало епископ В. Попович, пока еще был в живых, хотя любил свою народность и в частных случаях возбуждал свое духовенство к любви к народности, но не смел показаться открытым поборником Русской народности, боясь потерять свою репутацию перед Мадьярами.

При начале тех же 60-х годов поднят был у нас и вопрос народнаго образования; издано много распоряжений светской власти – еще во времена более благоприятствовавшаго нам абсолютизма и провизории – о заведений сельских школ. Но частию по нерадению управляющих, частию же по слабому содействию должностных лиц народное образование очень мало у нас подвинулось. И в тех школах, которыя были уже устроены, учение шло неудовлетворительно, бессмысленно. Обыкновенно чтением, изучением истин веры и затверживанием молитв ограничивалось все школьное образование нашего народа. По выходе из школы учившиеся скоро позабывали и читать, так что и ныне немного таких поселян, кои бы знали читать, а еще меньше – умеющих писать. Причины такого дурнаго

состояния наших народных школ – неудовлетворительная педагогическая подготовка наших дьячков, исполняющих в многих селах должность учителей, скудное жалованье их, нерасположение простолюдинов к грамотности и непосылание детей в школу зимою, за неимением обуви и теплой одежды, а летом – по причине употребления детей в полевых работах, неимение учебников и проч. Высших училищ, например реальных школ, гимназий, у нас нет, так как они все мадьярския.

Весь почти народ наш, заселяющий трущобы Карпатских гор (за исключением проживающаго на низовьях) живет в бедности, часто голодает от нередко случающихся неурожаев зерноваго хлеба. На верховинах, составляющих северо-восточную часть комитатов Ужанскаго (Ungh), Берегскаго и Марамарошскаго, не родится, кроме овса, ячменя, капусты и картофеля, почти ничего. Об озимом зерновом хлебе даже и помину нет. Поэтому бедный народ принужден прибегать к иному способу пропитания. Мараморошанин напр. сплавляет бревенчатые паромы по р. Тисе до Сегедина и Солнока, или казенную соль; Спишский поселянин шляется по миру с дротом (проволокой), дротуя горшки; Землинский, Шаришский и Ужанский ходит ежегодно в дальния страны к Мадьярам на жнива или вымолот зерна. Без этого ему бы пришлось умирать с голоду. Во времена крепостнаго права, до 1848 года, как-то лучше жилось нашим поселянам; в материальном отношении они стояли тогда лучше, чем теперь.

О СОВРЕМЕННОМ ПОЛОЖЕНИИ РУССКИХ В ВЕНГРИИ

(факсіміле рукописа)

ОТ... ...ЕЙ
Гос. ... им. Ленина
Фонд № 40/II
Будилович и Добрянский
Картон № 14
Ед. хран. № 7

Кралицкий,
Анатолий
иеромонах.

„О современном положении русских в Венгрии." – статья.

[Втор. пол. 1860-х – нач. 1870-х гг.]

Автограф с испр. и доп. рукой неустановленного лица, карандашом.

7 лл.

ОТДЕЛ РУКОПИСЕЙ
Гос. б-ка СССР
№ поступл.
1918, 1926
Общее кол-во листов
7

№ 4 ~~Ан. Кралицкаго~~ 1.

О современномъ положеніи Русскихъ въ Венгріи.

Желая кое-что сообщить русскому читающему міру объ настоящемъ положеніи народно-культурнаго дѣла въ Угорской Руси, — этой крошечной (въ сравненіи съ другими немадьярскими народностями Венгріи) — словено-русской семьи, мы прежде всего должны коснуться церковной ея стороны. — Наши благоразумные люди давно ужъ убѣдились, что не будь мы чада восточной церкви и не питайся мы млекомъ ея славянскаго — нашему народу понятаго богослуженія, столь тѣсно связаннаго съ нашею народностью, мы давно ужъ потонули бы въ латино-мадьярскомъ морѣ, ~~вынародовленія; — и то~~ тѣмъ болѣе, что мы отрѣзаны отъ прочей Руси сплошно ~~тянувшеюся~~ цѣпью Карпатскихъ*), а число наше едва доходитъ до 500,000 душъ. Всепоглощающій мадьяризмъ самымъ большимъ преступленіемъ считаетъ ту нашу дерзость, что мы въ виду великой Гунгаріи осмѣливаемъ присвоивать себѣ эпитетъ „Руси", а при томъ еще Венгерской.

*) Угоръ

Церковь Угро-русская, — принявшая унію съ римскою эклезіею въ 1649 году, подчинившаяся при этомъ ~~въ~~ догматическомъ признанію видимаго главенства Папы въ церкви и происхожденія Духа св. „и отъ Сына", но вмѣстѣ ~~не~~ съ тѣмъ обезпечившая за собою условнымъ письменнымъ актомъ право избиранія епископа и свободу сохраненія ~~воль-ность придерживанія~~ обычаевъ и дисциплины свойственныхъ ~~въ~~ восточной церкви, — состоитъ изъ двухъ епархій: Мукачевской (Munkács) и Пряшевской (Eperjes). Первая ~~есть~~ самая древняя, а вторая выдѣлена изъ нея и учреждена только въ 1816-мъ году импер. Францомъ I.

2. Хотя на основаніи акта уніи епископъ нашъ ~~имѣлъ~~ долженъ
бы былъ избираться свободнымъ подачею голосовъ клира
и народа, но это избирательное право, съ теченіемъ вре-
мени, когда императрица Марія Терезія въ 1770. году не-
движимымъ имѣніемъ облагодѣтельствовала епископ-
ство Мукачевское и возвела его на степень самостоя-
тельнаго независимаго епископства, — утрачено. Здѣсь
примѣтить надобно что когда предки наши приняли
унію, то избираемые ими ~~ихъ~~ епископы съ ~~своею~~ ихъ ста-
ринною епархіей потеряли свою автономію и были под-
~~рабощенны~~ какъ обрядовые „викаріи" Ягерскому (Erlau)
латинскому епископу. Освободились же отъ этого гне-
та только въ упомянутомъ выше 1770. году. Въ ~~сію по-~~ настоящее
ру мы епископовъ получаемъ въ силу королевской номи-
націи, въ особѣ такихъ лицъ, которыхъ для этого ~~достоин-~~ мѣста
ство считаетъ удобными угорскій министръ вѣроисповѣ-
даній и народнаго просвѣщенія, безъ контръ-ассигнаціи
котораго, по смыслу венгерскихъ законовъ 1848 г., самое
наименованіе государя, считается неважнымъ. Извѣст-
но по опыту что при избраніи лица на этотъ столь
важный и въ политическомъ отношеніи постъ, боль-
шой вѣсъ ~~полагается на~~ придается его политическомъ убѣжденіямъ, ~~вовсемъ~~
соглашающимъ съ интерессами мадьяризаціи, чѣмъ его церковныя
заслуги и пастырскія качества. Жалованіе обоихъ угро-
русскихъ епископовъ выручается изъ помѣстій ~~дотован-~~ пожалован-
ныхъ ихъ епископіямъ. Оно доходитъ до 12.000. австр. гуль-
деновъ; кромѣ же того они иногда получаютъ по обстоя-
тельствамъ денежное пособіе и изъ духовнаго фонда. ~~религійнаго~~
Епископы наши до 1772 года выбирались изъ среди иночес-
твующаго духовенства, но начиная съ сего времени, они уже
выбираются королемъ исключительно изъ мірскаго клира —
и ~~какъ такіе~~ поэтому пользуются саномъ вельможъ страны,
употребляютъ титулъ Illustrissimi, а если вмѣстѣ

Съ тѣмъ бываютъ имперскими
~~суть~~ и ~~Царскими~~ тайными совѣтниками то Excellentissimi. ~~3.~~ 2
По законамъ государства всѣ католическіе, а слѣдовательно и
уніатскіе епископы входятъ въ составъ членовъ палаты
господъ сейма венгерскаго, что касается внѣшней ихъ обстанов-
ки, то будучи мірскими іерархами, они живутъ не въ монастыряхъ,
а въ своихъ особыхъ городскихъ резиденціяхъ, брѣютъ бороду и
стригутъ волосы, носятъ краснаго цвѣта рясу папистскаго
покроя, но сохраняли и монашескую камилавку. — Въ ряду
нашихъ угро-русскихъ епископовъ были иногда и очень ~~слав-~~ постенные
~~ные~~ мужи, любившіе отъ всей души свой обрядъ и народность.
Таковые были изъ монаховъ: Василій Тарасовичъ, Петръ
Парѳеній, Іоаннъ Брадачъ, и др., а изъ мірянъ — Андрей Ба-
чинскій и недавно (1864. г) упокоившійся Василій Поповичъ.

По обыкновенію латынянъ находятся и при ~~боку~~ на-
шихъ унитскихъ епископовъ такъ называемые „капитулы"
или соборы крылошанъ, ~~что-то~~ нѣчто въ родѣ совѣта пресвитеровъ.
Члены ихъ ~~Они~~ называются „канониками". Число ихъ въ Унгварѣ при
~~боку~~ Мукачевскаго епископа ~~есть~~ 7., а въ Пряшевѣ 6. —
Они ~~въ виду~~ очевидно прочаго епархіальнаго клира, ихъ же братіи прес-
витеровъ-приходскихъ, по вкравшейся узурпаціи, составляютъ
отдѣльный аристократическій классъ; ~~часто-густо~~ въ
промежуточное ~~интеркалярное~~ время, когда владычня каѳедра ~~упразднена~~ бываетъ каѳедра,
они заходятъ большія ~~интригуютъ~~ и ~~аспируютъ~~ добиваются по митрѣ, отчего часто проис-
ходятъ большіе скандалы. Костюмъ ихъ на латинскій
манеръ, пестроватъ, красно-чернаго цвѣта, съ металичес-
кими нагрудными ~~декорацiями~~ украшеніями. Они любятъ присвоивать
себѣ титулъ „Magnifici" вмѣсто ~~компетующаго~~ слѣдующаго имъ
„Reverendissimi". Жалованіе каноника ~~условно~~ смотря на градаціи
отъ 800. до 2000 гульденовъ. Доселѣ изъ нашихъ канони-
ковъ отличились усердіемъ къ народному дѣлу только пок.
Андрей Балудянскій въ Унгварѣ (+ 1853. г), и Александръ
Духновичъ пряшевскій (+ 1865. г). Первый будучи глубоко-

4. ученым мужем, самаким жертвою своего неусыпнаго трудолюбия. Он издал Историю Церковную на трех языках: русском, латинском и мадьярском, в коей насколько возможно униату, защищает права восточной церкви и неприкосновенность, святость обряда ея; о втором же, т. е. А. Духнович поговорим ниже пространнее.

В состав аристократической касты нашего униатского духовенства входят еще каноники гонорарные. Прежде в нашей стране удостоиваемы были этого титула престарелые мужи, показавшие на поприще душпастырства заслуги. Ныне, стать у нас гонорарным каноником, — изъемлю Пряшевскую епархию — довольно обнаружить ласкательную поблажку антинациональным и противоцерковным тенденциям мадьяризующого владыки. Таковых лиц в Мукачевской епархии в сю пору есть 6., а в Пряшевской 5. — Затем на 3-ей степени епархиальной аристократии стоят уже так названные Архидиаконы, что-то в роде обер-благочинных, в противность окружным благочинным, или вице-архи-диаконам. Архидиаконы ту самую одежду носят как и гонорарные каноники, и подобно им присвояют за собой титул „magnifici". В Мукачевской епархии, соответственно числу комитатов, в коих приходы епархии расположены, таковых архидиаконов считается 6., (изъятие в сем отношении составляет Березский архидиакон о. Иоанн Дешко.); в Пряшевской епархии сан архидиаконства соединен с степенью действительнаго каноничества.

Затем уже следуют окружные благочинные, или как у нас называют „вице-архидиаконы". Это

65.3

ужъ не аристократы духовные, а труженники перваго разряда въ ~~винограде~~ верхо Христовомъ, правая рука епископа. Правда, есть между ними и дурные; но такъ какъ нѣтъ правила безъ исключенія, то хотя нѣкоторые изъ нихъ и ~~пошатнулись~~ увлеклись приманчивыми соблазняющими матерьяльными расчетами ~~въ перспективѣ показывающихся~~ на „великіяхъ и богатыхъ милостей," все таки большая часть ихъ осталась вѣрной церкви и народности. Число всѣхъ благочинныхъ въ Мукачевской епархіи ~~выходитъ до~~ 44., а въ Пряшевской ~~до~~ 18.

Затѣмъ ужъ слѣдуетъ приходское духовенство, ~~группирующееся~~ раздѣляющееся на три разряда: пароховъ, администраторовъ и капеллановъ (сотрудниковъ). Здѣсь различіе только то, что парохъ постоянный пастырь извѣстнаго прихода, администраторъ ~~довременный~~, а сотрудникъ безъ всякаго срока служебнаго. У насъ нѣтъ такъ ~~названнаго~~ называемаго причта церковнаго, какъ въ Россіи, о положеніи котораго мы тутъ почти ничего незнаемъ. Въ нашей странѣ при боку сельскаго священникѣ состоитъ дьячекъ-мірянинъ, по большей части исполняющій и должность сельскаго учителя, а потомъ крестьянинъ пономарь. Наши по большей части священники прежде своего рукоположенія вступаютъ въ бракъ, ~~изъемше~~ кромѣ тѣхъ немногихъ честолюбцевъ, которые заранѣе ужъ имѣвъ виды на каноніи, остаются холостяками. Но таковыхъ теперь очень мало. — Число мірскихъ священниковъ въ Мукачевской епархіи ~~выходитъ до~~ 400., а въ Пряшевской ~~до~~ 200. Священникамъ нашимъ назначено жалованіе, дополнительное до 300. гульденовъ въ тѣхъ приходахъ, въ которыхъ невыручалось этой суммы съ доходовъ прихода.

Питомцы обѣихъ нашихъ епархій, какъ будущіе

6. душепастыри (богословское образование получают) на латинскомъ языкѣ, по учебникамъ iезуито-папистскимъ, въ Унгварской семинарiи, а отчасти въ Пештской центральной и Остригомской (Gran) примицiальной. Изъ Вѣнской семинарiи наши угро-русскiе питомцы, благодаря епископу С. Панковичу, ~~сего года выключены~~, ~~страха ради~~ омоскализованiя от О. Раевскаго.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ дѣло съ нашею молодежью нетакъ стояло. — Такъ какъ она по воспрiимчивости своей природы, легко усвоиваетъ себѣ новыя идеи, — то и наша учащаяся молодежь стала мало-помалу одушевляться чувствомъ народности. Съ 1857 года въ Унгварской семинарiи началъ водворяться русскiй духъ. Всѣ лучшiе воспитанники были на сторонѣ русской народности и съ большимъ усердiемъ предавались изученiю русскаго языка, по нѣмецко-русскимъ грамматикамъ Шмида и Павловскаго. Воспитанники даже хотѣли между собою учредить общество, съ цѣлiю самообразованiя и усовершенствованiя себя въ русской письменности. Но всѣ ихъ усилiя, за недостаткомъ поддержки со стороны наставниковъ и настоятелей заведенiя, и даже по противодѣйствiю ихъ, (особенно профессора Антонiя Чопей) - были, къ несчастiю, уничтожены.

Въ епархiи Мукачевской, за принятiемъ лишнихъ воспитанниковъ, такъ размножилось число духовенства, что окончившiе курсъ богословiя и рукоположенные молодые священники, только по истеченiи 5-6. лѣтъ отъ рукоположенiя, могли получить приходы. Причиною этому ненормальному положенiю ~~виною~~ былъ пок. епископъ Василiй Поповичъ, который видя что великое число русскихъ гимназистовъ совращается въ папизмъ и поступаетъ въ латинскiй

клиръ епархій Кошицкой и Сатмарской, придумалъ ~~такое~~ какъ предохранительное средство, принимая на одну стипендію и трехъ питомцевъ, чтобъ только по ~~винѣ~~ принятіи не совращались въ папизмъ. Это мнимое впрочемъ зло, послужило къ добру нашему народу. Унгварскою консисторіею 1861 года установлено нормальное число духовныхъ воспитанниковъ, и стипендіи, употребляемыя на содержаніе ихъ, — розданы свѣтскимъ юношамъ русской народности, окончившимъ курсъ гимназіи и отправляющимся въ университетъ, или въ академіи, для слушанія законовѣдѣнія или медицины. Этою мудрою мѣрою многіе изъ нашихъ учащихся частію принуждены были идти въ свѣтское званіе, частію же, получивъ денежное пособіе, могли и бѣднѣйшіе — продолжать свое научное образованіе. Но здѣсь пришлось намъ разочароваться, такъ какъ почти всѣ эти облагодѣтельствованные юноши, выйдя въ люди, и получивъ чинов~~ства~~, забыли ~~на~~ свою народность, примкнули къ мадьярскому элементу и — пополнили собою число мадьяроновъ. У этихъ людей русская народность и ихъ принадлежность къ ней, всегда тогда только обнаруживается, когда они выступаютъ кандидатами на ~~которую~~ какую-нибудь должность и нуждаются въ голосахъ русской покинутой своей братіи.

~~Послѣ~~ За мірскимъ духовенствомъ слѣдуетъ монашество. Въ двухъ нашихъ епархіяхъ русскихъ монастырей ~~есть~~ 7, а въ румынской Самошъ-уйварской 1. Всѣ эти 8 монастыри состоятъ подъ управленіемъ верховнаго иноческаго начальника, у нашихъ чернецовъ называемаго „протоигуменомъ". На челѣ каждаго монастыря стоитъ Игуменъ, избираемый на генеральномъ ежегодичномъ

8. соборъ большинствомъ голосовъ, но только на 3 года. Прото-
Игуменъ (тоже лишь на 3 года) избирается. Когда этотъ
срокъ онъ, а также и Игумены, могутъ вновь быть избраны
разъ, другой, или въ третій и въ десятый разъ, но всегда только на 3 года.
Иноческіе соборы отбываются поочередно въ монастыряхъ
Мукачевскомъ, Марія-Повчанскомъ (въ Мукачевской епар-
хіи) и Краснобродскомъ (Пряшевской еп.). Мѣсто, гдѣ долженъ
держаться иноческій соборъ, по рѣшенію рѣшительскаго
корпуса, назначаетъ Прото-Игуменъ, и увѣдомляетъ
ственно епископа той эпархіи въ которой имѣетъ со-
боръ держаться. Епископъ или самъ лично, или чрезъ
своего заступника, обыкновенно каноника, является и
занимаетъ предсѣдательскую должность. Членами же
собора суть: Прото-Игуменъ, всѣ 8 игуменовъ, рѣшите-
ли (Definitores) которыхъ 4., и отъ каждаго
монастыря по одному депутату, избранному братіей.
По опыту знаю, что такое конституціонное устрой-
ство очень вредно въ дисциплинарномъ отношеніи цѣло-
му тѣлу Угрорусскаго иночества, о чемъ здѣсь не стану
широко распространяться, а только указываю какъ
дѣло имѣется.

Въ похвалу нашему монашеству нужно сказать, что
члены его пока еще соблюдаютъ нашъ восточный обрядъ
въ кое-какой чистотѣ, — и нечужды даже и народныхъ
подвиговъ, такъ какъ въ разговорахъ по
преимуществу употребляютъ русскій языкъ, хотя въ лите-
ратурныхъ предпріятіяхъ — за малымъ исключе-
ніемъ, не очень ревностно участвуютъ. Въ недав-
нюю пору они утратили вслѣдствіе интригъ „вичнур-
щины" очень даровитаго члена, въ лицѣ о. Владиміра

Терлецкаго, обитающаго нынѣ въ Златоверхомъ Михайловскомъ монастырѣ города Кіева. — Упокоившійся въ 1821 году Протоигуменъ Іоанникій Базиловичъ былъ послѣ епископа Андрея Бачинскаго и каноника Іоанна Кутка, — нетолько первымъ изъ знаменитыхъ монаховъ прошлаго времени нашей страны, но и историкомъ угрорусской церкви. Онъ написалъ на латинскомъ языкѣ изрядное сочиненіе подъ загл. Brevis Notitia S. Koriatovich, ducis de Munkács. Коріатовичъ былъ русскій князь изъ Подолья, жилъ за нѣкоторое время на Угорской руси и основалъ монастырь Мукачевскій.

Послѣ пробужденія русской народности подъ-карпатами въ 1850-го году, душею движенія были Адольфъ И. Добрянскій и упомянутый выше каноникъ Александръ Духновичъ; — первый какъ правительственный мужъ и надворный совѣтникъ отстаивалъ заступалъ интереса народности (пока мадьяры еще невзяли верхъ) у выс. Правительства, а вторый своею популярностью и неутомимымъ рвеніемъ возбуждалъ своихъ соплеменниковъ изъ летаргическаго сна къ дѣятельности на поприщѣ словесности и элементарнаго образованія посредствомъ сельскихъ школъ. Духновичъ небылъ женій, по этъ высокихъ дарованій, или литераторъ европейской славы, онъ былъ только скромный „будильникъ", такъ называемый totumfac. Нужно было календаря — Духновичъ составилъ и издалъ календарь. Оказалась потребность въ школьныхъ учебникахъ — Духновичъ написалъ и издалъ на собственныхъ издержкахъ: букварь, граматику, землеписъ, народную педагогію и пр.,

10. неупоминая уже о томъ, что самое живое участіе бралъ въ тогдашнихъ галицко-русскихъ повременныхъ изданіяхъ, какъ сотрудникъ и корреспондентъ очень прилежный. Его заботою основалось „Литературное заведеніе Пряшевское", издавшее 1851. 1852 и 1853 годовъ три крошечные альманаха подъ заглавіемъ: „Поздравленіе Русиновъ на годъ" тотъ-и тотъ; но не его виною, что это общество послѣ 3. лѣтней жизни развязалось. — Духновичъ былъ неутомимъ въ дѣятельности даже по гробъ. Ему надо приписать и мысль основанія нынѣшняго нашего Общества св. Василія В. По его настаиванію отнесъ ся преосв. Іосифъ Гаганецъ епископъ Пряшевскій къ покойному епископу Мукачевскому Василію Поповичу, чтобъ совокупными силами основать такое общество. Общество основалось въ 1866. году, но увы! Духновичу небыло суждено дождаться его нарожденія и порадоваться появившемуся на свѣтъ вожделѣнному дитяти!... Онъ умеръ за годъ предъ годомъ, т.е. 1865. г.

Такіе труды и предпріятія передовыхъ нашихъ людей 60-тыхъ годовъ хотя относительно и способствовали первоначальному народному движенію, но всетаки немогли всецѣло разсѣять мертвящаго равнодушія и — нерѣдко противодѣйствія большей части нашего духовенства, съ какимъ оно относилось къ народному дѣлу. За изъятіемъ нѣсколькихъ передовыхъ людей, всецѣло пожертвовавшихъ себя народному дѣлу, до 1866го года мало было такихъ, которые проникнуты были русскимъ духомъ; большая же часть священниковъ и немногихъ свѣт-

II. 6
68

скихъ образованныхъ людей — были ослѣплены блескомъ мадьяризма и вмѣстѣ съ мадьярами ожидали лучшихъ временъ. — Семейства нашихъ священниковъ и по сю пору еще до-того омадьяризованы, что русскій языкъ совсѣмъ изгнанъ изъ круга ихъ. Особенно женскій полъ нашихъ священниковъ настолько чуждъ нашей церкви и народности, что даже и молитвы свои не совершаетъ на языкѣ своей церкви. Наши священники, — какъ прежде такъ и теперь, — непокупая рѣдко являющуюся у насъ русскую книгу, въ тоже время ревностно покровительствуютъ деньгами, добытыми трудомъ и потомъ русскихъ сельчанъ — мадьярской литературѣ, такъ что мадьяры нашихъ священниковъ стали величать отличными сынами мадьярской отчизны и апостолами мадьярской письменности. ... Взгляните~~-ка~~ въ избу священника самой ~~нуждѣнной~~ бѣднѣйшей деревушки Карпатскихъ трущобъ. У него непремѣнно найдете на стѣнѣ гравюру то Сеченія, Телекія, Petöfy, Arany и пр., а Добрянскаго, Балудянскаго, Духновича рѣдко рѣдко встрѣтите ~~едва сыщ тамъ~~. — Бывало епископъ В. Поповичъ пока еще былъ въ живыхъ, хотя любилъ свою народность и въ частныхъ случаяхъ возбуждалъ свое духовенство къ любви къ народности, но не смѣлъ показаться открытымъ поборникомъ русской народности, боясь потерять свою репутацію предъ мадьярами.

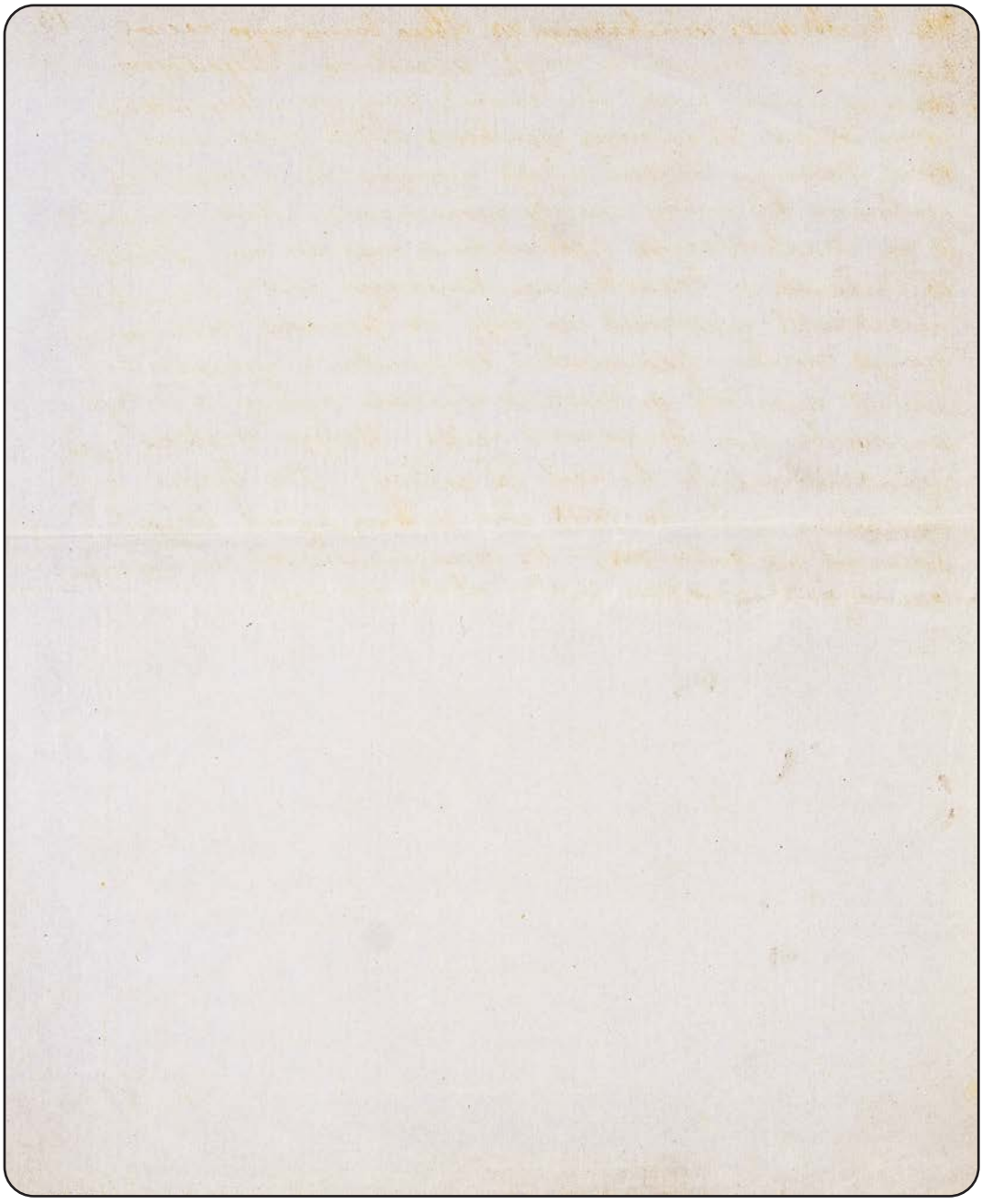
При началѣ тѣхже 60-хъ годовъ поднятъ былъ у насъ и вопросъ народнаго образованія; издано

12. много распоряженій свѣтской власти еще ~~за~~ [во] времена
болѣе ~~спрящущаго~~ [благопріятствовавшаго] намъ абсолютизма и провизоріи, о
заведеніи сельскихъ школъ. Но частію по нерадѣнію
управляющихъ, частію же по слабому содѣйствію
должностныхъ лицъ, — народное образованіе очень
мало подвинулось у насъ. И въ тѣхъ школахъ, ко-
торыя были уже устроены, ученіе шло неудовлетво-
рительно, безсмысленно. Обыкновенно чтеніемъ,
изученіемъ истинъ вѣры и затверживаніемъ мо-
литвъ ограничивалось все школьное образованіе
нашего народа. По выходѣ изъ школы, ~~кое-что на~~
учившіеся скоро позабы[ва]ли и читать, такъ что и ны-
нѣ немного такихъ поселянъ, кои бы знали читать, а
еще меньше [умѣющихъ] писать. Причины такого дурнаго состо-
янія нашихъ народныхъ школъ: неудовлетворитель-
ная педагогическая подготовка нашихъ дьячковъ,
исполняющихъ въ многихъ селахъ должность учи-
телей, скудное жалованье ихъ поселянъ, нераспо-
ложеніе простолюдиновъ къ грамотности и непо-
сыланіе дѣтей въ школу зимою, за неимѣніемъ
обуви и теплой одежды, а лѣтомъ — по причинѣ упо-
требленія дѣтей въ полевыхъ работахъ, неимѣ-
ніе учебниковъ и пр. Высшихъ у насъ училищъ,
какъ реальныхъ школъ, гимназій, нѣтъ, такъ какъ
они всѣ мадьярскіе

Весь почти народъ нашъ, заселяющій трущобы
Карпатскихъ горъ (за исключеніемъ проживающаго на
низовьяхъ) живетъ въ бѣдности, часто голодаетъ отъ
нерѣдко случающихся неурожаевъ зерноваго хлѣба.

На верховинахъ, составляющихъ сѣверо-восточную часть ~~13.~~ ~~6~~ 7
комитатовъ Ужанскаго (Ungh), Берегскаго и Мараморош-
скаго, не родится кромѣ овса, ячменя, капусты и картофеля,
почти ничего. Объ озимомъ зерновомъ хлѣбѣ даже и помину
нѣтъ. Поэтому бѣдный народъ принужденъ ~~принужденъ~~
прибѣгать къ иному способу пропитанія. Марамарошанъ
н. пр. сплавл~~яв~~аетъ бревенчатыя паромы по р. Тисѣ
до Сегедина и Солнока, или казенную соль; Спишскій
поселянинъ шляется по міру съ дротомъ (канатомъ)
дротуя горшки; Земплинскій, Шаришскій и Ужанскій
ходитъ ежегодно на дольныя страны ~~между~~ къ мадьярамъ
на жнивы, или вымолотъ зерна. ~~Небудь эдакого пред-~~
~~принятія онъ~~ Безъ этого ему бы ~~вымеръ~~ пришлось умирать съ голоду. Въ время крѣ-
постнаго права до 1848. года какъто лучше ~~велось~~ жилось
нашимъ поселянамъ; — въ матеріальномъ отношеніи
они лучше стояли тогда чѣмъ теперь.

Ан. Кралицкій



II.

Моя инкриминованная статья въ юбилейномъ № „Слова“, въ нетронутомъ ея составѣ.*)

„Воспоминаніе про минувшее.
Мукачево, въ угорской Руси.

Съ 25-лѣтнымъ юбилеемъ „Слова“ приличнымъ, даже объязательнымъ считаю и со своей стороны, причинитись скудною литературною лептою для юбилейнаго „нумера“, и то тѣмъ болѣе, что изъ угорской руси (въ 8-омъ н-рѣ 1861-го года) первая корреспонденція моя появилась подъ надписю: „Изъ саболчанскаго комитата“ Только позже пріято было, не желая означати мѣсто откуда высылается корреспонденція, обще названіе „Изъ Угорской Руси“ которое мы всегда принимали въ этнографическомъ смыслѣ, а не политико географическомъ, на подобіе: Székelyföld, Mátyusföld, Pálóczvidek и пр., вслѣдствіе чего насъ обвиняли (а особенно „Карпатъ“) въ сепаратистичныхъ тенденціахъ.

Сношенія наши съ галицкой Русью до 1861-года были очень рѣдки. . . Вѣнскій „Вѣстникъ“ въ то время былъ весьма вялъ, безъ жизненной народной струи, и и „Слово“ пришло кстати.

У насъ на Угорской Руси (изъявши Пряшевъ), даже и въ Унгварѣ, русская газета была диковинкою; но чрезъ 2—3 года „Слово“ проникло и во села. Къ распространенію русскаго духа много причинились вѣнскіе питомцы духовной семинаріи, а особенно незабвенный нашъ пробудитель: Бл. п. Александръ Духновичъ.

О. если бы былъ онъ дотиглъ сей поры! Для того чтобы возобновити память тружнйнка, припомю одинъ эпизодъ изъ его жизни, въ доказательство того, какъ любилъ онъ свой восточный обрядъ и русскую народность.

Было то 1863-го года**). Я отправлялся во Словацкую землю (комитатъ Липтовскій, Тренчанскій и Нитранскій) по дорозѣ повернулъ я къ нему „батьку Духновичу“, какъ бы по благословеніе на путь во отдаленную за татранскую словенскую область; разумѣется, что принялъ меня радушно, по отцевски какъ давнаго знакомаго.

II. МОЯ ІНКРІМІНОВАННАЯ СТАТЬЯ В ЮБІЛЕЙНОМ № «СЛОВА», В НЕТРОНУТОМ ЕЯ СОСТАВІ:[1]

Воспоминаніє про минувшеє[2]

Мукачево, в Угорской Руси

З 25-літным юбілеєм «Слова» приличным, даже объязательным считаю и зо своєй стороны причинитись скудною літературною лєптою[3]

1 При сем примічаю, что юбілейнаго ч. «Слова» и до днешняго дня не виділ (***зазначка А. Кралицького***).

2 Статю **«Воспоминаніє про минувшеє»** А. Кралицькый як довгорочный угроруськый («Из Угорской Руси») дописователь до львівської новинкы «Слово» написав на просьбу редактора той галицькой новинкы и загнав ї десь у новембру 1884 рока у Львів, коли редакція ся ладила до свого 25-річного юбілея. То самоє вчинили и далші четверо підкарпатськых кореспондентів «Слова» – А. Митрак, И. Раковськый, Є. Фенцик, И. Сілвай. (У ч. 132 від 1(13) децембра новинка «Слово» у розділі «Редакційні ознаменя» курто поінформовала А. Кралицького, же тоту статю у редакції дістали и мавут інтерес ї напечатати). Межи тым, мадярська влада 13 децембра 1884 р. рішила надале не ширити львівське «Слово» в Угорськім корольстві як москвофілське. Коли у фебруару 1885 рока в юбілейному числі «Слова» ся вказали даякі из матеріалів підкарпатськых дописователів, будапештська «Nemzet», а дале и ужгородська промадярська преса («Карпатъ») обвинили їх у сепаратізмі и сотрудництві из заказанов в Угорськім корольстві галицьков пресов. Редактор ужгородського «Карпата» Ніколай Гомічков у 10. и 11. числах новинкы у тому році опубликовав два матеріалы («Унґвар, 7-го марта» и «A “Szlovo” jubileuma»), в котрых апріорі засудив підкарпатськых дописователів до «Слова» уж лем за то, же ся осмілили писати до юбілуючого «Слова». А. Кралицькый (котрый из «Карпатом» майже не сотрудничав), рішительно одмітувучи підозреня у сепаратізмі, загнав копію той своёй «юбілейной» статі «Воспоминаніє про минувшеє» до ужгородськой новинкы «Карпатъ» – на доказ того, што овін нич противправного не вчинив. Тото самоє вчинив А. Митрак. «Карпатъ» опубліковав тоты два тексты під общов назвов «Ювіларныя статьї» (№ 14, 1885, с. 1-2). Туй ниже подаєме статю А. Кралицького из «Карпата». Матеріалы Н. Гомічкова («Унґвар, 7-го марта») а тыж А. Митрака (без назвы), за котрі ишла бесіда высше, уміщуєме у «Додатках» (*зазначка вшорителя* – В. П.).

3 **Лєпта** (из *російськ.* «лепта») – часть, вклад, прислужити ся (*зазначка вшорителя* – В. П.).

для юбілейнаго «нумера», и то тім болієˇ что из Угорской Руси (в 8-ом н-рі 1861-го года) первая кореспонденція моя появилась под надписю: «Из Саболчанскаго комітата». Только позже прията было, не желая означати місто, одкуда высылаєтся кореспонденція, общеє названіє – «Из Угорской Руси», которое мы всегда принимали в етноґрафическом смыслі, а не політико-ґеоґрафическом, наподобіє: Székelyföld, Mátyusföld, Pálóczvidek и пр., вследствіє чего нас обвиняли (а особенно «Карпатъ») в сепаратістичных тенденціях.

Зношенія наши з Галицкой Русью до 1861-го года были очень рідки… Вєнский «ВѢстникь» в то время был весьма вял, без жизненной народной струї – и «Слово» пришло кстаті[4].

У нас на Угорской Руси (изъявши Пряшев), даже и в Унґварі русская ґазета была диковинкою; но чрез 2-3 года «Слово» проникло и во села. К распространенію русскаго духа много причинились вєнскіє питомцы духовной семінарії, а особенно незабвенный наш пробудитель бл.[блаженной][5] п.[амяти] Александр Духнович.

О, если бы был он достигл[6] сей поры! Для того, чтобы возобновити память труженика, припомню один епізод из єго жизни в доказательство того, как любил он свой восточный обряд и русскую народность.

Было то 1863-го года[7]. Я одправлялся во Словацкую землю (комітат Ліптовский, Тренчанский и Нітранский), по дорозі повернул я к нему, «батьку Духновичу», как бы по благословеніє на путь во оддаленную зататранскую словенскую область; разумієтся, что принял меня радушно, по отцевски, как давнаго знакомаго.

Того года латинская церков в Угорщині праздновала тысячелітную память св. А.А.[8] славянских Кирила и Мефодія. Потому пок. А. Духнович обратил моє вниманіє на сіє обстоятельство, додав: «Смотри, брат, ты как русский ієромонах будеш теперь представителем у Словаков нас всіх, угро-руссов, не могущих там быти; постарайся достойно репрезентовати нас. Єсть ли у тебя церковныя ризы, чтобы мог одслужити літурґію по нашему обряду и в нашей одежді, так как служили нашиє равноапостолные

4 **Кстаті** (из *російськ.* «кстати») – нагодов; ид ділу (*зазначка вшорителя* – В. П.).

5 Туй и дале у квадратных скобках додали сьме слово авадь часть слова, котрі там недоставут (*зазначка вшорителя* – В. П.).

6 В орігіналі было напечатаной так: «дотиглъ». Видав, туй проскочила хыба, котру сьме выправили (*зазначка вшорителя* – В. П.).

7 Память вступленія в древнюю Паннонію сс. Кирила и Мефодія (***зазначка А. Кралицького***).

8 **А.А**. – апостолы (*зазначка вшорителя* – В. П.).

Кирил и Мефодій? Пусть видят ету древнюю літурґію и наши братя Словаки!»

Надо сознаться, что на такую місію я не готовился и риз не брал з собою. Тогда пок.[ойный] Духнович вынул из шкафы фелон и єпітрахиль з наруквицями: «Вот, бери и непремінно служи літурґію в латинском костелі!». Я взял.

Чрез пару дней приспіли мы в город Жиліна (Sillein) Тренчанскаго комітата и я, познакомившись з містным плебаном Lemes[9], искренным[10] словацким патріотом, получил од него разрішеніє в слідующеє воскресеніє служити в 10 часов літурґію в костелі по нашему обряду. У меня был малчик[11], прислужник по имени Иван Чопей, владіющій хорошим звонким голосом. Он взобрался на хоры и беззастінчиво[12] піл всю літурґію, к великому удивленію[13] переполнившаго костел словенскаго народа. Орґан, разумієтся, молчал.

Парох жилінский Лемеш предварительно оповістил своїх сосідей-священиков, что будет у него літурґія *staroverska*. И они появились около 10 человік, окружив меня уже сначала, когда я стал совершати проскомідію на приложенном к стіні столикі, заступавшем місто жертвенника.

«To bola staroverska mša», – говорили выходившиє из храма богоговійные міщане. По тому был народный обід и пр. А что пок. Духнович радовался, нєчего и говорити!

***

Вот дословноє содержаніє обвиняємой в «Nemzet» чрез x., y., z. статьї. Долгом считаю заявити єще: слідующий мой «nyilatkozat»[14] помешен мною в 10-ом № «Munkács» 5-го марта с. г.

Nyilatkozat

Bizonyos hírlapok rossz néven veszik nekem, hogy legközelebb a galicziai „Szlovo” orosz lapban, ennek 25 éves jubileuma alkalmából, grátuláns cikket írtam és közöltem. Hogy ezt tettem, nem

9 Иде за Ондрея Лемеша (*зазначка вшорителя* – В. П.).

10 **Искренный** (из *російськ*. «искренний») – щиросердный (*зазначка вшорителя* – В. П.).

11 **Малчик** (из *російськ*. «мальчик») – хлопець (*зазначка вшорителя* – В. П.).

12 **Беззастінчиво** (из *російськ*. «беззастенчиво») – не ганьблячися (*зазначка вшорителя* – В. П.).

13 **Удивленіє** (*російськ*. «удивление») – зачудованя (*зазначка вшорителя* – В. П.).

14 **Nyilatkozat** (*мадяр*.) – ознаменя, выголошеня (*зазначка вшорителя* – В. П.).

tagadom, mert arra fel voltam kérve az illető lap által, de nem is volt szándékom tagadni, mivel a cikk alá kiírtam teljes nevemet, tehát a felelősséget magamra vettem. Mi tulajdonképpen az én hibám? hogy cikket írtam? hisz ezt már 25 év előtt is tettem és sohasem vonattam kérdőre, mert nem volt miért. Hogy ezen cikkemet éppen a lembergi „Szlovo"-ban közöltem, az sem hiba, mert ez történt az elmúlt év december hó elején, midőn ezen lap továbbítása még nem volt beszüntetve, tehát nem is tudtam, hogy ez meglesz. Érintett lap 132-ik számában dec. 1. (13-tól) „szerkesztői mondanivalók" rovatában arról értesítenek, hogy: „a cikkecskét (sic!) a jubiláns szám részére megkaptuk, köszönjük, kész akarattal megküldetik". Mi küldetik? a jubiláns szám, mely mai napig sem küldetett meg. A cikk tartalma pedig mi? egy útirajz 1863-ik évből, melyben nemcsak semmi törvényellenes, de még legkisebb célzás sincs arra, hogy valakit sértsen[15].

Králiczky.

К сему не прилагаю никакого коментаря; но в заключеніє вопрошаю: готтентоты мы что ли? И неужели не живем в констітуційной Австро-Угрії, гді в преділах законов свобода слова и пресы каждому гражданину єсть дана законом?

15 *Переклад из мадярського языка:*

Ознаменя

Даякі ґазеты обвинявут ня у тому, што м написав и опубликовав у сёму році ґратулаційну статю у галицьків руськів ґазеті «Слово» при нагоді її 25-літія. Я ся од того не одрікаву; кедь бы м ся хотів одрікати, нашто бы м ся підписовав під тов статёв своїм повным імням; беру на ся за тото одповідалность. Де м завинив? Што м статю написав? Вчинив им то на 25-літіє и нигда м ся не посомнівав у тому, бо не было на то причины. Не аж так давно опубликована была моя статя у львівському «Слові»; сесе тыж не хыба, написав им ї на зачатку децембра минувшого рока, коли ширеня той новинкы не было заказаной, выдтак ани ся не здогадовав, же штось такоє може ся стати. У 132-му числі ґазеты од 1(13) децембра у розділі «Редакційні ознаменя» сообщавут атсякоє: «достали сьме статю (sic!) про юбілейный выпуск, дякуєме, из охотов ї заженеме». Што мали загнати? Юбілейной число, котрой до днесь ми не прийшло. Якой содержаня статі? Вандрованя 1863 рока; у тому не же не є нич противозаконного, не є ани майменшого намаганя дакого образити.

Кралицькый.

НЕЧТО ПРО НАС САМЫХ

Недавно появилась в Вене брошюра под загл. «Nomenclation der österreichisch-ungarischen Russen»[1]. Считаем не лишним привести из нея содержание найболее интересных мест.

Древнерусское «русин» (подобно как: болгарин, сербин, гречин, армянин) в греческом языке могло быти выражено единственно в форме «Руѳинос», собирательная форма: от Рôс (Русь); а отсюда название страны «Рôсіа». В латинском языке Руѳинос – Ruthenus, склоняясь как всякое прилагательное, приняло во множественном числе форму Rutheni.

Название это не вытеснило и не заменило других синонимических выражений – Russus, Russi (Rusci, Ruszi, Ruizi, Ruzzi) и название страны является лишь в форме, производной от этих слов: Russia, Ruscia, Ruszia, Ruzzia (на пр. Magn. Duc. Lithuaniae et Russiae; Russia hungarica; metropolita totius Russiae).

На всём пространстве территории, занятой русским племенем, народ везде говорит «по-русски», называет себя «русин» или прилагательным «русский» (человек); для обозначения женского рода употребляется исключительно форма «русска(я)», и совершенно чужд других обозначений; а если и допускает таковыя, то заимствует их исключительно от названий местных центров: галичане, перемышляне, москвичи. Даже выделяющиеся из сплошной русской массы лемки и бойки[2], и те говорят «по русски», называют все свое, даже духовенство и церковь – «русскими», вовсе не подозревая существования выражений: рутены, русины и т. п. Согласно с этим, при Иосифе II. и до 1810. г. лекции в львовской высшей школе читались на языке «русском».

С этим совершенно согласны выдающиеся слависты, начиная с Шафарика. Даже проф. Бидерман[3] считает австроугорских русских: echte eigentliche Russen. Тем не менее он советует им (т. е. нам) усвоити себе

---

1 Иде за брошуру Адолфа Добрянского (підписана псевдонімом: «Von A. Ju….. tcsh») «Nomenclation der österreichisch-ungarischen Russen» [«Поименованя австро-угорськых русскых»] : Separatabdruch aus dem «Parlamentär». – Wien, 1885, 23 s. (*зазначка вшорителя* – В. П.).

2 Жители по другой стороне Карпат, в Галиции, употребляющие вместо «лиш» – «лем» (***зазначка А. Кралицького***).

3 **Bidermann, Herman Ignac** (1831–1892) – австрійськый історик и етноґраф (*зазначка вшорителя* – В. П.).

название «рутенов», в отличие от великороссов, которые, по его мнению, представляют финско-татарскую помесь. Совет, возражает автор брошюры, идущий в разрез с глубоко укоренившимся в общенародном употреблении названием, тем более не состоятелен, что опирается на мнимую чистоту и беспримесность племени, лишенную всякаго основания. Примесь польских, финских, татарских и монгольских элементов в восточной ветви русских столь же несомненна, как примесь литовцев, хазар, печенегов (bessenyők), половцев (palóczok), татар и черкесов – в западной. Разница лишь в том, что первая ветвь продолжает активное ассимилирование и теперь, а вторая закончила его в XIII. веке и теперь сама подвергается ассимилации.

Северовосточные германцы поглотили немало славянских и литовских элементов, поглощают их и до настоящаго времени, но это вовсе не дает повода южным германцам отделити себя от своих собратьев, называти себя «теутонами», названием совершенно аналогичным рутенам, и столь же вполне основательным в латинском языке.

Перед 1848 г. в австрийской монархии выработалась практика называти австроугорских русских рутенами; румын – валахами, румын буковинских – молдованами; сербов и хорватов – иллирами. Относительно других народов это оставлено уже давно; русские же в этом, как и в бесчисленном множестве других случаев, составляют исключение.

В латинском языке название Teuton для немца, Ruthenus для русскаго имеют полное основание, но не в немецком (добавим: в мадярском), тем более в русском. По русски всякий отдельный русский может называтися «русин», но окончание -ин, никак не может оставатися в множественном числе. В единственном числе хотя и говорится: славянин, болгарин, галичанин, русин и проч., но в числе множественном никогда не употреблялось славянины, болгарины, галичанины; но славяне, болгары, галичаны; стало быти, не русины, но руссы или русские.

ПИСЬМО ИЗ БУДАПЕШТА

Császárfürdő [1]***, 6-го мая*** *[1892]*

Как человека из провинции, из-под самых Карпат, любопытство толкало меня в горы, в зелень. Будинския горы богаты в разнаго рода развлечениях, но меня влекло подальше. Я предпринял себе посетить швабское село Ирем (Üröm), где есть русско-императорская часовня, в которой почивает русская княжна Александра Павловна, бывшая первая супруга угорскаго палатина, архикнязя Иосифа.

Село отстоит от Стараго Будина на 5-6 килом.[етров]. Сперва едется[2] по конной железной дороге, а затем на локальном вагоне, сообщающемся между Старым Будином (Ó-Buda)[3] и городом Сент-Эндре (св. Андрей), где имеет резиденцию православно-сербский Будинский епископ. Между сими местностями расположено на равнине немецкое село Békás-Megyer[4]. Приближаяся к нему, железная дорога ведет помеж раскопки древняго Aquincum-а (от aqua = вода; Buda – Будин) римлян. Недавно открыли тут римский амфитеатр, обок котораго мчится потяг железницы и хорошо можно его видети с окна. Раскопки тянутся на великом пространстве. Вблизи есть и римская купель, вода которой, как и все здешния воды, от натуры горячи.

В конце села Békás-Megyer мы слезли с вагона и отправились пешком вздолж села под гору, чрез которую вела нас проселочная дорога к соседнему Ирему (Üröm), расположенному по той стороне горы, на покатости – нашей цели.

Село небольшое, с 200-300 домиков, построенных в ряд и чисто выбеленных известью. Все жители – католические швабы, имеющие посредине села свой костел, школу и плебанию.

---

1 **Császárfürdő –** імператорська баня (термална плаварня, базен) у Будапешті. Єден из майдавнійших курортів Будапешта. Сочасной мадярськой написаня: Császár fürdő (*зазначка вшорителя* – В. П.).

2 В орігіналі по російськы было напечатаной так: «ехается». Видав, туй проскочила хыба, котру сьме выправили (*зазначка вшорителя* – В. П.).

3 **Ó-Buda** (*німецьк*. Alt-Ofen). Сочасной мадярськой написаня: Óbuda (Обуда). Є то днесь раён Будапешта (*зазначка вшорителя* – В. П.).

4 **Békás-Megye**r (*німецьк*. Krottendorf). Сочасной мадярськой написаня: Békásmegyer. Є то днесь раён Будапешта (*зазначка вшорителя* – В. П.).

Возле сельскаго кладбища построена помянутая часовня, под полом коей, в открытой изнутри[5] крипте почивает тело покойной вел. кн. Александры Павловны. Спускаются в нее по каменной лестнице. Сам гроб из толстаго металла, накрыт малиноваго цвета парчею, с золотым крестом посередине, стоит единственно в подвале, куда проникает свет сверху, из часовни. У ног с обеих сторон на двух пьедесталах, высеченных из камня и покрытых шелковою материей, положены две княжеския короны: одна, кажется, династии Габсбургов, а другая – Романовых.

Иконостас только девять лет тому назад обновлен. Иконы писаны в Петрограде и присланы сюда нынешним Императором Российским, с богатою и драгоценною утварью церковною, о чем свидетельствует следующая надпись на сребряной и вызолоченной таблице:

«1883. года июния 28-го дня, повелением Благочестивейшаго Государя Императора, Александра III. Всея России, устроен св. Иконостас сей в честь и память дня сотлетняго поминовения почивающей в сем св. Храме Благоверной Государыни Великой Княжны Александры Павловной».

На иконостасе у северных дверей изображен св. Александр Невский, а у южных – св. царица Александра. На аналое, возле праваго клироса, положена икона для лобзания входящим в церковь, изображающая св. Александру, с следующею надписью:

«Сим святым образом Ея Императорское Высочество Мария Феодоровна соизволила благословить Вселюбезнейшую свою Дочь, Ея Императорское Высочество, Благоверную Государыню Великую Княжну Александру Павловну в день Ея крещения, Августа 6-го дня 1783. года».

Священник этой часовни протоиерей Феофил Кардасевич, его диакон и псаломщик (дяк) постоянно живут в Будине, приходят на богослужение извощиком только по воскресеньям и праздникам. Жаль, что вчера, в день св. вм.[6] Георгия не пришли, мы бо надеялись побывать у св. литургии, потому-то отправились рано утром того дня в путь. Для причта этой святыни суть здесь три хорошие дома, отданы в аренду; в одном из них живет сторож-шваб, как говорит, выше 30-ти лет. Приводил имена разных духовных, здесь живших, из коих некоторые возвратились в Россию, а другие тут в соседстве Александры Павловны покоятся.

Имя одного из сих знакомо и у нас. Это пок. Константин Лукич Кустодиев, погребен 1875-го года на 38-м году жизни. Он перевел с латинскаго Историю Пряшевской епархии по рукописи А. Духновича,

---

5 В оригіналі по російськы было напечатаной так: «свнутри». Видав, туй проскочила хыба, котру сьме выправили (*зазначка вшорителя* – В. П.).

6 **Вм**. – курта форма слова «великомученик» (*зазначка вшорителя* – В. П.).

книжку, которая распространена и у нас. Он за жизни сообщался с нашими, побывал в Пряшеве у преосвященнаго еп. Иос. Гаганца.

Осмотревши все, возвратились тою же оказией, т. е. «попри паличке»[7], пешком 2. часа сюда и назад, чрез село Б.-Медьер, где покоится наш земляк, известен в нашей русской словесности, Александр Ю. Гомичков, бывший финансовый чиновник в отставке, померший сего года в страстную Пятницу. Вечная память им!

7 **Попри паличке** (*русинізм*) – из паличков. Видав, автор письма А. Кралицькый атсяк натякає своїм цімборам из числа читателів новинкы «Листокъ», же здоровля ёго иде на поправеня (зазначка вшорителя – В. П.).

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

Будапешт, 4. (16.) мая *[1892]*

Церковь сербская состоит из восьми епархий: митрополия Карловацкая, епископства Бачское, Темешварское, Вершецкое, Пакрацкое, Карлштадское, Новосадское и Будинское. Иерархическое свое устройство те епархии получили 1779. г. королевским рескриптом «Declaratorium Illyricum».

Здесь в Будине есть кафедральный храм епископа Будинскаго; но он здесь не живет, но в городе Szent-Endre, на расстоянии одного часа по железной дороге от стараго Будина к югу. Тут у него свое имение, обиталище слишком скромное, кафедр. храм, ничем не отличающийся по внешности от прочих городских храмов, даже греческая церковь по красоте своей колокольни превышает его. Но зато отделан внутри изящно, стены и потолок расписаны, а иконостас весь обновлен и богато вызолочен.

Город Святый Андрей посетил я 2-го нашего мая, в день поминовения и литургии по пок. епископе Будинском Арсении Стойковиче[1], умершем недавно и тут в церкви под солеею[2] у амвона погребенном. Замечательно, что в этой усыпальнице, довольно узкой, пять епископов почивают, первый из них Д. Новакович, а последний – Стойкович. Гробница накрыта широкою мраморною плитою, конец которой закрыт солеею. На плите следующая надпись выдолблена:

Увидитъ
Кто возритъ
Что дивный лежитъ
Во гробе сем темномъ
Всем нам неизвестномь
Дўонисій
Муж православный
Епископ Будимскій

1 **Арсеній Стойкович** (1804–29.03.1892) – єпископ Будинськый Карловацкой патріархії Сербськой церквы (*зазначка вшорителя* – В. П.).

2 **Солея**, авадь амвон (*лат*. soleum) – престол, возвышеноє місто межи кліросами перед іконостасом, из котрого вірникам преподавут ся св. Дары (*зазначка вшорителя* – В. П.).

Сечувскій (?) и Трансилванскій
Новаковичъ[3]
От рода зовомый
В Далмаціи рожденный
В Россіи наученъ
Богословіи изучен.
О, Сербіе!
Да тако лишися
Пастыря велика
Сердцем прослезися
Что не будет толика …

Остальная оконченность плиты, как выше сказано, прикрыта солеей, поэтому год неизвестен, когда погребен Дўонисий.

В Будине было слышно, что для заупокойнаго богослужения приедет в Св. Андрей патриарх Бранкович из Карловец, с прочими епископами, но он прибыл только сам.

Св. литургию $9^{1}/_{2}$ часа начал какий-то архимандрит, администратор упраздненной епархии с четырьмя священниками и одним диаконом. После проскомидии, при колокольном звоне, ввели патриарха прочие священники, в предшествии девяти мальчиков, облеченных в диаконских облачениях с крестом, рипидами и свещами. Патриарх Георгий Бранкович был одет в простую монашескую рясу чернаго цвета, с подкладкою червоно-малиноваго цвета. На голове у него была черная камилавка, с такою же шалью, спускавшеюся концами на плечи. Вошедши в церковь, стал на солею и дал благословение на все стороны; по тому взошел на трон и не присевши ни на минуту, стоял у кресла до самого конца литургии, опершись о правую рукоятку его и обернувшись к иконостасу; только на «мир всем», возглас который сам произносил, обращался к молящимся с благословением трижды, обеими руками. «Верую» и «Отченаш» сам читал на троне, а в конце литургии он творил отпуст и дал благословение. После сего надел митру и, облекшись в омофор, вышел с 12-тью священниками среди церкви, где у гробницы была поставлена на блюде кутия, подобная нашим torta-м, и началась панихида.

Патриарх Бранкович высокаго, костляваго роста человек с длинными седыми волосами и краткою бородою. В материальном отношении он забеспечен хорошо. Его доходы приносят доминии: Szöregh, Dálya, Bellobrv и Borova.

---

3 **Діонісій (Новакович)** (1705–1767) – єпископ Будинськый Карловацкой митрополії Сербськой церквы (*зазначка вшорителя* – В. П.).

СЕЛО ВЫДРЕНУВКА

Пред 40 літами, єще за панщины, было оно квітущеє, заможноє; лежало на довольно уродливой низині под сідыми Карпатскими горами. Люде малися добрі, хотя всі тягары, як панщину, порцію, десятину, вармещину и другиї самі сношали. Владітель села граф Х. жил в городі, других панов не было, а лиш священик и дяк, а на конці села єдинственна корчма, в которой долговязый Янкель мірял по 6 дудки ицю (галбу) вонючей паленчищи. У ґазды из двора выходили по 4-6 волов в поле на работу, по 2-3 коровы на пасло. Майже третя часть села иміла свої овцы; поживала сыр и жентицю, по тому в неділю и свято – бараньє мясо; а Янкель ледва з дня на день торопал в обношеной одежді, ибо сивуху єго нихто не хотіл пити, а прото люде здоровиї и щастливиї были.

Як все измінилося од тогда, а тому и 50 літ ніт єще!

Тогдашныї благоразумныї, богобойныї, тверезныї люде вымерли, а їх потомки сталися жебраками, посмішищем світа. Там, где пред тым стояли господарскиї будовли, теперь побудованы панскиї каштелі – цвітет жидовскоє племя, як в маї черешні. У всяких Гершков, Мошков, Срулей стоят мурованыї домы, як даякиї палаты, убраныї зеркалами, тепихами[1] и образами в золоченых рамах. Жидка носит золотыї заушнички и браслеты; муж єй маєт золотую годинку (часы) и одежду из тонкаго сукна; а между тым сын давнаго выдренувскаго богача Фофрея в обношенной гуні плетется за тощими бычатами дорогою – идти жидови орати єго землю. Домовство у него – обдертая, соломою крытая куча, в которую в слоту лієтся дождь. Все имініє єго состоит из маленькой землиці, которую жид доселі не взял прото, что ничтожна. На той трудится наслідник давнаго богача, чтобы прокоротати день зо дня. Зимою зябнет, ибо ніт теплой одежды, голодуєт, ибо впал в крайнюю нищету.

У другаго селянина Ивана Чечура недавно был єще свой телек (орек), своя марга (скотина), своя винниця. Теперь всему конець. Земля перейшла на жида Мойша, на которой работаєт єму сын Чечуры, а Мойше, недавно єще бідный оборванець, єсть токмо пришлець в село, куда приплелся, скупуючи ряндя, поржавілоє желізо, заячьї кожи и другую ветош, теперь накопил тысячи в приданоє своєй червеноволосой Естеркі.

1 **Тепих** – *російськ*. ковёр, *русин*. ковер (*зазначка вшорителя* – В. П.).

Хаим Моргенштерн недавно был єще голотерник, теперь носится на гнідом рысакі по селам, скупує на нагроможденных лихвою (uzsora) грошах земли, хижи и загороды.

А яким чином всі сії Мошки и Хаимы пришли в такоє благосостояніє? Ачей работали, трудилися в поті лиця? Терпіли, может быти, дождь, сніг, стужу, спекоту? Орали чей, сіяли, косили? Ніт, їх обогатили лихва и обман.

Вот як надул раз Андрея Коконду жид Галех. У перваго здох вол, потребно было купити другого, но не было грошей. Галех позычил (заимствовал) 120 золотых, но контракт выставил на 150 зол., а в пожет[2] – 8 зол. Коконда, не много думая, подписал и о три місяці должен был платити 158 зол.

У богача Чемеры был 18. рочный сын, леґінь Стефан, который дуже любил тратити (кельтовати), забавлятися, куповати всякиї безділиці; но не доставало грошей. Обратился к жиду Нюхему. Сей помог. Заимствовал леґіню 40 зол., а дал подписати вексель (váltó) на 50 золотых, коториї іміли быти выплачены чрез 3 місяці. Термин минул, но Стефан не платил, ибо не было чим.Тогда жид загрозил єму, что діло одкрієт родичам и од них будет требовати долг. Стефан убоялся, ибо іміл женитися, когда отець обіщал все імініє своє записати на него в телековой книзі. Чтобы жид молчал, выставил єму другий вексель – на 150 зол. Минуло полгода. Леґінь готовился к свадьбі. Нюхем занюхал и потішил молодаго женіха тым, что покажет обрученной дівиці вексель. Стефан подписал третій вексель – на 300 золотых. По весілю отець не дуже спішился з телековою книгою, да и тесть что-то не давал єще обіщанноє приданоє за дочерью. Минул год, Стефан выставил вексель Нюхему на 500 зл., потому дальше – на 700. О три годы Стефан зо стыдом должен был признатися молодой жені, что должен жиду 1000 золотых, между тым когда не взял – лиш 40 зл. Грошей не было такой великой сумы. Что было ділати? Робочую скотину не можно продавати, ибо без ней не можно и ґаздовати. Стефан продал третю часть телека и заплатил долг.

Лихварь (uzsorás) Хухем любит долг свой в застої держати и не принимаєт платы: «Иване! Гроші мої най стоят у тебе, я знаю, они не пропадут; оберни в ґаздовство, роби з ними ґешефт!» Долг тягнется з года на год и все-все растет; наконець станется из него порядочный капиталець. Од теперь лихварь станет стеречи должника, як мачка (кот) мыш, и только случая ожидаєт напасти на жертву. А случай – случаєм. Человік захворієт

2 **Пожет**, авадь **пожед**, **пужда** – процент під позычені гроші, дати під процент (*зазначка вшорителя* – В. П.).

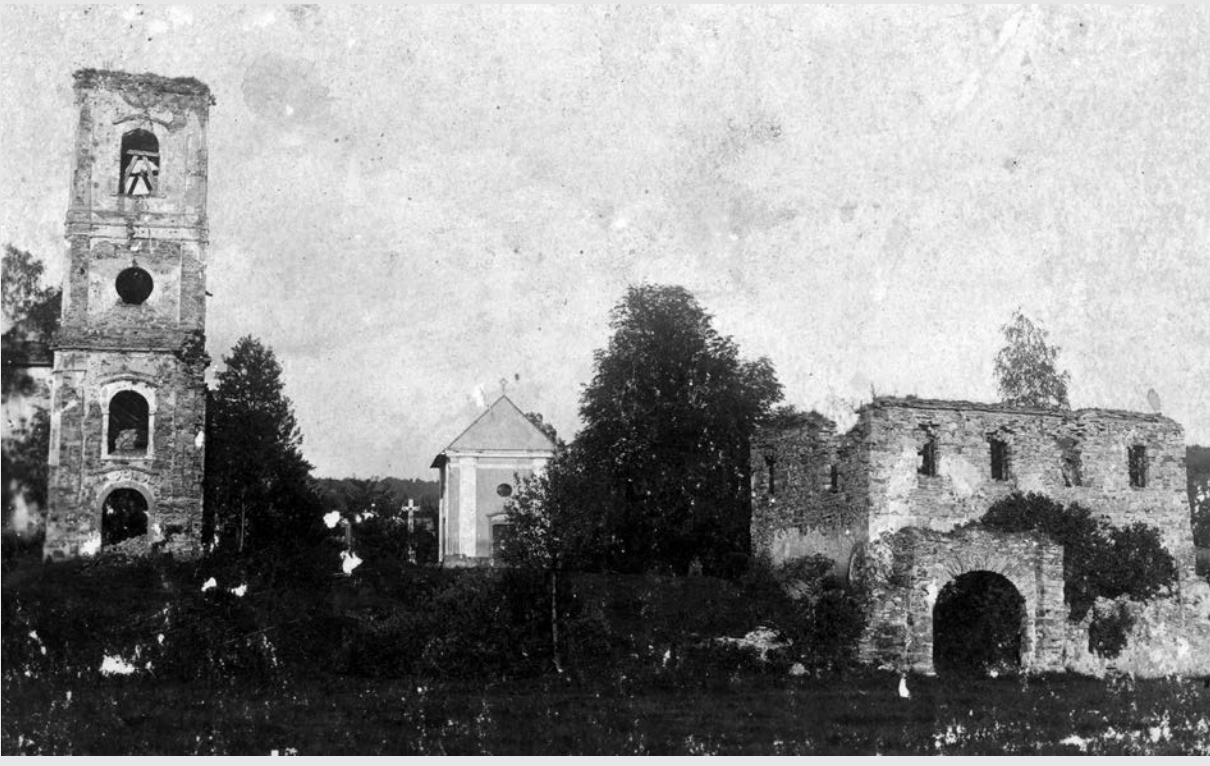
и заробляти не может; здохнет конь іли корова. Только того требовало жиду: «Иване, знаєш, маю потребу на гроші, плати, чуєш, и так они у тебе уже давно!». Станет бідный человік одпрошоватися, йойкати, но уже поздно! У лихваря ніт сердця. Пропала хижа и телек!

Так походило[3] и село Выдренувка.

А приміров таких множество.

3 **Походити** – зажити неприятности (*зазначка вшорителя* – В. П.).

ДОДАТКЫ



[Ніколай Ю. Гомічков] [1]

УНҐВАР, 7-го МАРТА

Давно не іміли мы ничего до діла з галиційскою ґазетою «Слово», она не посылаєтся до нас, так как она для Угорщины запрещенною[2] [єсть][3], как думаєм, по той причині, бо сія ґазета, не задоволнясь собственными галиційско-польскими ділами, вмішалася и в наши отечественныя діла и, сказати правду, панславістично и московско!

Ни однаго, ни другаго не требуєм, так как нам ни одно, ни другоє не послужило бы к улучшенію нашей судьбы; улучшили наше положеніє

---

1 Тота статя ся вказала у стовпчику редактора новинкы «Карпатъ» (№ 10 за 1885 р.). Хотяй автор не зазначеный, сесь матеріал, очевидно, написав редактор той новинкы Ніколай Гомічков. У далшому числі «Карпата» (№ 11 за 1885 р.) редактор опубликовав ищи єден (из содержательного боку – подобный) матеріал, але уж в мадярськім языку – «A "Szlovo" jubileuma» («Юбілей "Слова"»). У тых статях Н. Гомічков (котрый не видів ани статю А. Кралицького, ани матеріалы далшых дописователів до юбілейного числа «Слова») апріорі засудив пять підкарпатськых авторів уж лем за то, што ся осмілили написати до юбілуючого галицького выданя, заказаного (на момент публикованя!) в Угорськім корольстві.

Рішительно одмітувчи підозреня у сепаратізмі, свої «юбілейні» статі до ужгородськой новинкы «Карпатъ» (из просьбов, обы редактор їх опубликовав!) загнали А. Кралицькый и А. Митрак – на доказ того, што вни нич противправного не вчинили. Обадва тексты (А. Кралицького під назвов «Воспоминаніє про минувшеє» и А. Митрака – без назвы) «Карпатъ» опубликовав під общым тітулом «Ювіларныя статьї» (№ 14, 1885, с. 1-2). Тоты матеріалы подали сьме у сёму виданю в одповідных розділах – «Публицістика» (текст А. Кралицького) и «Додаткы» (текст А. Митрака). Ци заганяли до редакції «Карпата» свої статі далші троє авторів, за тото ниякой інформації однайти нам ся не подарило. Межи тым, И. Раковськый свою одповідь опубликовав у «Слові» під назвов «Отвѣтъ газетѣ "Nemzet"» (1885, № 32-34) (*зазначка вшорителя* – В. П.).

2 Як поінформовала за сесе читателя ужгородська новинка «Карпатъ» (№ 42 за 1884 р.)., 13 децембра того рока Угорськый міністерськый совіт рішив пштову пересылку львівського «Слова» «по всѣмъ краинамъ угорской короны» заостановити, бо она «стоитъ подъ вліяніемъ панславистической комиссіи, нападываетъ непрестанно на мадярскую краину и правительство и возмущаетъ патріотическія чувства угро-русскихъ» (*зазначка вшорителя* – В. П.).

3 Туй и дале у квадратных скобках додали сьме слово авадь часть слова, котрі хыблят подля смысла (*зазначка вшорителя* – В. П.).

угорскиє царі, правительства, наши констітуційные законы, наше товарищественноє сообщеніє з угорским – мадярским – племенем, но в ничим не споспішествовали нам россіяне-москалі и галиційскиє братя.

Теперь, как «Слово» до нас посилатись не может, только из иных ґазет можем что-то читати о поведеній тых, которыї считаются приверженцами галиційскаго «Слова» и єго начал.

Ґазета «Nemzet», выходящая двакрат в день, утром и вечером, сообщаєт в 890. (53.) числі з дня 23-го февраля допись из Львова (20-го февраля), в которой по случаю 25-годоваго ювілея существованія ґазеты «Слово» єсть слово и о нас, угро-русских.

Дописователь пишет межи прочими: «Поразительно, что ґазета («Слово») так много дописователей имієт из Угорщины. Цензура не касалася дописєй двух угорских дописователей, трех же дописователей ювіларныя поздравленія сталисъ цензурою стертыми, конфискованными.

Пять дописователей имієт «Слово» из Угорщины, из так названной «Угорской Руси» (дописователь ґазеты «Nemzet» (из Lemberg-а) означаєт поименно сих пять дописователей): 1. Іоан Раковский; 2. Анатолій Кралицкий; 3. Євґеній Фенцик (Владімир); 4. Александр Митрак и 5. Іоан Сілвай (Уріил Метеор). Всі они священики, на духовной пастві, з изъятієм Анатолія Кралицкаго, который єсть началником монастыря чина св.[ятаго] Василія В.[еликаго] Чернецкой горы при Мукачеві».

Допись кажет и то, что межи дописователями «Слова» находятся и лиця из Іпряшевской єпархіі (что может быти віродостойным, так как наши пряшевскиє братя весьма близ [стоят к] галичанам и панславістичным словакам).

Можем славитися тым, что в ювіларном праздникі «Слова» участвовали и наши мужи – священики, даже из чина св. Василія Великаго, и мы, только скромностію ведены, не исчисляєм вся, что читали из дописов Раковскаго, Кралицкаго, Фенцика, Митрака и Сілваєва. Припомнем только, что дописі Фенцика и Сілваєва не появилися, бо цензура їх прямо «сконфісковала». То сталось и з дописью Митрака, который, впрочем удостоился у нас уваженія.

То, что касаєтся личностей дописователей «Слова», трудно бы противорічити. Єсть общеизвістным, что помянутые пять (но только ті пять) наши мужи убіжали з доносами и поносами к галиційскому «Слову», не імія прибіжища у констітуційной Угорщині; искали каковую-то «Русь» на тім боці[4] Карпатов – в Галичині, даже до «послідных земли» – до Сіверії, до Сіверя.

4 В орігіналі было напечатаной так: «обон пол». Видав, туй проскочила хыба, котру сьме выправили (*зазначка вшорителя* – В. П.).

Стыдно для нас, что мы не упознаєм наше положеніє, и один-два-три-пять из нас скомпромітуют угро-русских, волочась по галиційским ґазетам, и стыдятся собственной отечественной земли, на которой они родились, и гді їм также и умерти приходит.

Мужи сего рода – 5 по числу – ничего не пользовали нам до сего времени, бо и немощны к тому; но иначе вредили нам галиційскими дописами, оскорбляя наше отечественноє чуство; они не поняли, что мы, угро-русскиє, ни од поляков, ни од галицких русских, ни од Россії ничего к нашему благосостоянію ожидати либо требовати не імієм и не можем.

«Слово» єсть, бессомнінно, шизматичнаго и русофіличнаго направленія. Того не только не стыдаєтся, но тым и славится. Мы на Угорщині таковой славы не требуєм. По сей причині мы и не участвуєм в ювілеї «Слова», как то участвовали ті пятеро наши «русскиє священики» – гражданы угорскаго отечества и духовники вірников той єпархії, которую угорскиє царі создали и содержуют до сего дня, начав од унії, до Марії Терезії и до нынішных времен, когда не Галиція, не Россія, но угорская міністерія и Єго Величество угорский царь дают нам спомоществованія для церквей, школ, парохіалных зданій и для личностей духовников и учителей.

Куда бы повела нас так названная «політика» тых 5 мужей, которыї, считая себе «общим мнінієм», пишут о нас ювіларныя статьї для «Слова», и то без нас, не внимая на то, что они пользовати своїми ідеалнофантастическими дописованіями никому ничего приобрісти не могут, а вредят только нашей чести, нашему уваженію и представляют нас предметом подозріванія и поруганія.

Мы того не требуєм.

Пусть будет, кто блажен своєю фантазією, своєю надеждою в будущоє русскоє царство, в поділеніє Угорщины межи славянами (словаками, русскими), ромунами, німцями и пр., пусть оживляєтся кто один-другий (5-6 людей) из таковаго воззрінія, но єще и в послідном развязанії предмета опоминаєм то наше простонародноє присловіє: «Может про мене и шовковая трава рости, коли мой конь здох!»

Куда поведут таковыя аґітациї «Слова?»

Пусть будет «Слово» для себе орґаном галицких руских, пусть дійствуєт шизматичными и россійскими направленіями, но мы тут, на угорско-русской земли не требуєм того, чтоб нас Раковский и равных єму 5-6 людей изучали «православія» – «народности» – «літературы» – «правописі» и пр. и пр. Мы імієм одно начало, котораго держимся – «католическоє православіє» и «угорскоє отечестволюбіє». Вні сих двух преділов мы не імієм становища на земли, на небі и на каковом-нибудь місті.

Довольно неліпо для нас, что даєм себе разволочати по галиційским,

одтуда – и по россійским, на послідi – и по угорским ґазетам, как бы мы не имiли поприща тут дома, межи собою, прямо себi самым сказати все, что нам прискорбно.

От 12 лiт нашего дiйствованiя мы не искали прибiжища ни в Галичинi, ни в Россiї, и теперь мы принуждены читати имена нiкоторых мужей, которыї, не имiя поприща писменной дiятельности тут, шли в Галичину ювiловати ставшемуся бесловному в нашем отечествi «Слову».

По нашей задачи считали мы достойным опровергнути сiє поступованiє и, воззываясь на явный документ, сказати наше мнiнiє. Может быти, оно неприємно касающимся лицям, но праведно! А того и они одтаити не могут, что таковыя легкомысленныя їх поступки, як не суть общим голосом большинства угрорусских, так только очень много вредят всему угрорусскому народу и всей iнтелiґенциї, которой полiтическия чуства безрассудно оскорбляют!

[Ніколай Ю. Гомічков]
ЮВІЛАРНЫЯ СТАТЬЇ

В 10-ом и 11-ом числах нашего «Карпата», в першом – в передовой статьї[1], в послідном – под тітлом «А “Слово” jubileuma» на мадярском языкі – писали мы одголосок по тому случаю, что наших пять священиков в мадярской журналистикі осудили за то, что они оповажились участвовати дописями своїми в ювілейном празднестві того «Слова», который по чуствам и направленіям своїм дышет московщиною и расколничеством. Мы за должность свою считали так великоє осужденіє з всего угро-русскаго народа одстранити и благосклонность и єдиночуствіє пяти писателям к «Слову» як такоє представити, которое не может казатися у нас общественным мнінєм.

Мы повторяєм, что «Слово» по своєму направленію у нас, угро-русских, не может быти образцем, як оно не єсть и в самом своєм отечестві[2] – в Галиції. «Слово» и там считаєтся таким, яким мы єго объявили, и число єго приверженцов не єсть так великоє, чтобы нам, угро-русским, подражати їх. Самоє церковноє правительство по всєй Галичині осуждаєт начала «Слова», а между духовенством и народом галицким считаєтся в всяком одношенії опозіційным настоящим положеніям и стоит в службі таких идей и мечтаній, которы из-за границь австро-угорских приходят.

Из пяти писателей два, о. Александр Митрак и о. Антоній[3] Кралицкий, ювілярныї свої статьї для обсуждения того, насколько провинили они, прислали в нашу редакцію для явнаго сообщенія. Мы радушно передаєм ті статьї явности з тым нашим примічанієм, что когда в одношенії содержанія тых не находим ни измінничества, ни невірности к отечеству так, как к православно-католической церкви, все таки повод подали к тому, чтобы в подозріваніє впасти, так как «Слово» и єго приверженцы стоят на такой почві, которая для нас, угро-русских, никак не может

1 Позирай сесь текст під назвов «Унґвар, 7-го марта» у розділі «Додаткы» (*зазначка вшорителя* – В. П.).

2 **Отечество** (из *російськ.* «отечество») – отцюзнина, отчина; отчизна (*зазначка вшорителя* – В. П.).

3 **Антоній** – явна хыба автора той публикації. Має быти имя «Анатолій» (*зазначка вшорителя* – В. П.)

возродити – понє[4] в настоящих обстоятельствах – благополезных плодов. «Si non noscitur ex se, noscitur ex sociis»[5] кажет латинскоє присловко, и толкованіє того очень легко приспособляється на пяти писателей «Слова», хотя и мы думаєм, что не совсім основно.

Вот слідуют кореспонденції дословно:[6]

I

Кленова, 16-го марта 1885.

П. Господин редактор! Хотя Вы одрекаєтеся од солідарности зо мною як такого, который, по вашим словам, Вас компромітує и оскорбляєт ваше и всего угро-русскаго народа патріотичноє чуство, однако ж позвольте надіятися, что Вы не одкажете мні – для разъясненія діла – в поміщеній сих ніскольких слов. Я, пока у нас свободно было почтою получити «Слово», был єго подпищиком и уважал єго за неустрашимую оборону інтересов и чести русскаго народа. В простоті души моєй не мог я думати, что чтеніє «Слова» считаєтся у нас изміною государству. «Карпатъ», извините[7], не мог удовлетворити мене потому, что он, не будучи независимым орґаном, часто оскорблял моє народноє и человіческоє чуство. Будь «Карпатъ» независимым, одкровенным и смілым выразителем наших народных нужд, разуміется в пределах государственных законов, бессомнінно, ни я, ни другіє не волочилися бы, по вашим словам, з кореспонденціями в Галичину. Я, впрочем, кореспонденцій в «Слово» з 1871. года, одколі живу тут, не писывал, развє[8] одну статью, здається 8 літ тому назад, в которой выражал негодованіє и досаду на туркофільство «Карпата» и на небрежноє, опять прошу прощенія, полноє опечаток изданіє єго. Сіє привожу для того, чтобы уменшити собою великоє число кореспондентов «Слова», котороє число поразило кореспондента «Nemzet»-а. Відь я, написавший в теченії 14 літ одну статью в «Слово», конечно, не могу считатися корес-

4 **Понє** (*церковнослав.*) – при майменшім; хоть лем; холем (*зазначка вшорителя* – В. П.)

5 **Si non noscitur ex se, noscitur ex sociis** (*лат.*) – латинське присловко. *Дословно*: Кедь ся не довідати од нёго, так ся довідати од ёго сполочности. *Иншак*: Упович ми, хто ти цімбора, и я ти уповім, хто єсь ты.

6 Туй ниже помістили сьме лем текст од А. Митрака. Кореспонденцію А. Кралицького під назвов «II. Моя інкрімінованная статья в юбілейном № «Слова», в нетронутом ея составі» *позирай* у розділі «Публіцістика» (*зазначка вшорителя* – В. П.).

7 **Извиніть** (из *російськ.* «извинить») – перебачити (*зазначка вшорителя* – В. П.).

8 **Развє** (из *російськ.* «разве») – хыбаль (*зазначка вшорителя* – В. П.).

пондентом єго. При сем должен объяснити и то єще болiє печальноє, по словам «Nemzet»-а, обстоятельство, что львовская цензура только двох угорских русинов сочиненія в ювілейном числі «Слова» пропустила; статьї же трех – конфисковала, между сими послідными и мою. Кореспондент «Nemzet»-а даже любопытен знати: что мог я-дє, написати такоє, что даже австрійская цензура не могла того пропустити! Львовский кореспондент «Nemzet»-а, єсли он в Львові живет, мог бы знати, что львовская цензура далеко не одличаєтся знисходительностью к русским изданіям и часто конфіскує їх даже за простую перепечатку или перевод статей из вєнских німецких ґазет. Что же такоє написал я? Под заглавієм «Отрывок из угро-русской жизни» я описал просто, не мудруя лукаво[9], гді я родился, як остался сиротою, як бідовал на світі, что виділ и чему учился, як пришел в народноє сознаніє и як полюбил народность свою. Вот все, что я написал и что так напугало Вас, что Вы считаєте нужным з одплєваньєм одрекатися од солідарности зо мною. Бог з Вами и зо всім крещеным и некрещеным миром; ничего тут боятися ни вам, ни другому: відь нас всего 5 людей, которые всі уже ближе к гробу, нежелі к колыбелі[10]. Даст Бог перемрем и будет конець всій біді, нами произведенной. А извиніте, єсли любов моя к народности Вас и з вами весь угро-русский народ компромітує, подозрінію и поруганію подвергаєт. Єсли так, єсли то правда, что Вы написали в «Карпаті», то я готов и должен одречися од такого народа, который не хочет мене считати своїм, и заявити, что я не принадлежу ни к якому народу, ни к якой народности: русином не свободно мні быти, а другим по происхожденію не могу быти. А все то, что пишут о нашей изміні отечеству, считаю напастью. При сем каждый должен признати, что патріотізм у нас односительноє понятіє: Вы, напримір, подозріваєте мой патріотизм, ваш патріотізм подозрівает г. Талапкович и г. Мейсарош, патріотізм міністра-президента подозрівається г. Чанади Шандаром и другими – и так даліє, до бесконечности.

А. Митрак

---

9 **Не мудруя лукаво** (выраз, из *російськ.* «не мудрствуя лукаво») – говорити просто (*зазначка вшорителя* – В. П.).

10 **Колыбель** (из *російськ.* «колыбель») – колыска (*зазначка вшорителя* – В. П.).

[Александр Ю. Гомічков] [1]

УНҐВАР, 27-ГО МАРТА

Смертію блаженнаго Матфея[2] Микиты, протоигумена нашего єдинкаго чина св. Василія Великаго, утратил чин найстарійшаго не только по літам жизни, но и по достоинству и монашеской, также и священической годности члена своєго, так как усопший протоигумен был 83 літа старым, 62 літа в чину, и 59 літ священиком[3].

Время єго управленія можно нарещи мирным, и єго протоигуменство, как бы непремінноє, стекло в покої – так в самом чині, как и взглядом на внішныя одношенія к церковной власти и к єпархіям.

Теперь предстоит чину пора избиранія инаго верховнаго настоятеля, можно сказати, управителя ділами чина. Время таковаго управленія, как извістно, єсть дочасным и ограничаєтся только на 3 года, по стеченію которых чин, пользуясь своєю автономією, избираєт опять началников.

Было слово в фельєтоні 12-го числа «Карпата»[4] о том, что в 1850-ті годах вознамірилось восстановленіє архімандрії св. Николая од горы Чернецкой (Чернек), но тому противился чин, не позволяя потерю права избиранія протоигумена – титла ради; и так чин остался в своєм орґанізмі ненарушимым.

---

1 Статя ся вказала у стовпчику редактора новинкы «Карпатъ» (№ 13 за 1885 р.). Хотяй автор не зазначеный, А. Кралицькый думав же атором є сам редактор новинкы Н. Гомічков. Він непрямо прозрадив Н. Гомічкова у своїв статі-одповіді «Рефлексії на вступную статью «Карпата» № 13.», коли потвердив, што статя выйшла «из-под пера ґреко-кафолическаго священика-редактора в столбцях орґана єпархіалнаго правленія». Поправді, автором быв брат редактора Александр Гомічков (позирай ёго вызная у статі: А. Ю. Гомічков. «Архимандрія Святаго Николая отъ горы Чернецъ» (Карпатъ», № 30 за 1885 р.)

Ответ А. Кралицького на сесь крітичный матеріал А. Гомічкова під назвов «Рефлексії на вступную статью «Карпата» № 13.» подали сьме у розділі «Из історії Чина св. Василія Великого» (*зазначка вшорителя* – В. П.).

2 В орігіналі тото монашой имня ся подає як «Мафей». Видав, туй проскочила хыба, котру сьме выправили (*зазначка вшорителя* – В. П.).

3 **Матфей Микита** (20.09.1802–18.03.1885) – протоигумен монахів Чина св. Василія Великого в Угорськім корольстві (*зазначка вшорителя* – В. П.).

4 Иде за *мемоары*: Александръ Гомичковъ. Изъ моихъ записокъ: Эпизоды изъ истории нашей угро-русской народной жизни. – Карпатъ, 1885, ч. 12 (22), 10 марта, с. 3 (*зазначка вшорителя* – В. П.).

Мы ни впускаємся в разбираніє сего вопроса, хотя, внимая на почитаніє, которым к нашему єдинственному чину односимся, желали бы мы, чтоб на челі єго стоял муж, облечен достоинством и по внішнему виду, как то єсть у нікоторых знатнійших чинах римско-католиков, управляємых абатами и прелатами.

Пусть останет все на старом, что касаєтся автономичнаго управленія. В одношеніі однако орґанізма и діятельности чина імієм скромных примічаній, так как сей чин не являєт жизни, ніт в нем дійствительности для общаго блага и по крайней мірі останет весьма ограниченным на келіі членов и на безділность.

Од времен блаженной памяти Іоанникія Базиловича, издавшаго в 1799. и 1804. годах дві большия книги «Notatia fundationis Theodori Koriathovics», содержающия історію не только самаго чина, но всей нашей єпархії (тогда соєдиненной) и угорско-русскаго народа, особенно в церковном одношеніі, не показал чин ничего значительнаго и послідными десятолітіями общим сталось мнінієм, что чин постепенно падаєт, уменшиваєтся и теряєт уваженія.

Послідный именник (schematismus) Мукачевской єпархії на 1883-ый год являєт в 5 монастырях только 36 монахов, пряшевский же в 2 монастырях только 7, а то з вчисленієм и новіціатов, так как в время Базиловича было в 7 монастырях 80 чернецов, а по указанію шематизма мукачевской єпархії было їх 70, и повыше єще нікоє число в 2 обытелях Пряшевской єпархії.

Сії числа показуют, что число членов нашего чина в Мукачевской єпархії од 46 годов уменьшилося о 34, так же сышло оно почти не на половину, то єсть з вычисленієм 2 лиць точно на половину.

И в сем одношеніі задовольствуємся сим статістичным выказанієм, не иская за причинами сего паденія; то одно извістно, что чин од десятолітій не іміл привлекательности по том направленію, чтоб особенно образованные молодці іміли охоты вступати в чин, и вступаєт кто-то, по большей части, только из принужденности. Причины таковаго паденія чина можут быти не в чині самом, но в обстоятельствах времени и по разным сторонам, которыя сим случаєм искати не хочем.

Больше всего занимаєт нас сим случаєм, когда предстоит чин избиранію головнаго настоятеля, даже віроятно и иных настоятелей, тот вопрос: можно ли ожидати какую-то реформу касательно орґанізма и діятельности чина св. Василія?

Когда мы тут-там выражалися по стороні опреділенія званія, діятельности нашего чина, говорилось нам, что чин імієт званія и опреділенія хранити чистоту обряда, а то в церкви и вні церквы, даліє же – быти к опомоществованію парохіалнаго духовенства по случаям нужденности.

Вот всего! И то было бы бессомнінно достаточно к оправданію существованія чина.

Однако діло имієт инакого вида в практичной жизни! Что, в первых, касаєтся соблюденія, храненія наших церковных обрядов, то видим, что (з изъятієм одной бороды) чин много оставил[5] из первобытных установленій, и в ничем не єсть строжайшим, как мирскоє духовенство. Соблюденіє постов, одправы церковных обрядов и пр. не суть больше по древнєму, и наши монастирі одлучаются[6] только соблюденієм одпустов, так как сії соключены з доходами, хотя иначе, великоє сими случаями являєтся развращеніє по всім сторонам, єще и в самых монастирях; в народі же распуст, а не одпуст показуєтся, что общеизвістноє діло! Сей таже первый предлог существованія нашего єдинственнаго чина – по причині оставленія первобытной строгости – не оправдаєтся; и єжели бы св. Василій Великий явился в наших монастирях, не спознал бы учрежденный ним чин.

В вторых, кажется, что наши чернеці нужны для помощи парохіалному духовенству в случаях нужденности. Невзирая на то, что учрежденієм многаго числа капеланій сія нужденность весьма ограничилася и священики иміют способов помощи и без монахов, примітим, что помянутоє спомоществованіє всегда соключено з иждивенієм, бо монастырь не даєт на помощ чернеця без награды, платимой монастырю, при сем єще спомоществующий монах что-то и одбираєт из доходов пароха; таковая помощ таже єсть не по опреділенію чина, но по личным выгодам.

Мы знаєм случаєв, что духовники спомагали себі в нуждах как-нибудь могли, только чтоб не требовати помощи из монастыря; и то коєгді не только иждивеній, но и иных коє-гді непотішительных причин ради; и так неоспоримо постановляєм, что чин Св. Василія В. вобше не єсть к спомоществованію нашего душпастырнаго кліра. Сим таже доводом существованіє нашего чина боронити, по нашему мнінію и опыту, не можно.

Мы, слідуя требованіям нынішнаго времени, желали бы, чтоб наш єдинственный чин сим случаєм, когда предстоит єму реформа в управляющих личностях, особенно в лиці протоигумена, предпринял рішительныя міры к своєму преображенію на лучшеє.

Прежде всего желаєм строжайшеє наблюданіє уставов по всім одношеніям. Чин да будет чином в тіснійшем значеній слова и образцем содержанія нашего церковнаго обряда; того не только желаєм, но и требуєм.

---

5 **Оставити** – туй у значеню «одказати ся», «одречи ся» (*зазначка вшорителя* – В. П.).

6 **Одлучатися** – одличатися (*зазначка вшорителя* – В. П.).

Коріатович и прочиє основатели наших монастырей прежде всего и над всім сіє значеніє и сію задачу чина иміли в виду. Того требує и народ, который єжегодно случаєм одпустов много грошей жертвує к содержанію монастырей, того требує даже и самоє достоинство чина, бо сим способом восстановит потерянноє уваженіє в виді не только тых людей, которые люблят пользоватися гостеприємством монастырей, но и в виді всего благоразумнаго інтеліґентнаго сословія, но даже и простаго народа.

Особенно уважаєм на діятельность чина, то єсть єго членов по личностям. То безділіє, в котором наш чин стеняєт, не послужит єму в славу. З малым изъятієм (напримір, Повчанской парохії и школы) нигді большой діятельности не видим з стороны наших чернецов, которые не принуждены заботитися потребностями єжедневнаго живленія, одежды либо воспитанія дітей и содержанія семейства.

Монастырі всі иміют только матеріалных средств, чтоб подали иноkам способов к самообразованію, и ті свидінія, которыя таким путем приобріют, могли бы наши чернеці употребити в пользу угорско-русскаго и ґреко-католическаго народа – в науковом, школном, літературном церковно-проповідном и прочих одношеніях, нашей церковно-народной жизни касающихся.

Жалко, что одинкий превосходно образованный муж чина, занимающийся літературою, з изъятієм унґварскаго русскаго місяцослова, теряєт свой талант и свою діятельность!

Чтоб нічто и особеннаго сказати: монастырь мукачевский могол бы создати русскую печатню (з мадярскою) – обеспечити на свої імінія кавцію и содійствієм членов обытели издавати ґазету, школныя книги, брошуры, читанки для простаго народа и пр. Было бы к сему содійствителей и кореспондентов из прочих монастырей, и так хотя нікоторая часть наших членов чина получила бы охоту к занятію (чтенію, писанію, руководенію печатнею и пр.) и приобріла бы много благаго для народа, для чина же – славу и великоє уваженіє.

КОМЕНТАРІ И ЗАЗНАЧКЫ

ПРОЗА

ПАСТЫРЬ В ПОЛОНИНАХ

Повістка из сторон под-Карпатских

***Первопубликація*:** Пастырь въ полонинахъ : Повѣстка изъ сторонъ под-Карпатскихъ. In: *Зоря Галицкая яко Альбумъ на годъ 1860. /* Издатель: Богданъ А. Дѣдицкій. – Львовъ: Типомъ Института Ставропигійского, 1860, с. 528-540.

Підпис: Анатолій Кралицкій.

Подаєме подля первопубликації.

Начално львівськый редактор Б. Дідицькый плановав дати до того выданя иншаке оповіданя А. Кралицького – якыйсь твір «Братоубійца» на біблійну тему. Але, коли А. Кралицькый у свому письмі до Б. Дідицького од 17. мая 1860 р. испомянув, што має задум написати якусь «рускую повѣсть», тот нараз попросив го прислати му тот новый твір:

> «Прежде всего благодарю усердно за присланіе пренумераты на Альбумъ и за ласкавое сообщеніе библійной повѣстки «Братоубійца», которую охотно помѣщу в томъ же альбумѣ. Єще пріятнѣйше было бы менѣ, если бы Вы изволили прислати рускую повѣсть, о которой въ писмѣ Вашом упоминаете. Само бо заглавіе той повѣсти доказываетъ, что предметъ будетъ для рускаго читательства занимательный. Времени на составленіе и присланіе той повѣсти есть еще довольно бо – до конца Юлія или даже 10 Августа с. г. Тому прошу я усерднѣйше, извольте по прочтеніи моего письма сейчасъ принятись за дѣло и совершати оное въ пользу нашой любезнѣйшой Руси» (с. 195)[1].
>
> (*Письмо Б. Дідицького до А. Кралицького од 3.7.1860 р.*).

1 Туй и дале у зазначках письма Б. Дідицького до А. Кралицького цітуєме подля выданя: КИНАХ, Г. Матеріялы до історіѣ зносин Пôдкарпат. Руси з Галичиною в XIX вѣцѣ. Кореспонденція Анатоля Кралицкого з Богданом Дѣдицким. Из архива Мукачевского монастыря: Листы Богдана Дѣдицкого до Анатоля Кралицкого из р. 1860–1867. *In*: *Науковый зборник Товариства «Просвѣта» в Ужгородѣ за 1925 рок*. Рочник IV. – Ужгород, 1925. – С. 195-200.

Видав, А. Кралицькый ся дослухав порады Б. Дідицького, бо у выданю «Зоря Галицкая яко Альбумъ на годъ 1860.», як видиме, од нёго ся вказала не «библійна повѣстка» «Братоубійца», а цалком иншакый (тематично и сужетно) твір під назвов «Пастырь в полонинах».

А. Кралицькый доста успішно дебютовав у красному письменстві из романтичным оповіданям «Пастырь в полонинах». Туй яло бы зазначити, же львівськый алманах «Зоря Галицкая яко Альбумъ на годъ 1860.» не быв даякым рядным выданям. Быв то первый знак народного избуженя у галицькых русинів-руських. И се тыж явный знак изближеня вшиткых русинів – галицькых, підкарпатськых, лемківськых, обы совокупити силу и енергію про общой національной двиганя. Як лем 23 марта 1860 р. на митрополита Галицького быв утверженый Григорій Яхимович, нараз из той нагоды редактор Богдан Дідицькый у Львові выдав алманах «Зоря Галицкая яко Альбумъ на годъ 1860.». На 560 сторонах алманаха уміщені статі, поезія и проза од многых (52-ох!) авторів из Галичины, Лемковины и Підкарпатськой Руси. Суть то творы галицькых авторів, як то Ніколая Устіяновича, Богдана Дідицького, Іоана Гушалевича, Ивана Наумовича, Іоана Озаркевича (вітця), Іоана Озаркевича (сына), Володимира Шашкевича, Іоана Глібовицького, Емиліана Огоновського, Якова Головацького, Ивана Головацького, Павла Леонтовича и др. Суть то тыж творы лемківськых авторів, як то Алексія Торонського («Русины-Лемки») и Клавдії Алексович («Пѣсня Ольдины», під псевдо «К. Алексевичевна»), але тыж туй представлена творчость підкарпатськых русинів – А. Духновича, А. Павловича, Андрея В. Поповича («Сила служебнаго языка») и, наконець, єдной оповіданя А. Кралицького – «Пастырь в полонинах».

За далшу долю рукописа А. Кралицького «Братоубійца» нич не знати. Хотяй Б. Дідицькый доста коректно ся ставив до творів А. Кралицького и поволи публиковав ушиткі оповіданя ци статі, котрі тот заганяв у редакцію «Слова» авадь «Галичанина» (літературный додаток до «Слова»), авадь «Наукового сборника», сесь твір під тов назвов у названых періодиках напечатаный не быв. Межи тым, помежи рукописы А. Кралицького из того, што знаєме, обстав текст, котрый підходит під значеня «библійна повѣстка». Иде за оповіданя «Мойсей (Библическое повѣствование)», котре по первый раз было опубликованой нами лем у сочасну добу и котре тыж подаєме у нашому выданю. (*Позирай* зазначку до оповіданя «Мойсей»).

НЕ ХОДИ, ГРИЦЮ, НА ВЕЧЕРНИЦІ!
Подкарпатская повість

Первопубликація: Не ходи Грицю на вечерницѣ! : Подкарпатская повѣсть… In: *Слово : Политическая и литературная газета* / Издаватель и отвѣчательный редакторъ Б. А. Дѣдицкій. – Львовъ: Въ книгопечатнѣ

Ставропигійского института. – Рочникъ V, 1865, Ч. 23, с. 1-3; Ч. 24, с. 1-3.

Підпис: … Анатолій Кралицкій.

Подаєме подля первопубликації.

Тото оповіданя А. Кралицькый написав у Маріяповчанськім монастырю, видав, ищи у 1861році авадь на зачатку рока 1862. Такой тогды Б. Дідицькый наплановав дати го у літературный зборник «Галичанинъ» (Книга I. Выпуск I, 1862), котрый акурат зачав выходити як додаток до ґазеты «Слово». Айбо по выході первого выпуска у свому письмі до А. Кралицького галицькый редактор мусив признати, же:

> «… въ I. вып. Галичанина не помѣстилась – мимо приреченья – повѣсть Ваша «Не ходи Грицю…». Сталось то изъ причины, что 3 вмѣщеныи тамъ повѣсти надто много мѣста заняли… За то въ II. вып. рады бы мы больше дати мѣстца Угорской Братіи, и якъ только буде возможно, выпечатати пространнѣйшую повѣсть Вашу, которую изволили Ваше Преподобіе менѣ прислати подъ загл. «Свято-Юрскій монастырь въ Ливадіи». Если бы мнѣ не повелось повѣсть тую издати въ «Галичанинѣ», то постараюсь обнародовити ю особнымъ изданіемъ, а за то на всякій случай во II. вып. напечатати «Не ходи Грицю» (с. 197).
>
> (*Письмо Б. Дідицького до А. Кралицького од 12.11.1862 р.*).

Редактор додержав слово и у II. выпуску (Книга I. Выпуск II, 1863) од А. Кралицького вмістив аж три матеріалы, але помежи тоты умелецькі и історичні творы не было ани оповіданя «Не ходи, Грицю, на вечерниці!», ани повісті «Свято-Юрский монастырь в Ліваді» из 1862 рока. Аж наконець, далшый, двойный, выпуск (Книга I. Выпуск III и IV, 1863.) «Галичанина» (на нёму выдаваня того літературного додатка ся застановило!) тыж выйшов без оповіданя «Не ходи, Грицю, на вечерниці!» и повісті «Свято-Юрский монастырь в Ліваді». Видав, была тому важна причина. Туй треба розумити, же 1863-ый рік быв роком значного про славянськый світ юбілея – 1000-літія прихода місії св. Кирила и Мефодія до Великоморавського княжества. Самый факт, же славянство широко ославило тоту дату, розбивав тверженя мадярськой історичной наукы, гейбы до прихода мадяр у карпатську котлину тота земля была незаселенов. Видав, А. Кралицькый думав акурат на тот юбілей, коли писав оповіданя «Князь Лаборець». (Скончив го писати у марті 1863 р. и загнав до Львова). Редактор Б. Дідицькый, коли дістав рукопис «Князя Лаборця», набізувно вызнав го май актуалным твором про тот всеславянськый юбілей, зато у літературнім додатку «Галичанинъ» (Книга I. Выпуск III и IV, 1863) дав перед акурат атсёму романтичному оповіданю. А коли по тому «Галичанинъ» перестав выходити, редактор Б. Дідицькый у 1865 році обадва творы – «Не ходи, Грицю, на вечерниці!» и «Свято-Юрский монастырь в Ліваді» – напечатав у «Слові».

СВЯТО-ЮРСКИЙ МОНАСТЫРЬ В ЛІВАДІЇ

Повість из времен войны за свободу Ґреції

***Первопубликація*:** Свято-Юрскій монастырь въ Ливадіи : Повѣсть изъ временъ войны за свободу Греціи. In: *Слово : Политическая и литературная газета* / Издаватель и отвѣчательный редакторъ Б. А. Дѣдицкій. – Львовъ: Въ книгопечатнѣ Ставропигійского института. – Рочникъ V, 1865, Ч. 32, 24. цвѣтня (6. мая), с. 1-3; Ч. 33, 28. цвѣтня (10. мая), с. 1-2; Ч. 34, 1. (13.) мая, с. 1-2; Ч. 35, 5. (17.) мая, с. 1-2; Ч. 36, 8. (20.) мая, с. 1-3; Ч. 37, 12. (24.) мая, с. 1-3; Ч. 38, 15. (27.) мая, с. 1-3; Ч. 39, 19. (31.) мая, с. 1-3; Ч. 40, 22. мая (3. іюня), с. 1-3; Ч. 41, 26. мая (7. іюня), с. 1; Ч. 42, 29. мая (10. іюня), с. 1-2.

Підпис: Анатолій Кралицкій

Подаєме подля первопубликації.

Повість «Свято-Юрский монастырь в Лівадії» А. Кралицькый написав у Маріяповчанськім монастырю, видав, у другій половці 1862 рока. Годно быти, же у якійсь мірі іспіровав го до того редактор львівського «Слова» Б. Дідицькый, котрый у письмі од 12 (24) мая 1862 р. інформовав А. Кралицького за новый проєкт – намір выдавати літературный додаток до «Слова»:

> «Сего лѣта начинаемъ издавати новый сборникъ «Галичанинъ»; вскорѣ помѣщенъ будетъ въ Словѣ нашъ програмъ. Надѣемся, что Ваше преподобіе станете нашимъ Сотрудникомъ да изволите искрѣпляти насъ повѣстями и новелями, до которыхъ Вы отличный талант еще в Альбумѣ открыли. В «Галичанинѣ» будутъ помѣщатись простороннѣйшіи статьи, для якихъ въ политическомъ Словѣ трудно найти мѣстца. Будетъ онъ нѣяко продолженіемъ Альбума – средоточіемъ самыхъ лучшихъ писателей Галицкой и Угорской Руси. Близше увѣдаете из програма» (с. 196-197).
>
> (*Письмо Б. Дідицького до А. Кралицького од 12 (24). 05.1862 р.*).

У новембру того рока тота доста обсяжна повість лежала уже на столі львівського редактора; Б. Дідицькый велми радо у свому письмі до А. Кралицького писав за свої планы:

> «Зато въ II. вып. рады бы мы больше дати мѣстца Угорской Братіи, и якъ только буде возможно, выпечатати пространнѣйшую повѣсть Вашу, которую изволили Ваше Преподобіе менѣ прислати подъ загл. «Свято-Юрскій монастырь въ Ливадіи». Если бы мнѣ не повелось повѣсть тую издати въ «Галичанинѣ», то постараюсь обнародовити ю особнымъ изданіемъ» (с. 197).
>
> (*Письмо Б. Дідицького до А. Кралицького од 12.11.1862 р.*).

До кінця, ани у тому літературному додатку, ани окремішным выданям повість «Свято-Юрский монастырь в Лівадії» Б. Дідицькому напечатати ся

не подарило. «Галичанинъ» редактору мусай было (у 1864 р.) застановити – Б. Дідицькый став слабнути на очі. Выдтак овін інформовав А. Кралицького:

> «Всѣ статьи Ваши, яко повѣсти 2 («Юрьевскій монастырь» и «Не ходи Грицю»), также 3 параболѣ и меншіи статейки («Омеръ», о мѣсяцесловахъ и пр.) сохраняю бережно; не одступилъ бы я отъ намѣренья: продолжати «Галичанина», а только сильная очная болѣзнь, спиняючая той трудъ уже высше полъ года, не дозволяетъ менѣ къ дѣлу чинно принятися» (с. 199).
>
> (*Письмо Б. Дідицького до А. Кралицького од 21.02.1865 р.*).

У 1865 році Б. Дідицькый дав напечатати «Свято-Юрский монастырь в Ліваді» у ґазеті «Слово». Повість выходила на продовженя – током пять тыжднів, у числах за апріль-май.

ФЕДОР ПЕТРЮК

Повість из Мармарошских гор

Первопубликація: Федоръ Петрюкъ : Повѣсть изъ Мармарошскихъ горъ. In: *Отечественный сборникъ* : Додаток до 14. рочника выдаваемого въ Вѣдни «Вѣстника», часописи урядовои для Русиновъ Австрійской державы / Издаватель и редак. Василій Зборовскїй. – Вѣдень: Типомъ Валлинсгаузера. – Рочникъ IX., 1862, Ч. 7, с. 49-56; Ч. 8, с. 57-64; Ч. 9, с. 65-72; Ч. 10, с. 73-78.

Підпис: А. К.

Подаєме подля первопубликації.

У научнів бібліотеці Ужгородського універзітета, де по войні нова влада передала даяку часть Мукачевской монастырської бібліотекы, и днись ся сохраняє (*позирай*: Відділ рукописів, стародруків та рідкісних книг, № 14867) сшиток чисел «Отечественного сборника» за 1862 и др. рокы из пріватной колекції А. Кралицького. На 78-79 с. руков А. Кралицького изроблена зазначка:

> «Редакторъ Вѣстника Юлій Выслободськый издаватель Сборника сего при Вѣстнику исказилъ съ всѣмъ мою правопись на ладъ Галицко-польскій, и отбралъ даже и имя, удоволивши меня буквами А. К. и прото я принуденъ неузнаватися Автором повѣстки сей. — Анатолій».

КНЯЗЬ ЛАБОРЕЦЬ

Историческая повість из IX. віка

Первопубликація: Князь Лаборецъ : Историческая повѣсть изъ IX. вѣка. In: *Галичанинъ : Литературный сборникъ* / Издаваемый Богданомъ

Андрѣевичемъ Дѣдицкимъ. Книга I. Вып. III и IV. – Львовъ: Типомъ Института Ставропигійского, 1863, с. 73-85.

Підпис: Анатолій Кралицкій.

Зазначка при підписові вказує на місто и час довершеня оповіданя: «*Марія-Повчь, 10 марта. 1863.*».

Подаєме подля первопубликації.

Сужет оповіданя «Князь Лаборець» навіяный мадярськов хроніков Аноніма «Діяня мадярів» (Anonimus. «Gesta Hungarorum»), де ся пише за завоёваня Вышнёго Потися мадярськыма кочовниками и убивство князя Лаборця у 896 році на березі Свіржавы. Подаєме фраґмент из мадярськой хронікы: «У тот час, коли вни поклали таборище довкола стін, жупан града на имня Лаборець (містні бываньці называли го Дуков) явся тікати до замку Земплін. Воякы вождя зачали го преслідовати; близь єдной річкы вхопили и на тому місті го повісили. Од того дня зачинавучи річку ёго имням назвали – Лаборцем».

1863-ый рік быв роком значного про славянськый світ юбілея – 1000-літія прихода місії св. Кирила и Мефодія до Великоморавського княжества. Самый факт, же славянство широко ославило тоту дату, розбивав тверженя мадярськой історичной наукы, гейбы до прихода мадяр у карпатську котлину тота земля была незаселенов. Нарубы, іщи до мадяр сесі землі заселяли славянські племена, котрі у 863 р. прийняли од св. Кирила и Мефодія Святе письмо.

Видав, А. Кралицькый думав акурат на тот юбілей, коли написав оповіданя «Князь Лаборець» и загнав го до Львова. А редактор «Галичанина» – літературного додатка до ґазеты «Слово» – Б. Дідицькый, коли дістав рукопис «Князя Лаборця», набізувно вызнав го май актуалным твором про тот всеславянськый юбілей, изато, хотяй редактор мав на руках веце рукописів літературных творів од мукачевського писателя, у «Галичанині» дав перед акурат атсёму романтичному оповіданю.

МОЙСЕЙ

Бібліческоє повіствованіє

Первопубликація:

А) Кралицький А. Мойсей : Библическое повествование / Публікатори: Я. Штернберг, В. Падяк. In: *Карпатський край*. – Ужгород. – Річник 4-й, 1994, № 3-4 [двойный], с. 46.

Б) Мойсей : Библическое повествование. In: *Кралицький Анатолій. «Кому мила єсть отчина…»* : Оповідання / Упорядник текстів, автор вступної статті та приміток Валерій Падяк. – Ужгород, 1998, с. 99-103.

Подаєме подля рукописа.

Сохранив ся рукопис того оповіданя під назвов: «Мойсей: Библическое повѣствованіе». Оповіданя не підписане, авторство А. Кралицького вызначили сьме подля лексико-стілістичных характеристик языка, а тыж – ідейного наповненя твора.

Правдоподобно, акурат на межи 1865 и 1866 років А. Кралицькый вшорив изберьку під назвов «Народное чтеніе» (177 сторонок). Оповіданя «Мойсей» є частёв той изберькы (с. 111-119). Из даякой причины, за котру не знати нич, изберька обстала у рукопису, хотяй ідею выдавати книжкы поучительного характера А. Кралицькый изреалізовав (вєдно из тогочасным діректором Общества св. Василія Великого и редактором ужгородськой новинкы «Свѣтъ» Кирилом Сабовым) о три рокы пізнійше. Выйшли два выпускы книжной серії «Народное чтеніе» (обадва у 1869 році).

Названый рукопис довгі рокы быв в архіві ґрекокатолицькой парохії Шаторальяуйгей (днесь жупанія Боршод-Абауй-Земплин у Мадярщині). Однайшла го там у 1980-х роках мадярська славістка Естер Ойтозі, котра передала го до ґрекокатолицькой богословськой академії у вароші Ніредьгаза; копію того рукописа (мікрофілм) п. Е. Ойтозі передала нам.

ПРОМЕТЕЙ

Міфологіческий рассказ

***Первопубликація*:** Промеѳей : Миѳологическій разсказъ. In: *Свѣтъ: Литературная газета, издаваемая Обществом св. Василія Великаго* / Отвѣтственный редакторъ: Кирилъ А. Сабовъ. – Унгваръ: Печатня Карла Іегера. – Годъ II., 1868, Ч. 10, 9-го (21.) марта, с. 1-3; Ч. 11, 16-го (28.) марта, с. 1-3.

Підпис: Ѳома Ѳомычъ.

Подаєме подля первопубликації.

ПИЯВИЦЯ

Повість из угро-русской народной жизни

***Первопубликація*:**

А) Піявица : Повѣсть изъ Угро-русской народной жизни . In: *Свѣтъ: Литературная газета, издаваемая Обществом св. Василія Великаго* / Отвѣтственный редакторъ: Кирилъ А. Сабовъ. – Унгваръ: Печатня Карла Іегера. – Годъ III., 1869, Ч. 1, 5-го (17.) января, с. 1-3; Ч. 2, 12-го (24.) января, с. 2-3; Ч. 3, 19-го (31.) января, с. 2-3; Ч. 4, 26-го января (7. февр.), с. 1-3; Ч. 6, 9-го (21.) февраля, с. 2-3; Ч. 7, 16-го (28.) февраля, с. 2-3.

Б) Піявица : Повѣсть изъ Угро-русской народной жизни. In: Народное чтеніе. Выпускъ I: А) Піявица. Б) Ивановъ жукъ. Повѣсти изъ народной

жизни / Издатель Кирилъ Ант. Сабовъ, редакторъ «Свѣта». – Ужгородъ, 1869. – С. 3-48.

Підпис: Аскольдъ.

Подаємe подля первопубликації: *Свѣтъ*. – Унгваръ. – 1869, Ч. 1-4, 6-7.

РАСПЯТИЕ ПРЕД СУДОМ

(Из записок сельскаго приходскаго священника. 1853.)

***Первопубликація*:** Распятіе предъ судомъ : (Изъ записокъ сельскаго приходскаго священника. 1853.). In: *Мѣсяцословъ на 1875. годъ (имѣющій 365 дней)* / Изданъ Обществомъ св. Василія Великаго. – Годъ изданія девятый. – Въ Унгварѣ: Печатня Карла Іегера и Альберта Ю. Рѣпайя, 1874. – С. 48-57.

Підпис: Ѳ. Ѳ. [Ѳома Ѳомычъ].

Подаємe подля первопубликації.

ЭКЗЕКУТОР

Рассказ из угрорусской народной жизни

Первопубликація: Экзекуторъ : Разсказъ изъ угрорусской народной жизни. In: *Бесѣда : Литературное приложеніе къ «Страхопуду»* / Редакторъ-издатель О. А. Мончаловскій. – Львовъ. – Годъ VI, 1892, № 3, с. 32-33; № 4-5 [двойный], с. 48-49.

Підпис: Написалъ Иванъ Нодь.

Подаємe подля первопубликації.

ЖИТЕЙСКИЯ ДРЯЗГИ

I

ВОЗНЯ С ЗАПРЕЩЕННЫМ ТАБАКОМ

Рассказ из угро-русской народной жизни

Первопубликація: Житейскія дрязги : I. Возня съ запрещеннымъ табакомъ : Разсказъ изъ угро-русской народной жизни. In: *Бесѣда : Литературное приложеніе къ «Страхопуду»* / Редакторъ-издатель О. А. Мончаловскій. – Львовъ. – Годъ VII, 1893, № 1, с. 3, 6.

Підпис: Написалъ Ив. Нодь.

Подаємe подля первопубликації.

II

НА МУКАЧЕВСКОЙ ЯРМАРКЕ

Очерк из угро-русской народной жизни

Первопубликація: Житейскія дрязги : На мукачевской ярмаркѣ : Очеркъ изъ угро-русской народной жизни. In: *Бесѣда : Литературное приложеніе къ «Страхопуду»* / Редакторъ-издатель О. А. Мончаловскій. – Львовъ. – Годъ VII, 1893, № 3, с. 27-29.

Підпис: Написалъ Ив. Нодь.

Подаємe подля первопубликації.

III

НА БЕРЕГСАСКОЙ ЯРМАРКЕ

Рассказ из угро-русской народной жизни

Первопубликація: Житейскія дрязги : III. На берегсаской ярмаркѣ : Разсказъ изъ угро-русской народной жизни. In: *Бесѣда : Литературное приложеніе къ «Страхопуду»* / Редакторъ-издатель О. А. Мончаловскій. – Львовъ. – Годъ VII, 1893, № 9, с. 95; № 10, с. 108-110.

Підпис: Написалъ Иван Нодь

Зазначка під підписом вказує на місто и час довершеня оповіданя: «*Бобовищи, въ февралѣ 1893 г.*».

Подаємe подля первопубликації.

ПЕРЕКЛАД И АДАПТАЦІЯ

Андрей Себeріні. МАРІНА ГРУЗ

Повість

***Первопубликація*:** Марина Грузъ. Повѣсть. Послѣ Андрея Себерини. Переводъ изъ Словацкаго. In: *Листокъ : Духовно-литературный журналъ* / Отвѣтственный редакторъ: Евгеній Фенцикъ. – Унгваръ: Книгопечатня Іосифа Фейшиша. – Годъ II., 1886, Нр. [№] 4., 15. (27.) февраля, с. 150-151; Нр. 5., 1. (13.) марта, с. 166-167; Нр. 6., 15. (27.) марта, с. 183; Нр. 7., 1. (13.) апрѣля, с. 196-197; Нр. 8., 15. (27.) апрѣля, с. 216-217; Нр. 9., 1. (13.) мая, с. 231-232; Нр. 10., 15. (27.) мая, с. 247-249; Нр. 11., 1. (13.) іюня, с. 263-264; Нр. 12., 15. (27.) іюня, с. 279; Нр. 13., 1. (13.) іюня, с. 296-297; Нр. 14., 15. (27.) іюля, с. 311.

Без підписа.

Подаємe подля первопубликації.

Повість «Маріна Груз» (*Marína Hrúz. Podľa pravdivých udalostí rozprá-*

va Andrej Seberíny) поперві была опубликована у новинці «Národnie noviny» (Мартін), ročník IV, 1873, č. 11-13. Годно быти, же А. Кралицькый схосновав не сесе первовыданя, але друге выданя повісті у алманаху: «Živena: národní almanach», ročník II, Turčiansky Svätý Martin: Vydala Živena, spolok slovenských žien. Tlačou Kníhtlač. úč. Spolku, 1885, s. 244-263.

ЖЕЛІЗНОЙ ВОЛІ ЧЕЛОВІК

Повість из народной жизни, написанная послі Цшокке

***Первопубликація*:** Желѣзной воли человѣкъ : Повѣсть изъ народной жизни, написанная послѣ Цшокке. In: *Карпатъ : Общественная, (соціальная) церковная, науковая, литературная и економическая газета* / Издатель и отвѣчательный редакторъ: Николай Ю. Гомичковъ. – Унгваръ: Печатня Карла Іегера и Альберта Ю. Рейпаія. – Годъ I., 1873, 7. число, с. 2; 10. число, с. 2-3; 12. число, с. 2-3; 13. число, с. 2-3; 14. число, с. 2-3.

Підпис: Ѳома Ѳомычъ.

Подаєме подля первопубликації.

ИЗ ІСТОРІЇ ЧИНА св. ВАСИЛІЯ ВЕЛИКОГО

ИСТОРИЧЕСКИЕ ОТРЫВКИ, КАСАЮЩИЕСЯ УГОРСКОЙ РУСИ

***Первопубликація*:** Историческіе отрывки, касающіеся Угорской Руси. In: *Мѣсяцословъ на годъ 1869.* / Изданъ Обществомъ св. Василія Великаго / [Составилъ В. Гебей]. – Въ Унгварѣ: Въ типографіи Карла Іегера. – Третій годъ, 1868. – С. 54-57.

Підпис: Лаборчанъ.

Подаєме подля первопубликації.

СОСТОЯНІЄ МОНАСТЫРЕЙ
БОРОНЯВСКАГО И КРИЧОВСКАГО В 1756 ГОДУ

(Памятник старинной русской письменности)

***Первопубликація*:** Состояніє монастырей: Боронявскаго и Кричовскаго въ 1756 году (Памятникъ старинной русской письменности). In: *Свѣтъ: Литературная газета, издаваемая Обществом св. Василія Великаго* / Отвѣтственный редакторъ: Кирилъ А. Сабовъ. – Унгваръ: Печатня Карла Іегера. – Годъ III., 1869, Ч. 5, 2-го (14.) февраля, с. 1-2.

Підпис: Сообщилъ: А. Кралицкій

Подаєме подля первопубликації.

Иде за два орігіналні документы, котрі исклав, видав, протоигумен ЧСВВ Іоанникій Скрипка почас візітації Боронявського (7.06.1756) и Кричовського (9.06.1756) монастырів. Годно быти, же туй иде ищи за єден (третій) варіант текста «Списаніе обителей мараморосkых древле бывших». *Позирай*: Т. Шевніна. «Списаніе обителей мараморосkых древле бывших» – цінна пам'ятка історії монастирів Закарпаття. In: *Науковий збірник Закарпатського краєзнавчого музею*. Вип. IX-X. – Ужгород, 2010, с. 252-255.

АКТ ОСНОВАНІЯ БИБЛІОТЕКИ КРАСНОБРОДСКО-МОНАСТЫРЬСКОЙ

бл. п. Александром Духновичем, им самым 1859. года написан и сберегаемый в архивѣ монастыря Горы Чернецкія

***Первопубликація*:** Актъ основанія Библіотеки Краснобродско-Монастырьской бл. п. Александромъ Духновичемъ, имъ самымъ 1859. года написанъ и сберегаемый въ архивѣ монастыря Горы Чернецкія. In: *: Литературная газета, издаваемая Обществом св. Василія Великаго /* Отвѣтств. ред.: Викторъ Федоровъ Кимакъ. – Унгваръ: Печатня вдовы Карла Іегера. – Годъ IV., 1870, Ч. 31, 13. (25.) августа, с. 252.

Підпис: Сообщено: А. Ф. Кралицкимъ.

Подаємe подля первопубликації.

О ДАВНОЙ ПАНЩИНІ

(Для народнаго чтенія)

***Первопубликація*:** О давной панщинѣ. (Для народнаго чтенія). In: *Карпатъ : Общественная, церковная и литературная газета* / Отвѣтственный редакторъ: Николай Ю. Гомичковъ. – Унгваръ : Книгопечатня ст. Іосифа Фейшевша. – XIII. годъ, 1885, 32. число, 23-го (11-го) августа, с. 2.

Підпис: А. Кр.

Подаємe подля первопубликації.

РЕФЛЕКСІЇ НА ВСТУПНУЮ СТАТЬЮ «КАРПАТА» № 13.

***Первопубликація*:** Рефлексіи на вступную статью «Карпата» № 13. In: *Карпатъ : Общественная, церковная и литературная газета* / Отвѣтственный редакторъ: Николай Ю. Гомичковъ. – Унгваръ : Книгопечатня ст. Іосифа Фейшевша. – XIII. годъ, 1885, 15. число, 12-го априля (31-го марта), с. 3; 16. число, 19-го (7-го) априля, с. 2; 17. число, 26-го (14-го) априля, с. 2-3; 18. число, 3-го мая (21-го априля), с. 2; 20. число, 17-го (5-го) мая, с. 2; 22. число, 7-го юнія (26-го мая), с. 2; 25. число, 5-го іюля (23-го іюня), с. 1-2; 26. число, 12-го іюля (30-го іюня), с. 1-2.

Підпис: А. Кралицкій**.**

Подаємe подля первопубликації.

МАТФЕЙ МИКИТА, ПРОТОИГУМЕН (1802–1885.)

***Первопубликація*:** Матѳей Микита, Протоигумен (1802–1885.). In: *Листокъ : Духовно-литературный журналъ* / Отвѣтственный редакторъ: Евгеній Фенцикъ. – Унгваръ: Книгопечатня ст. Іосифа Фейшевша. – Годъ I., 1885, Нр. [№] 2., 15. (27.) октября, с. 22-23.

Підпис: А. Кралицкій**.**

Подаємe подля первопубликації.

ІОАННИКІЙ БАЗИЛОВИЧ, ПРОТОИГУМЕН

***Первопубликація*:** Іоанникій Базиловичъ, Прото-Игуменъ. In: *Листокъ : Духовно-литературный журналъ* / Отвѣтственный редакторъ: Евгеній Фенцикъ. – Унгваръ: Книгопечатня «Келетъ». – Годъ VI., 1890, Нр. [№] 9., мая 1., с. 97-98.

Підпис: А. К**.**

Подаємe подля первопубликації.

МОНАСТЫРЬ СВЯТАГО ОТЦЯ НАШЕГО НИКОЛАЯ НА ГОРІ ЧЕРНЕЦКОЙ, ВОЗЛІ МУКАЧЕВА

Первопубликація: Монастырь святаго отца нашего Николая на Горѣ Чернецкой, возлѣ Мукачева**.** In: *Листокъ : Духовно-литературный журналъ* / Отвѣтственный редакторъ: Евгеній Фенцикъ. – Унгваръ: Книгопечатня «Келетъ». **–** Годъ V., 1889, Нръ [№] 19., 1. (13.) октября, с. 320-322.

Підпис: А. К**.**

Подаємe подля первопубликації.

МОНАСТЫРЬ МАРІЯ-ПОВЧАНСКИЙ

***Первопубликація*:** Монастырь Марія-Повчанскій. In: *Листокъ : Духовно-литературный журналъ* / Отвѣтственный редакторъ: : Евгеній Фенцикъ. – Унгваръ: Книгопечатня «Келетъ». – Годъ VI., 1890, Нръ [№] 3., 1. февраля, с. 32-33.

Підпис: А. К**.**

Подаємe подля первопубликації.

МОНАСТЫРЬ БЕРЕЗНИЦКИЙ

***Первопубликація*:** Монастырь Березницкій. In: *Листокъ : Духовно-литературный журналъ* / Отвѣтственный редакторъ: Евгеній Фенцикъ. – Унгваръ: Книгопечатня «Келетъ». – Годъ VI., 1890, Нръ [№] 8., 15. апрѣля, с. 92.

Підпис: А. К**.**

Подаємe подля первопубликації.

МОНАСТЫРЬ КРАСНОБРОДСКИЙ

Первопубликація: Монастырь Краснобродскій**.** In: *Листокъ : Духовно-литературный журналъ* / Отвѣтственный редакторъ: Евгеній Фенцикъ. – Унгваръ: Книгопечатня «Келетъ». – Годъ VII., 1891, Нръ [№] 9., 1. мая, с. 97-98.

Підпис: А. Кр.

Подаємe подля первопубликації.

ПУБЛИЦІСТИКА

РУССКОЄ ЗРІЛИЩЕ В УЖГОРОДІ

***Первопубликація*:** Русское зрѣлище въ Ужгородѣ. In: *Слово : Политическая и литературная газета* / Издаватель и отвѣчательный редакторъ Б. А. Дѣдицкій. – Львовъ: Въ книгопечатнѣ Ставропигійского института. – Рочникъ V, 1865, Ч. 33, 29. цвѣтня (10. мая), с. 1-2.

Підпис: Изъ Мукачева**.**

Подаємe подля первопубликації.

Хотяй статя тота была опубликована анонімно, без підписа автора, зазначка «Изъ Мукачева» указує на авторство акурат А. Кралицького, котрый як монах Мукачевського монастыря у сесь період многі свої матеріалы до львівськой новинкы «Слово» заганяв під тым означеням. На авторство А. Кралицького у свій час тыж пристала пряшівська изглядователька Олена Рудловчак. *Позирай*: О. Рудловчак. Шляхами формування театральної думки. – Дукля, 1985, № 6, с. 32.

О СОВРЕМЕННОМ ПОЛОЖЕНИИ РУССКИХ В УГРИИ

Первопубликація: О современномъ положеніи Русскихъ въ Угріи. In: *Славянскій сборникъ*. Томъ первый / Изд. подъ редакціею Н. Страхова. –

С.-Петербургъ: Изданіе Петербургскаго отдѣла Славянскаго комитета, 1875, с. 44-54.

Підпис: N. N.

Подаєме подля первопубликації.

Текст написаный у соаваторстві А. Кралицькым и И. Сілваєм.

Карпатознателі у первій половці ХХ столітя испровбовали уганути, хто ся скрыв під кріптонімом «N. N.». Євґеній Недзельськый катеґорично твердив, же иде за Ивана Сілвая[2]. Федор Арістов твердив, же быв то А. Кралицькый[3]. Чеськый літературознатель Франтішек Тіхі тыж ся хылив ид тому, же «N. N.» – є то кріптонім А. Кралицького[4].

Без даякой доказовой базы тяжко было однайти правильный ответ. Выдтак и сочасні научникы у чиселных статях тыж ся схыляли так до єдной, як до другой верзії. Приміром, о. А. Пекар, В. Пагиря и др. тримавут автором публикації «О современном положении Русских в Угрии» И. Сілвая. Нарубы, о. В. Пронін, Й. Голенда, О. Рудловчак и др. – А. Кралицького.

Нам ся подарило однайти в архівах рукописні матеріалы, котрі позволявут по новому попозирати на сесю проблему. Важным одкрытям стало письмо А. Кралицького до російського ученого Н. Страхова, котре нам ся подарило однайти у Кієві помежи ёго папірями (*позирай*: ЦНБ НАН Украины (Кієв), ВР, ІІІ, 17278).

Ніколай Страхов (1828–1896) – російськый публиціста, літературный крітик, філозоф. Скончив Главный педаґоґічный інстітут у С. Петербурґу (1851), по тому даякый час робив учителём 2-ой ґімназії в Одесі и др. містах, дале – у С. Петербурґу. Од рока 1873 – бібліотекарь юрідичного одділа Публічной бібліотекы у С. Петербурґу. Од рока 1889 – член-кореспондент Петербурґськой академії наук.

Письмо Кралицького датованой 19 фебруаря 1874 рока. Адресант одправив го из Мукачева. Він пише (подаєме фрагмент того письма. Повну верзію *позирай*: А Кралицькый. Творы. Пряшів, 2019, с. 373-374) :

Ваше Превосходительство, Милостивый Государь!

Вследствіе приглашенія проф. Антона Будиловича, чтобъ взять посильное участіе въ издаться имеющемъ черезъ С. Петер-

2 НЕДЗЕЛЬСКИЙ, Е. Иван Антонович Сильвай (Уриил Метеор). In*: И. А. Сильвай (Уриил Метеор): Избранные произведения*. – Slovenské vydavateľstvo krásnej literatúry, 1957. с. 44.

3 АРИСТОВЪ, Ф. Ф. Хронологическій перечень печатныхъ сочиненій А. Ф. Кралицкого. 1850–1893. In: *Карпаторусскій сборник*. – Ужгород, 1930, с. 75.

4 TICHÝ, Fr. Anatolij Kralickij (Příspěvky k studiu jeho života i díla). In: *Carpatika: Sbor pro výzkum Slovenska a Podkarpatské Rusi při Slovanském Ústavu v Praze* / řídi K. Chotek. – Praha, 1936, s. 360.

бургское отделеніе славянского благотворительного Комитета «Славянскомъ сборнике», мы вместе с Ив. Сильваем составили для этого Сл.[авянского] сборника статью подъ загл.[авіемъ] «О нынешнемъ положеніи Русскихъ въ Венгріи» и тутъ же с концем января послали въ С. Петербургъ на Ваше имя.

::

При семъ остаюсь съ глубочайшимъ почитаніемъ Вашего Превосходительства

покорнымъ слугой

Анатолій Кралицкій,

Игуменъ.

Письмо доказує, же про петербурґськый «Славянскій сборникъ» статя «О современномъ положеніи Русскихъ въ Угріи» была написана А. Кралицькым у соавторстві из И. Сілваєм. Межи тым, у выданю «Славянскій сборникъ» вміщена ищи єдна статя під кріптонімом «N. N.», и тыж из карпаторусинськой тематикы – «Словаки и Русскіе въ статистикѣ Венгріи» (с. 621-625). Ї тыж треба зараховати до общых публикацій А. Кралицького и И. Сілвая. До кінця, у сёму изборнику тыж ся появила велика статя И. Сілвая «Положеніе Угорскихъ Русскихъ подъ управленіемъ С. Панковича, Епископа Мукачевскаго» (с. 55-88) під псевдонімом «Уріилъ Метеоръ».

Послідна важна находка – самый рукопис статі (під назвов: «О современномъ положеніи Русскихъ въ Венгріи»), котрый А. Кралицькый (як за тото знаєме из письма) загнав у С. Петербурґ. Рукопис ся однайшов помежи папірями А. Буділовича у Москві, котрі ёго родина (по смерти вітця – Антона Буділовича и сына – Бориса А. Буділовича) передала до одділа рукописів Російськой державной бібліотекы (РГБ. Отдел рукописей. Фонд 40: Архив Будиловичей А. С. и Б. А. и Добрянского А. И.).

Буділович Антон Семенович (1846–1908) – російськый філолоґ, славіста, публиціста славянофілського направеня. Од рока 1870 быв преподавателём Петербурґського історично-філологічного інстітута. У роках 1875–1881 быв професором Ніжинського історично-філологічного інстітута. Од рока 1881 – професор и ректор (1890–1892) Варшавського універзітета. Од рока 1892 – ректор Юрьєвського універзітета (днесь – Тартуськый універзітет, Естонія). Активный член петербурґського одділа Славянськых комітетів у Росії. Зять Адолфа Добрянського, на дочці котрого – Єлені – він ся женив вліті 1876 р. Свальбовали у родовому маєтку Добрянськых – с. Чертижне Земплинського комітата.

Як мож видіти из рукописа «О современномъ положеніи Русскихъ въ Венгріи» (цвітне факсиміле котрого подаєме у нашому выданю), рукопис написаный чорными чорнилами руков А. Кралицького. У тексті не є ниякых текстовых вставок, котрі могли бы быти написані руков И. Сілвая. А тыж не є ниякой інформації, хто автор статі, як тыж не є кріптоніма «N. N.». Выдтак, хотяй соавторы того матеріала промежду собов мали договореной, же напишут и заженут до Петербурґа общу статю, технічну роботу (хоть лем припра-

вити чистопис и загнати матеріал поштов) изробив А. Кралицькый. По двох тыжднях на имня того самого адресата він загнав ищи й письмо, де указав фамілії соавторів – свою и И. Сілвая. Сякой конспірології А. Кралицькый ся додержов, обы ся, видав, уваровати мадярськой поліції, котра слідила за сімпатізантами русофілства.

О СОВРЕМЕННОМ ПОЛОЖЕНИИ РУССКИХ В ВЕНГРИИ
(факсіміле рукописа)

Рукопис: О современномъ положеніи Русскихъ въ Венгріи.

Публикує ся по первый раз.

Рукопис ся сохраняє: Российская государственная библиотека (Москва). – Отдел рукописей (ОР), Фонд 40 / III, Картон 14, Ед. хр. 7, Л. 1-7.

Без підписа.

Руков не установеной особы (редактора выданя «Славянскій сборникъ» Н. Страхова?) простов церузов додає ся прозвище: на зачатку текста рукописа («Ан. Кралицкого») и на кінци («Ан. Кралицкій»).

Текст написаный у соаваторстві А. Кралицькым и И. Сілваєм. Позирай літературу из той проблемы: ПАДЯК, В. Анатолій Кралицький – невідомий та забутий: Спроба бібліографічного опису. In: о. *Анатолій Кралицький: Бібліографічний покажчик*. – Ужгород, 1994, с. 7; ПАДЯК, В. Анатолій Кралицькый: житя – література – народ. In: А. *Кралицькый. Творы* / Вшорителі: В. Падяк, М. Павліч. – Пряшів, 2019, с. 27-30.

А. Кралицькый загнав сесь рукопис у Петербурґ про російське выданя, котре поступом року выйшло из печаті и у котрому тота статя была опубликована під псевдонімом «N. N.». *Позирай*: N. N. О современномъ положеніи Русскихъ въ Угріи. In: *Славянскій сборникъ*. Томъ первый / Изд. подъ редакціею Н. Страхова. – С.-Петербургъ: Изданіе Петербургскаго отдѣла Славянскаго комитета, 1875, с. 44-54.

Рукопис ся однайшов помежи папірями Антона Буділовича у Москві, котрі ёго родина (по смерти вітця – Антона С. Буділовича и сына – Бориса А. Буділовича) передала до одділа рукописів Російськой державной бібліотекы (Фонд 40: Архив Будиловичей А. С. и Б. А. и Добрянского А. И.).

Як мож видіти из рукописа, він написаный чорными чорнилами руков А. Кралицького. У тексті не є ниякых текстовых вставок, котрі могли бы быти написані руков И. Сілвая. А тыж не є ниякой інформації за авторів статі, як тыж не є кріптоніма «N. N.». Выдтак, хотяй соавторы того матеріала промежду собов мали договореной, же напишут и заженут до Петербурґа общу статю, технічну роботу (хоть лем приправити чистопис и загнати матеріал поштов) изробив А. Кралицькый.

Текст перейшов коректорськыма и редакторськыма поправкамы. Иде за

орфографічні и стілістичні поправеня. Ушиткі поправкы (простов церузов) изроблені руков не установеной особы. На первой никаня, не є то рука самого А. Буділовича. Поправкы міг изробити редактор зборника Н. Страхов.

Кедь порівнати текст рукописа из напечатанов верзіёв, мож видіти, же надале текст быв поправленый ищи раз. Приміром, по цілім тексті російськый редактор сістемно замінив слова «Унгваръ», «унгварскій» словами «Ужгородъ» и «ужгородскій», слова «Венгрія» и «венгерскій» – словами «Угрія» и «угорскій» и др.

II. МОЯ ІНКРІМІНОВАННАЯ СТАТЬЯ В ЮБІЛЕЙНОМ № «СЛОВА», В НЕТРОНУТОМ ЕЯ СОСТАВІ

***Первопубликація*:** II. Моя инкриминованная статья въ юбилейномъ № «Слова», въ нетронутомъ ея составѣ. In: *Карпатъ : Общественная, церковная и литературная газета* / Отвѣтственный редакторъ: Николай Ю. Гомичковъ. – Унгваръ : Книгопечатня ст. Іосифа Фейшевша. – XIII. годъ, 1885, 14. число, 5-го априля (24-го марта), с. 2.

Підпис: А. Кралицкій

Подаєме подля первопубликації.

Ид тому конфлікту А. Кралицькый ищи раз ся вернув у статі «Рефлексії на вступную статью «Карпата» № 13.», котру новинка «Карпатъ» у 1885 році опубликовала на продовженя у 8-ми числах за апріль-юлій місяці. Він подав адсякый коментарь:

> «Даже и то мні ставят в вину, что я получаю русския газеты из Росії. Нечего скрывати діло, єсли который из русских писателей в Росії пришлет мні своє сочиненіє или редактор-издатель свою ґазету, то я не возвращаю таковую посылку, уже и из віжливости, retour, но приму благодарно, зная, что к международному почтовому союзу принадлежит, кромі Росії, между прочими, и наша монархія. Она доставляєт печатныє плоды Росії, а Росія взаимно єй, как подобаєт между цівілізоваными народами. Єсли же который-нибудь орган печати таки противен інтересам государства, не нравится, то правительство запретит почтовому відомству єго доставку уже на самой границі, как сталося и з «Словом», но єсли почта принесет мні, а я одберу, то тут виновато преждє всего почтовоє відомство, ставя себя самовольно в категорію orgazda [шефтарь, перекупник краденого. – В. П.]. Но такий вывод: в теперішных одношеніях – нельзя. Идут ґазеты, журналы из Англії, Франції, Ґерманії, даже Америки; одно государство другому служит в сем одношеній. Ніт біды, хотя знаєм, что государі, їх правительства и сосідніє народы живут з собою в мирі, согласії, один другаго посіщают, а только нам мерещится московский кнут».
>
> *(Карпатъ, 1885, 20. число, с. 2).*

Цілу тоту статю А. Кралицького позирай у нашому выданю (розділ «Публіцістика»).

НЕЧТО ПРО НАС САМЫХ

Первопубликація: Нѣчто про насъ самыхъ**.** In: *Листокъ : Духовно-литературный журналъ* / Отвѣтственный редакторъ: Евгеній Фенцикъ. – Унгваръ: Книгопечатня Іосифа Фейшиша ст. **–** Годъ II., 1886, Нр. [№] 13., 1. (13.) іюля, с. 290-292.

Підпис: Сообщ. К.

Подаєме подля первопубликації.

ПИСЬМО ИЗ БУДАПЕШТА
Császárfürdő, 6-го мая [1892]

Первопубликація: Письмо изъ Будапешта : Császárfürdő. 6-го мая [1892]. In: *Листокъ : Духовно-литературный журналъ* / Отвѣтственный редакторъ: Евгеній Фенцикъ. – Унгваръ: Книгопечатня «Келетъ». – Годъ VIII., 1892, Нръ [№] 10., 15. мая, с. 116-117.

Підпис: А. Кралицкій.

Подаєме подля первопубликації.

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ
Будапешт, 4. (16.) мая [1892]

***Первопубликація*:** Письмо въ редакцію : Будапештъ, 4. (16.) мая [1892]. In: *Листокъ : Духовно-литературный журналъ* / Отвѣтственный редакторъ: Евгеній Фенцикъ. **–** Унгваръ: Книгопечатня «Келетъ». **–** Годъ VIII., 1892, Нръ [№] 11., 1. іюня, с. 129-131.

Підпис: А. К.

Подаєме подля первопубликації.

СЕЛО ВЫДРЕНУВКА

***Первопубликація*:** Село Выдренувка. In: *Додатокъ к 2-му Нумеру «Листка» 1892*., с. 8-11. [Выходив як прилога до: Листокъ : Духовно-литературный журналъ / Отвѣтственный редакторъ: Евгеній Фенцикъ. **–** Унгваръ: Книгопечатня «Келетъ». **–** Годъ VIII., 1892, Нръ [№] 2., 15. января].

Підпис: И. Васильевичъ.

Подаєме подля первопубликації.

ДОДАТКЫ

[**Ніколай Ю. Гомічков**]. УНҐВАР, 7-го МАРТА

***Первопубликація*:** [Николай Ю. Гомичковъ]. Унгваръ, 7-го марта. In: *Карпатъ : Общественная, церковная и литературная газета* / Отвѣтственный редакторъ: Николай Ю. Гомичковъ. – Унгваръ : Книгопечатня ст. Іосифа Фейшевша. – XIII. годъ, 1885, 10. число, 8-го марта (24-го февраля), с. 1.

Без підписа.

Подаєме подля первопубликації.

[**Ніколай Ю. Гомічков**]. ЮВІЛАРНЫЯ СТАТЬЇ

***Первопубликація*:** [Николай Ю. Гомичковъ]. Ювиларныя статьи. In: *Карпатъ : Общественная, церковная и литературная газета* / Отвѣтственный редакторъ: Николай Ю. Гомичковъ. – Унгваръ : Книгопечатня ст. Іосифа Фейшевша. – XIII. годъ, 1885, 14. число, 5-го априля (24-го марта), с. 1-2.

Без підписа.

Подаєме подля первопубликації.

[**Александр Ю. Гомічков**]. УНҐВАР, 27-го МАРТА

***Первопубликація*:** [Александръ Ю. Гомичковъ]. Унгваръ, 27-го марта. In: *Карпатъ : Общественная, церковная и литературная газета* / Отвѣтственный редакторъ: Николай Ю. Гомичковъ. – Унгваръ : Книгопечатня ст. Іосифа Фейшевша. – XIII. годъ, 1885, 13. число, 29-го (17-го марта), с. 1-2.

Без підписа.

Подаєме подля первопубликації.

ПРІНЦІПЫ ТРАНСЛІТЕРАЦІЇ ТВОРІВ А. КРАЛИЦЬКОГО

По смерти Кралицького мало что из ёго рукописного наслідства обстало в архівах ци на руках научників. Єдиным жерелом, подля котрого мож днись аналізовати язык творів писателя, суть перві ёго публикації у тогочасных новинках и часописах Львова, Відня ци Ужгорода.

Вшиткі тексты у сёму выданю подаєме в авторськів редакції подля первопубликацій авадь, кидь текст обстав у рукопису, подля рукописа.

Межи тым, сочасному укладачу мусай ся приспособити до вымог публикованя текстів старшой добы, коли лем ся зачинала світська традіція письма (по року 1849), а тогдышні авторы слабо ся додержовали нормы орфоґрафії и пунктуації, бо и правидла тоты ищи не мали силу кодіфікованой нормы. До кінця, авторів тых не было аж так много. Выдтак, процес нормованя письма одтяг ся на веце десятилітій.

Коли кажеме «*приспособити ся до сочасных вымог*», то не значит, же хочеме (ци мусиме!) текст докус переробити, жебы мав вшиткі знакы сочасного письма. Нарубы, маєме дяку присокотити авторськый стіл письма, дати читателю можность увидіти и вчути языкову стіхію той добы – несістематизованость письма, індівідуалность у наборі лексичных форм и др.

Межи тым, за послідні півдругастолітя наш язык перетерпів дакілко реформ, ініціаторами котрых были искраві ґраматикарі нашого языка, як то А. Духнович, И. Раковськый, Є. Фенцик, В. Чопей, А. Волошин, И. Гарайда и многі другі, а карпаторусинське общество пережило дакілко ідеёво-політичных направень, як то австрославізм, русофілство, народництво, назад – русофілство, украинофілство, русинофілство – аж наконець пережило вно и заказаня русинського языка совєтськов тоталітарнов сістемов. Нормы сочасного карпаторусинського языка не в ушиткых державах, де на своїх історичных теріторіях бывавут русины, на днешній день суть кодіфіковані.

Днешнёй нашой розуменя путий унормованя русинського языка далеко одстоит од представ за норму наших передходників. Зато до языка текстів пережых епох мусай вносити даякі зміны. Иде за корекцію застарілых орфоґрафічных, пуктуаційных, фонетичных, морфолоґічных и сінтаксичных норм.

Односно творів А. Кралицького, языкова експертіза позволяє выокремити четыри тіпі текстів. Се такі тіпы:

1. Народный писемный стандард (близькый до народной бесіды);
2. Літературно-умелецькый стандард, де домінує народна бесіда;
3. Літературный стандард новинкы «Свѣтъ» (текст мож читати двояко);
4. Писемный стандард, близькый до російського літературного языка.

Ниже подаєме вшиткі четыри образчикы письма:

1.

Народный писемный стандард (близькый до народной бесіды)

(образчик текста)

«Якся робитъ пальная баволна до коллодіона? Береся ¼. лота чистой простой баволны, кладеся до порцелановой округлой шалки и береся 4 лоты Етеру и лѣеся на тую баволну и мѣшается скляною паличкою – такъ, чтобы ся вся баволна замочила.

Якъ познати, что Етеръ прошолъ всю баволну, держати еще за минуту; по минутѣ взяти и вытиснути у бибулѣ; потому налѣяти до чарки дестилованой воды и вымыти баволну добрѣ въ колькохъ водахъ дестилованыхъ. Потому вытиснути добрѣ баволну, розкубсти и на солнци добрѣ высушити».

(рукопис «Фотографія», 1860-ті рр.).

2.

Літературно-умелецькый стандард, де домінує народна бесіда

(образчик текста)

«Сталося, якъ звычайно звыкло ставатися: Властичъ взялъ Олену за жену. Та и не окламался. Супруга зъ ней, яку глядати: любяща, скромна, а къ тому доглядлива господиня. Властичъ не стеналъ подъ черевиковымъ правленіемъ. И свѣтъ имъ былъ такъ переживати минуты житья, которыи бѣгли, будьто мысли. На лонѣ всеоживляющой и увеселяющой природы, подъ тѣнью розложистыхъ деревъ, въ опрятномъ и вкусу отповѣдномъ домѣ прожили уж и три лѣта, будьто три годины. А Богъ мирное ихъ супружество пожегналъ двома дѣточками: здоровыи были, якъ жолудь, а красныи, якъ макъ».

(«Казнь неба»,
Галичанинъ: Литературный сборникъ,
издаваемый Б. А. Дѣдицкимъ, Львов, 1863 р.)

3.

Літературный стандард новинкы «Свѣтъ» (мож читати двояко)

(образчик текста)

«Уединенно стоялъ теперь Промеѳей на одномъ цвѣтущемъ холмѣ и встремилъ глаза на затворенные предъ нимъ Олимпійскіе чертоги. Холмъ не былъ такъ хорошъ, какъ Олимпъ, изъ котораго его выгнали, но онъ радовался, въ первыхъ, надъ тѣмъ, что удалось ему удостовѣритися въ немощи и хвастовствѣ боговъ; а, въ вторыхъ, что ему дался случай отомститися на богахъ: подняти презрѣннаго человѣка.

Святая была цѣль! Свято намѣреніе, возродившееся въ нѣдрѣ Промеѳея, которое въ дѣйство сейчасъ привести предпринялъ себѣ».

(«Промеѳей», Свѣтъ, 1868)

4.

Писемный стандард, близькый до російського літературного языка

(образчик текста)

«По случаю петропавловской ярмарки въ Берегсасѣ мясники изъ окрестности, торгующіе издѣліями изъ свиного мяса, заблаговременно собрались со своими припасами: ветчиною (уженою), колбасами, окороками (шинками) и прочимъ лакомствомъ и размѣстились въ шатрахъ на рынкѣ возлѣ католическаго костела. Но Андрей Чайкошъ, мѣстный богатый мясникъ, не уступилъ имъ, прихожимъ, первенства. Такъ водится это съиздавна, что богатые занимаютъ первыя места.

Была пора жнивъ. Толпа верховинцев (карпатскихъ горцевъ) отъ Верецкихъ горъ пробиралась чрезъ городъ въ затисскія стороны къ мадьярамъ, на заработки, чтобы зимой было чѣмъ прокормиться въ жалкихъ лачугахъ, спрятанныхъ въ суровыхъ ущельяхъ Карпатъ, гдѣ бѣдное русское населеніе напрасно борется съ климатическими условіями, где колосъ никогда не созрѣвает. Нужно спускаться въ долину рѣки Тисы и тамъ, на плодородныхъ поляхъ мадьяръ, прижать для себя 15-16 долю копны».

(«Житейскія дрязги»,
«Бесѣда», редактор О. Мончаловскій, 1893)

Односно легко транслітеровати тексты А. Кралицького, котрі односиме до первого и четвертого тіпа письма. Транслітерація, ци пак приве-

деня текстів до сочасных русинськой (про первый тіп) и російськой (про четвертый тіп) азбук перебігає без даякых явных проблем.

У текстах **первого тіпа**, што суть наближені до народной бесіды, буква «ѣ» («ять») повсяґды перейде на букву «і»/«ї»; буква «е» має позначати звук [е]; буквов «є» традіційно про сочасну русинську азбуку позначає ся сполука звуків [йе]: лѣеся – лієся; еще – єще; мѣшается – мішаєтся.

Про **четвертый тіп** текстів актуалнов є норма транслітерації, коли, обы ся додержати сочасной російськой азбукы, буква «і», котру пролишили почас реформы 1917 рока, міняє ся на «букву «и», а буква «ѣ» («ять») повсяґды перейде на російську букву «е»: возлѣ – возле; свѣтъ – свет; бѣдное – бедное; житейскія – житейския.

Межи тым, не кывали сьме (як одзнаку стіла А. Кралицького) даякі формы давнійшой російськой орфоґрафії, што были платні ищы до реформы. Иде, главно, за написаня адъєктивных форм єднины (*Р. п.* и *В. п.*: всякаго, содеяннаго, перваго), а тыж множины (*И. п.*: ночныя, своевольныя, какия, следующия).

Ясной діло, про вшиткі тексты (первого, другого, третого и четвертого тіпів) платным є норма транслітерації, подля котрой повсемістно ся пролишає на кінци слів буква «ъ»: изъ – из; ротъ – рот; дестилованыхъ – дестилованых.

До **другого тіпа** («Літературно-умелецькый стандард, де домінує народна бесіда») односиме творы «маріяповчанского» періода житя А. Кралицького (1858–1863) авадь далші тексты, напечатані у Львові и Відні (окрем сотрудництва из редактором львівськой «Бесѣды» Осипом Мончаловськым, котрый докус перейшов на літературный російськый язык).

Зачим у підкарпатськых русинів своєй поліґрафії (до 1867 рока) не было, А. Кралицькый заганяв творы до Львова (редактору Б. Дідицькому) авадь до Відня (редакторам из Галичины) Юлію Выслободському (мав псевдонім: «Зборовскій») и Ёсифу Ливчаку. Галицькі редакторы, котрі поширёвали тіраж помежи містну інтеліґенцію, приспособлёвали підкарпатські тексты про свого читателя. Видав, русофілські тенденції у языку творів А. Кралицького вни (главно Б. Дідицькый и Ю. Выслободськый) кус мінімізовали, давучи го у русло живой народной традіції.

Приспособеня текстів другого тіпа про сочасного читателя, котрый не дуже ся розуміє на періпетіях еволуції ґрафічной сістемы, але має дяку

читати творы карпаторусинськой літературы, яло бы изробити так, як были транслітеровані тексты первого тіпа, то значит: буква «ѣ» («ять») повсяґды перейде на букву «і»/«ї»; буква «е» має позначати звук [е], а буква «є» має позначати сполуку звуків [йе]: бесѣда – бесіда; разлучаетъ – разлучає; дѣеся – дієся; свое – своє; прощаніе – прощаніє.

Ясной діло, зазначили сьме туй лем главні прінціпы транслітерації текстів другого тіпа. Межи тым, суть далші правидла приспособеня текстів, и за тото поговориме мало ниже.

Май компліковановъ видит ся нам транслітерація текстів **третого тіпа**. Се тексты, котрі автор А. Кралицькый заганяв до ужгородськых новинок ци популярного выданя «Мѣсяцословъ». У тых редакціях гет переважала русофілська тенденція; редакторы нияк не поправляли тексты А. Кралицького. Писані в язычію, тоты тексты не дає ся приспособити днись під російську азбуку, бо не в ушиткому доброй знатя автором російського языка робит сякі трансформації бессмыселныма. Зато єдиноможным, видав, є приведеня текстів до сочасной русинськой азбукы. То значит: буква «ѣ» («ять») повсяґды перейде на букву «і»/«ї»; буква «е» має позначати звук [е], а буква «є» має позначати сполуку звуків [йе].

Далші майважні правидла транслітерації текстів первого, другого и третого тіпів:

— хотяй автор (подля тогочасной орфоґрафічной традіції) не хосновав літеру **«ґ»,** у тів позиції, де ї треба подля днешнёй нормы, кладеме ї повсяґды: ґраніт, траґікомічный, ґулден, ґаздовати, леґіон, áґа;

— у чужій лексиці не хоснуєме подвоєня согласных: каса, комерція, апетит, інтелігентный, професія, субота;

— частка **–ся; -сь** усе ся пише вєдно из глаголом: зближатися, одважитися, розойшлись.

— у глаголах теперішнёго часу (2-е лице єднины) законченя подаєме без -ь (мнягкого знака): любиш, прирекаєш, можеш, дивуєшся;

— у глаголах теперішёго часу (3-е лице єднины) присокотили сьме характерное про язычіє законченя на **-т**: читаєт, пишет, показуєт, течет, поглядаєт;

— у глаголах мужського рода минувшого часу єднины присокотили сьме характерной про язычіє законченя **-л**: впал, вызирал, висіл, затовкал, скричал;

— у назывниках женського рода на **-ч** пролиши сьме «ь»: ноч (не ночь), помоч, доч, гореч, луч;

— по фонемах **[г], [к], [х]** и **[ж], [ч], [ш]** у злуках -ги-, -ки-, -хи-, -жи-, -чи-, -ши- лишили сьме традіційне (про карпаторусинську норму XIX столітя) написаня буквы «и»: другим, береги, луги, услуги, румунки, великий, яких, верхи, тихий, глухий, ужити, служити, тужити, межи, убіжище, обачити, зачим, чистый, нехотячи, причина, самчик, наших, инший, вашим, умершим, сушити, тіснійший;

— іґноруєме написаня -і-/-ї- сперед гласной авадь -й-, характерной про стару російську орфоґрафічну норму, котру собі прияли русинські писателі-русофілы. На тому місті кладеме **-и-**: Кралицкий (не Кралицкїй, не Кралицкій), який (не якїй), вступивший (не вступившій), маленький (не маленькій), другий (не другій), глухий (не глухій), числячий (не числячій), такиї (не такіи), долгиї (не долгіи), солодкиї (не солодкіи), якиї (не якіи);

— у присвойных замінниках намісто буквы «**и»** на зачатку склада авадь слова, котра скрываєзвукосполуку [йі], кладеме (подля сочасной нормы) букву «**ї**»: твоїх (не твоих), мої (не мои), свої (не свои), своїма (не своима), їх (не их);

— у приназывнику «**од**» усе ся пише буква «д»: од уст, од выгляда, од хмар, од жалю, од бурі;

— у приназывнику **з/из/зо** усе ся пише буква «з»: з Уграми, из соловієм, з настроєнієм, з Єленою, з смертію, з одного, з груди, з ланцухом, з Богом, з плачем, з глубины, з тым, из небосклона, зо страху; *тыж*: з-под, з-поза;

— приназывник **«без»** усе ся пише из буквов «з»: без тебе, без чуств, без сердця;

— у префіксах **од- (одо-)** чередованя д/т не одбываєся. На кінці префікса усе ся пише буква «д»: **од**бивался, оддам, одкрыєся, одлучился, одняти, одповісти, одпустити, одпретити, одразити, одходити, одойти, одвага, одчаяніє, одсутствіє, одрада, одпечаток, одмститися, одлично, одсюда, одкуда, одтого;

— кидь сполука **от-** є частёв кореня, пишеме, подля звучаня, букву «т»: отчина, отчим, отровити, отваряти, отворити, отвореня, отвічати, отвіт, отряд, отець, отечество, отрасль;

— префіксы **з- (с-), из- (ис-), без- (бес-), роз- (рос-)** и **воз- (вос-)** пишеме подля нормы сочасного русинського языка:

з- (с-): зближитися, позбавити, зорвати, знова, споити, склонити;

из- (ис-): избігнути, исчезнути;

без- (бес-): бездонный, безодлучный, бесчуственный, забеспечивши, беспрерывно, бесчеловічно, беспутный;

роз- (рос-): розвязати, розносился, розрывныї, роздирати, росстрой, росказовати, росширнює, росстелилося, россмілился, ростворитись, росходитись, росцвілась, росказ;

воз- (вос-): возбранити, воздати; восставати, воспіти;

— сочетаня ***-сч-*** у коренях слів передаєме як **щ:** щастя (не счастя), щастливше; щадниця, але лишаєме сочетаня **-сч-** на межи префікса и кореня: счислити, считати, счёт;

— сочетаня ***-лнц-, -вств-*** передаєме як *–нц-*, *-ств-:* сонце (не солнце), чуство (не чувство), чуствительность (не чувствительность), здраствуй (не здравствуй);

— сочетаня ***-стн-, -стл-, -рдц-, -здн-*** не спрощуєме: прелестный, нещастный, честный, властный, неизвістный, подлестный, жалостный, роспустный, щастливый, щастливость, сердце, праздновати, наїздник;

— хотяй як бы ся писали у тестах назвы місяців, уніфіковано подаєме їх написаня из малой буквы: апріль, май, авґуст, ноябрь;

— присокотили сьме написаня етнонімів из великой буквы: Русины, Словаки, Англичане, Половці, Руссы, Мадяре.

Сякі суть главні правидла транслітерації языка текстів А. Кралицького.

доц. ***Валерій Падяк,***
кандідат філологічных наук

УКАЗОВАЧ ИМЕН И ПРОЗВИЩ

А

А. Ю. Г. *позирай* Гомічков Александер Ю.
Александр III, імператор 345
Александра Павловна, княжна 344, 345
Алексович Клавдія (Алексевичевна К.) 368
Алі-паша Тепеленськый (Алі-паша Янінськый, Алій) 88, 89
Альмус 142, 143, 150
Андрей II, король 268
Анонім 152, 372
Арань 318
Арістов Федор Ф. (Аристовъ Ѳ. Ѳ.) 25, 26, 34, 380
Арпад 44, 152, 258
Артим 283

Б

Бабота Л. 16
Багош Василь (Багоші Ласло) 121, 125, 137
Базилович Іоанникій (Базилович Иоанникий, Базиловичъ) 20, 21, 23, 281, 282, 294, 295, 298, 317, 363, 378
Балудянский Андрей 20, 313, 318
Балудянский Михаил 286
Бараболя Марко 36
Бах 18
Бача Юрій А. 16, 33
Бачинськый Андрей (Бачинский), єпископ 278, 279, 285, 287, 313, 317
Бела I, князь 259
Бидерман 342
Бирчак В. *позирай* Бірчак Володимир
Бізанцій Геннадій (Ґеоргій), єпископ 263, 300
Білоус Михаил (Бѣлоус) 308, 309
Бірчак Володимир (Бирчак) 26, 27, 28, 30, 32
Бованкович Яков 286, 294
Бонкало Шандор 26
Бочкай 302
Брадач Іоанн (Иоанн), єпископ 313
Бранкович Георгий, патріарх 348
Бранкович Юрий 259
Буділович Антон Семенович (Будилович) 380, 381, 382, 383
Буділович Борис А. (Будилович) 381, 382

В

В. Д. *позирай* Даль Володимир
Валлинсгаузер 371
Вальтер В. 70
Василій Великый, св. 287
Вейс Карол 230
Владімир *позирай* Фенцик Євґеній 356
Волошин Авґустин 31, 386
Воштяр Ґеоргій 234, 235
Выслободськый Юлій *псевдонім*: Зборовскій Василь 371, 389

Г

Г. І. Д. *позирай* Данилович Іван
Габсбурги, дінастія 345
Гаганец Иосиф *позирай* Ґаґанець Ёсиф, єпископ
Гайнріх Гайне 178
Галечкович Алексій 286, 294
Гануля Ёсиф 26, 29
Гарайда И. 386
Гартл Антонін 27, 29, 30
Гвєздослав Павол Орсаґ 236
Гебей В. 376
Геровскій Г. *позирай* Ґеровськый Георгій
Глад 141
Глібовицькый Іоан 368
Голенда Ёлана (Голенда Й.) 15, 16, 32, 34, 35, 36, 380
Головацькый Иван 368
Головацькый Яков (Головацкий) 3, 291, 368
Гомічков Александр Ю. (Гомичковъ Александръ, Гомичков, А. Ю. Г.) 18, 27, 272, 276, 280, 346, 362, 385
Гомічков Ніколай Ю. (Гомичковъ Николай) 24, 272, 338, 355, 359, 362, 376, 377, 383, 385
Гомоннай, род 301
Гражалковичі 233

Груз, [учитель] 223, 225
Груз Зузанна 235
Груз Маріна (Марія, Грузъ Марина) 222-236, 375
Груз Ян 224, 235
Грушкова Кржіштяна (Младова) 31
Гунядий Иван 259
Гунядий Иоанн, князь 260
Гунядій Матяш (Корвін Матяш І, Корвін Матфій) 259, 294, 297
Гушалевич Іоан 368

Ґ

Ґаґанець Ёсиф (Гаганец Іосиф, Гаганець Іосифъ), єпископ 11, 19, 287, 317, 346
Ґеровськый Георгій (Геровскій) 26, 28

Д

Даль Владимір (В. Д.) 30, 31
Данилович Иван (Іван) (Корытнянь-скій И. И., Лопухъ Максимовичъ, Dr. Lopuchius, Г. І. Д.) 308, 309, 310
Декамеліс Ёсиф (Камелис Іосиф де), єпископ 21
Демянович Іосиф 293
Дешко Андр. 297
Дешко Иоанн 314
Дідицькый Богдан (Дедицкий, Дідицький, Дідицькый, Дѣдицкий Богданъ Андрѣевичъ, Дѣдицкий, Дѣдицкій) 2, 367-372, 379, 387, 389
Діонисій 287
Добош Степан 26, 29
[Добрянська] Єлена 381
Добрянськый Адолф (Добрянский Адольф Иванович, Добрянський) 18, 28, 35, 317, 318, 342, 381, 382
Добрянськый Віктор 18
Довжа Юрій 268
Досифей, єпископ 264
Друґет Валентин, ґраф 302
Дудич Иннокентій 284
Духнович Александер (Александр Васильевич, Олександр, Духновичь Александеръ) 17, 19, 21, 22, 28, 35, 36, 266, 267, 285, 314, 317, 318, 339, 340, 345, 368, 377, 386
Душанек І. 121

Е

Елисавета, королева 259

Ё

Ёкаї Мор (Йокаї) 29, 30
Ёсиф 120, 154
Ёсиф Арімафейськый 200
Ёсиф II (Иосиф II), імператор 20, 174
Ёсиф Ціломудренный (Прекрасный) 183

Ж

Жаткович Калман Юрій 283
Желло Людовіт 235

З

Зборовскій Василій (Зборовскій), *псевдонім*, *позирай* Выслободськый Юлій
Зейкан Іоанникій, єпископ 297
Зелній Іріней 294
Златоуст Іоанн, св. 292
Злоцкий Феодосій 283
Золан 141

И

Иосиф, архикнязь 344
Иосиф II *позирай* Ёсиф II, імператор
Иосиф от Аримафея *позирай* Ёсиф Арімафейськый

І

Ієгер Карл (Ієгеръ Карлъ) 17, 19, 30, 373, 374, 376, 377
Ієленяк Максим 294
Ільченко Л. О. 10
Іоанна Неаполитанска 47
Іозуа *позирай* Навин Ієсус
Іордан 281
Іосиф от Аримафея *позирай* Ёсиф Арімафейськый
Іосифъ *позирай* Козакъ

Й

Йокаї *позирай* Ёкаї Мор

К

Кав Ґлен 17
Казимір, король 296, 297
Камелис Іосиф, де *позирай* Декамеліс Ёсиф, єпископ
Кардасевич Феофил 345

Карл III *позирай* Карл VI Ёсиф Франц
Карл VI Ёсиф Франц 120, 121
Каролій Франц, ґроф 298, 299
Катона Іштван (Katona István) 258
Кетевянъ Іоанъ 264
Кимакъ Викторъ Федоровъ 19, 377
Кинах Г. 367
Кирил, св. 339, 340, 369, 372
Кізак Михаїл 13
Клемент Александрійский 154
Ковейчак Сільвестр 294
Козакъ 262
Колесса О. 13
Коллар 222
Колонич, кардінал 297
Колумбус Крістоф 36
Константин, імператор 83
Конч Анна *позирай* Кралицька Анна
Корвін Матяш I (Матфій, Матфий) *позирай* Гунядій Матяш
Коріатович Константин 296
Коріатович Теодор (Коріатович Феодор, Кориятович Федор), князь 259, 296, 297, 302, 317
Корніташъ 263
Корытняньскій И. И. (Корытнянский) *позирай* Данилович Иван 308, 309
Коцак Антоній 294
Кошут Л. 222
Кралицька Анна (Конч Анна) 12, 13
Кралицька Зузка 13, 14
Кралицька Маня 13, 14
Кралицька Терка 13, 14
Кралицька Юля 13, 14
Кралицькі, родина 12, 13, 14
Кралицькый Антон 13, 14
Кралицькый Мефодій 12
Кралицькый Мішко 13, 14
Кралицькый Стефан 13, 14
Кралицькый Федор 11, 13, 15
Кріжова Катінка 232
Крупецкий Атанасій, єпископ 303
Крылов 309
Куклендеръ 264
Кунст, єпископ 18
Кустодиев Константин Лукич 345
Кутка Иоанн 317

Л

Лаборець (Лаборец, Лаборецъ), князь 9, 20, 27, 31, 33, 34, 36, 37, 140-152, 369, 371, 372
Ладислав, воевода 260
Лев XIII, папа 291
Лемеш Ондрей 340
Леонтович Павло 368
Ливчак Ёсиф (Ливчакъ Іосифъ) 29, 389
Лінтур Петро 33
Лопухъ Максимовичъ *позирай* Данилович Иван 308
Лучкай Михайло 162, 281, 282, 283
Людовик Великий (Людовик Великый I), король 44, 47, 296, 297

М

Магмуд-султан *позирай* Махмуд II
Максимиліан II, король 297
Манасій 264
Мария I, королева 259
Мария Феодоровна, імператриця 345
Марія Терезія (Мария Терезия, Мария-Терезия), імператриця 120, 269, 270, 312, 357
Марк, євангеліста 199, 288, 289
Маркович Иван 12
Маркош Михаил 288, 290
Мартіні Михаил 225
Масарик Т. Г. 26
Матфій I *позирай* Гунядій Матяш
Матяцков В. 27
Матяш, король 233
Махмýд II (Магмуд-султан), султан 76, 85, 89
Мейсарош 361
Мефодій, св. 339, 340, 369, 372
Мигалич 283
Микита Матфей (Михаил, Матѳей) 21, 274, 276, 279, 289, 290, 293, 294, 362, 378
Микитась Василь 16, 28, 33, 35
Микулаш Даніїл 235
Минский Ґерман 294
Митрак Александр 338, 355, 356, 359-361
Михалич Михаил 286
Младова *позирай* Грушкова Кржіштяна
Мойсей 37, 153-156, 161, 179, 368, 372, 373

Мольнар Л. 31
Мончаловськый Осип (Мончаловскій О. А.) 26, 374, 375, 388, 389
Мустянович 283
Мушинка М. 17, 35, 36

Н

Навин Ісус (Іозуа) 179
Наумович Иван 368
Невский Александр, св. 345
Негребецькый Александр 18
Негребецькый Ґеоргій 275
Недзельськый Євгеній (Недзельский Е., Недзѣльскій) 26, 28, 29, 30, 380
Новакович Діонісій (Новаковичъ), єпископ 347, 348

О

Огоновськый Емиліан 368
Озаркевич Іоан (отець) 368
Озаркевич Іоан (сын) 368
Ойтозі Естер 373
Олег Кієвский 142
Олшавский Мануил, єпископ 297, 300, 303
Ольґерд, князь 296

П

Павел (Савл), апостол 196, 283
Павліч Міхал 5, 6, 9, 14, 17, 18, 382
Павлович А. (Павлович О.) 15, 22, 27, 35, 368
Павловский 315
Пагиря В. 380
Падяк Валерій 5, 6, 9, 10, 14, 17, 18, 30, 34, 37, 310, 372, 382
Пазин Ґедеон 294
Палотай Франц 277
Панкович С., єпископ 286, 315, 317, 381
Партеній Петр (Парфений), єпископ 313
Парфеній 263
Пекар Атанасій (Пекарь) 15, 16, 17, 294, 380
Перфецькый Євгеній Ю. (Перфецкій Е. Ю.) 12
Петевфі Александр *позирай* Петефі Шандор
Петевфі Марія *позирай* Груз Марина
Петевфі Стефан *позирай* Петрович Штево
Петефі Шандор (Петевфі Александер, Петёфи, Петрович А.) 163, 222, 227, 235, 236, 318
Петраший Илія 278
Петрашович Фома 285
Петрович Александр *позирай* Петефі Шандор
Петрович Штево (Петевфі Стефан) 227-229, 231, 232, 234, 235
Петроній *позирай* Стойка Петръ
Пилат 199
Пій VII, папа 281
Повчій Алексій (Повчи), єпископ 279, 293
Подградскі, род 230
Подманіцкі, род 233
Попович Андрей В. 368
Попович Василь (Василій, Василий), єпископ 21, 279, 286, 287, 313, 315, 317, 318
Прай Дёрдь 258
Пронин В. (Василий) 294, 380
Пугачов (Пугачев, Пугачевъ, Пугачов) 29, 30, 37
Пушкін А. 29, 30, 33, 35

Р

Раєвськый Михайло Федорович (Раевский Михаил Федорович, Раєвський Михайло Федорович) 3, 315
Раковськый И. (Раковский Іоан) 338, 355-357, 386
Раковці 297, 302
Рац Димитрій 298, 299, 300
Рейпаій Альберт Ю. (Рѣпай) 374, 376
Романовы, дінастія 345
Рудловчак Олена М. 16, 33, 35, 379, 380
Русинко І. 34
Руссо 238

С

Сабов Кирил А. (Сабов Кирило, Сабовъ Кирилъ Ант.) 264, 373, 374, 376
Савл *позирай* Павел, апостол
Святополк 141
Себеріні Андрей 222, 227, 230, 235, 375
Секач Ёсиф 235

Сембратович Ёсиф 291
Сервантес Мігель, де 193
Сечени 318
Сілвай Иван (Иван Антонович, Сільвай, Сілвай Іоан, Уриил Метеор) 17, 18, 27, 35, 338, 356, 380, 381, 382
Скрипка Іоанникій 262, 377
Снігурский Іоан, єпископ 273
Соломон 266
Соммер Л. 29
Ставровський Ю. (Попрадов) 15, 27, 35
Станинець Ю. 36
Староста Никафоръ 263
Стефан, король, св. 259, 268
Стойка, єпископ 263
Стойка Василій 264
Стойка Іоаннъ 264
Стойка Петръ (Петроній) 263
Стойка Феофил 264
Стойкович Арсений, єпископ 347
Страхов Ніколай 379, 380, 382, 383
Стрипський Михайло 275
Стромецкий Боніфаций 294
Сцитовский 152

Т

Талапкович 361
Талапкович Василій 310
Тарасович Василій (Василий), єпископ 272, 313
Таркович Ґриґорій, єпископ 286, 295
Тарцал 152
Телекий 318
Терлецкий Владимир 317
Тіхі Франтішек (Тіхий) 12, 13, 16, 22, 31, 32, 380
Торонський Алексій 368

У

Уриил Метеор (Уріил Метеор, Уріилъ Метеоръ) *позирай* Сілвай Иван
Устіянович Ніколай 368

Ф

Федор Павло (Федоръ) 26
Феєрчак П. (Феерчак) 3, 16
Фейшевш Іосиф (Фейшевшъ Іосифъ, Фейшишъ) 24, 377, 378, 383, 384, 385
Фенич Володимир 6
Фенцик Євґеній (Фенцикъ Евгеній, Владімир) 3, 10, 11, 12, 23, 27, 283, 338, 356, 375, 378, 379, 384, 386
Фердинанд I, король 260, 269
Фердинанд III, король 297
Фесслер Ігнац Аврелій 233
Франц I, імператор 312

Ц

Цві Гірш Римановер 172
Цітрякова Зденка 6
Ціцерон 62
Цшокке Генріх 238, 376

Ч

Чанади Шандар 361
Чопей Антоній (Антоний) 295, 315
Чопей В. 386
Чопей Иван 340
Чургович Іоан (Іоанн) 278, 283

Ш

Шанта Юдіта 235
Шафарик 342
Шашкевич Володимир 368
Шевн Ёсиф 235
Шевніна Т. 377
Шлепецький А. 15
Шмит 315
Шмідт, єпископ 297
Штернберг Я. 30, 372
Шугайда Макарій 21, 294

Э

Эмерик 259

Ю

Юстиніан, імператор 83

Я

Яворський Юліан А. (Яворскій) 26
Яґелло, князь 297
Ядвиґа, королева 297
Якович Анна 12
Якович Михаил 11
Яновичъ П. И. 17
Яхимович Григорій 368
Яцин Веніамин 294

A
Anonimus 372
B
Bacsinszky András 279
Bidermann Herman Ignac 342
Bizantzy Georgii 263
Bonkálo Sándor 26
C
Chotek K. 12, 380
Citriaková Zdenka 400
Corvinus Matthias 259
D
Dessewffy, грофська фамілія 293
Dózsa György 268
Drugeth 301
Duchnovič Aleksandr 22
F
Fenyč Vladimír 400
Ferdinandus 260
G
Gergelyfi 300
H
Hanulya Joseph P. 26, 29
Hunyad Joannes Corvinus, de 260
Hartl A. 27, 29, 30
Hedvig 297, *позирай* Ядвига
Heine H. 178
Hodermárszky Josephus 263
Homonnay 301, 302
Hrušková Křišťana (Mladová, Kř. H.-Ml.) 31
Hrúz Marína 375
Hunyadi Mátyás 259
J
Janda Bohumil 29
Jeles Péter 287
Jókai Mór 30
K
Károly Nagy, de, *позирай* Каролій Франц 299
Katona István 258
Kojalovicz A. 297
Koncs Anna 12
Koriathovits Theodor (Koriatovich T.) 23, 295, 317
Kralicky Theod. 11
L
Laborec 31
Lajos I. (Nagy) 44
Lemes 340
Dr. Lopuchius, *позирай* Данилович Иван
Ludwik Węgierski 44
M
Majoros Mihály 287
Mikita Máté 274, 276, 279
Mladová *позирай* Hrušková Křišťana
Mondok J. 294
Munkácsi Mihály 287
N
Nehrebeczky György 274
P
Padják V. 30
Pavlovič Aleksandr 22
Petach Joann E. 31
Petöfi 222, 235
Pócsy Elek 279
Popovics Bazil 279
R
Rousseau 238
S
Smidt, єпископ 297
Szirmay 303
Sztripszky Mihály 274
T
Tichý Fr. (F. T.) 12, 13, 16, 22, 32, 380
Timkovič J. 19
Tóht Miklós, єпископ 287
V
Váradi-Stenberg J. 30
Z
Žello Ľudovít 235
Zschokke Johann Heinrich Daniel 238

Книга містит ілустрації:

1. Фотопортрет А. Кралицького из 1860-х рр. (с. 4).
2. Архівні фотоґрафії Мукачевського монастыря (Монастыря св. о. Николая на Чернечій горі близь Мукачева. Фотоґрафії из добы 30-х рр. XX ст. (с. 41, 219, 255, 304).
3. Фото руин (по Первій світовій войні) Краснобродського монастыря (Монастыря Сошествія св. Духа у Красному Броді) (с. 353).
4. Ґравюры (из другой половкы XIX столітя) Мукачевського, Маріяповчанського и Краснобродського монастырів як ілустрації до одповідных публикацій А. Кралицького в ужгородськів новинці «Листокъ» (с. 296, 299, 302).

Товмаченя латинськоязычного текста: о. Блажей Матусяк, OP.

На суперобкладинці книгы:

памятна сошка князя Лаборця
од сочасного академічного сохаря
Яна Тяпака.

Міниатура є варіантом бронзовой сохы князя Лаборця,
котра (о вышці 5,4 м на 1,7-метровім постаменті)
стоит над селом Габура и над готарём сосідного села Чертіжне,
де ся бере жерело річкы Лаборець
(*окрес Меджілабірці, Словацька република*).

Čitateľskej verejnosti sa predstavuje kniha diel o. Anatolija Kralického (1835–1894) – jedinečnej osobnosti rusínskej literatúry obdobia národného obrodenia. Baziliánsky mních sa prejavil aj ako talentovaný spisovateľ-romantik a publicista, prekladateľ a historik Rádu sv. Bazila Veľkého. Zanechal po sebe viac ako 400 diel.
Táto publikácia reprezentuje diela spisovateľa národno-vlasteneckej orientácie a uzrela svet na 185. výročie od dňa, kedy spisovateľ prišiel na tento svet.

KULT MINOR
FOND NA PODPORU KULTÚRY NÁRODNOSTNÝCH MENŠÍN

Realizované s finančnou podporou Fondu na podporu kultúry národnostných menšín.

Anatolij Kralický

Kňaz Laborec

VYBRANÉ DIELA

Zostavovatelia:

doc. **Valerij Pad'ak**, CSc.

Mgr. **Michal Pavlič**, PhD.

Predslov, prílohy, textové poznámky
a jazyková úprava (transliterácia)
doc. **Valerij Pad'ak**, CSc.

Recenzenti:

doc. PhDr. **Vladimír Fenyč**, (Užhorodská univerzita)

Mgr. **Zdenka Citriaková**, PhD. (Prešovská univerzita v Prešove)

Menný register:

Mgr. **Larysa Paďak**

Sadzba:

Vydavateľstvo Paďak s.r.o.

Dizajn a obálka:

Milan Pad'ak

Mgr. **Larysa Paďak**

Jazyková úprava

doc. **Valerij Pad'ak**, CSc.

Vydanie: 1.
Počet strán: 400
Autorské hárky: 21,33
Náklad: 300

Vydal:

Vydavateľstvo Prešovskej univerzity

ISBN 978-80-555-2657-7

ISBN 978-80-555-2657-7

«В продолжение царствования в Угрии арпадскаго дома, родоначальник котораго Арпад женился на русской княжне, русины особенно были отличаемы мадьярами. Они (русины) были избираемы в телохранители угорских царей, им были вверяемы пограничныя крепости для защиты угорской земли от нападения немцев, князья – сыны угорских царей – носили титул «воевода русинов» (dux ruthenorum), важнейшия государственныя дела были решаемы в совещаниях при участии в них мадьяров, кунов и русинов. Словом, угорские русины в первых веках новоустроеннаго царства пользовались большим почтением и уважением мадьяров».

(«Исторические отрывки, касающиеся Угорской Руси»)

Увазі читаючой публікы ся вручає книга творів о. Анатолія Кралицького (1835–1894) – унікатной особности русинськой літературы добы будительства. Василіанськый монах, овін провказав себе тыж як талантованый писатель-романтик и публіціста, товмач и історик Чина св. Василія Великого. Лишив по собі поверьх 400 творів.
Выданя репрезентує творы писателя національно-патріотичного прямованя.

VYDAVATEĽSTVO PREŠOVSKEJ UNIVERZITY

ISBN 978-80-555-2657-7